

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

2021

2

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

Выходил под названиями: “СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ” (1955–1958),

“ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ” (1959–1961),

“НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ” (1961–1990)

Журнал издается под руководством

Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор

академик РАН В.В. НАУМКИН

Редколлегия

И.О. АБРАМОВА, член-корр. РАН
Л.Б. АЛАЕВ, д.и.н., проф.
Ю.Г. АЛЕКСАНДРОВ, д.э.н.
А.К. АЛИКБЕРОВ, д.и.н.
В.М. АЛПАТОВ, академик РАН
Х.А. АМИРХАНОВ, академик РАН
Турадж АТАБАКИ, проф., доктор
(Нидерланды)
Б.В. БАЗАРОВ, академик РАН
А.С. БАЛАХВАНЦЕВ, д.и.н.
Байрам БАЛДЖИ, доктор (Франция)
А.Б. ДАВИДСОН, академик РАН
Г.М. ЕМЕЛЬЯНОВА, доктор
(Великобритания)
А.О. ЗАХАРОВ, д.и.н.
И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ, д.и.н., проф.
Пьерфранческо КАЛЬЕРИ, проф.
(Италия)
Михаэль КЕМПЕР, доктор
(Нидерланды)
Н.Н. КРАДИН, член-корр. РАН

А.Б. КУДЕЛИН, академик РАН
ЛИ ЮНЦЮАНЬ, проф. (Китай)
Н.А. МАККАВЕЕВ, к.и.н.
Пьетро МАСИНА, проф. (Италия)
Ильбер ОРТАЙЛЫ, почетный проф.
(Турция)
Мадхаван ПАЛАТ, проф. (Индия)
Юрий ПИНЕС, проф. (Израиль)
М.Б. ПИОТРОВСКИЙ,
академик РАН
И.Ф. ПОПОВА, чл.-корр. РАН
В.Я. ПОРХОМОВСКИЙ,
д.филол.н., проф.
Энтони РЕЙД, проф. (Австралия)
Н.А. СИМОНИЯ, академик РАН
И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ, д.и.н., проф.
А.В. СМИРНОВ, академик РАН
Билл СТРАЙФЕР, доктор (США)
Р.Р. ХАЙРУТДИНОВ, проф.
Янис ЭШОТС, доктор
(Великобритания)

Редакция

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ,
зам. главного редактора
Н.А. МАККАВЕЕВ,
ответственный секретарь,
Т.А. АНИКЕЕВА,
отдел культурологии
Н.Р. КРАЮШКИН
отдел истории
Н.Н. ЦВЕТКОВА,
отдел экономики
и политологии
Н.В. БУСЫГИН
редактор

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ**Древний Восток**

- В.Ю. ШЕЛЕСТИН,
А.А. НЕМИРОВСКИЙ,
А.А. ЯСЕНОВСКАЯ 6 Змей из Малатьи в свете новоопубликованного изображения на оттиске печати из ГМИИ
- А.О. ЗАХАРОВ 18 Сперма в «Законах Ману»: сексуальность и религия в Древней Индии

Классический Восток

- С.Б. БОЛЕЛОВ,
М.М. КОВРИЖКИНА,
М.Г. НИКИФОРОВ 32 Фортификация раннесредневековых сооружений беркут-калинского оазиса как индикатор социально-экономических процессов в раннесредневековом Хорезме
- Д.М. ТИМОХИН 45 Обзор арабо-персидских источников XII в. по истории Хорезма: особенности структуры и содержания
- Ф.М. АСАДОВ 57 Государство и рынок в производстве Таки ад-Дина ал-Макризи «Китаб игасат ал-умма би-кашф ал-гумма» («Книга в помощь верующим разъяснением [причин] бедствия»)

Культура и социум

- И.А. ЦАРЕГОРОДЦЕВА,
И.А. ГУКЕЖЕВ,
Д.И. ЧЕПАЙКИНА 69 Фетвы эпохи коронавируса: реакция исламских правовых институтов на новые реалии
- Л.А. АНДРЕЕВА 83 Иудаизм в Тропической Африке: феномен народа игбо (Нигерия)
- В.В. ГРИБАНОВА,
Н.В. ГРИШИНА 93 Специфика гендерных ролей в среде городского чернокожего населения ЮАР. История и современность
- М.М. РЕПЕНКОВА 104 Художественные особенности турецкой городской фэнтези
- Ю.А. ЗОТОВА 113 Сорок лет политической истории Ирана в картах

Международные отношения

- В.И. ВОЛОЩАК 123 Военная политика Республики Корея в период правления Пак Чонхи (1961–1979): от войны во Вьетнаме к «самостоятельной обороне»
- А.В. САРАБЬЕВ 134 Сирийский контингент в Ливане: к документальной интерпретации начала
- С.Г. МЕЛКОНЯН 148 Переговорный процесс между Израилем и Сирией в период администрации И. Рабина

Восток – Запад

- Д.В. ОВСЯННИКОВ,
Б.А. АЛИМДЖАНОВ,
Т.М. КАРМОВ 158 Сельская община в проектах колониального управления в России, Великобритании и Франции

Россия и Восток

- Т.Ю. ФЕКЛОВА 170 Не тщетная предосторожность: Российская духовная миссия и вопрос об имуществе португальской миссии в Пекине в XIX в.

- В.В. НАУМКИН 180 Кризис османского правления в Йемене в начале XX века (по данным российской военной разведки и дипломатии)
- Из истории науки**
- А.А. ХИСАМУТДИНОВ 197 Востоковеды из Общества изучения Маньчжурского края (первая половина XX в.).
- Публикации**
- И.А. ЛАДЫНИН 206 Голова статуи Птолемея V из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина и проблема «египтизации» царской власти Птолемеев в конце III – начале II вв. до н.э.
- А.С. БАЛАХВАНЦЕВ,
А.В. ДЕДЮЛЬКИН 221 Новый шлем типа Монтефортино с монограммой царя Дейотара
- П.А. АВАКОВ 229 Османский Азов 1475–1696 гг.: топонимия, планировка и фортификационные сооружения
- А.М. КУЛИКОВ 244 Проект инструкции для руководства XIII Российской духовной миссии в Пекине
- РЕЦЕНЗИИ**
- Н.Н. СЕРЕГИН 259 [Рец. на:] *Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики*. Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука – Вост. лит., 2019, 503 с. ISBN 978-5-02-039849-8
- Л.М. САДОВСКАЯ,
Н.З. ФАХРУТДИНОВА 263 [Рец. на:] Рыбалкина И.Г. *Семейно-брачные отношения в странах Северной Африки*. Москва: ИАФр РАН, 2019, 190 с. ISBN 978-5-91298-242-2

На обложке: Каир. Мечеть Кани-бея (фото А.С. Балахванцева).

Публикуемые материалы не обязательно отражают точки зрения Института востоковедения и Института Африки РАН, а также редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами. К публикации принимаются только статьи, прошедшие двойное экспертное рецензирование.

Адрес редакции:
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
E-mail: vostokaukt@gmail.com; www.vostokoriens.ru
facebook.com/VostokOriens

C O N T E N T S

ARTICLES

- Vladimir Yu. SHELESTIN,
Alexandre A. NEMIROVSKY,
Anastasia A. IASENOVSKAIA 6 The Malatya Serpent in the Light of newly Published Sealing
from the Pushkin State Museum of Fine Arts
- Anton O. ZAKHAROV 18 Sperm in the “Laws of Manu”: Sexuality and Religion
in Ancient India
- Sergey B. BOLELOV,
Maria M. KOVRIZHKINA,
Mikhail G. NICKIFOROV 32 Fortification of Early Medieval Structures
of the Berkut-kalinsky Oasis as Indicator of Socio-Economic
Processes in Early Medieval Khorezm
- Dmitriy M. TIMOKHIN 45 Review of the Arabo-Persian Sources the 12th Century on
the History of Khorezm: Structure and Content Features
- Farda M. ASADOV 57 The State and the Market in the Work of Taqi al-Din
al-Makrizi “Kitab Ighathat al-Umma bi-Kashf al-Ghumma”
 (“A Book to Help Believers in Examining the Causes
of the Distress”)
- Irina A. TSAREGORODTSEVA,
Inal A. GUKEZHEV,
Darya I. CHEPAYKINA 69 The Fatwas of Coronavirus Era: the Reaction of Islamic
Legal Institutions on Changing Realities
- Larisa A. ANDREEVA 83 Judaism in Tropical Africa:
the phenomenon of the Igbo people (Nigeria)
- Nina V. GRISHINA,
Valentina V. GRIBANOVA 93 Specificity of Gender Roles in the Urban Black
South Africans. History and Modernity
- Maria M. REPENKOVA 104 Literary Nuances of Turkish Urban Fantasy
- Julia A. ZOTOVA 113 Forty Years of Political History
of Post-Revolutionary Iran in Maps
- Valentin I. VOLOSHCHAK 123 Republic of Korea's Defense Policy
under Park Chung-hee (1961–1979): From the Vietnam War
to “Self-Reliant Defense”
- Aleksei V. SARABIEV 134 Syrian Military Contingent in Lebanon:
to the Documentary Interpretation of the Beginning
- Sergei G. MELKONIAN 148 Negotiation process between Israel and Syria
during the Administration of Yitzhak Rabin
- Dmitry V. OVJANNIKOV,
Bakhtiyor A. ALIMDJANOV,
Timur M. KARMOV 158 Rural Community in Colonial Governance Projects
in Russia, Great Britain and France
- Tatiana Yu. FEKLOVA 170 Not a Vain Precaution: the Russian Orthodox Mission
and the Question of the Property of the Portuguese Mission
in Beijing in the 19th Century
- Vitaly V. NAUMKIN 180 Crisis of the Ottoman Rule in Yemen in Early 20th Century
(according to Russian Military Intelligence and Diplomatic
Sources)
- Amir A. KHISAMUTDINOV 197 Orientalists from the Society for Studies of the Manchurian
Region (the 1st Half of the 20th Century)

Ivan A. LADYNIN	206	A Sculpture Head of Ptolemy V from the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts and the Problem of “Egyptianization” of the Ptolemaic Kingship in the Late 3rd and the Early 2nd Centuries B.C.
Archil S. BALAKHVANTSEV,
Anton V. DEDYULKIN	221	New Helmet Montefortino Type with the Monogram of King Deiotarus
Pyotr A. AVAKOV	229	Ottoman Azov 1475–1696: Toponymy, Planning and Fortifications
Andrey M. KULIKOV	244	Draft Instructions for the Head of the 13th Russian Ecclesiastical Mission in Beijing
BOOK REVIEWS		
Nikolai N. SEREGIN	259	[Review of:] <i>Nomadic Empires of Eurasia: Features of Historical Dynamics</i> . Eds.: B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Moscow: Nauka – Vostochnaia Literatura, 2019, 503 p. ISBN 978-5-02-039849-8
Liubov M. SADOVSKAYA,
Naila Z. FAKHRUTDINOVA	263	[Review of:] Rybalkina I.G. <i>Family and Marriage Relations in North African Countries</i> . Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019, 190 p. ISBN 978-5-91298-242-2

On the cover: Cairo. The Mosque of Qani-Bay (photo by Archil S. Balakhvantsev).

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies or the Institute of African Studies, as well as of the editorial board and editorial staff. Only the authors are responsible for the information they report in their articles or reviews. All the manuscripts are submitted to double anonymous peer-reviewing.

Postal Address:
12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russian Federation
E-mail: vostokaut@gmail.com
www.vostokoriens.ru
facebook.com/VostokOriens

СТАТЬИ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080014401-8

ЗМЕЙ ИЗ МАЛАТЬИ В СВЕТЕ НОВООПУБЛИКОВАННОГО
ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ОТТИСКЕ ПЕЧАТИ ИЗ ГМИИ¹© 2021 В.Ю. ШЕЛЕСТИН^a, А.А. НЕМИРОВСКИЙ^b, А.А. ЯСЕНОВСКАЯ^c^{a, b, c} – МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^a – ORCID: 0000-0002-9168-4000, vshelestin@ivran.ru^b – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия^b – Высшая школа экономики, Москва, Россия^b – ORCID: 0000-0001-8023-8817, anemirovskiy@hse.ru^c – ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва, Россия^c – ORCID: 0000-0002-0274-6098, anastasia.iasenovskaia@arts-museum.ru

Резюме: В статье проводится анализ основных элементов змеборческих сюжетов Малой Азии 2-го тыс. до н.э. на материале рельефа Н из Малатии (ортостата АММ 12250), оттиска печати ГМИИ I 2 б 1591, хеттских текстов мифа об Иллуянке и песни о Хедамму. На протяжении длительного времени рельеф Н из Малатии считался изображающим сюжет мифа об Иллуянке, ввиду немногочисленности дошедших до нас памятников со змеборческими сюжетами, однако выявление в ГМИИ оттиска печати с подобным сюжетом существенно расширило круг этих памятников. В ходе исследования проведен анализ изображения героя-змеборца, змея и хода битвы между ними по каждому из четырех памятников. Установлено, что иконографические памятники, в отличие от письменных фиксаций мифа, изображают героя поражающим змея в одиночку и что в большинстве случаев змей имеет лапы, которыми он не слишком успешно пользуется в поединке. Также прослежена параллель между иконографическими памятниками в части изображения решающей схватки змеборца с чудовищем в ближнем бою, хотя в письменных памятниках подобная тактика приводит к поражению героя. Выявлено сходство как общего плана композиции, так и деталей иконографических памятников, позволяющих, с одной стороны, проследить преемственность сюжета, а с другой – уточнить ряд ранее до конца не решенных проблем интерпретации рельефа Н (количество змеборцев, функции отдельных предметов вооружения). Несмотря на выявленные различия в иконографии героев, во многом обусловленные изменениями в пантеоне народов Малой Азии в связи с созданием, развитием и гибелью Хеттского царства, остается в силе вывод, что змеборческий сюжет на ортостате АММ 12250 уходит корнями как минимум в начало XVIII в. до н.э., когда он был впервые зафиксирован на оттиске печати староассирийского времени ГМИИ I 2 б 1591.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)».

Ключевые слова: позднехеттские рельефы, Арслантепе-Малатья, староассирийские печати, змеборец, хеттская мифология.

Для цитирования: Шелестин В.Ю., Немировский А.А., Ясеновская А.А. Змей из Малатyi в свете новоопубликованного изображения на оттиске печати из ГМИИ. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 6–17. DOI: 10.31857/S086919080014401-8

THE MALATYA SERPENT IN THE LIGHT OF NEWLY PUBLISHED SEALING FROM THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS²

© 2021

Vladimir Yu. SHELESTIN^a, Alexandre A. NEMIROVSKY^b,
Anastasia A. IASENOVSKAIA^c

^{a, b, c} – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^a – ORCID: 0000-0002-9168-4000, vshelustin@ivran.ru

^b – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

^b – ORCID: 0000-0001-8023-8817, anemirovskiy@hse.ru

^c – The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia

^c – ORCID: 0000-0002-0274-6098, anastasia.iasenovskaia@arts-museum.ru

Abstract. *The paper provides analysis of dragon-slaying motifs from Anatolia in the 2nd millennium BC represented at the Malatya Relief H (the orthostat AMM 12250), sealing from the Pushkin Museum I 2 б 1591 and in Hittite myths of Illuyanka and Hedammu. The scholars often regarded Malatya Relief H as depicting the plot of Illuyanka myth, but the discovery of dragon-slaying scene on the sealing from the Pushkin Museum gives grounds for re-analyzing them, including the depictions of heroes, of the serpents and of the battle in each of these four monuments. The iconographical monuments in contrast to the literary ones depict the hero acting alone; most of Anatolian dragons have front paws. The iconography depicts the decisive fight as the close combat while in the narratives the close combat gives more advantages to the serpent. We have shown the similarity of composition in general as well as the concrete details of the artifacts that allow to trace the development of the dragon-slaying myth and to solve some problems of interpretation for the Malatya Relief H (the number of dragon-slaying heroes, the functions of weapons). Despite all distinctions between the images of heroes that we could explain by the changes in the Anatolian pantheon through the emergency, development and collapse of the Hittite kingdom, we can state that the dragon-slaying motif as depicted at the orthostat AMM 12250 roots back at least to the 18th century BC when it was first reflected at the Old Assyrian sealing from the Pushkin Museum I 2 б 1591.*

Keywords: Late Hittite reliefs, Arslantepe-Malatya, Old Assyrian seals, dragon-slaying hero, Hittite mythology.

For citation: Shelestin V. Yu., Nemirovsky A.A., Iasenovskaia A.A. The Malatya Serpent in the Light of newly Published Sealing from the Pushkin State Museum of Fine Arts. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 6–17. DOI: 10.31857/S086919080014401-8

² The research presented in the article is sponsored by the Russian Science Foundation, project no 19-18-00369 “The Classical Orient: culture, world-view, tradition of research in Russia (based on the monuments in the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and archive sources)”.

ВВЕДЕНИЕ

Позднететтские рельефы, украшавшие ортостаты Львиных ворот на городище Арслантепе-Малатья – один из шедевров искусства Малой Азии, интерес исследователей к которым не утихает со времени их обнаружения в 1894 г. крестьянином, начавшим раскопки холма в поисках строительного камня. Наиболее масштабное исследование ортостатов *in situ* проводилось в 1907 г., когда экспедицией Корнеллского университета была впервые обнаружена змеборческая сцена на рельефе Н³ (и первооткрыватели, проведя параллели с несколькими известными тогда змеборческими мифами древности, отказались ассоциировать данную сцену с каким-либо из них) [Olmsted et al., 1911, p. 43]. В 1914 г. ортостат с рельефом Н был перевезен в стамбульский Археологический музей, откуда после 1940 г. вместе с другими ортостатами Львиных ворот был передан в Музей анатолийских цивилизаций в Анкаре [Hawkins, 2000, p. 306], где и сейчас хранится под номером АММ 12250 [Orthmann, 1971, p. 520]. Современные исследователи датируют данный рельеф второй половиной XII в. до н.э., относя его создание к правлению мелидского царя Аллуммалли I [Gilibert, 2015, p. 143–144].

После публикации первого перевода мифа об Иллуанке [Sayce, 1922] стал известен сюжет хеттского змеборческого мифа, который вскоре был сопоставлен со сценой на рельефе Н из Малатья [Garstang, 1929, p. 207; Benveniste, Renou, 1934, p. 185–186; Dossin, 1934, p. 43, n. 4; Delaporte, 1940, p. 35]. Сопоставление или отождествление двух сцен борьбы Бога Грозы со змеем в хеттских искусстве и литературе укоренилось в позднейших работах об Иллуанке и рельефах из Малатья и закрепилось в справочных изданиях [Otten, 1976, p. 61; Вгусе, 2009, p. 504]. Вместе с тем, хотя наиболее подробное исследование А. Озьяр мифологической сцены, изображенной на рельефе Н, и обнаруживает ряд параллелей между рельефом и текстом мифа, исследовательница предпочитает говорить о подобии сюжетов, нежели их идентичности [Özyar, 1991, p. 156]. До сих пор этими двумя памятниками, а также песнью о Хедамму исчерпывался доступный материал для обсуждения змеборческих сюжетов в мифологии народов Анатолии 2-го тыс. до н.э. Это положение изменилось после обнаружения в коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина оттиска староассирийской печати I 2 б 1591 со сходным сюжетом [Немировский и др., 2019; Ясеновская и др., 2019], что позволяет заново взглянуть на характер змеборческого сюжета из Малатья и определить его место в мифологии народов Малой Азии. Рассмотрим основные компоненты змеборческой сцены в каждом из четырех сюжетов.

ОБЛИК ЗМЕЕБОРЦА

На рельефе из Малатья змеборец изображен слева в виде двух смотрящих в сторону чудовища антропоморфных фигур в профиль. Одежда обеих фигур идентична, состоит из конической шапки, узор которой напоминает идеограмму DEUS, короткой подпоясанной туники и башмаков с загнутыми вверх носками. У обоих силуэтов за пояс заткнут кинжал. Левая, дальняя от змея фигура, держит в левой руке копьё, а в правой – булаву, тогда как вторая фигура обеими руками держит копьё, поражающее змея в диагональном направлении. Еще до осознания змеборческого характера сцены одежда фигур была опознана как характерная для хеттского Бога Грозы на памятниках Нового царства [Garstang, 1908,

³ Рельеф Н исследовался до экспедиции Корнеллского университета в том же 1907 г. С. Ронзеваллем по фотографии [Ronzevalle, 1909, p. 799–800] и Дж. Гарстангом *de visu* [Garstang, 1908, p. 4], но, поскольку две части этой сцены были обнаружены на разных блоках, расположенных не в изначальном порядке, эти исследователи не смогли тогда установить ее характер.

р. 4], однако среди исследователей нет единства относительно того, следует ли видеть на рельефе двух персонажей [Özyar, 1991, p. 154; van Loon, 1997, p. 589; Bellucci, 2008, p. 148] или одного, но изображенного в разные последовательные моменты борьбы в виде двух фигур [так называемая динамическая композиция, Güterbock, 1957, p. 64; Orthmann, 1971, p. 437, n. 5; Brown, 2008, p. 148]. Исследователи, идентифицирующие здесь двух разных персонажей, подчеркивают такие различия между фигурами, как наличие булавы у левой фигуры и ленты на руке у правой. На наш взгляд, эти различия недостаточны для отказа от того, чтобы видеть одного и того же персонажа (изображенного на разных этапах действия) в этих фигурах, одежда которых совпадает во всех деталях, вплоть до отделки запястья и края платья и узоров на головном уборе. Напротив, различия в характере и расположении вооружения подчеркивают вероятность усматривать тут динамическую композицию: левая фигура вооружена не только копьем, но и булавой как хорошо узнаваемым символом Бога Грозы, известным по пантеону Язылькая, где только этот бог имеет шапку с узором как в Малате [ср. Bittel, 1934, fig. 42]. Тем временем правая фигура не держит бесполезную в данной битве булаву, но может сохранять ее с помощью привязанной к поднятой руке ленты (независимо от связи с булавой эта лента может быть использована для связывания змея [Özyar, 1991, p. 155]). Несходство же в длине косички у левой и правой фигур может быть объяснимо различиями в положении частично закрывающего ее плеча – в покое и в момент замаха. Таким образом, змеборец, на наш взгляд, в этой сцене один и имеет большую часть признаков Бога Грозы.

На оттиске печати из ГМИИ змеборец изображен слева схематично в виде трех антропоморфных фигур, смотрящих в сторону змея. Схематичность силуэтов не позволяет обсуждать детали их одеяния, однако оно имеет цельный вид наподобие платья или плаща, доходящего до лодыжек. Левая и правая фигуры держат одинаковые по виду кинжалы в одной руке (у центральной фигуры часть с возможным изображением кинжала сохранилась плохо): у левой фигуры рука вытянута вперед, и кинжал направлен на землю, а у правой – рука поднята, и кинжал направлен на змея горизонтально. Сходство кинжала в руках фигур и тут позволяет допустить возможность их отождествления, исходя из динамического характера композиции. С одной стороны, на печатях староассирийского периода Бог Грозы имеет характерную шапку роговидной формы, однако о наличии или отсутствии подобного головного убора у данного змеборца не позволяет говорить плохая сохранность печати. С другой стороны, кинжал в староассирийской глиптике был характерным атрибутом Ашшура, который иногда изображался в образе Бога Грозы [White, 1993, p. 347], хотя время от времени кинжал также обнаруживается в руках Бога Войны или двуликого бога Усму [Özgüç, 1965, p. 53]. Поэтому мы не можем сказать, был ли змеборец в этой сцене Богом Грозы, но, скорее всего, он был Ашшуром.

В мифе об Иллуянке (СТН 321) [Rieken et al., 2010] основным антагонистом змея-Иллуянки является Бог Грозы. В первой битве змей одолевает Бога Грозы (КВо 3.7 I 9–11), затем смертный Хупасия связывает змея, а Бог Грозы его добивает (КUB 17.5 I 14–18). В другой версии мифа змей, победив Бога Грозы, отбирает у него сердце и глаза (КВо 3.7 III 1–2), после чего Бог Грозы возвращает себе эти органы с помощью своего сына – зятя змея, а затем в новой битве побеждает змея, попутно убив сына (КВо 3.7 III 18–32).

В песне о Хедамму (СТН 348) [Rieken et al., 2009] змей-Хедамму порожден Кумарби для борьбы с Богом Грозы. К сожалению, фрагментарность сохранившейся части песни не позволяет сказать, была ли в ней вообще описана битва, в которой Бог Грозы побеждает Хедамму (что предполагается всеми исследователями, см. [Naas, 2006, p. 155; Bachvarova, 2017, p. 158]). Из моментов противоборства сохранилась лишь сцена очарования Хедамму сестрой Бога Грозы Анцили с помощью любовных зелий (КUB 33.84+).

Таким образом, Бог Грозы единолично⁴ вступает в успешную битву со змеем только на рельефе из Малатьи. В мифе об Иллуянке единственная его битва со змеем один на один окончилась неудачно. На печати из ГМИИ змееборец, по-видимому, также выступает против змея единолично, но нет уверенности в том, что это Бог Грозы. Наконец, в песне о Хедамму такая битва вообще не описана и, возможно, Бог Грозы здесь лишь добывает змея, как в мифе об Иллуянке. Хотя при статической интерпретации иконографических сцен можно было бы предполагать наличие у Бога Грозы подобных ему помощников (и для сцены из Малатьи некоторые исследователи видят во второй фигуре сына или брата Бога Грозы), ни одна из письменных фиксации змееборческих мифов не описывает помощников Бога Грозы в битве как сколько-нибудь подобных ему. В частности, сын Бога Грозы находится в битве не на стороне отца, а на стороне змея, что и вызывает его гибель.

ОБЛИК ЗМЕЯ

Изображенный в правой части рельефа из Малатьи змей имеет длинное, завивающееся кольцами туловище. По всей его длине с неба в сторону змея спускаются волнистые линии, завершающиеся шариками, по-видимому, изображающими дождь и град [Garstang, 1929, p. 207; Özyar, 1991, p. 154–155]. Ранние исследователи понимали эти линии и шарики как брызги пламени, извергаемого огнедышащим змеем [Garstang, 1908, p. 4; Herzfeld, 1930, p. 180], или как воду (по другой версии, траву), в которой спрятался змей [Olmsted et al., 1911, p. 43], или как землю, под которой находится его нора [Garstang, 1929, p. 207]. Отсутствие иных подобных изображений в позднихеттском искусстве не позволяет аргументировать интерпретацию линий и шариков методами анализа иконографии, но отсутствие какого-либо специального изображения воды на рельефе с кораблем из Каратепе [Çambel, 1948, p. 155–156; Matthiae, 1963, p. 126] позволяет исключить водную интерпретацию этих элементов. Огненную интерпретацию можно отбросить на том основании, что ни бесстрашие приблизившегося к змею вплотную противника, ни описания змеев в сопоставляемых ниже сюжетах не предполагают его огнедышащим. Предметом дискуссии является количество голов у змея. Если первоначально все видимое левое окончание туловища могли считать широко открытой пастью единственной головы [Garstang, 1929, p. 207], то позднейшие исследователи стали склоняться к мысли о двух- или многоголовости этого чудовища [Dhorme, Dussaud, 1945, p. 345; Özyar, 1991, p. 154; van Loon, 1997, p. 589]. На основании изучения данного рельефа в Музее анатолийских цивилизаций в ноябре 2019 г. В.Ю. Шелестиным было подтверждено визуальной проверкой то, что и по лучшим фотографиям обстоятельство, что упирающийся в змееборца двойной отросток (слева от трещины на рельефе) с раздваивающимися окончаниями скорее нужно считать лапами, чем головой змея (что подтверждается также аналогичными лапами змееподобного чудовища на анатолийской печати из ГМИИ, см. ниже). Однако при этом элементы, видимые на рельефе из Малатьи справа от трещины (см. рис. 1) (протяженный участок шеи, примыкающий к туловищу под острым углом; видимое достаточно ясно перед трещиной разветвление туловища, сильно отклоняющееся вверх; и другой отросток, идущий ниже и более прямо к трещине) не позволяют считать вышеуказанный участок единственной шеей змея и говорят в пользу многоглавости последнего (отмеченное разветвление при этом и окажется разделением на две шеи). Правда, если считать, что змей здесь тоже изображается по принципу динамической композиции, то указанная видимая многоглавость (двуглавость) изображенного чудовища могла бы быть понята как передача образа одноглавого змея, лишь представленного в последовательных по сюжету позах (т.е. с изображением одной

⁴ Если не считать три фигуры, которые направляют с неба дождь и град прямо на змея.

и той же шеи и головы в двух разных положениях, последовательных по замыслу автора композиции и лишь совмещенных на рельефе при одном и том же неизменном положении тела и выдвинутых вперед лап). Тогда подразумевалось бы, что на одном этапе изображаемого действия шея змея была вытянута почти прямо вверх, а на другом этапе ее видимый на неповрежденной части рельефа сегмент был протянут вверх и несколько вперед, в то время как положение тела и лап змея на этих этапах оставалось неизменным. Но в этом случае ожидалось бы более естественное соединение шеи с туловищем под тупым углом, и, кроме того, было бы не очень ясно, чем вообще так отличаются друг от друга получающиеся при обсуждаемой интерпретации положения шеи змея (в обоих случаях направление ее/их – вперед и вверх, разница лишь в том, что направлены они под несколько разными углами), чтобы понадобилось выделять и специально изображать эти положения как отражающие две различные последовательные фазы развития всего действия.

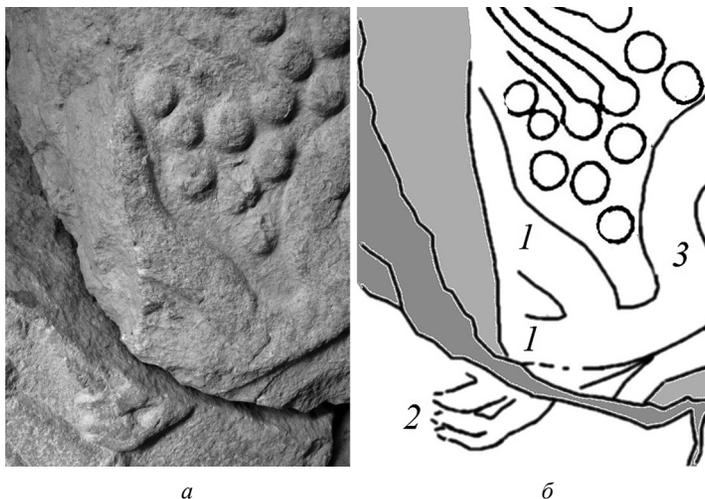

Рис. 1. Рельеф АММ 12250:

а – Шеи (1), лапы (2) и начало туловища (3) змея на рельефе;

б – Прорись той же части рельефа, серым цветом выделены трещина и основные сколы.

Фото В.Ю. Шелестина. Прорисовка А.А. Немировского.

В правой части оттиска анатолийской печати из Кюль-тепе ГМИИ I 2 в 1591 (см. прорись на рис. 2) изображено несколько (видимо, два) туловища змея, не соединенных между собой в пределах сохранившейся части оттиска; каждое из них имеет одну шею и одну голову с выступом (гребнем? рогами? ушами?). Туловище, несущее непосредственно поражаемую змеборцем голову, имеет выступающий отросток, заканчивающийся массивным элементом, по-видимому, не являющимся другой головой (и не ясно, являющимся ли вообще частью змеиного тела). Из второго туловища, голова которого находится на уровне живота змеборца, вперед выступают лапы с клешнями, по форме и положению весьма напоминающие элементы, выставляемые вперед, налево от трещины, у чудовища на рельефе из Малатьи (повторим, само это сходство подкрепляет интерпретацию этих элементов змея из Малатьи как подобных лап). При оценке того, изображен ли на печати бинарный (двухтельный, двухголовый) змей, или два сходных одноглавых змея (или даже один одноглавый змей в двух различных фазах действия, как можно было бы допустить, считая, что изображение змея выполнено здесь по принципам динамической композиции), категорические выводы

делать трудно, но разница между двумя туловищами (так, при одном есть лапы, зато при другом есть большой наспинный элемент, которого нет при первом) побуждает склоняться к тому, что здесь изображен один двухголовый змей с двумя выставленными вперед лапами. Это подкрепляет интерпретацию змея из Малатьи (имеющего аналогичные этим лапам элементы, и детали, могущие с немалой вероятностью быть понятыми как две шеи) как двухголового и во многом подобного змею на обсуждаемой печати (отметим, кстати, что Кюль-тепе регионально достаточно близко к Малатье внутри анатолийского пространства).

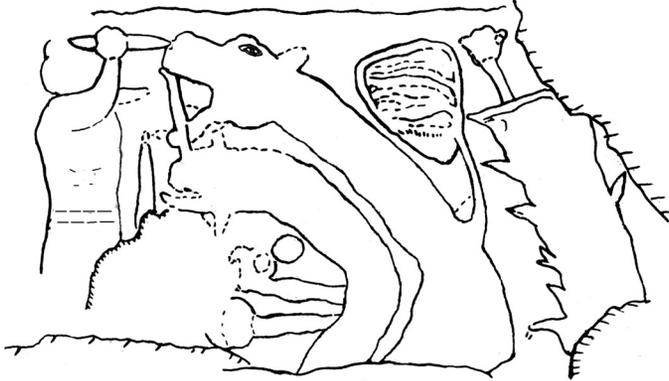

Рис. 2. Основная часть изображения на оттиске печати ГМИИ I 2 б 1591 [Немировский и др., 2019].

В мифе об Иллуянке изображение змея фактически отсутствует. Известно, что он вместе со своими детьми живет в норе, в которую не хочет возвращаться после пира у Инары (KUB 17.5 I 5–6, 13–14). В другой версии мифа последняя битва происходит у моря, что может указывать на морское происхождение змея (КВо 3.7 III 22). Совсем ничего не известно о количестве голов у данного змея, но наличие у него лап может быть подтверждено тем обстоятельством, что Хупасия связал его веревкой (KUB 17.5 I 15) – такой способ отлова практикуется для таких рептилий как ящерицы. Лапы упоминаются и в других хеттских текстах для существ, обозначаемых с помощью шумерограммы MUŠ «змея», например, MUŠ[-aš] GİR.MEŠ «лапы змея» в ритуале Питтеи (CTH 767: KUB 44.4+КВо 13.241 OC 33), поскольку данная шумерограмма могла охватывать весь спектр рептилий [Collins, 1989, p. 208].

В песне о Хедамму облику змея уделяется больше внимания, хотя, по-видимому, значительная часть описания его внешности утрачена. Это теплолюбивое морское чудовище (KUB 8.67 9–11), яйцекладущее (КВо 19.109+ IV 17) и обладающее неумным аппетитом (KUB 8.67 12–22). Оно «собирает кучу голов» (КВо 19.109+ IV 19: *ḫar-pu-uš SAG.DU-aš [ḫ]ar-pi-ia-a[ḫ]*), что может служить указанием на многоглавость, хотя в другой редакции песни змей высовывает из волн лишь одну голову, чтобы поглядеть на прелести Анцили (KUB 33.86 II 8). О наличии лап у этого змея ничего не известно.

Таким образом, змей почти всегда изображается в виде рептилии с лапами, кроме, возможно, песни о Хедамму (где нет и однозначных указаний против наличия лап у чудовища). Однозначно многоголовым является только змей из Малатьи, тогда как змей на печати из ГМИИ может быть многоглавым при статической интерпретации сцены (и, поскольку туловища змей не соединяются, возможно, она изображает и в этом случае не единое существо, а несколько змееподобных чудовищ, выступающих совместно), а текстовые описания мифологических чудовищ не позволяют однозначно пересчитать число их голов.

СПОСОБ БОРЬБЫ

На рельефе из Малатьи основной удар по змею змееборец наносит копьём, направленным в сторону головы. Поскольку мы считаем данного змея многоглавым, можно уточнить, что удар нанесен по нижней, ближней к змееборцу голове, тогда как дальняя, по-видимому, поднята вверх для броска на змееборца, занятого другой головой, и чудовище еще не повержено. Змей также направляет в сторону змееборца лапы, которые, практически касаясь одежды змееборца, однако, выглядят вяло и оказываются неспособны нанести ему существенный ущерб. Дополнительным поражающим змея фактором может быть вызванный Богом Грозы дождь с градом, который его помощники направляют с небес непосредственно на змея. Поскольку заткнутый за пояс кинжал является не столь важным для идентификации змееборца символом как булава, возможно, он будет задействован на последнем этапе схватки.

На оттиске печати из ГМИИ основной удар по змею герой наносит кинжалом, колющим чудовище в нос. В открытой пасти пораженного кинжалом змея вертикальное положение занимает предмет, который мог бы быть как пробившим пасть чудовища дротиком, так и зубом, принадлежащим этой пасти, или рогом находящейся ниже другой змеиной головы. Однако пробивать дротиком пасть чудовища большого смысла для змееборца нет, поэтому интерпретации этого предмета как оружия змееборца не следует придавать большого значения. Скорее, это змей неудачно попытался укусить змееборца. Змей также мог бы использовать против змееборца лапы-клешни, однако они оказываются бесполезны для битвы из-за их небольшой длины.

В мифе об Иллуанке (СТН 321) описаний борьбы со змеем несколько. В первом эпизоде говорится: *ma-a-an* ^dĪŠKUR-aš ^{MUS}il-[lu]-ia-an-ka-aš-ša I-NA ^{URU}Ki-iš-ki-lu-uš-ša ar-ga-ti-[i-e]-er nu-za ^{MUS}il-lu-ya-an-ka-aš ^dĪŠKUR-an [tar-u]h-ta «Когда Бог Грозы и змей сразились в Кискилуссе, змей победил Бога Грозы» (КВо 3.7 I 9–11). Здесь примечателен являющийся гапаксом глагол *argatiya-*, описывающий процесс борьбы. Согласно Я. Пухвелю [Puhvel, 1982, p. 182–183], он состоит из глагольной основы *ark-* «совокупляться, покрывать», родственной русскому *ерзать*, и вспомогательного глагола *tiya-* «ступать», т.е. схватка происходит в виде контактной борьбы, когда тела обоих борцов совершают поступательные движения относительно друг друга. В следующем эпизоде основную работу по одолению змея сделали напоившая его Инара и связавший его Хупасия (причем последнее действие является одним из важнейших в контексте возможного влияния хеттского мифа на древнегреческую змееборческую традицию [Watkins, 1995, p. 457]), после чего Бог Грозы просто «пришел и убил (*kuenta*) змея» (КВо 3.7 I 17–18). Во второй версии мифа от описания первой схватки осталось лишь упоминание победы змея (КВо 3.7 III 1). Вторая схватка здесь описана следующим образом: *na-aš nam-ma a-ru-ni za-a[h]-hi-ya pa-it ma-a-an-ši za-aḫ-ḫa-i[n p]a-a-iš* «И он (Бог Грозы) пошел к морю на битву. Когда он дал ему бой» (КВо 3.7 III 22–23). Используемое здесь обозначение битвы *zahḫai-* характерно как для описания битв между богами, так и для повествования о сражениях, в которых участвовали хеттские войска, т.е. речь идет не о контактной поединке (как в проигранной Богом Грозы схватке первой версии мифа), а о битве с использованием вооружений и войск. Поскольку сын Бога Грозы попросил не щадить его и включить (*anda ḫp-*) в зону поражения, в результате чего он был убит вместе со змеем (КВо 3.7 III 29–31), можно предположить, что решающий удар был нанесен низкоточным поражающим метательным средством (скорее всего, мифологическим, наподобие молнии).

Поскольку в песне о Хедамму никаких взаимодействий между Богом Грозы и змеем не происходит (а взаимодействие Анцили и Хедамму сводится к демонстрации богиней бюста,

наполнению моря приворотными зельями и «романтическим» беседам), можно выявить общие элементы схватки только для трех остальных сюжетов. Иконография противостояния Бога Грозы со змеем демонстрирует высокую степень прямой контактности в бою. На рельефе Бог Грозы поражает его копьём в ходе ближнего боя и имеет в ножнах кинжал, а на оттиске печати кинжал является основным оружием змеборца. В обоих случаях змей направляет в сторону противника лапы-клешни, но не может причинить ему серьезного ущерба. В мифе об Иллуанке, напротив, в первой версии Бог Грозы убивает уже связанного захмелевшего змея, а во второй версии бой не выглядит как контактный, хотя использование молнии в качестве основного оружия сближает его со второстепенным использованием дождя и града как оружия на рельефе. Контактный же бой в мифе об Иллуанке описан как более тесная схватка, которая закончилась поражением змеборца, хотя на изображениях он явно побеждает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

	Змеборец	Змей	Битва
Оттиск печати ГМИИ I 2 б 1591 (XVIII в. до н.э.)	Ашшур или иной бог, может быть в образе Бога Грозы	Одно- или много-главая рептилия (или рептилии) с лапами	Ближний бой, кинжал змеборца против клешней змея
Миф об Иллуанке (XVI–XV вв. до н.э.)	Бог Грозы	Рептилия с лапами	Плотная схватка; убийство связанного захмелевшего змея; дистантный бой, (молния Бога Грозы)
Песнь о Хедамму (XIV в. до н.э.)	(Бог Грозы)	Одно- или много-главая рептилия	(–)
Рельеф на ортостате АММ 12250 (XII в. до н.э.)	Бог Грозы	Многоглавая рептилия с лапами	Ближний бой, копьё змеборца против клешней змея, дождь, град и кинжал змеборца

Таблица 1. Основные элементы змеборческого сюжета в рассмотренных памятниках.

Проведенное исследование показало, что все четыре памятника иллюстрируют разные змеборческие сюжеты мифологии народов Малой Азии 2-го тыс. до н.э. Вместе с тем на фоне различий между двумя версиями мифа об Иллуанке все несовпадения между рассмотренными сценами укладываются в канву единой традиции, с учетом разницы во времени между их фиксациями, а также несоответствия языков литературы и изобразительного искусства региона. Последнее особенно заметно по единообразию композиции битвы на оттиске печати и рельефе, при том что эту же композицию невозможно проследить на материале литературных памятников, зафиксированных во временной промежуток между созданием этих изображений.

Обнаружение змеборческой сцены на оттиске печати из ГМИИ им. А.С. Пушкина подтвердило предполагавшуюся и ранее «кинематографическую» трактовку композиции рельефа Н. Оба памятника представляют битву в виде удара змеборца по морде чудовища с помощью контактного оружия ближнего боя, показывая при этом в виде нескольких последовательных изображений змеборца ход его подготовки к битве. По-видимому,

данный прием не является редкостью в искусстве древней Анатолии. С другой стороны, использование кинжала в качестве основного оружия на оттиске печати из ГМИИ позволяет предполагать, что последний удар по змею в ходе сражения, изображенного на рельефе Н, может быть нанесен аналогичным кинжалом, заткнутым за пояс змеборца и не рассматриваемым в качестве серьезного оружия предыдущими исследователями. При всех различиях в иконографии героев, во многом обусловленных изменениями, происходившими в пантеоне народов Малой Азии в связи с созданием, развитием и гибелью Хеттского царства, можно утверждать, что змеборческий сюжет на ортостате АММ 12250 уходит корнями как минимум в начало XVIII в. до н.э., когда он был впервые зафиксирован на оттиске печати староассирийского времени печати ГМИИ I 2 б 1591.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина [the Pushkin State Museum of Fine Arts].

ОС – оборотная сторона.

АММ – Anadolu Medeniyetleri Müzesi [Museum of Anatolian Civilizations].

СТН – Kořak S., Müller G.G.W., Görke S., Steitler Ch. *Catalogue des textes hittites* <http://hethiter.net> (accessed: 02.12.2020).

КВо – *Keilschrifttexte aus Boghazköi*. Leipzig–Berlin, 1916–2020.

КUB – *Keilschrifturkunden aus Boghazköi*. Berlin, 1921–1990

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Немировский А.А., Шелестин В.Ю., Ясеновская А.А. Сцена борьбы со змееморфным демоническим персонажем на оттиске печати староассирийского периода из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина (I 2 б 1591). *Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Т. 8. М.: Собрание, 2019. С. 62–95. [Nemirovsky A.A., Shelestin V.Yu., Yasenovskaya A.A. Scene of Struggle with Dragon-like Demonic Personage on the Stamp of Old-Assyrian Period from the Collection of Pushkin-Museum (I 2 б 1591). *Scripta Antiqua*. Т. 8. Moscow: Sbranie, 2019. Pp. 62–95 (in Russian)].

Ясеновская А.А., Немировский А.А., Шелестин В.Ю. Змеборческий сюжет на оттиске староассирийской печати из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина: мифологический контекст. *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2019. № 6. С. 3–24. [Yasenovskaia A.A., Nemirovsky A.A., Shelestin V.Yu. Fighting with a Serpent-Like Monster on the Old Assyrian Seal Impression from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts: Mythological Context. *Bulletin of Moscow University. Series 8: History*. 2019. No. 6. Pp. 3–24 (in Russian)].

Bachvarova M. The Hurro-Hittite Kumarbi Cycle. *Gods, Heroes, and Monsters: A Sourcebook of Greek, Roman, and Near Eastern Myths in Translation*. Ed. C. López-Ruiz. 2nd ed. New York, Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 154–176.

Bellucci B. I serpenti nel mito. Alcune possibili traduzioni nell'arte. *Traduzione di tradizioni e tradizioni di traduzione. Atti del quarto incontro «Orientalisti» (Pavia, 19–21 aprile 2007)*. Ed. B. Bellucci et al. Milano: Qu.A.S.A.R., 2008. Pp. 131–176.

Benveniste E., Renou L. *Vřtra et Vř Oragna; étude de mythologie indo-iranienne*. Paris: Imprimerie nationale, 1934.

Bittel K. *Die Felsbilder von Yazilikaya. Neue Aufnahmen der Deutschen Boğazköy-Expedition 1931*. Bamberg, 1934.

Brown B.A. *Monumentalizing Identities: North Syrian Urbanism, 1200–800 BCE*. PhD Dissertation. University of California, Berkeley, 2008.

- Bryce T. *The Routledge Handbook of the Peoples and Places of Ancient Western Asia. The Near East from the Early Bronze Age to the Fall of the Persian Empire*. London – New York: Routledge, 2009.
- Collins B.J. *The Representation of Wild Animals in Hittite Texts*. PhD thesis. Yale University, Ann Arbor, 1989.
- Çambel H. Karatepe: An Archeological Introduction to a Recently Discovered Hittite Site in Southern Anatolia. *Oriens*. Vol. 1. 1948. Pp. 147–162.
- Delaporte L. *Malatya. Fouilles de la Mission Archéologique Française. Arslantepe*. Fasc. 1: La Porte des Lions. Paris: E. de Boccard, 1940.
- Dhorme E., Dussaud R. *Les religions de Babylone et d'Assyrie. Les religions des Hittites et des Hourrites, des Phéniciens et des Syriens*. Paris: Presses Universitaires de France, 1945.
- Dossin G. Le dieu Gibil et les incendies de végétation. *Revue de l'histoire des religions*. Vol. 109. 1934. Pp. 28–62.
- Garstang J. Notes on a Journey through Asia Minor. *Annals of Archaeology and Anthropology*. Vol. 1. 1908. Pp. 1–12.
- Garstang J. *The Hittite Empire, Being a Survey of the History, Geography and Monuments of the Hittite Asia Minor and Syria*. London: Constable and Company, 1929.
- Gilibert A. Religion and Propaganda under the Great Kings of Karkemiš. *Sacred Landscapes of Hittites and Luwians: Proceedings of the International Conference in Honour of Franca Pecchioli Daddi: Florence, February 6th–8th 2014*. Florence: Firenze University Press, 2015. Pp. 137–155.
- Güterbock H.G. Narration in Anatolian, Syrian and Assyrian Art. *American Journal of Archaeology*. Vol. 61. 1957. Pp. 62–71.
- Haas V. *Die hethitische Literatur*. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2006.
- Hawkins J.D. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions*. Vol. 1: Inscriptions of the Iron Ages. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2000.
- Herzfeld E. Hethitica (Schluß). *Archäologische Mitteilungen aus Iran*. Bd. 2. 1930. Pp. 165–203.
- Matthiae P. *Studi sui relievi di Karatepe*. Roma: Centro di studi semitici, Istituto di studi del Vicino Oriente – Università, 1963.
- Olmsted A.T., Charles B.B., Wrench J.E. *Travels and Studies in the Nearer East*. Vol. 1. Pt. 2: Hittite Inscriptions. New York: Ithaca, 1911.
- Orthmann W. *Untersuchungen zur späthethitischen Kunst*. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1971.
- Otten H. Illujanka. *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 5. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1976. Pp. 60–61.
- Özgüç N. *The Anatolian Group of cylinder seal impressions from Kültepe*. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1965.
- Özyar A. *Architectural Relief Sculpture at Karkamish, Malatya, and Tell Halaf: A Technical and Iconographic Study*. PhD Thesis. Bryn Mawr College, 1991.
- Puhvel J. Baltic-Anatolian Lexical Isoglosses. *Investigationes philologicae et comparativae. Gedenkschrift für Heinz Kronasser*. Ed. Neu E. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982. Pp. 179–185.
- Rieken et al. *CTH 348 – Das Hedammu-Lied* (2009) https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/txhet_myth/intro.php?xst=CTH%20348.I.1&prgr=&lg=DE&ed=E.%20Rieken%20et%20al (accessed: 02.12.2020).
- Rieken E. et al. *CTH 321 – Der Drachenkampf oder „Illuyanka“* (2010) https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/txhet_myth/intro.php?xst=CTH%20321&prgr=%C2%A7%201&lg=DE&ed= (accessed: 02.12.2020).
- Ronzevalle S. Monuments hittites d'Arslân-tépé. *Mélanges de la Faculté orientale de l'Université Saint-Joseph*. T. 3. Fasc. 2. 1909. Pp. 796–801.
- Sayce A.H. Hittite legend of the war with the Great Serpent. *Journal of the Royal Asiatic Society*. Vol. 54. Iss. 2. 1922. Pp. 177–190.
- Van Loon M.N. Mythology In Visual Art of Asia Minor. *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 8. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1997. Pp. 586–589.

Watkins C. *How to Kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics*. New York – Oxford: Oxford University Press, 1995.

White G.K.-S. *The Religious Iconography of Cappadocian Glyptic in the Assyrian Colony Period and Its Significance in the Hittite New Kingdom*. PhD thesis. University of Chicago, 1993.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ШЕЛЕСТИН Владимир Юрьевич – участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)» в МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

НЕМИРОВСКИЙ Александр Аркадьевич – участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)» в МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

ЯСЕНОВСКАЯ Анастасия Александровна – участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)» в МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва, Россия.

Vladimir Yu. SHELESTIN, Member of the research team of the RSF project 19-18-00369 “The Classical Orient: culture, world-view, tradition of research in Russia (based on the monuments in the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and archive sources)”, PhD (History), Research Fellow, Department of Ancient Orient, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Alexandre A. NEMIROVSKY, Member of the research team of the RSF project 19-18-00369 “The Classical Orient: culture, world-view, tradition of research in Russia (based on the monuments in the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and archive sources)”, PhD (History), Senior Research Fellow, Department of Comparative Studies of Ancient Civilizations, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Anastasia A. IASENOVSKAIA, Member of the research team of the RSF project 19-18-00369 “The Classical Orient: culture, world-view, tradition of research in Russia (based on the monuments in the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and archive sources)”, PhD (History), Research Fellow, Department of the Ancient Orient, the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014175-9

СПЕРМА В «ЗАКОНАХ МАНУ»: СЕКСУАЛЬНОСТЬ И РЕЛИГИЯ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ*

© 2021

А.О. ЗАХАРОВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-3654-9551; Zakharov_anton@mail.ru

Резюме: Изучение мифов разных народов давно выявило роль семени в архаической космологии. «Камасутра» Ватсыяны представляет собой одно из наиболее известных сочинений древности о сексуальности и межличностных отношениях. В то же время Индия считается родиной аскетизма и страной кастового строя, предписания которого носят ритуальный характер и определяют поведение людей на всех этапах жизни. Благочестивое поведение членов высших варн получило подробное освещение в дхармасутрах и дхармашастрах – изречениях и наставлениях в праведности. Наиболее известен трактат «Манусмрити», или «Манавадхармашастра» (букв. «Наставления Ману в дхарме»). Более распространенное название трактата – «Законы Ману» (“Laws of Manu”). «Законы Ману» отражают идеальное с точки зрения брахманов общественное устройство. «Законы Ману» позволяют гораздо точнее реконструировать представления брахманов о мире, нежели тот мир, в котором они жили. В них описываются правила поведения брахманов на четырех стадиях жизни: ученика, домохозяина, лесного и странствующего отшельника. Каждой стадии предписывается определенное сексуальное поведение. Во время ученичества и отшельничества рекомендуется воздержание, а в бытность домохозяина – половые отношения для продолжения рода. Сперма жизненно необходима для зачатия, и ее важность признавалась уже в древнейшем памятнике индийской словесности – «Ригведе». В статье на основании филологического анализа реконструируется терминология «Законов Ману», обозначающая сперму. Широко привлекаются данные «Камасутры», «Ригведы», «Атхарваведы», «Тайттирия-араньяки», упанишад, медицинских трактатов. Проанализированы слова *retas*, *śukra*, *indriya*, *vīrya* и *bīja* в «Законах Ману» и *dhātu*, *vega* и *rasa* – в «Камасутре». Термин *retas* активно использовался в значении «сперма» еще в ведийскую эпоху. Несовпадение терминологии «Законов Ману» и «Камасутры» объясняется различными жанрами и читательскими аудиториями этих трактатов. В медицинских трактатах «Чарака-самхита» и «Сушрута-самхита» сперма обозначается словами *śukra* и *bīja*, а иногда *indriya* и *retas*.

Ключевые слова: сперма, эротика, «Законы Ману», «Камасутра», Древняя Индия.

Для цитирования: Захаров А.О. Сперма в «Законах Ману»: сексуальность и религия в Древней Индии. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 18–31. DOI: 10.31857/S086919080014175-9

* Выражаю глубокую признательность Алексею Алексеевичу Вигасину и Александру Яковлевичу Сыркину за критические замечания к рукописи в целом и к переводам с санскрита в частности. – А.З.

SPERM IN “THE LAWS OF MANU”:
SEXUALITY AND RELIGION IN ANCIENT INDIA

© 2021

Anton O. ZAKHAROV^a^a – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3654-9551; Zakharov_anton@mail.ru

Abstract: An ancient Indian sexual treatise *Kamasutra* covers sexual techniques and psychological phenomena while curiously almost omitting masturbation: it occurs once as a means to satisfy sexual desire, if there is no appropriate sexual partner (V.6.5). *Kamasutra* denotes sperm by the terms *dhātu*, *vega* and *rasa*; all these words denote ‘semen virile’ but also have other meanings: *dhātu* – ‘seven fluids or secretions; constituent element of the body’; *vega* – ‘stream, flood’; *rasa* – ‘juice, any liquid or fluid’. On the contrary, another famous ancient Indian treatise *Manusmṛti*, or *Mānavadharmasāstra*, or “The Laws of Manu”, makes use of other words denoting sperm—*retas*, *śukra*, *indriya*, *vīrya* and *bīja*. “The Laws of Manu” focus on truly religious behavior of the Brahmins and of the other social groups. At the same time, *Kamasutra* analyses sexual practices of the citizens independently of their social ranks. The difference in aims and audience of both treatises makes the perception of sperm different. *Kamasutra* views sperm positively or neutrally as an essential aspect of coitus. “The Laws of Manu” treats sperm in a double-faced manner. On the one hand, the divine sperm was a source of creation of all things when Brahma emitted his sperm in the waters also emitted by him. On the other hand, sperm is one of impure secretions of human body; a pupil of Brahmin – Brahmacārin – has to avoid masturbation and pollution. The paper reconstructs the perception of sperm in “The Laws of Manu” and the differences between the terms denoting semen virile in the treatise.

Keywords: sperm, erotic, “Laws of Manu”, *Kamasutra*, Ancient India.

For citation: Zakharov A. O. Sperm in “The Laws of Manu”: Sexuality and Religion in Ancient India. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 18–31. DOI: 10.31857/S086919080014175-9

ВВЕДЕНИЕ

В 2019 г. издательство «Наука» переиздало классический древнеиндийский трактат «Камасутра» в переводе на русский язык выдающегося филолога, переводчика, санскриптолога и византиниста Александра Яковлевича Сыркина [Ватсьяна, 2019]. Первое издание вышло в 1993 г. [Ватсьяна, 1993(1); 1993(2)] и, хотя стало основой множества переизданий (подчас незаконных), почти не привлекло внимания специалистов (разве что в 2016 г. автор этих строк посвятил русскому переводу «Камасутры» одну статью [Захаров, 2016], на которую откликнулся переводчик [Сыркин, 2018]). Вместе с тем перевод «Камасутры», как и вообще любого текста иной культуры, изобилует сложностями и позволяет обсуждать не только проблемы древнеиндийской эротики и нравственности, но и современное состояние данных явлений¹. Данная статья не претендует на решение проблемы перевода эротической

¹ Примером обращения историков к истории древнеиндийской повседневности служит статья А.А. Вигасина «Поношение и срамословие в Древней Индии», в которой выявляются индоевропейские корни русского мата. См.: [Вигасин, 2016].

литературы². Её задача намного скромнее – реконструировать восприятие спермы (мужского семени в русской литературной традиции) в Древней Индии на основе «Законов Ману» – базового текста жанра наставлений в праведном поведении (дхармашастра) – в сопоставлении с данными вед, поздневедийских сочинений и древнеиндийских медицинских трактатов из традиции аюрведы, в первую очередь «Чарака-самхиты».

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

На первый взгляд, сама тема едва ли заслуживает рассмотрения: слишком сильно представление о том, что история должна заниматься серьезными вопросами государственной политики, международных отношений, интеллектуальной жизни или, в крайнем случае, экономики. Когда С.А. Токарев и его коллеги готовили фундаментальную энциклопедию «Мифы народов мира» [МНМ, 2000 (1-е издание вышло в 1980–1982)], они легко обошлись без отдельной статьи о семени/сперме. Семя рассматривается от случая к случаю: скажем, С.С. Аверинцев говорит о нем в статье «Вода» [Аверинцев, 2000 [1980], с. 240]. Но древнеиндийские трактаты о благочестивом поведении (дхармашастры), не говоря уже о «Камасутре», невозможно полностью лишить эротической (половой) проблематики и лексики. С этим не удалось справиться даже в Синодальном переводе Библии (составители Ветхого и Нового Завета подобные цели вообще не ставили, ибо описываемая ниже норма о левирате фиксируется во Второзаконии 25.5):

«И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семя брату твоему. Онан знал, что семя будет не ему, и потому, когда входил к жене брата своего, изливал [семя] на землю, чтобы не дать семени брату своему. Зло было пред очами Господа то, что он делал; и Он умертвил и его» (Быт. 38.8–10).

«Учитель! Моисей написал нам: если у кого умрет брат и оставит жену, а детей не оставит, то брат его пусть возьмет жену его и восстановит семя брату своему» (Мк. 12:19).

«Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею» (Втор. 25.5).

Имя упомянутого в Книге Бытия сына Иуды и Шуа – Онан – стало нарицательным, обозначая одну из самых распространенных сексуальных практик – самоудовлетворение (см.: [Дерягин и др., 2002]).

Рукоблудие, по словарю В.И. Даля, «малакия, црк. онанизм, это пагубный порок скотской похоти» [Даль, 1882, с. 112, кол. 1, ст. «Рука»]. Такое отношение к мастурбации господствовало в XIX – начале XX в. [Веремченко, 2016(1); Веремченко, 2016(2); Соколов, 2020] и в определенных кругах сохраняется и сегодня (см., например: [Dugandzic, 2018; Sahnan, 2020]). Слово «рукоблудие» формирует вполне четкое отношение к данной сексуальной практике как разновидности блуда. Оно остается одним из немногих русских по происхождению терминов для обозначения явлений половой жизни, причём не попадающих в перечень запрещенных к использованию в СМИ. Любопытный факт: по запросу «мастурбация» Научная электронная библиотека (Российский индекс научного цитирования) выдает всего 46 названий³. Это свидетельствует о том, что научное изучение и признание данного явления далеко не соответствует его распространённости⁴.

² Наряду с переводом «Камасутры» образцами успешной передачи на русском языке восточных эротических сочинений служат китайский роман «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» в переводе В.С. Манухина, А.И. Кобзева и В.И. Таскина и арабская наука любви «Благоуханный сад для духовных услад» в переводе Д.В. Микульского. См.: [Цзинь, Пин, Мэй, 1994–2016; «Благоуханный сад», 2008]. Исследование сексологии и эротики Древнего Китая см.: [Китайский эрос, 1993].

³ Научная электронная библиотека (РИНЦ). https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 08.10.2020).

⁴ За рубежом исследования данной тематики гораздо многочисленнее. См., например, недавние работы:

В русском переводе «Камасутры» мастурбация упоминается только описательно (V.6.49 [48].5 или V.6.5 по изданию 1900 г.⁵): «Таким же образом, как для женщин, объяснено, как успокаивают желанья мужчины, лишённые возможностей, – противоестественными способами, с животными, женоподобными и одним лишь растиранием» [Ватсыяна, 1993(2), с. 111; Ватсыяна, 2019, с. 117]. Санскритский оригинал таков:

strīyogenaiva puruṣānām apy alabd^havṛttinām viyoniṣu vijātiṣu strīpratimāsu kevalopamardanāc cāb^hiprāyanivṛttir vyāk^hyātā || (V.6.5) [Vātsyāyana, 1900, p. 297].

Современные переводчики «Камасутры» вместо «растирания себя» (kevalopamardana, из kevala + upamarda(na)) пишут «мастурбация» [Vatsyaana, 2002, p. 123 (перевод Венди Донигер и Судхира Какара); 2012, p. 322 (перевод Ларса Мартина Фосса); 1994, p. 377 (перевод Алена Даниэлу)]. Ранее, в викторианскую эпоху, предпочтительными были витиеватые описания. Так, Р. Бартон туманно заметил, что «средства наслаждения, применяемые женщинами, подходят и для мужчин» [Burton, 1985, p. 237; Vatsyaana, 1963]. Как бы то ни было, русский перевод можно уточнить: «Сказано, что подобными женским способами мужчины, не имеющие [женщин], удовлетворяют желание с помощью заменителей влагилица: животных⁶, кукол⁷ и посредством мастурбации».

Читатель вправе спросить: а к чему все эти рассуждения? Ведь в начале статьи речь шла о восприятии семени в древнеиндийской культуре. Вопрос совершенно справедливый, и ответить на него я могу так: именно анализ данного фрагмента «Камасутры» заставил меня задуматься: а что думали её автор и составители других назидательных текстов Древней Индии о семени и его извержении? Одобряли ли они его или осуждали? Или у них было двойственное отношение к этому явлению?

СПЕРМА В «ЗАКОНАХ МАНУ» И СТАДИЯ УЧЕНИЧЕСТВА

Базовым текстом древнеиндийской культуры принято считать «Законы Ману» (при всех оговорках, что это не законодательство Древней Индии, а свод предписаний обрядовой чистоты, «Манусмрити» или «Манавадхармашастра» известна в России под названием «Законов Ману», и нет никаких оснований для отказа от него). Русский перевод «Законов» (ЗМ), выполненный С.Д. Эльмановичем в начале XX в. и исправленный Г.Ф. Ильиным в середине столетия, уже в советское время отражает сложности перевода и расплывчатость терминологии для передачи довольно разных по происхождению явлений. Так, санскритское *retas* означает «поток; воду; сперму, истечение семени (эякуляцию); потомство» [Monier-Williams, 1899, p. 788]. Значение «сперма» также имеют слова *śukra* («жидкость, вода, сок; свет, яркость» [Monier-Williams, 1899, p. 1080]), *indriya* («свойственный Индре; сила, мощь; мужская сила (потенция)» [Monier-Williams, 1899, p. 167]), *vīrya* («свойственный мужчине, мужество» [Monier-Williams, 1899, p. 1006]) и *bīja* («зерно/семена растений» [Monier-Williams, 1899, p. 732]). Для выявления представлений о сперме желательно изучить контекст употреблений основных обозначающих её терминов.

О связи совокупления со стадиями жизни благочестивого брахмана (ученик, домохозяин, лесной отшельник, странствующий отшельник) давно известно: мужу домохозяину

[Perry, 2020(1); 2020(2); Bertaux-Navoiseau, 2018; 2020; Nandy, Das, 2019; Clark, 2016].

⁵ В переводах «Камасутры» часто объединяются общая нумерация глав в трактате и внутренняя нумерация глав в книге. Поэтому 6-я глава V книги оказывается 49/48-й (в зависимости от деления) в общем перечне глав трактата.

⁶ Букв. «представителями другого вида».

⁷ Букв. «изображениями женщин».

для продления рода половая связь необходима, в то время как во время ученичества и отшельничества она становится запретной либо ненужной (см., например, «Камасутру» I.2). Важная информация содержится в ЗМ III.48–49:

«48. В четные дни зачинаются сыновья, в нечетные – дочери, поэтому желающий сына пусть соединяется с женой в надлежащее время, в четные [дни].

49. При преобладании семени мужчины ('dhike **śukre**) бывает сын, при преобладании женщины – дочь⁸, при равенстве (same) – гермафродит или сын и дочь ('pumānpumstriyau vā)⁹, при слабости или недостаточности – обратное» [*Законы Ману*, 1992, с. 57; ср.: *Manu's Code of Law*, 2005, p. 110].

При описании жизни брахманского ученика (брахмачарина) дается следующая рекомендация воздержания от поллюций (II.180–181):

«180. Пусть всегда спит один, никогда не выпускает семени (**retah**);

ведь если он добровольно выпускает семя (**reto**), он нарушает обет.

181. Дваждырожденный ученик, невольно испустив семя (**śukram**) во сне, омывшись, пусть трижды прочтёт гимн “Опять ко мне...”» [*Законы Ману*, 1992, с. 47; ср.: *Manu's Code of Law*, 2005, p. 104].

Согласно комментаторам, имеется в виду гимн из «Тайттирии-араньяки» I.30 Punarmām [*Законы Ману*, 1992, с. 277]. По существу, в данном случае «Законы Ману» используют слова retas и śukra как синонимы. Положение II.180 повторяется в другой главе «Законов Ману»:

«Знающие дхарму толкователи Веды объявили добровольное извержение семени (kāmato **retasaḥ** sekaṃ) дваждырожденным, исполняющим обет [учения], нарушением обета» (XI.121) [*Законы Ману*, 1992, с. 238].

Гимн Punarmām С.Д. Эльманович и Г.Ф. Ильин не переводили. Патрик Оливелл вообще не пояснил, что имеется в виду, дав только перевод названия гимна «Пусть мужская сила снова вернется ко мне...» (“May the virile strength return to again to me...”) [*Manu's Code of Law*, 2005, p. 104].

Гимн «Тайттирии-араньяки» можно перевести так:

punarmāmitvindriyam	Вновь да придет мне семя!
punarāyuh punarbhagaḥ	Снова здоровье, снова счастье,
punarbrāhmaṇamaitu mā	Снова да придет мне божественная сила!
punardraṇamaitu mā	Да придет снова и движимое имущество (вероятно, скот)!
yanme'dya retaḥ pṛthivīmaskān	Сегодня семя мое упало на землю,
yadoṣadhīrapyasarayadāpaḥ	когда земля впитала его с водой; когда текла вода.
Idantatpunarādade	Дам его снова!
ḍīrghāyuttvāya varcase	Для долгой жизни жизненной силы
yanme retaḥ prasicyate	Да прольется от меня семя!
yanma ājāyate punaḥ	Да покорю я его снова!
tena māmamṛtaṅkuru	Меня сделай бессмертным,
tena suprajasaṅkuru 123	Дай многочисленное потомство!
punardve ca 30	И снова вдвое!

По изданию: [*Taittirīya-Āraṇyaka*, 2005, p. 53].

⁸ В древности распространенным было представление о порождении семени как мужчиной, так и женщиной. См. «Камасутру» II.1 [Ватсыяна, 2019, с. 63–64], а также исследование библейских текстов: [Pinto-Correia, 1997].

⁹ Слово *arjṣ* означает «не мужчина, внух» [Monier-Williams, 1899, p. 56; Böhtlingk, Roth, 1855, S. 309].

Удержание и возвращение семени играло важнейшую роль в сексуальных представлениях древних китайцев, в первую очередь даосов [Кобзев, 1993, с. 16; Скиппер, 1993, с. 111]. Воздержание нашло крайние формы выражения в аскезе и католическом celibate. Фактически ученик брахмана после поллюции призывает вернуться к нему животворное начало в виде спермы.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ СПЕРМЫ И СОВОКУПЛЕНИЯ В «ЗАКОНАХ МАНУ»

В космогонии «Законов Ману» Брахма творит мир, испуская в сотворённые им воды собственное семя (мастурбация солнечного божества известна и в древнеегипетской мифологии [Ogriols-Llonch, 2012]): «Вознамерившись произвести из своего тела различные существа, он вначале сотворил воды и в них испустил своё семя (**vīryam**)¹⁰» (I.8) [*Законы Ману*, 1992, с. 21; *Manu's Code of Law*, 2005, p. 87].

В определенном смысле здесь повторяется древний космогонический миф «Насадия-сукты» «Ригведы» (X.129.3–4, ср. X.121): «То жизнедеятельное, что было заключено в пустоту, Оно Одно было порождено силой жара! В начале на него нашло желание, Что было первым семенем мысли (**kāmas tād āgre sām avartatādhi mānaso rétaḥ** prathamām yád āsīt)» (пер. Т.Я. Елизаренковой)¹¹ [*Ригведа*, 1999, с. 286; Эрман, 1980, с. 103; ср. Элиаде, 2009, с. 280¹²]. В том же гимне упоминаются оплодотворяющие силы или «оплодотворители», по Т.Я. Елизаренковой (**retodhā**, X.129.5; ср. «Атхарваведа», V.25.1 – «влагатель семени» [*Атхарваведа*, 2005, с. 251]¹³). Вишну «склоняет родителей к (излиянию) семени, к наслаждению (nī mātarāḥ nayati **retāse** bhujе)» (I.155.3) [*Ригведа*, 1989, с. 190; ср. Дандекар, 2002, с. 148]. «Ригведа» допускает пролитие спермы/семени на землю при соитии (kṣmayā **rétaḥ**, X.61.6–7)¹⁴ [*Ригведа*, 1999, с. 189]. В «Атхарваведе» сперма как правило обозначается термином *retas* (II.28.5, 34.2; IV.15.11, 34.4; VI.11.2, 49.3; VIII.9.13; IX.1.2, 4.4, 4.7, 4.23; X.2.17 (в гимне «Тело человека»), 10.29; XI.5.12, 25; 8.29; XII.3.3; XIX.52.1), но встречается и слово *bīja*. Показателен «Свадебный гимн»: «Одушевлённая пашня – пришла эта женщина, В неё такую бросайте семя (**bījam**)! Пусть родит она вам из чресел потомство, Вынашивая выдоенное семя быка!¹⁵ (**retah**)... О Пушан, приведи её, самую милую, В которую люди

¹⁰ В «Гайттрия-самхите» («Черной Яджурведе», II.5.3.2) термины *vīra* и *indriya* трактуются А.Б. Китом и Ф.Б.Я. Кейпером как сила и мощь (power and strength), хотя Кейпер видел в данном фрагменте оплодотворение сперматозоидом яйцеклетки: «Когда Индра убил Вритру, его сила и мощь (*indryām vīryam*) ушли в землю; это стало растениями и корнями» (“When Indra had slain Vṛtra, his power and strength went into the earth; then the plants and roots were born”) [Кейпер, 1986, с. 132; *The Veda of the Black Yajus School*, 1914, p. 109]. Но вполне вероятно, что тут имелась в виду именно сперма, от которой и произошли «растения и корни» (или растения и травы) (*oṣadhayo vīrudho 'bhavan*).

¹¹ О связи мифологии «Ригведы», упанишад и «Законов Ману» на примере мифа о золотом зародыше или «яйце Брахмана» см.: [Сыркин, 1971, с. 167]. Переводчики по-разному трактовали термины *kāma* и *rétaḥ* в данном тексте: Ф. Макс Мюллер писал о любви и семенах (Love, seeds), Хорас Уилсон, Ральф Гриффис, Артур Макдоннелл, Артур Бэшем, Венди Донигер О’Флаэрти, Стивен Стенудд – о желании и семени (desire, seed), Джозел Бреретон – о желании и первичной сперме (desire, primal semen). См. сводный анализ: [Stenudd 2012]. Стенудд предпочитает «семя» «во избежание гендерной характеристики» (“to avoid gender specifics”).

¹² Мирча Элиаде трактует *mānas* как «сознание». Вероятно, русский перевод не вполне надёжен, так как в нем дважды появляется некое «сильное семя» – вероятно, латинское выражение *semen virile* «сперма, мужское семя» [Элиаде, 2009, с. 260–261].

¹³ Ссылки на гимны «Атхарваведы» даны по переведённой на русский язык редакции «Шаунакия»; редакция «Пайпалада» значительно отличается. См.: [Lubotsky, 2002; Zehdner, 1999; Bhattacharya, 2007].

¹⁴ О сложностях истолкования описанного в гимне инцеста см.: [Дандекар, 2002, с. 148].

¹⁵ Ср. перевод У. Уитни: “Bearing the exuded (dugdham) sperm of the male (ṛsabha)” – «вынашивая выделенное семя мужчины/самца» [*Atharva-Veda Samhitā*, p. 756].

бросают семя (bījam)» (XIV.2.14 & 38; пер. Т.Я. Елизаренковой) [*Атхарваведа*, 2010, с. 51, 53]. В «Брихадараньяка-упанишаде» (III.7.23) используется термин *retas*¹⁶.

По «Законам Ману» Брахма способен проникать в растительное или животное семя: когда, состоя из крошечных частиц, он проникает в семя – растительное или животное (**bījam** sthāṣnu carīṣṇu ca) – тогда, соединившись [с ним], он принимает телесный облик» [*Законы Ману*, 1992, с. 25].

Ср. у П. Оливелла: «движущиеся и неподвижные существа»: “When, after becoming a minute particle, he enters, conjoined, the seminal form of mobile and immobile beings, then he discharges the bodily frame” [*Manu’s Code of Law*, 2005, p. 89]. В то время как *carī* означает «животное» (animal), а *carī* – «подвижный, движущийся» [Monier-Williams, 1899, p. 389], *sthāṣnu* (от глагола *sthā* ‘стоять’) действительно значит «неподвижный, стоящий» [Monier-Williams, 1899, p. 1262].

Вместе с тем мужское семя и его извержение в неподходящей, по мнению авторов «Законов Ману», обстановке считаются нечистыми:

«Жировые выделения, мужское семя (**śukra**), кровь, перхоть, моча, испражнения, ушная сера, ногти, мокрота, слезы, гной на глазах и пот составляют двенадцать нечистот у людей» (V.135) [*Законы Ману*, 1992, с. 114].

«Мужчине, имевшему сношение / излившему семя (**retah** siktṵā) с самкой животного, с женщиной¹⁷, с женщиной в период менструаций, а также на воду, полагается исполнить обет (кричхру) Самтапану» (XI.174) [*Законы Ману*, 1992, с. 243].

Во второй книге «Законов Ману» упоминается «отцовский и материнский грех» [*Законы Ману*, 1992, с. 33] или «позор семени и матки» (**baijikam** gārbhikam caino, < ca + enas ‘преступление, грех, проступок’) [*Manu’s Code of Law*, 2005, p. 95, 407]. Но, как говорилось выше, «Камасутра» не считает грехом удовлетворение сексуальной страсти при помощи заменителей женских половых органов. Впрочем, авторы «Законов Ману» выразили гораздо более резкое отношение к проституткам, нежели создатель «Камасутры» Ватсьяна: «пища развратницы – мужское семя (puṃścalyāstvannam**indriyam**)»¹⁸ (ЗМ IV.220) [*Законы Ману*, 1992, с. 97]. Хотя «Законы Ману» не уточняют способ, каким надлежит вкушать такую пищу развратнице, вероятно, мало сомнений в том, что имеется в виду оральный секс с проглатыванием спермы. Но древнеиндийский трактат сообщает ещё более откровенные проступки, за которые полагается искупительный обет: «...съев намеренно мужское семя, испражнения и мочу (**retoviṃmūtram**), пусть исполняет обет (кричхру)¹⁹» (IV.222) [*Manu’s Code of Law*, 2005, p. 135; ср.: *Законы Ману*, 1992, с. 98].

Слово *bīja* в силу связи с множеством различных семян и семенем, а также с Брахмой, используется при описании как плодоносного перерождения, так и неспособности к рождению потомства:

¹⁶ Удалака Аруни связывает власть над спермой с Атманом: «Тот, кто, находясь в семени, отличен от семени, кого семя не знает, чье тело – семя, кто изнутри правит семенем, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный» (yó rétasi tiṣṭhañ rétaso ‘ntaro, yām réto ná véda, yāsya rétaḥ śárīraṃ, yó réto ‘ntaro yamáyati, sá [K eṣa] ta ātmāntaryāmy āmṛtaḥ, III.7.23 по нумерации русского перевода) [*Брихадараньяка-упанишада*, 1992, с. 105].

¹⁷ У С.Д. Эльмановича и Г.Ф. Ильина – «противоестественным способом». Порядок слов исправлен согласно перечислению в оригинале и переводу Патрика Оливелла [*Manu’s Code of Law*, 2005, p. 224, 869].

¹⁸ Более точно: «пища потаскухи/проститутки».

¹⁹ У П. Оливелла *kṛcchra* истолкована как «трудный обет» (“an arduous penance”), в то время как С.Д. Эльманович и Г.Ф. Ильин используют прямое заимствование: «Пусть исполняет кричхру». Русский и советский исследователи полагают, что наказание относится к лицам, съевшим перечисленные выделения ненамеренно. Однако в тексте прямо говорится: *matyā bhuktṵā* – «намеренно съев».

«Силой аскетических подвигов и семени (tapobījaprabhāvaiśca) они в этом мире из поколения в поколение идут согласно рождению к более высокому или более низкому положению среди людей» (X.42) [Законы Ману, 1992, с. 218].

«Но для ненавидящей безумного, изгоя, импотента, бесплодного (kl̥bamabījam) и пораженного ужасной болезнью не полагается ни удаление, ни лишение имущества» (IX.79; описывается наказание жены, ненавидящей мужа) [Законы Ману, 1992, с. 191].

Таким образом, в «Законах Ману» сперма (мужское семя) предстает как творческая и животворная субстанция, посредством которой Брахма творит мир и рождается потомство, так и ритуально нечистое вещество. Из терминов, означающих сперму, в «Законах Ману» vīṅra относится только к Брахме, bīja чаще означает животворную субстанцию, retas и śukra могут указывать на сперму, выпущенную вне «правильного», т.е. направленного на зачатие действия, ради удовольствия либо ненамеренно (в виде поллюций). Термин indriya встречается только один раз в значении «сперма», и контекст его употребления явно не одобряется составителями «Законов Ману»; это «потерянное семя».

СПЕРМА В «КАМАСУТРЕ»

Для обозначения спермы в «Камасутре» используются слова **vega** «стремительность; сила, напор; поток; восхищение» [Monier-Williams, 1899, p. 1013], **dhātu** «первозлемент; составная часть тела, одна из семи жидкостей/секретов организма» [Monier-Williams, 1899, p. 513], **rasa** «сок, нектар»²⁰ [Monier-Williams, 1899, p. 869]. Слово bīja используется Ватсьяной только в значении «семена растений» (IV.1.29) [Vātsyāyana, 1900, p. 238; Ватсьяна, 2019, с. 98].

vartamānasya prārambhe mandavegatā tataś ca kramaṇa pūraṇam vegasyety upapadyate /
dhātuṣayāc ca virāmābīpseti / tasmād anākṣepaḥ || suratānte sukham puṁsām strīṇām tu satatam
 sukham | **dhātu**ṣayanimitā ca virameccopajāyate || tasmāt puruṣavad eva yoṣito 'pi rasavyaktir
 draṣṭavyā || (II.1.21–23, в русском переводе II.1.37–41) [Vātsyāyana, 1900, p. 82–83];

«От истощения семени [женщина] и желает прекращения, и в этом нечего сомневаться.

В конце соития бывает удовольствие у мужчин, у женщин же удовольствие постоянно, и по причине истощения семени возникает желание прекратить [соитие]. Итак, у мужчины, как и у женщины, следует видеть [здесь] выделение семенной жидкости» [Ватсьяна, 2019, с. 63].

pratamarate caṇḍavegatā śīghrakālatā ca puruṣasya, tad viparītam uttareṣu / yoṣitaḥ punar etad eva
 viparītam / ā **dhātu**ṣayāt / (II.1.35, в русском переводе II.1.67–68) [Vātsyāyana, 1900, p. 89];

«При первом наслаждении мужчина стремителен и быстр во времени, при последующих – наоборот. У женщин же это наоборот – пока не истощится семя. И истощение семени у мужчин наступает раньше истощения семени у женщин – таково общее мнение» [Ватсьяна, 2019, с. 64].

Подобное словоупотребление свидетельствует о вполне положительном восприятии спермы Ватсьяной: для него она представляет собой условие наслаждения, а её истощение – причину прекращения соития. Тем самым свойственная «Законам Ману» двойственность отношения к сперме никак не отражена в «Камасутре».

²⁰ О значении слова gasa в древнеиндийской науке танца см.: [Алиханова, 1988, с. 161–183]. В «Чхандогья-упанишаде» gasa означает сущность (I.1.2) [Чхандогья-упанишада, 1992, с. 49, 146; Алиханова, 1988, с. 179; Сыркин, 1971, с. 166, 172]. В «Ригведе» слово gasa означает сперму / семенную жидкость в гимне I.71.5: «Когда он (Агни) создал (семенную) влагу для великого Отца-Неба... Бог (-Небо) вложил (свой) пыл (tvīṣim) в собственную дочь» (пер. Т.Я. Елизаренковой) [Ригведа, 1989, с. 88].

СПЕРМА В ДРЕВНЕИНДИЙСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТРАКТАТАХ

Древнеиндийская медицина (аюрведа) позволяет уточнить представления о сперме. Древнейшие медицинские наблюдения встречаются в «Атхарваведе». Классическими трактатами по медицине считаются «Чарака-самхита» (≈II в. н.э.), «Сушрута-самхита» (не позднее V в. н.э.) и «Бхела-самхита» (не позднее V в. н.э.).

Как отмечалось выше, в «Атхарваведе» сперма чаще всего обозначается словом *retas*: «Кто варит расплывшуюся рисовую кашу, У тех Яма не отбирает семя» (IV.34.4); «Пусть уд²¹, влагатель семени (*retadhā*) зародыша, Вложит (его), как перо в стрелу» (V.25.1); «Ведь у мужчин есть семя. Оно вливается в женщину» (VI.11.2) [*Атхарваведа*, 2005, с. 207, 251, 268]; «Три жара пришли вслед за семенем. Одна оживляет потомство, другая – питательную силу, Третья защищает царство преданных богам» (VIII.9.13); «Кто в нем (теле человека) установил семя, Говоря: “Да протянется нить!”?» (X.2.17); «Брахмачарин изливает семя на поверхность, на землю» (XI.5.12)²²; «Зрение, слух, славу²³ вложи в нас, Пищу, семя, кровь, живот!» (XI.5.25); «Сделав семя жертвенным маслом, Боги вошли в человека» (XI.8.29) (пер. Т.Я. Елизаренковой) [*Атхарваведа*, 2007, с. 40, 87, 147, 149, 159]. Тем самым данные «Атхарваведы» показывают положительное или минимум нейтральное отношение к мужскому семени.

В «Чарака-самхите» основополагающими словами для обозначения спермы выступают *śukra* и *bīja* (см. главу 2 «Атульготрия-шарира / О разных кланах и частях тела» книги 4-й «Строение тела»): «Что исходит из мужчины, состоящее из четырёх первоначал и шести источников (*gasa*)²⁴, когда он (мужчина) соединяется с женщиной из другой семьи в уединенном месте после ее месячных, и что превращается в зародыш в её чреве? Мудрые называют это спермой (*śukra*), которая внедряется для зачатия зародыша. Она состоит из четырёх начал – ветра, огня, земли и воды, и происходит из шести источников (жидкостей)»²⁵.

Термин *bīja*, однако, может означать и зиготу, т.е. оплодотворённую диплоидную клетку, буквально «зародыш»:

śukrādhikam dvaidhamupaiti bījam yasyāḥ sutau sā sahitaḥ prasūte | raktādhikam vā yadi bhedameti dhidhā suto sā sahito prasūte || «Когда зародыш с преобладанием спермы разделяется, женщина приносит близнецов, а когда разделяется зародыш с преобладанием яйцеклетки, то рождаются близняшки».

В «Сушрута-самхите» для обозначения спермы используются слова *śukra*, *retas* и *bīja*. Термин *śukra* содержит уже первый стих второй главы третьей книги «Строение тела» «О сперме, менструальной крови и очищении тела» (*śukra-ṣoṇita-suddhiśāstra*)²⁶ [*Bhishagraṭna*, 1911, p. 122; *The Suśruta-Samhitā*, 1945, p. 345]. При описании признаков неспособности

²¹ Т.Я. Елизаренкова использовала практически забытое слово «уд» для обозначения пениса.

²² Ср. цитированный выше гимн «Атхарваведы» (VIII.7.21), где бог грозы и дождя Парджанья «ударяет семенем» (*retasa*) травы и коров: авторы уподобили дождь семени [*Атхарваведа*, 2007, с. 34]. Однако брахмачарин в данном случае и есть Брахма, так как благодаря его семени «живут четыре стороны света» [*Атхарваведа*, 2007, с. 147].

²³ В редакции «Пайппалада» – «речь, красоту, славу» (*vacam śreṣṭhām yaśo 'smāsu*) [*Atharva-Veda Samhitā*, 1905, p. 640].

²⁴ Возможно, вкусов или жидкостей.

²⁵ См.: [*Atulyagotriya Sharira*]. Санскритский текст:

अतुल्यगोत्रस्य रजःक्षयान्ते रहोविसृष्टं मिथुनीकृतस्य। किं स्याच्चतुष्पात्प्रभवं च षडभ्यो यत् स्त्रीषु गर्भत्वमुपैति पुंसाम्॥३॥
शुक्रं तदस्य प्रवदन्ति धीरा यद्दीयते गर्भसिमुद्भवाय। वाय्वग्निभूम्यङ्गुणपादवत्तत् षडभ्यो रसेभ्यःप्रभवश्च तस्य॥४॥

²⁶ См. онлайн-издание: [*Sushruta Samhita. Chapter II*]. Критическое издание [*The Suśruta-Samhitā*, 1945], включая пагинацию, выполнено целиком в देванагари.

к зачатию речь идет о «пахнувшей мочой или испражнениями сперме» (mūtra-puīṣa-retas, III.2.3). «Недостатки спермы» обозначаются выражением śukradoṣa (III.2.15). Упоминается «излитая сперма»: «Не имеет хороших качеств сперма, излитая в лоно при менструации» (na sa pravartamāne rakte **bijaṃ praviṣṭaṃ** guṇakaraṃ bhavati, III.2.31) [Bhishagratna, 1911, p. 129; *The Suśruta-Saṃhitā*, 1945, p. 350]. В то же время слово bīja означает и здоровое семя, например, в перечислении четырех условий благоприятного зачатия: «подходящее время, здоровая матка, питательная жидкость и здоровая сперма» (ṛtukṣetrāmbubījānām, Gen. Pl., III.2.33) [Bhishagratna, 1911, p. 129; *The Suśruta-Saṃhitā*, 1945, p. 351]. Брызги и потоки спермы встречаются в III.2.45: śukravahāḥ sirāḥ [*The Suśruta-Saṃhitā*, 1945, p. 353]. Синонимичность понятий отражается в показательном утверждении «Сушрута-самхиты»: «Бесплодный (импотент, āseka) рождается от скудости отцовской спермы; определенно он возбуждается (эрегирует), проглатывая семя (другого) мужчины» (pitror **atyalpabījatvād** asekaḥ puruṣe bhavet sa **śukraṃ prāśya** labhate dhvajocchrātamasamśayam, III.2.33) [Bhishagratna, 1911, p. 131; *The Suśruta-Saṃhitā*, 1945, p. 352].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Отношение к сперме зависит в первую очередь от социальных факторов. Ману и Ватсьяна преследовали совершенно разные цели и обращались к разной аудитории. Ману формулировал правила правильного обрядового поведения для брахманов, а Ватсьяна – науку наслаждений для состоятельного городского населения безотносительно кастовой принадлежности. Ману разрывался между космогонической необходимостью спермы для творения мира (и одновременно необходимостью божественной мастурбации или хотя бы поллюции) и её обрядовой нечистотой на определенных стадиях жизни и при «неправильном», т.е. не ведущим к зачатию удовлетворением сексуального влечения. Это, вероятно, обусловило множественность терминов для обозначения спермы в «Законах Ману». Ватсьяна, напротив, практически не интересуется космогонией и устройством мироздания, поэтому ему не требуется разведение условно хорошей и плохой спермы. Он использует положительно окрашенные слова для её обозначения и избегает терминологии дхармической литературы. Можно предположить, что санскрит предоставлял возможность даже в пределах поучительных и наставительных сочинений говорить на разных уровнях (или разным стилем). Несомненно религиозный характер «Законов Ману» и столь же явно светский характер «Камасутры» с разных точек зрения отражают безграничный мир древнеиндийской культуры и показывают разное отношение к человеческой сексуальности и её проявлениям.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

МНМ – *Мифы народов мира*. Под ред. С.А. Токарева. Т. I–II. М.: Олимп, 2000 [*Myths of the Peoples of the World*. Ed. S.A. Tokarev. T. 1–2. Moscow: Olimp, 2000 (in Russian)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аверинцев С.С. Вода. МНМ. Т. 1. М., 2000. С. 240 [Averintsev S.S. Water. *Myths of the Peoples of the World*. Ed. S.A. Tokarev. Vol. 1. Moscow, 2000. P. 240 (in Russian)].

Алиханова Ю.М. К истокам древнеиндийского понятия «раса». *Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках*. Сост. Л.Ш. Рожанский. Отв. ред. Е.С. Новик. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 161–183 [Alikhanova, Yu.M. The Origin of the Early Indian Concept of Rasa. *Archaic*

Rituals in Folklore and Early Literary Texts. Eds. L.Sh. Rozhansky, E.S. Novik. Moscow: Nauka, GRVL, 1988. Pp. 161–183 (in Russian)].

Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Т. 1: Кн. I–VII. М.: Вост. лит., 2005 (Памятники письменности Востока. СХХХV, 1) [*Atharvaveda-Śaunakīya: Books 1–7: A Russian Translation* by Tatiana Elizarenkova. Moscow: Vostochnaia literatura, 2005 (Series “Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, СХХХV, 1) (in Russian)].

Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Т. 2: Кн. VIII–XII. М.: Вост. лит., 2007 (Памятники письменности Востока. СХХХV, 2) [*Atharvaveda-Śaunakīya: Books 8–12: A Russian Translation* by Tatiana Elizarenkova. Moscow: Vostochnaia literatura, 2007 (Series “Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, СХХХV, 2) (in Russian)].

Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Т. 3: Кн. XIII–XIX. М.: Вост. лит., 2010 (Памятники письменности Востока. СХХХV, 3) [*Atharvaveda-Śaunakīya: Books 13–19: A Russian Translation* by Tatiana Elizarenkova. Moscow: Vostochnaia literatura, 2010 (Series “Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, СХХХV, 3) (in Russian)].

«Благоуханный сад для духовных услад» учёнейшего шейха Сиди Мухаммада ибн Мухаммада ан-Нафзави. Пер. с арабского и послесловие Д.В. Микельского. М.: Таус, 2008. [*The Perfumed Garden for the Soul's Delectation*, by the Sheikh Sidi Muhammed ibn Muhammad an-Nefzawi. Transl. from the Arabic by D.V. Mikulsky. Moscow: Taus, 2008 (in Russian)].

Брихадараньяка-упанишада. Пер., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. М.: Наука, ГРВЛ; Ладомир, 1992. (Памятники письменности Востока, V). [*Brhadāranyaka Upaniṣad*: Transl., commentaries by A.Ya. Syrkin. Moscow: Nauka–Ladimir, 1992 (Series “Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, V) (in Russian)].

Ватсьяяна Малланага. *Камасутра*. Пер. с санскр., вступ. ст. и коммент. А.Я. Сыркина. М.: Восточная литература, Наука, 1993(1) (Памятники письменности Востока, т. CXI) [*Vatsyaana Mallanaga. Kamasutra*: Transl. by A.Ya. Syrkin. Moscow: Vostochnaia literatura; Nauka, 1993(1) (Series “Pamiatniki pis'mennosti Vostoka”, CXI) (in Russian)].

Ватсьяяна Малланага. *Камасутра*. Пер. с санскр. А.Я. Сыркина. М.: Восточная литература, Наука, 1993(2) [*Vatsyaana Mallanaga. Kamasutra*. Transl. by A.Ya. Syrkin. Moscow: Vostochnaia literatura; Nauka, 1993(2) (in Russian)].

Ватсьяяна Малланага. *Камасутра*. Пер. с санскр., вступ. ст. и коммент. А.Я. Сыркина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 2019 [*Vatsyaana Mallanaga. Kamasutra*. Transl. by A.Ya. Syrkin. Moscow: Nauka, 2019 (in Russian)].

Веремёнко В.А. «Страшный враг юношества» – борьба с онанизмом и половое просвещение подростков из привилегированных слоев российского общества во второй половине XIX–начале XX вв. *Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. СПб., 2016(1). С. 68–75 [Veremenko V.A. “The Terrific Enemy of the Youth” – the Struggle with Masturbation and Sexual Education of the Teens from Russian Aristocracy in the Later 19th to early 20th century. *The Capital and the Province: Interactions of the Centre and Regions in the History of Russia*. Saint Petersburg, 2016(1). Pp. 68–75 (in Russian)].

Веремёнко В.А. Сексуальное воспитание юношей в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. *История повседневности*. 2016(2). № 1 (1). С. 85–105 [Veremenko V.A. Sexual Education of the Youth of Russian Noble Families in the Later 19th to early 20th Century. *Istoriia povsednevnosti*. 2016(2). No. 1 (1). Pp. 85–105 (in Russian)].

Вигасин А.А. Поношение и срамословие в Древней Индии. *Вестник древней истории*. 2016. Т. 76. № 1. С. 108–117 [Vigasin A.A. Verbal Abuse and Obscenity in Ancient India. *Vestnik drevnei istorii*. 2016. Vol. 76/1. Pp. 108–117 (in Russian)].

Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. Т. IV. P–V. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882

[Dal V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. 2nd ed. Vol. 4. Saint Petersburg: Izdanie knigoprodavca-tipografa M.O. Vol'fa, 1882 (in Russian)].

Дандекар Р.Н. *От вед к индуизму: эволюционирующая мифология*. М.: Восточная литература, 2002 [Dandekar R.N. *From Vedas to Hinduism: An Evolutioning Mythology: Collected Essays*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian)].

Дерягин Г.Б., Сидоров П.И., Соловьев А.Г. Мастурбация: реальный секс с виртуальным партнёром. *Российский психиатрический журнал*. 2002. № 2. С. 76–80 [Deriagin G.B., Sidorov P.I., Soloviev A.G. Masturbation: Real Sex with a Virtual Partner. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal*. 2002. No. 2. Pp. 76–80 (in Russian)].

Законы Ману. Пер. С.Д. Эльмановича, пров. и испр. Г.Ф. Ильиным. М.: Наука–Ладомир, 1992 [The Laws of Manu, or Manusmṛti. Transl. by S.D. El'manovich, ed. by Grigorii F. Ilyin. Moscow: Nauka–Ladomir, 1992 (in Russian)].

Захаров А.О. О русском переводе “Камасутры”. *Восток (Oriens)*. 2016. № 5. С. 172–185 [Zakharov A.O. Few Notes on the Russian Translation of “Kāmasūtra”. *Vostok (Oriens)*. 2016. No. 5. Pp. 172–185 (in Russian)].

Кейпер Ф.Б.Я. *Труды по ведийской мифологии*. Пер. с англ. М.: Наука, ГРВЛ, 1986 [Kuiper F.B.J. *Essays on the Vedic Mythology*. Translations from English. Moscow: Nauka, GRVL, 1986 (in Russian)].

Кобзев А.И. Парадоксы китайского эроса (вступительное слово). *Китайский эрос. Научно-художественный сборник*. Сост. и отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Квадрат, 1993. С. 12–31 [Kobzev A.I. Paradoxes of the Chinese Eros (Introduction). *Chinese Eros*. Ed. A.I. Kobzev. Moscow: Kvadrat, 1993. Pp. 12–31 (in Russian)].

Ригведа. Мандалы I–IV. Издание подгот. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989 [Rig Veda: Books 1–4. A Russian Translation by T.Ya. Elizarenkova. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].

Ригведа. Мандалы IX–X. Издание подгот. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999 [Rig Veda: Books 9–10. A Russian Translation by T.Ya. Elizarenkova. Moscow: Nauka, 1999 (in Russian)].

Скиппер К. Заметки о даосизме и сексуальности. *Китайский эрос. Научно-художественный сборник*. Сост. и отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Квадрат, 1993. С. 102–123 [Skipper K. Remarks on Daoism and Sexuality. *Chinese Eros*. Ed. A.I. Kobzev. Moscow: Kvadrat, 1993. Pp. 102–123 (in Russian)].

Соколов А.Б. «Грех Онана»: эволюция представлений о мастурбации в новое время. *Corpus Mundi*. 2020. Т. 1. № 1. С. 82–110 [Sokolov A.B. “Onan’s Sin”: the Evolution of Perception of Masturbation in Modern Times. *Corpus Mundi*. 2020. T. 1. No. 1. Pp. 82–110 (in Russian)].

Сыркин А.Я. *Некоторые проблемы изучения упанишад*. М.: Наука, ГРВЛ, 1971 [Syrkin A.Ya. *Some Problems of the Upaniṣad Studies*. Moscow: Nauka, GRVL, 1971 (in Russian)].

Сыркин А.Я. По поводу перевода «Камасутры». *Восток (Oriens)*. 2018. № 2. С. 93–102 [Syrkin A.Ya. Apropos of the “Kamasutra” Translation. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 2. Pp. 93–102 (in Russian)].

Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе. Роман, иллюстрированный 200 гравюрами из дворца китайских императоров. В 4 т. (5 кн.). Сост., научная подгот. текста, сверка с оригиналом и ред. А.И. Кобзева. Пер. В.С. Манухина, А.И. Кобзева, В.И. Таскина. Иркутск; М.: Улисс–ИВ РАН, 1994–2016 [Jin Ping Mei, or The Plum in the Golden Vase: A Russian Translation. Ed. A.I. Kobzev, Transl. V.S. Manukhin, A.I. Kobzev, V.I. Taskin. Irkutsk; Moscow: Uliss–Institute of Oriental Studies RAS, 1994–2016 (in Russian)].

Чхандогья-упанишад. Пер. с санскр., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. М.: Наука, ГРВЛ–Ладомир, 1992 (Памятники письменности Востока, VI) [Chāndogya-upaniṣad. Transl., comment. by A.Ya. Syrkin. Moscow: Nauka–Ladomir, 1992 (series “Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, VI (in Russian)].

Элиаде М. *История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий*. Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, Ю.Н. Стефанова. 2-е изд. М.: Академический проект, 2009 [Eliade M. *Histoire des croyances et des idées religieuses. De l'âge de la pierre aux mystère d'Eleusis*. Transl. N.N. Kulakova, Yu.N. Stefanov. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2009 (in Russian)].

Эрман В.Г. *Очерк истории ведийской литературы*. М.: Наука, ГРВЛ, 1980 [Erman V.G. *An Essay on the History of Vedic Literature*. Moscow: Nauka, GRVL, 1980 (in Russian)].

Atharva-Veda Samhitā: Translated with a Critical and Exegetical Commentary by W.D. Whitney; Revised and Ed. by C.R. Lanman. 2 vols. Cambridge, Mass.: Harvard University, 1905.

Atulyagotriya Sharira. Charak Samhita. Edition 09.10.2020. https://www.carakasamhitaonline.com/index.php?title=Atulyagotriya_Sharira (accessed: 09.01.2021).

Bertaux-Navoiseau M. *For Autosexuality*. (2018). https://www.researchgate.net/publication/326990410_For_autosexuality_updated_09252020 (accessed: 13/10/2020).

Bertaux-Navoiseau M. *A Child is Beaten (Freud, Anna, and the Repression of Autosexuality)*. May 2020. https://www.researchgate.net/publication/341165295_A_child_is_beaten_Freud_Anna_and_the_repression_of_autosexuality (accessed: 13.10.2020).

Bhattacharya D. *Paippalāda-Samhitā of the Atharvaveda*, Vol. 2. New Delhi: The Asiatic Society, 2007.

Bhishagratna Kaviraj K.L. *An English Translation of the Sushruta Samhita with a Full and Comprehensive Introduction, Additional Texts, Different Readings, Notes, Comparative Views, Index, Glossary and Plates: in Three Volumes*. Vol. 2: Nidana-Sthana, Śarira-Sthana, Chikitsita-Sthana and Kalapa-Sthana. Calcutta, 1911.

Böhtlingk O., Roth R. *Sanskrit-Wörterbuch*. T. I. Saint Petersburg: Buchdruckerei der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1855.

Clark D. Discourses of Masturbation: The (Non)solitary Pleasures of the (Medieval) Text. *Men and Masculinities*. 2016. Vol. 20, Issue 4. Pp. 453–481.

Dugandzic M. Continence, Character, and the Morality of Masturbation. *Venus and Virtue: Celebrating Sex and Seeking Sanctification*. Ed. by Walls J.L., Neill J., Baggett D. Eugene: Cascade, 2018. Pp. 140–150.

The Kama Sutra of Vatsyayana. Translated by Sir Richard Burton and F.F. Arbutnot; Edited with a Preface by W.G. Archer; Introduction by K.M. Panikkar. London–Boston–Sydney: George Allen and Unwin, 1963.

Lubotsky A. *Atharvaveda-Paippalāda, Kanda Five*. Cambridge: Harvard College, 2002.

Manu's Code of Law: A Critical Edition and Translation of the Mānava-Dharmaśāstra by Patrick Olivelle, with the Editorial Assistance of Suman Olivelle. New York: Oxford University Press, 2005.

Monier-Williams M. *A Sanskrit–English Dictionary Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European languages*. Oxford: Oxford University Press, 1899.

Nandy A., Das S. Masturbation, It's Facts & Myths. *International Journal of Trend in Scientific Research and Development (IJTSRD)*. 2019. Vol. 3, Issue 5. Pp. 322–325.

Orriols-Llonch M. Sex and Cosmogony: The Onanism of the Solar Demiurg. *Göttinger Miszellen*. 233, 2012. Pp. 31–42.

Perry S. Does Low-Cost Sexual Gratification Make Men Less Eager to Marry? Pornography Use, Masturbation, Hookup Sex, and Desire to Be Married Among Single Men. *Archives of Sexual Behavior*. 2020(1)/08/05.

Perry S.L. Is the Link Between Pornography Use and Relational Happiness Really More About Masturbation? Results from Two National Surveys. *The Journal of Sex Research*. 2020(2). 57:1. Pp. 64–76.

Pinto-Correia C. *The Ovary of Eve: Egg and Sperm and Preformation*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

Sahnan A. *Masalah Homoseksual, lesbian, onani dan bersetubuh dengan hewan*. Purwokerto: Institut Agama Islam Negeri, 2020 [Sahnan A. *Problems of Homosexuality, Lesbianism, Masturbation and Having Sex with Animals* Purwokerto: Institut Agama Islam Negeri, 2020 (in Indonesian)].

Stenudd S. *The Creation in Rig Veda 10:129: The Paradox of Origin*, 2012. Creation Myths. <https://www.creationmyths.org/rigveda-10-129-indian-creation/> (accessed: 15.10.2020).

Sushruta Samhita. Vol. 3: Sharirasthana by Kaviraj Kunja Lal Bhishagratna, 1911. Chapter II: The Purification of Semen and Cataminal Fluid Wisdom Library. <https://www.wisdomlib.org/hinduism/book/sushruta-samhita-volume-3-sharirasthana/d/doc142880.html> (accessed: 11.01.2020).

The Suśruta-Saṃhitā of Suśruta with Various Readings, Notes and Appendix etc., Edited with the Co-operation of Vaidya Jādavji Trikamji Āchārya by Nārāyaṇ Rām Āchārya “Kāvyatīrth”. Published by Satyabhāmābāi Paṇḍurang. Bombay: Nirṇaya Sāgar Press, 1945.

Taittirīya-Āraṇyaka. Ed. by Subramania Sarma, Chennai, Proofread Version of November 2005, 25.11.2005. <https://www.sanskritweb.net/yajurveda> (accessed: 13.10.2020).

Vātsyāyana. *Kāmasūtram with Commentary of Yaśodhara, dvitīyaṃ saṃskaraṇam*. Nirṇayasāgarayantrālaya, 1900. <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/klskt/kamasutr/kamas.htm> (accessed: 13.10.2020).

Vatsyayana. *The Kama Sutra* Translated by Sir Richard Burton, and F.F. Arbuthnot; Ed. with a Preface by W.G. Archer; Introduction by K.M. Panikkar. London: Allen & Unwin, 1963.

Vātsyāyana. *The Complete Kāma Sūtra: the First Unabridged Modern Translation of the Classic Indian Text Including the Jayamangalā Commentary from the Sanskrit by Yashodhara and Extracts from the Hindi Commentary by Devadatta Shāstrā*. Transl. by Alain Daniélou. Rochester, Vermont: Park Street Press, 1994.

Vatsyayana Mallanaga. *Kamasutra: A New, Complete English Translation of the Sanskrit Text with the Excerpts from the Sanskrit Jayamangala Commentary of Yashodhara Indrapala, the Hindi Jaya Commentary of Devadatta Shastri, and Explanatory Notes by the Translators*. Transl. and ed. by Wendy Doniger and Sudhir Kakar. New York: Oxford University Press, 2002.

Vātsyāyana. *The Kamasutra: the original Sanskrit*. An English Translation [by] Lars Martin Fosse. Woodstock, NY: YogaVidya.com, 2012.

The Veda of the Black Yajus School, Entitled Taittirīya Saṃhita, Translated from the Original Sanskrit Prose and Verse, with a Running Commentary by Arthur Berridale Keith. Cambridge, Mass.: The Harvard University Press, 1914.

Zehnder T. *Atharvaveda-Paipalāda*. Buch 2. Idstein, 1999.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ЗАХАРОВ Антон Олегович –
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института востоковедения РАН;
профессор Московского городского
психолого-педагогического университета,
Москва, Россия; заведующий кафедрой
регионоведения и международных отношений
Института стран Востока, Москва, Россия.

Anton O. ZAKHAROV, DSc (History),
Leading Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences; Professor,
Moscow State University of Psychology
and Education, Moscow, Russia; Professor,
Oriental University, Moscow, Russia.

КЛАССИЧЕСКИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080014400-7

ФОРТИФИКАЦИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СООРУЖЕНИЙ БЕРКУТ-КАЛИНСКОГО ОАЗИСА
КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ХОРЕЗМЕ *

© 2021

С.Б. БОЛЕЛОВ ^a, М.М. КОВРИЖКИНА ^b, М.Г. НИКИФОРОВ ^c

^a – Государственный музей искусства народов Востока, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1423-293X; bsb1958@yandex.ru

^b – Московский гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5160-3755; kolibri-hr@yandex.ru

^c – ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3106-5854; followup@mail.ru

Резюме: В статье подробно рассматриваются системы фортификации раннесредневековых замков и усадеб Беркут-калинского оазиса в Правобережном Хорезме. При подготовке этой статьи была сформирована единая база данных, для которой была использована картотека замков Беркут-калинского оазиса, составленная Е.Е. Неразик в начале 1960-х годов. В свое время она не была опубликована полностью и в данный момент хранится в архиве ИЭА РАН. В составленной базе дано описание 77 замков, расположенных по течению Кыркызского канала от Кум-Баскан-калы на юге до Уй-калы на севере. Кроме того, в нее были включены данные еще 13 замков, благодаря чему общий объем выборки составил 90 объектов. На основании формализованного описания оборонительных сооружений с помощью математических критериев оценивается уровень обороноспособности каждого памятника. В результате анализа выделяется несколько категорий замков и усадеб, которые объективно различаются по степени защищенности. С помощью планиграфического анализа территории всего оазиса, который рассматривается как взаимосвязанная пространственная структура, выявлена система расположения наиболее укрепленных замков, что позволяет выдвинуть предположение о системности постройки и перестройки основных сооружений оазиса. Структурный и факторный анализ позволяет сделать выводы об особенностях топографии оазиса применительно к двум основным функциям сооружений: военной и экономической. Дальнейший анализ распределения сооружений подтверждает обоснованность этой гипотезы. Замки с наиболее эффективной системой фортификации, которая была усилена сторожевыми башнями, располагались на границах ирригационного района или на узловых участках системы ирригации на трассе магистрального канала, что позволяло контролировать подачу воды на территории оазиса. По всей видимости, эта структура, окончательно сложившаяся в результате капитальной перестройки большинства усадеб в VII – начале VIII вв. н.э., сформировалась в результате усилившихся перед арабским завоеванием процессов децентрализации государства Хорезмшахов.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00040А «Составление геоинформационной системы археологических памятников древнего и средневекового Хорезма по данным спутниковых снимков».

This work was supported by the RFBR grant No. 19-09-00040A “Creation of geoinformation system of archaeological monuments of ancient and medieval Khorezm according to satellite images”.

Ключевые слова: раннее Средневековье, фортификация, земледельческий оазис, замок, сторожевая башня, оборонительная стена.

Для цитирования: Болелов С.Б. Коврижкина М.М., Никифоров М.Г. Фортификация раннесредневековых сооружений Беркут-калинского оазиса как индикатор социально-экономических процессов в раннесредневековом Хорезме. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 32–44. DOI: 10.31857/S086919080014400-7

FORTIFICATION OF EARLY MEDIEVAL STRUCTURES OF THE BERKUT-KALINSKY OASIS AS INDICATOR OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES IN EARLY MEDIEVAL KHOREZM

© 2021 Sergey B. BOLELOV^a, Maria M. KOVRIZHKINA^b, Mikhail G. NICKIFOROV^c

^a – State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1423-293X; bsb1958@yandex.ru

^b – Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5160-3755; kolibri-hr@yandex.ru

^c – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3106-5854; followup@mail.ru

Abstract: *The article discusses in detail the systems of fortification of early medieval castles and estates of the Berkut-kalinsky oasis. The card index of the castles of the Berkut-kalinsky oasis compiled by E.E. Nerazik in the early 1960s was used for a unified database created while preparing this article. At one time it was not published in full and is currently stored in the archive of the Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Based on a formalized description of defensive structures using mathematical criteria, the level of defense capability of each monument is assessed. As a result of the analysis of the data obtained, several categories of castles and estates are distinguished, which objectively differ in the degree of security. With the help of a planigraphic analysis of the territory of the entire oasis, which is considered as an interconnected spatial structure, the system of location of the most fortified castles was revealed, which cannot be considered spontaneous. The castles with the most efficient fortification system, which were reinforced by watchtowers, were located at the borders of the irrigation area, or at the nodal points of the irrigation system along the main line, because of which they controlled the water supply to the oasis territory. Apparently, this structure, which was finally formed because of the overhaul of most estates in the 7th and early 8th centuries AD, was formed as a result of the processes of decentralization of the Khorezmshah state, which intensified before the Arab conquest.*

Keywords: Early Middle Ages, fortification, agricultural oasis, castle, watchtower, defensive wall.

For citation: Bolelov S.B., Kovrizhkina M.M., Nickiforov M.G. Fortification of Early Medieval Structures of the Berkut-kalinsky Oasis as Indicator of Socio-Economic Processes in Early Medieval Khorezm. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 32–44. DOI: 10.31857/S086919080014400-7

Целью настоящего исследования является анализ структуры Беркут-калинского оазиса¹ с учетом особенностей системы фортификации его отдельных сооружений, а также

¹ Ныне на территории Турткульского района Каракалпакии.

определение места различных по степени защищенности замков в общей селитебной структуре оазиса.

Фортификация раннесредневековых замков и поселений описана Е.Е. Неразик, выявившей характерные особенности оборонительных систем и отдельных фортификационных узлов раннесредневековых замков и сельских поселений правобережного Хорезма [Неразик, 1966, с. 50–68]. Для своего времени это была достаточно полная характеристика раннесредневековых оборонительных сооружений именно сельских поселений, тем более что ранее они подробно не рассматривались. Однако детального формализованного анализа системы фортификации всех памятников с целью выделения типов и вариантов оборонительных систем тогда сделано не было.

Основная идея данной статьи заключается в том, что в настоящее время, на основании строго формализованного анализа имеющихся данных, а также с использованием космических снимков, можно выделить универсальные признаки, характеризующие систему фортификации каждого объекта в условных единицах, и определить место памятника в системе обороны оазиса в целом.

При этом возможны различные варианты группировки наиболее укрепленных объектов. Например, они могут образовывать единую систему укреплений, которые контролировали периметр оазиса и наиболее важные участки в виде ответвления каналов. Либо территория оазиса может распасться на отдельные фрагменты с господствующим замком, что позволит выделить в оазисе автономные микрорегионы. С другой стороны, наиболее защищенные поселения могут группироваться, образуя оборонительные линии, или, наоборот, случайно рассредоточиться по всему оазису, каким бы ни было взаимное расположение памятников различной степени обороноспособности.

Степень защиты каждого замка можно оценивать по формальным критериям, т.е. по совокупности признаков, описывающих фортификацию. Эти признаки должны быть, прежде всего, дискретными, понятными, легко оцениваемыми, информативными. Они не могут быть уникальными. С одной стороны, уникальный критерий сразу выделяет памятник среди всех остальных, но с другой стороны, не должно возникнуть ситуации, когда у нас есть много признаков, каждый из которых характерен только для одного из объектов.

Для создания единой базы памятников была использована картотека замков Беркут-калинского оазиса, составленная Е.Е. Неразик. В свое время она не была опубликована полностью и сегодня хранится в архиве ИЭА РАН. В составленной в начале 1960-х годов базе данных приводится описание 77 замков, расположенных по течению Кыркызского канала от Кум-Баскан-калы на юге до Уй-калы на севере. Кроме того, в базу данных были включены опубликованные ранее сведения о 13 других замках. Таким образом, объем выборки составил 90 объектов.

Район от Уй-калы до Большой Кыркыз-калы был освоен и застроен еще в период античности. Однако в довоенное время Хорезмская экспедиция его не успела исследовать. После возобновления работ в конце 1940-х годов территории к северу от Уй-калы уже были почти полностью освоены под посевами и там сохранились только наиболее крупные памятники [Неразик, 2013, с. 67].

Район Беркут-калы пострадал меньше, но и здесь часть памятников была потеряна из-за освоения территории. Единственный источник информации об утраченных сооружениях – рисунки художника Н.П. Толстова. Сопоставляя архитектурную форму разрушенного замка с похожим сохранившимся замком, Е.Е. Неразик проводила реконструкцию характеристик разрушенных памятников.

Данные картотеки были перепроверены, исправлены и дополнены с помощью опубликованных материалов [Толстов, 1948; Неразик, 1966; 2013] и полевых дневников сотрудников ХАЭЭ, в которых описаны результаты раскопок отдельных замков.

ПРИЗНАКИ ФОРТИФИКАЦИИ

Все учтенные в данной статье объекты разделяются на две группы: усадьбы с донжоном и усадьбы без донжона [Неразик, 1966, с. 15]².

С точки зрения фортификации к наименее защищенным объектам отнесем отдельно стоящую усадьбу без донжона, которая представляет собой двор с внутренней планировкой, обнесенный по периметру пахсовыми или кирпичными стенами. У таких сооружений индекс фортификации по умолчанию будет равен нулю.

Учитывая заявленную выше тему, в данной статье рассматривается только первая группа памятников. В ней можно выделить три типа памятников по месту расположения донжона в пределах внешних стен замка: 1 – донжон в одном из углов усадьбы или замка; 2 – донжон на входе в замок (чаще всего это перестроенные в поздний период усадьбы с укрепленным входом); 3 – донжон в центре усадьбы или замка. По всей видимости, отдельно стоящие башни или донжоны без двора следует рассматривать как особый тип сооружений.

Рассмотрим возможные признаки, которые могут характеризовать фортификацию объекта, и оценим, какие из них можно использовать для выделения вариантов системы обороны памятника.

Признак № 1 – наличие укрепленной жилой башни – донжона. В случае неожиданного нападения, если противник преодолет периметр стен, обитатели замка могут укрыться в донжоне, высота которого достигает 6–8 метров. Быстро взять штурмом столь мощное сооружение не получится, благодаря чему у защитников будет достаточно времени подать сигнал об опасности и, возможно, дожждаться помощи из оазиса. Кроме того, большинство описанных донжонов стоят на цоколе, который в силу монолитности нельзя пробить стенобитным орудием.

Признак № 2 – положение донжона внутри замка. Донжон наиболее выгодно расположен, когда он укрепляет одну из стен замка или еще лучше – вход в замок. На всех иллюстрациях и рисунках донжоны выше стен, следовательно, из них можно было стрелять дальше. К сожалению, достаточно часто приходится определять положение донжона по рисунку или схематическому плану, где вход не обозначен. Вследствие этого в качестве признака придется использовать только положение донжона относительно стен.

Признак № 3 – вход на донжон через подвесной мост. На ряде памятников вход в донжон отсутствует как таковой, что увеличивает время штурма. Попасть внутрь донжона можно было только по расположенной неподалеку башне, на которую опускался подъемный мост.

Признак № 4 – наличие башен по периметру стен. Чем их, тем выше защищенность объекта.

Признак № 5 – наличие бойниц в стенах. Важный, однако редко встречающийся признак.

Признак № 6 – общая площадь памятника. Хотя этот признак и косвенный, его тоже следует учитывать. Осада замков площадью 400 и 4000 м² – совершенно разные задачи. В крупных замках можно разместить более многочисленный гарнизон, тогда его осада потребует большего количества войск.

Признак № 7 – высота стен и высота донжона. Чем выше стена, тем сложнее ее штурм. Однако проблема заключается в том, что чаще всего мы не располагаем информацией о подлинной высоте стен. В ряде случаев, когда памятник имеет плохую сохранность, изначальная высота стены неизвестна. Поэтому данный признак не получится использовать в качестве параметра.

² По данным Е.Е. Неразика почти все замки с донжоном на территории Беркут-калинского оазиса появляются в VII–VIII вв. н.э. в результате капитальной перестройки усадеб оазиса [Неразик, 1966, с. 17]. В предлагаемой статье рассматриваются замки именно этого периода, т.е. финального этапа интенсивного периода обживания зоны орошения Беркут-калинского канала.

Признак № 8 – Наличие бойниц на верхних этажах донжона. Судя по всему, бойницы должны были иметься на каждом донжоне, хотя не везде сохранились. В картотеке Е.Е. Неразик бойницы упоминаются не всегда (видимо, это связано с степенью сохранности памятников), а на рисунках Н.П. Толстова они присутствуют на всех хорошо сохранившихся донжонах.

На рис. 1 приведен характерный памятник оазиса – замок № 14 или Ауля-кала. Вход в крепость находится примерно в центре южной стены двора, к западу от него расположен донжон, верхняя часть которого разрушена. К востоку от входа стоит башенка, с которой к донжону опускался перекидной мост. Для входа на башню к восточной стене двора был пристроен пандус.

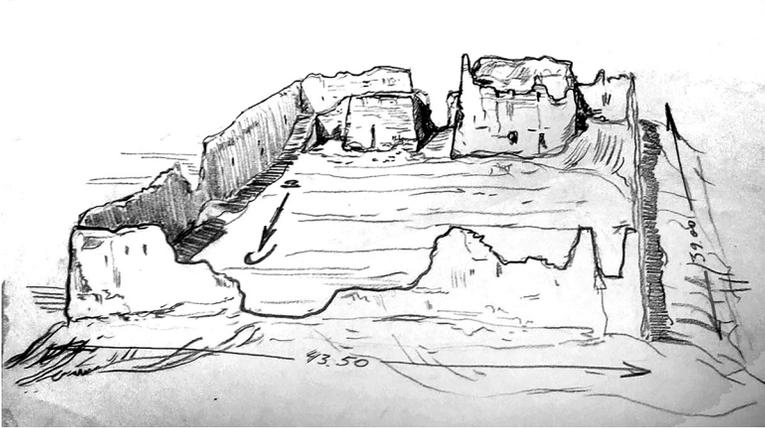

Рис. 1. Замок № 14, Ауля-кала. Вид с севера.

Наличие и положение донжона влияют сразу на три признака фортификации, это признаки № 1–3. Поэтому представляется разумным построить классификацию памятников, выделив среди всех признаков наличие у замка донжона (см. рис. 2).

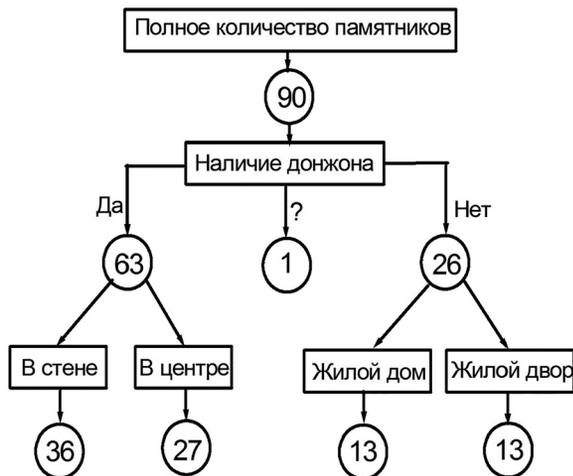

Рис. 2. Морфологическая классификация памятников Беркут-калинского оазиса.

В таблице 1 приведена частота повторения каждого фортификационного признака.

Таблица 1. Частоты, с которыми встречаются фортификационные признаки

№	Название признака	Частота
1	Наличие донжона.	63
2	Примыкание донжона к стене	36
3	Вход на донжон через мост	10
4	Наличие башен	20
5	Наличие бойниц в стенах	7
6	Общая площадь $S > 1900 \text{ м}^2$	16

В 26 случаях замок представляет собой одиночное сооружение без двора или укрепленный двор, в котором отсутствует донжон. Очевидно, что степень их защищенности была крайне низкой, однако интересно проследить их локализацию по отношению к другим одиночным зданиям.

Признак № 1. Наличие донжона с периметром стен двора наблюдается в 65 случаях.

Признак № 2. Донжон примыкает к внешней стене с внутренней стороны в 36 случаях, что наблюдается достаточно часто. И наоборот, только в 27 случаях донжон находится внутри двора.

Признак № 3. Вход в донжон через мост встречается всего на десяти памятниках, однако наличие этого признака установить гораздо сложнее, чем обнаружить остатки донжона, башен или бойниц. В качестве примера можно привести хорошо сохранившийся замок № 60, который был обследован Е.Е. Неразик в 1953 и 1960 гг. [Неразик, 1960, с. 87] она пишет об обнаружении входа на пандус, который ведет на второй этаж донжона. Очевидно, что найти этот признак по рисункам Н.П. Толстова еще сложнее, поэтому здесь возможны пропуски. Отметим, что данный прием фортификации направлен не на активную защиту замка, а на выживаемость его защитников в случае, если враг уже взял первый рубеж обороны.

Признак 4. В общей сложности количество замков, внешние стены которых укреплены башнями, составляет 20, что относительно много. Тем не менее число башен варьируется от одной на замках № 14 и 29 до десяти и более на Кум-Баскан-кале³. Башни на внешних стенах присутствуют на замках № 9, 11, 14, 16, 19, 20, 28, 29, 32, 40, 41, 60, 72, 73 и на всех четырех крупных замках, у которых есть названия (далее – именные замки).

Признак 5. Наличие бойниц в стенах – достаточно редкий признак, поскольку они присутствуют только у шести замков: № 28, 38, 40, 64, 92, а также в Кум-Баскан-кале и Беркут-кале.

Признак 6. Сюда априорно относятся все крупные памятники оазиса и вопрос только в том, какие из них следует считать крупными. Проанализировав диаграмму рассеяния памятников, мы отнесли к крупным те, у которых площадь двора превышает 1900 м^2 .

ОЦЕНКА ЗАЩИЩЕННОСТИ СООРУЖЕНИЙ ОАЗИСА

Помимо выделения признаков фортификации, на их основе необходимо составить функцию $F(p_1, p_2, \dots, p_6)$, которая, учитывая характеристики памятника, могла бы численно оценить величину его защищенности. Рассмотрим вариант построения функции

³ Из-за плохого состояния этой крепости изначальное число её башен определить невозможно.

$F_1(p_i)$, у которой значение фортификации равно сумме всех весов, набранных по каждому признаку:

$$F_1 = p_1 + p_2 + p_3 + p_4 + p_5 + p_6$$

Если признак p_i обнаруживается на памятнике, то мы приписываем ему вес равный единице, а в противном случае – нулевой вес. Кроме того, будем считать, что все признаки равноправны и в случае наличия оказывают одинаковое влияние: $p_1 = p_2 = \dots = p_6 = 1$. Результаты этой оценки представлены на рис. 3.

Основную часть укрепленных поселений оазиса можно считать замками с незначительным уровнем защищенности, а наиболее укрепленными сооружениями – объекты с индексом фортификации $F_1(p_i) \geq 4$ при максимально возможном значении 6. Этому индексу соответствуют 10 объектов: замки № 9, 14, 28, 40, 60, 73, 82 и крупные именные памятники – Кум-Баскан-кала, Тешик-кала, Беркут-кала и Уй-кала.

Предложенный вид функции $F_1(p_i)$ характеризует обороноспособность замка с точки зрения выживаемости его защитников, но нам бы хотелось оценить участие замка в обороноспособности всего оазиса, поэтому весовые значения коэффициентов p_i должны быть пересмотрены.

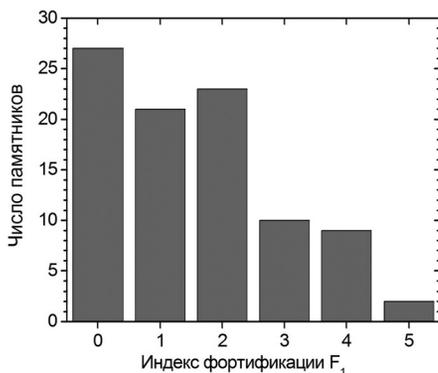

Рис. 3. Частотная гистограмма оценки фортификации замков по первой модели.

Например, признаки p_1 и p_2 достаточно похожи: первый учитывает наличие донжона, а второй – его расположение. Оба описывают защитные свойства донжона, второй признак – при штурме стен, а первый выживаемость защитников в случае проникновения противника за стены. Очевидно, что для оценки защитной роли замка, когда противник его еще не взял, параметр p_1 не важен. По этой же причине не важен и параметр p_3 , который актуализируется только в случае потери внешнего периметра. Поэтому значения этих весов следует принять равными нулю.

Тем не менее можно выше оценить параметр p_5 , который характеризует наличие бойниц в стенах и встречается всего 6 раз. Объекты, имеющие этот признак, подразумевают наличие воинов-стрелков, имеющих специальную подготовку. Поэтому примем вес признака 5 равным 2, т.е. $p_5 = 2$.

В результате пересмотра весовых коэффициентов в меньшую сторону функция защищенности так же уменьшилась (рис. 4). Поэтому, границу индекса фортификации, начиная с которого замок считается хорошо укрепленным следует сместить в меньшую сторону.

Возьмем в качестве порогового значения $F_2(p_i) = 3$ и получим список из 9 объектов, куда входит четверка крупных именных замков и номерные замки № 9, 28, 38, 40, 60, 64, 92. Пересекая оба набора, получим общие объекты: № 9, 28, 40, 60 и четыре именных замка.

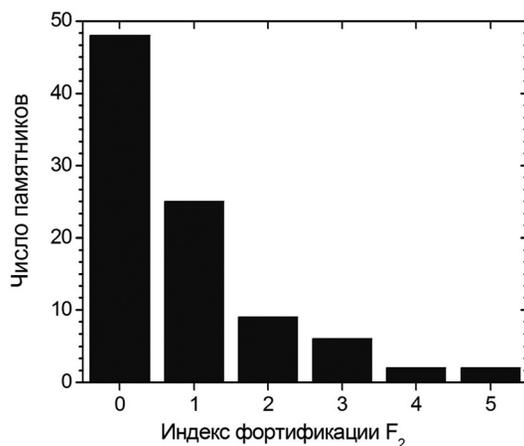

Рис. 4. Частотная гистограмма оценки фортификации замков по второй модели.

Fig. 4. Frequency histogram for assessing the fortification of monuments according to the second model.

Эта семерка замков является наиболее защищенной с точки зрения фортификации, однако такого количества объектов явно недостаточно для успешной обороны оазиса. Тем более, что из этого списка будет разумным исключить Беркут-калу, которая в VI–VIII вв. по своим функциям может считаться скорее городским поселением, чем сельским, и Тешик-калу, которая, вероятно, была усадьбой крупного феодала. Подобные объекты и должны быть сильно укреплены.

Поэтому мы рассмотрим не пересечение, но объединение множеств замков, которые получаются для индексов фортификации F_1 и F_2 . В результате к полученному множеству добавятся замки № 14, 38, 64, 73, 82 и 92.

На рис. 5⁴ показано пространственное распределение замков в зависимости от их фортификации. Жирными пятиугольниками обозначены наиболее защищенные замки. Звездочками отображены объекты с индексом фортификации от 0 до 1, а полыми кружочками – все остальные памятники, которым соответствует средний уровень защиты. Красным цветом выделены номера замков, стены которых имеют бойницы. Римскими цифрами пронумерованы ответвления каналов от основного русла.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

В целом можно утверждать, что самые укрепленные объекты расположены вблизи основного русла канала, а некоторые из них, например, замки № 28, 14 в месте головных сооружений, где от магистрального канала отходят боковые русла. Кроме того, хорошо укрепленные замки располагались и вдоль боковых русел магистрального канала, причем памятники рассредоточены достаточно равномерно. В центральной части оазиса, возле Беркут-калы и замка № 28 расположены средне укрепленные замки.

Отметим, что 50 из 90 объектов оазиса, находится на западном берегу канала, который, вероятно, был более безопасным. Аналогичную закономерность можно проследить и по наиболее значимым памятникам оазиса. Однако этому факту есть и другое объяснение.

⁴ Рисунки 5 и 6 находятся на цветной вклейке.

Большая часть хорошо укрепленных замков (8 шт.) расположена к западу от магистрального канала. Возможно, в определенной зависимости от владельцев этих замков, находились обитатели слабо укрепленных и неукрепленных усадеб.

На левом берегу канала стоят Беркут-кала и Уй-кала, которые были основаны в период античности⁵ и имеют признаки не только крепости, но и города. Южную часть оазиса прикрывает мощная крепость Кум-Баскан-кала, один из самых больших и укрепленных памятников. Однако полноценные раскопки здесь не проводились, поэтому мы не можем ничего утверждать ни о времени его строительства, ни о том, какие функции он выполнял [Неразик, 2013, с. 68]. Здесь же на западном берегу находится замок Тешик-кала, который считается резиденцией крупного феодала.

Отдельного упоминания заслуживает памятник № 28, который Е.Е. Неразик классифицирует как усадьбу, что вызывает вопросы. Хотя памятник имеет относительно небольшие размеры (26×27 м), он находится практически в центральной части оазиса в месте ответвления бокового русла магистрального канала. Замок укреплен расположенным на линии стены донжоном, башнями и стрелковой галереей в стенах. Е.Е. Неразик полагает, что это резиденция местной администрации, которая занималась распределением воды [Неразик, 2013, с. 70]. Здесь следует отметить, что замок № 28, в силу своего расположения, мог контролировать водный режим не только бокового ответвления магистрального канала, но и весь северный отрезок канала до Уй-калы, т.е. весь северо-западный район оазиса, включая боковое ответвление, ведущее к Беркут-кале (рис. 5). Следовательно, можно предполагать, что значение этого хорошо укрепленного замка было даже больше, чем считала Е.Е. Неразик. Также обратим внимание еще на один, как представляется, немаловажный факт. Выше по течению магистрального канала нет ни одного хорошо укрепленного замка, который мог бы контролировать подачу воды. Кум-Баскан-кала, замки № 38 и 40, скорее, маркируют южную границу оазиса. Таким образом, вода в район Тешик-калы могла поступать, по всей видимости, беспрепятственно. Учитывая это обстоятельство, можно предполагать, что замок № 28 являлся ключевым памятником в деле распределения водных ресурсов на территории всего оазиса. В связи с этим нельзя исключать того, что он был пограничным между двумя частями оазиса – южной и северной.

Косвенно об особом значении замка № 28 свидетельствует еще один интересный факт. Обратимся к данным по костным остаткам, представленным в работе Е.Е. Неразик [Неразик, 1966, с. 96] в таблице № 2. В качестве индикатора потребления примем общее количество остатков крупного N_K и мелкого рогатого скота N_M , а также отношение этих значений к площади памятника S . В результате этой операции получим величины N_K / S и N_M / S , которые можно охарактеризовать как «удельное потребление» крупного и мелкого рогатого скота.

Согласно данным таблицы, по абсолютной величине самым большим было потребление на Беркут-кале. Это вполне ожидаемо, поскольку Беркут-кала – один из самых крупных памятников оазиса. По индикаторам N_K и N_M , на втором месте с заметным отрывом идет замок № 28, что уже выделяет его среди остальных памятников, по которым есть данные. Однако, если соотнести число костей к площади памятника, то потребление на замке № 28 будет аномально высоким по сравнению со всеми другими памятниками. Это дополнительно выделяет замок № 28 из всех других объектов.

Замки № 14, 73, 82 и 92 по совокупности параметров относятся к сильно укрепленным, хотя по степени защищенности практически не отличаются от памятников из таблицы 2.

⁵ Здесь следует заметить, что на этих памятниках зафиксированы слои периода античности, а рядом с Уй-калой в функционировало гончарное производство, датированное первыми веками н.э. [Воробьева, 1961, с. 150–151]. Однако об облике и типе памятника античного периода на месте Беркут-калы и Уй-калы ничего не известно.

В то же время нельзя не отметить место расположения замка № 14 в головной части западного ответвления магистрального канала. В отличие от замка № 28, он построен в истоке периферийного ответвления, что позволяло ему контролировать водный режим небольшого микрооазиса к северу от Беркут-калы.

Таблица 2. Потребление крупного и мелкого рогатого скота в некоторых памятниках оазиса. Числитель характеризует число костей, знаменатель – число особей

№	Название	Число костей КРС, N_K	Число костей МРС, N_M	Площадь, S	Уд. Потр. $(N_K / S) \times 10^{-3}$	Уд. Потр. $(N_M / S) \times 10^{-3}$
1	Беркут-кала	176/5	184/22	9300	19	20
2	Замок №28	103/3	162/14	718	143	226
3	Замок №8	57/2	121/3	1225	47	99
4	Замок №92	45/2	70/3	1216	37	58
5	Замок №30	23/1	4/1	2304	12	12
6	Замок №22	13/1	20/1	504	26	40
7	Замок №64	1/1	54/5	870	1.1	62

Восточную границу оазиса прикрывают сильно укрепленные замки № 38, 40, 60, 64, 9 и 92. Первые три замка, расположенные в хвостовых частях боковых ответвлений магистрального канала, – самые крайние. Таким образом, они не могли контролировать режим обводнения территории, и основной функцией этих памятников была оборона оазиса. Замки № 38, 40 и 64 имеют стрелковые галереи в стенах, что встречается редко и сразу выделяет их как оборонительные объекты. Вместе с Кум-Баскан-калой, замки № 40 и 60 – одни из самых крупных в оазисе и охраняют его границу. В такой конфигурации памятников тоже есть свой смысл – большие замки позволяют в случае необходимости держать на границе оазиса многочисленный гарнизон.

Наконец, в фортификации замка № 60 интересна еще одна деталь. Его стены укреплены двумя мощными башнями, одна находится в северо-восточном, другая – в юго-восточном углу. Это означает, что наиболее угрожающим было восточное направление, что, в свою очередь, позволяет присвоить памятнику приграничный статус.

Учитывая, что замки № 38 и 60 немного выступают на восток, то имеющейся конфигурации памятников было вполне достаточно для обороны, поскольку на территории между ответвлением от канала № II до замка № 60 расположены хорошо укрепленные замки № 9 и 92 прикрывающие поселения к востоку от них.

Обращает на себя внимание практически пустой участок между боковыми каналами № I и II, при этом в хвостовой части канала № II не отмечено сколько-нибудь значимого замка или укрепленного поселения с точки зрения обороноспособности (рис. 5). На карте Е.Е. Неразик достаточно хорошо видно, что на этом участке пески подступают к орошаемой зоне почти вплотную [Неразик, 1966, с. 45, рис. 22]. Конечно, нельзя исключать, что в эпоху раннего средневековья ситуация была другой, но отсутствие на этом участке крупных укрепленных замков дает основание гипотетически предполагать, что она мало отличалась от той, что зафиксирована в середине прошлого века.

Учитывая заявленную тему статьи, несколько подробнее остановимся на памятниках особого типа – отдельно стоящих зданиях на цоколе или без такового. Е.Е. Неразик определяет этот тип несколько иначе: как «отдельно стоявшие здания в виде однокомнатных

башенок на паховом цоколе» [Неразик, 2013, с. 63]. В данной категории объектов можно выделить несколько вариантов.

Вариант № 0 – памятники, которые совершенно точно не относятся к сторожевым башням. Это остатки домов или каких-то построек. Понятно, что если высота бугра или останца меньше 2 метров, то это не донжон и не башня.

Вариант № 1 – памятники, которые не могут быть сторожевыми башнями, или по которым нет информации. Например, в непосредственной близости от объекта фиксируются остатки планировки. Скорее всего, это хозяйственные постройки или даже жилые дома. Надо полагать, что это сильно размытые сельские поселения с донжоном.

Вариант № 2 – Башни или явно укрепленные сооружения на паховом цоколе, которые могут быть сторожевыми башнями. Именно эти сооружения Е.Е. Неразик называет «динами» [Неразик, 2013, с. 63].

По нашему мнению, именно вариант № 2 следует считать сторожевыми башнями.

Обращают на себя внимание места расположения сторожевых башен на территории оазиса (рис. 6). Почти все они были построены рядом с хорошо укрепленными крупными замками, причем с западной стороны они, как представляется, расположены по границе оазиса в пределах зоны видимости с донжонов. В северо-восточной части оазиса три сторожевые башни расположены рядом с замками № 60 и 64. Этот комплекс, по нашему мнению, представлял собой довольно мощный узел обороны, прикрывавший оазис с северо-восточной стороны.

Приведенный выше анализ оборонительных возможностей замков Беркут-калинского оазиса, а также их расположения в пределах орошаемой зоны позволяет высказать некоторые соображения, касающиеся организации селитебной зоны этого небольшого ирригационного района.

Некоторое количество хорошо укрепленных замков (№ 28, № 14) строились в «головах» боковых ответвлений от магистрального канала и таким образом контролировали подачу воды на поля в среднем и нижнем его течении. В итоге, жители поселений в этой зоне находились в зависимости от владельцев замков. По всей видимости, изначально таким же замком был донжон Беркут-калы, около которого в конце VII – начале VIII вв. возникает небольшой городок – центр всего оазиса [Неразик, 2013, с. 53–54]. Интересно, что рядом с замком № 14 и Беркут-калой были сторожевые башни. Как мы уже отмечали выше, особую роль в системе контроля водных ресурсов играл замок № 28. Он находился на примерно одинаковом расстоянии от Тешик-калы и Беркут-калы, но Беркут-кала ниже по течению и в большей степени зависела от режима стока воды, который возможно контролировался из замка № 28. Таким образом подтверждается предположение Е.Е. Неразик об особом статусе этого замка, в котором, возможно, пребывал представитель власти предрежащих, контролировавший водные ресурсы большей части оазиса. Другой вопрос, где была резиденция правителя оазиса? Логично было бы предположить, что в Тешик-кале, куда вода поступала беспрепятственно из южного отрезка канала, но уже ниже по течению жизнь оазиса целиком зависела от доверенного лица администрации, сидевшего в замке № 28.

Если рассматривать весь оазис как взаимосвязанную систему с определенной социальной иерархией, о чем можно судить по различным типам сельских поселений, то нельзя не заметить, что замки с наиболее эффективной фортификацией расположены на границах оазиса, причем большинство из них в хвостовых частях каналов, т.е. в данном случае о контроле воды речь не идет, но можно говорить в первую очередь об оборонительных функциях – защите орошаемой территории. В VII–VIII вв. зона канала Кельтеминар, обводненного в период античности, уже была безводной, значит, Беркут-калинский ирригационный район являлся восточной окраиной всего Правобережного Хорезма. Возможно, с этим связано

формирование довольно мощного оборонительного узла в северо-восточной части оазиса (замки № 60, № 64 и оборонительные башни рядом с ними). С юга, как уже отмечалось выше, оазис прикрывали хорошо укрепленные замки № 38, 40 и самый крупный из них Кум-Баскан-кала, а также сторожевые башни на берегу. Наконец, наибольшее количество хорошо укрепленных замков и сторожевых башен, помимо Тешик-калы и Беркут-калы, располагалось в западной части оазиса (рис. 5).

Приведённые выше факты и высказанные на основе их соображения дают основания рассматривать Беркут-калинский оазис как в определенной степени автономную, вполне взаимосвязанную социально-экономическую структуру – как небольшое удельное владение под управлением крупного землевладельца – дехкана, под властью которого находились землевладельцы более низкого ранга. Структура эта сформировалась в VII–VIII вв., когда почти все здешние поселения подверглись капитальной реконструкции. Судя по всему, именно в это время и формировалась система обороны оазиса. Нельзя исключать того, что перестройки и укрепление усадеб происходили не стихийно, но в какой-то степени целенаправленно. Другими словами, укрепление обороны оазиса могло производиться под контролем местного правителя. Вероятно, это было связано с усилением тенденций к децентрализации накануне первых походов арабов в низовья Амударьи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН [IEA RAS – N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences].

ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция [Chorasmian Archaeological-Ethnographic Expedition of the Academy of Sciences].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белокопытова В.Ф. Полевой дневник № 45–46. 1958. *Архив ИЭА РАН* [Belokopytova V.F. Field diary No. 45–46. 1958. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Берестов В.Д., Неразик Е.Е. Полевой дневник № 2. 1961. *Архив ИЭА РАН* [Berestov V.D., Nerazik E.E. Field diary No. 2. 1961. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Берестов В.Д. Полевой дневник № 63. 1956. *Архив ИЭА РАН* [Berestov V.D. Field diary No. 63. 1956. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Вишневская О.И. Полевой дневник № 51. 1960. *Архив ИЭА РАН* [Vishnevskaya O.I. Field diary No. 51. 1960. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Воробьева М.Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. *Материалы к историко-географическому атласу Средней Азии и Казахстана. Труды ИЭ АН СССР*. Том XLVIII. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961 [Vorob'yeva M.G. Experience in Mapping Pottery Kilns for the Historical and Ethnographic Atlas of Central Asia and Kazakhstan. *Materials for the Historical and Geographical Atlas of Central Asia and Kazakhstan*. Vol. XLVIII. Moscow – Leningrad: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1961 (in Russian)].

Гудкова А.В., Шумилов В.И. Полевой дневник № 45–46. 1956. *Архив ИЭА РАН* [Gudkova A.V., Shumilov V.I. Field diary No. 45–46. 1956. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Кдырбаев Н.П. Полевой дневник № 58. 1958. *Архив ИЭА РАН* [Kdyrbaev N.P. Field diary No. 58. 1958. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Косарева Н.П. Полевой дневник № 70. 1959. *Архив ИЭА РАН* [Kosareva N.P. Field diary No. 70. 1959. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Лобачева Н.П. Полевой дневник № 48–49. 1958. *Архив ИЭА РАН* [Lobacheva N.P. Field diary No. 48–49. 1958. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Неразик Е.Е. Полевой дневник № 38. 1953. *Архив ИЭА РАН* [Nerazik E.E. Field diary No. 38. 1953. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Неразик Е.Е. Полевой дневник № 63. 1954. *Архив ИЭА РАН* [Nerazik E.E. Field diary No. 63. 1954. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Неразик Е.Е. Полевой дневник № 65. 1956. *Архив ИЭА РАН* [Nerazik E.E. Field diary No. 65. 1956. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Неразик Е.Е. Полевой дневник № 47. 1958. *Архив ИЭА РАН* [Nerazik E.E. Field diary No. 47. 1958. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Неразик Е.Е. Полевой дневник № 48. 1960. *Архив ИЭА РАН* [Nerazik E.E. Field diary No. 48. 1960. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Неразик Е.Е. Замки Беркут-калинского оазиса. *Архив ИЭА РАН* [Nerazik E.E. Castles of the Berkut-kalinsky oasis. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Неразик Е.Е. *Сельские поселения афригидского Хорезма*. М.: Наука, 1966 [Nerazik E.E. *Rural Settlements of Afrigid Khorezm*. Moscow: Nauka, 1966 (in Russian)].

Неразик Е.Е. *Формирование раннесредневекового общества в низовьях Амударьи*. М.: Гриф и К, 2013 [Nerazik E.E. *Formation of Early Medieval Society in the Lower Reaches of the Amu Darya*. Moscow: Grif i K, 2013 (in Russian)].

Садоков Р.Л. Полевой дневник № 68–69. 1959. *Архив ИЭА РАН* [Sadokov R.L. Field diary No. 68–69. 1959. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Садоков Р.Л. Полевой дневник № 50. 1960. *Архив ИЭА РАН* [Sadokov R.L. Field diary No. 50. 1960. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

Толстов С.П. *Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*. М.: МГУ, 1948 [Tolstov S.P. *Ancient Khorezm. The Experience of Historical and Archaeological Research*. Moscow: Moscow University Press, 1948 (in Russian)].

Ягодин В.Н. Полевой дневник № 66. 1966. *Архив ИЭА РАН* [Yagodin V.N. Field diary No. 66. 1966. *Science Archives of the IEA RAS* (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

БОЛЕЛОВ Сергей Борисович –
кандидат исторических наук, научный
сотрудник Государственного музея искусства
народов Востока, Москва, Россия.

Sergey B. BOLELOV, PhD (History),
Researcher at the State Museum of Oriental art,
Moscow, Russia.

КОВРИЖКИНА Мария Михайловна –
старший преподаватель кафедры менеджмента
Московского Гуманитарного Университета,
Москва, Россия.

Maria M. KOVRIZHKINA, Senior Lecturer,
Department of management, Moscow University
for the Humanities, Moscow, Russia.

НИКИФОРОВ Михаил Геннадьевич –
кандидат физико-математических наук, доцент
кафедры международной информационной
безопасности Московского Государственного
Лингвистического Университета, Москва,
Россия.

Mikhail G. NICKIFOROV, PhD (Physical
and Mathematical Sciences), Associated
Professor, Department of International
Information Security, Moscow State Linguistic
University, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014217-5

ОБЗОР АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКОВ XII В.
ПО ИСТОРИИ ХОРЕЗМА: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ¹

© 2021

Д.М. ТИМОХИН ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9093-5269, horezm83@mail.ru

Резюме: *Статья представляет собой обзор наиболее ранних арабо-персидских исторических сочинений, содержащих информацию о начале существования в Хорезме династии Ануштегинидов и формировании ими собственного независимого государства, которое к началу XIII в. будет по праву считаться одним из крупнейших политических образований исламского Востока, а затем падет под ударом монгольских завоевателей. Исторические источники о Хорезме, созданные авторами XIII в., так и более поздние памятники гораздо шире используются исследователями истории данного государственного образования, нежели более ранние тексты. Зачастую к таким трудам обращаются историки, специализирующиеся по истории Сельджукидского государства, а сведения о Хорезме и его правителях из данных памятников востребованы в значительно меньшей степени. Со своей стороны, хотелось бы не только предоставить обзор корпуса ранних источников по истории Хорезма, в котором были бы представлены все исторические и географические тексты, содержащие сведения по интересующей нас проблематике, но и выделить связи между конкретными памятниками, предоставить читателям обзор данных о Хорезме в том или ином указанном источнике. Несмотря на значимость Хорезма, как политического образования на мусульманском Востоке в конце XII – начале XIII вв., до сих пор не было предпринято попыток структурировать корпус домонгольских сочинений, отражающих историю этой державы и ее правителей. Это выглядит еще более важной научной проблемой, если учитывать тот факт, что собственно «хорезмийская историография» до нас практически не дошла. Подобного рода исследование будет полезно как специалистам, занимающимся непосредственно историей династии Ануштегинидов, так и тем, кто специализируется по смежной научной проблематике: истории династии Сельджукидов, локальных династий, возникающих после смерти султана Санджара в 1157 г., различным аспектам развития средневековой арабо-персидской историографии XII в. и другим схожим научным проблемам.*

Ключевые слова: Хорезм, арабо-персидские источники, Ануштегиниды, Сельджукиды, локальные династии, средневековая историография.

Для цитирования: Тимохин Д.М. Обзор арабо-персидских источников XII в. по истории Хорезма: особенности структуры и содержания. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 45–56. DOI: 10.31857/S086919080014217-5

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-19-50159.

REVIEW OF THE ARABO-PERSIAN SOURCES OF THE 12TH CENTURY ON THE HISTORY OF KHOREZM: STRUCTURE AND CONTENT FEATURES

© 2021

Dmitriy M. TIMOKHIN ^a

^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9093-5269, horezm83@mail.ru

Abstract: *The article is a review of the earliest Arabo-Persian historical sources containing information about the beginning of the existence of the Anushteginid dynasty in Khorezm and the formation of their own independent state, which by the beginning of the 13th century considered one of the largest political entities of the Muslim East, and then fall under the attack of the Mongol conquerors. Historical sources about Khorezm of the 13th century and later monuments are much more widely used by the researchers of the history of this state than earlier texts. Such works are often used by historians specializing in the history of the Seljukid state, and information about Khorezm and its rulers from these works is much less in demand. I would like not only to provide an overview of the corpus of early sources on the history of Khorezm, in which all historical and geographical texts containing information on the issues of interest to us would be represented, but also to highlight the connections between specific monuments, and to provide an overview of data about Khorezm in this or that specified source. We hope that this kind of research will be useful both for specialists dealing directly with the history of the Anushteginid dynasty, and for those who specialize in related scientific issues: the history of the Seljukid dynasty, local dynasties that arose after the death of Sultan Sanjar in 1157, various aspects of the development of medieval Arabo-Persian historiography of the 12th century, and other similar subjects.*

Keywords: Khorezm, the Arabo-Persian sources, the Anushteginids, the Seljukids, local dynasty, medieval historiography.

For citation: Timokhin D.M. Review of the Arabo-Persian Sources the 12th Century on the History of Khorezm: Structure and Content Features. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 45–56. DOI: 10.31857/S086919080014217-5

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-19-50159.

История Хорезма в годы правления династии Ануштегинидов привлекала внимание специалистов преимущественно в связи с монгольским вторжением, в результате которого это политическое образование перестало существовать, а обширные территории, входившие в его состав, либо были присоединены к империи Чингиз-хана, либо сформировали независимые, но очень недолговечные монархии. Этим, по-видимому, объясняется интерес ученых к источникам по истории Хорезма, в которых, помимо всего прочего, находила свое отражение монголо-хорезмийская война 1219–1221 гг., а в ряде случаев – и дальнейшие монгольские завоевательные походы. Такие средневековые сочинения не только наилучшим образом известны специалистам, но и обладают собственной обширной историографией. Более ранние памятники, отражающие историю Хорезма от формирования династии Ануштегинидов и до начала XIII в., не удостоились такого внимания российских и зарубежных востоковедов. Попытки их систематизации предпринимались либо в работах по смежной тематике [Агаджанов, 1969, с. 19; ал-Хусайни, 1980, с. 10], либо в трудах, где анализировались те или иные направления средневековой историографии

[Cahen, 1962, p. 59–78; Peacock, 2014(1), p. 2–19; *A History of Persian Literature*, 2012]. Единственным исключением можно считать классический труд В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [Бартольд, 1963]. Однако с момента публикации этого исследования даже специальные работы по истории Хорезма не всегда сопровождались разделом, посвященным анализу и систематизации исторических источников: в качестве примера можно привести столь монографию З.М. Буниятова, а также целый ряд других работ по хорезмийской проблематике [Буниятов 1986; Alami, 2011, p. 467–470; Kafesoğlu, 1956; Taneri, 1977; 1993; Dabir Seyagi, 1977]. Подобная тенденция отмечается и в работах по иной тематике, где обзор источников представлен в небольшом объеме, либо отсутствует вовсе (см.: [Гусейнов, 1970, с. 185–198; Маркарян, 1991; *Cambridge History of Iran*, 1968; Merçil, 1995]).

При этом уже В.В. Бартольд пишет о значимости арабо-персидских сочинений XII в. для реконструкции истории Хорезма [Бартольд, 1963, с. 77]. Однако он же отмечает, что, несмотря на военное и политическое господство Хорезма на Среднем Востоке накануне монгольского нашествия, нам практически неизвестны примеры собственно хорезмийской историографии XII–начала XIII в., а история династии Ануштегинидов реконструируется преимущественно на основании поздних текстов [Бартольд, 1963, с. 77]. Можно предположить, что это связано с монгольским нашествием и гибелью библиотек и архивов крупнейших городских центров Хорезмийской державы. Подобная ситуация логично требует либо обращения к текстам монгольского периода, либо к тем историческим источникам XII в., которые содержат информацию по данной проблематике, но не являются при этом частью «хорезмийской» историографии. Именно о последних, преимущественно, и пойдет речь в этой статье: необходимо очертить границы корпуса домонгольских памятников, обозначить особенности их структуры и содержащихся в них данных о Хорезме.

При анализе арабо-персидских источников XII в., содержащих информацию по истории Хорезма, отметим труды по истории Сельджуков, или «сельджукскую историографию» [Агаджанов, 1969, с. 18–20]. В то же время именно эти памятники зарубежные ученые объединяют понятием «придворная сельджукская историография» [Peacock, 2014(1), p. 2–3]. В состав данной группы источников, вне зависимости от ее названия, включаются арабо- и персоязычные исторические тексты, чьи авторы описывают, преимущественно, правление этой династии в целом, а также избранных ее представителей или ветвей. Вокруг этих памятников существует богатая историография, в рамках которой можно выделить специальные исследования и источниковедческие обзоры в составе крупных исторических работ (см.: [Агаджанов, 1969, с. 18–20; ал-Хусайни, 1980, с. 7–20; Cahen, 1962, p. 59–79; Peacock, 2014(1), p. 2–19]). В отличие от упомянутых научных работ, в этой статье будут рассмотрены далеко не все примеры «сельджукской историографии», поскольку отдельные тексты описывают гораздо более ранний исторический период и/или не предоставляют никаких сведений о правлении династии Ануштегинидов. Нами будут учтены связи между теми или иными памятниками, пусть некоторые из них и не имеют прямого отношения к интересующей нас проблематике: в качестве примера можно привести недошедший до нас труд Хилала ас-Саби «Та’рих», заверченный в 1056 г. [ал-Хусайни, 1980, с. 8], на который опирались как поздние арабо-персидские историки [Cahen, 1962, p. 73–76], так и Захир ад-Дин Нишапури, ‘Имад ад-Дин Исфакхани и Мухаммад ибн Али Раванди [Peacock, 2014(1), p. 5], о которых идет речь в этой статье.

Труд Захир ад-Дина Нишапури рассматривался в большом количестве специальных исследований (см.: [Cahen, 1962, p. 73–76; Peacock, 2014(1), p. 2–19; *The Saljūqnāma*, 2004]), и его влияние на развитие арабо-персидской историографии XII в., а также более поздних сочинений, доказано уже достаточно давно [Агаджанов, 1969, с. 20]. В наиболее известном

издании сочинения Нишапури, помимо собственно текста «Сельджук-наме», фигурирует позднее сочинение Мухаммада ибн Ибрахима, которое, в свою очередь, продолжает изложение событий вплоть до 1202 г. Сам Нишапури описывает исторические события лишь до 1177 г.: эта конечная дата в тексте связана не со смертью автора (1186), а с тем, что источник создавался до даты вступления на престол сельджукского султана Рукн ад-Дина Тогрула III, при дворе которого служил этот автор – он приурочил свой труд именно этому событию [ал-Хусайни, 1980, с. 11; Cahen, 1962, р. 73–76; Peacock, 2014(1), р. 10]. Отметим, что эта публикация текста «Сельджук-наме» была подвергнута критике турецким исследователем А. Атешем, исследование которого подробно проанализировал в своей работе С.Г. Агаджанов [Агаджанов, 1969, с. 19–20].

Сочинение Нишапури разделено на главы, каждая из которых посвящена конкретным сельджукским правителям. Для нас наибольшее значение имеет информация о правителях из династии Ануштегинидов, однако при этом в этом источнике можно найти сведения и о более ранних наместниках Хорезма [Nishapuri, 1953, р. 31]. Отметим подробное изложение в главе «Рассказ о восшествии [на престол] Санджара ибн Малик-шаха» деталей борьбы этого сельджукского правителя и хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Атсыза (1127–1156) [Nishapuri, 1953, р. 44–45]. Несмотря на то, что сам текст «Сельджук-наме» доводит изложение событий вплоть до 1177 г., в рамках тегеранского издания источника наибольший объем информации представлен относительно деятельности хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Текиша (1172–1200). Впервые он упоминается в главе «Восшествие [на престол] Арслана ибн Тогрула ибн Мухаммада» [Nishapuri, 1953, р. 74–83], где говорится о формировании независимых региональных правящих династий – Ильдегизидов в Азербайджане и Ануштегинидов в Хорезме [Nishapuri, 1953, р. 79–80]. За счет включения в состав этого издания текста Мухаммада ибн Ибрахима, описание правления Текиша предстает здесь в исключительных подробностях [Nishapuri, 1953, р. 90–92]. Так, ему посвящен небольшой раздел последней главы, в которой речь идет о противостоянии между хорезмшахом и сельджукским султаном Тогрулом III, завершившееся гибелью последнего в 1194 г. [Nishapuri, 1953, р. 91–92].

Сочинение ‘Имад ад-Дина Исфакхани, который долгое время был секретарем у султана Египта Салах ад-Дина [Peacock, 2014(2), р. 78], получило название «Нусрат ал-фатра ва ‘усрат ал-фитра», и в нем изложение исторических событий доводится до 1194 г. [Агаджанов, 1969, с. 19]. Этот памятник написан «в утонченном риторическом стиле, свойственном канцелярской прозе (*insha*)» и даже жанру “макама” (*maqama*)» [Peacock, 2014(2), р. 78]. При этом труд Исфакхани важен не только сам по себе, но и как продолжение более ранней историографической традиции: этот источник базируется на более раннем сочинении Ануширвана ибн Халида Кашани (1066/1067–между 1137 и 1139) «Футур заман ас-судур ва судур заман ал-футур» [Peacock, 2014(1), р. 9]. Кашани был чиновником, занимал пост визира при дворе сельджукских правителей и при дворе халифа в Багдаде [*Histoire des seldjoudides*, 1889, р. XVII–XXVI]. Его труд был написан на персидском языке, а исторические события излагаются в нем вплоть до 1134 г. [ал-Хусайни, 1980, с. 10]. Исфакхани перевел его с персидского на арабский язык и существенно дополнил [ал-Хусайни, 1980, с. 10–11]. Впоследствии сочинение Исфакхани было в 1226 г. сокращено и дополнено ал-Фатхом ибн Али ал-Бундари в составе его сочинения «Зубдат ан-нурса ва нухбат ал-усра» [*Histoire des seldjoudides*, 1889, р. XXXVII; ал-Хусайни, 1980, с. 11].

Нами было использовано классическое издание текста Исфакхани в сокращении ал-Бундари, а также учтены отдельные имеющиеся переводы [Материалы по истории туркмен, 1939, с. 320–324]. О структуре источника можно сказать следующее: в нем представлены как главы, посвященные конкретным сельджукским правителям, так и разделы, в рамках которых говорится об отдельных важнейших событиях, связанных с тем или иным сул-

таном [*Histoire des seldjucides*, 1889, p. 296–301]. Даты в тексте памятника встречаются достаточно редко, однако в отдельных случаях они существенно помогают исследователю при анализе описанных в источнике исторических событий, пример чему будет приведен ниже. В данном источнике можно найти обширные данные о более ранних правителях Хорезма, нежели Ануштегиниды [*Histoire des seldjucides*, 1889, p. 201, 232–233], а также подробный рассказ о противостоянии хорезмшаха Атсыза и сельджукского султана Санджара [*Histoire des seldjucides*, 1889, s. 280–281]. В указателе к приведенному изданию не упоминается хорезмшах Абу-л-Фатх Ил-Арслан (1156–1172) и Текиш, зато отмечается имя ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада (1200–1220) [*Histoire des seldjucides*, 1889, p. 278, 302–303]. Мы вынуждены отметить очевидную ошибку издателя: в самом тексте источника не указываются имена собственные, а лишь титул – «хорезмшах». Исходя же из приведенных в тексте дат и описания борьбы с сельджукским султаном Тогрулом III, можно сделать вывод о том, что в этой части памятника рассказ идет как раз о Текише, а не о Мухаммаде [*Histoire des seldjucides*, 1889, p. 302–303]. В указателе к изданию 1889 г. Мухаммад упоминается еще раз, однако, исходя из приведенных дат (554 г.х./1159–1160), это означает правление более раннего хорезмшаха – Ил-Арслана [*Histoire des seldjucides*, 1889, p. 278].

Сочинение Мухаммада ибн Али Раванди «Рахат ас-судур ва айат ас-сурур», второго секретаря сельджукского султана Тогрула III, посвящено султану Рума, Гийас ад-Дину Кей-Хосрову I, а изложение событий в нем доведено до 1199 г. [Reacock, 2014(1), p. 10]. Очевидны схожие черты в биографии Нишапури и Раванди: первый был наставником султана Тогрула III, а второй находился у него на службе [ал-Хусайни, 1980, с. 11]. Раванди не был удачлив в поиске покровителя, которому мог бы посвятить свое историческое сочинение: упомянутый Кей-Хосров I был лишь последним в этом списке [*A History of Persian Literature*, 2012, p. 152]. Можно найти разные оценки «Рахат ас-судур»: Клод Каэн ставит труд Раванди в один ряд с сочинением Нишапури [Cahen, 1977, p. 59], но последующие исследователи были более скептически [*A History of Persian literature*, 2012, p. 152–153]. Отметим все же, что сочинение Раванди становится важной основой для более поздних сочинений, например «Ал-Урада фи-л-хикайат ас-Салджукийя» Ибн ал-Низама ал-Хусайни [*Das Geschenk aus des Saldschukengeschichte*, 1909].

Структуру «Рахат ас-судур» можно назвать типичной для источников такого рода: большая часть разделов посвящена правлению конкретных сельджукских правителей, но есть и тематические главы, например о завоевании Ирака хорезмийцами [Ravandi, 1921, p. 275–305]. Раванди упоминает основателя династии Ануштегинидов, Ануш-тегина, или Нуштегина Гарча, приводя его полное имя в разделе о правлении хорезмшаха Атсыза, не указывая никаких деталей его биографии [Ravandi, 1921, p. 169]. О самом Атсызе в этой публикации памятника лишь на первый взгляд представлен наибольший массив информации: в тех главах, где действительно указывается имя Атсыза, информация касается лишь внешней политики Хорезма [Ravandi, 1921, p. 174]. В других случаях, как и в издании текста Исфакхани, Раванди лишь указывает титул «хорезмшаха», но на самом деле речь идет не об Атсызе, с учетом приводимых дат и контекста событий, а о Текише [Ravandi, 1921, p. 370–371]. О последнем в этом историческом источнике много ценных сведений, особенно это касается борьбы с султаном Тогрулом III [Ravandi, 1921, p. 275–302]. Отметим, что в тексте Раванди есть упоминания о более ранних правителях Хорезма, не принадлежащих к династии Ануштегинидов [Ravandi, 1921, p. 262, 264], и очень краткие сведения о хорезмшахе Ил-Арслане, правление которого слабо отражено в других текстах [Ravandi, 1921, p. 372].

Труд Садр ад-Дина ал-Хусайни «Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя» также известен как «Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-Салджукийя». Его жанр, «зубдат»,

предполагает «изложение избранных мест из других сочинений» и его основным источником был «Нусрат ал-фатра» Исфакхани [ал-Хусайни, 1980, с. 13–14]. Ал-Хусайни известен также, как переписчик сочинения ал-Газали «Тахафут ал-фаласифа» и как автор недошедшего до нас труда «Тарих-и хорезмшахи» [Бартольд, 1963, с. 79], который был завершен «не ранее 70-х годов XII в.» [ал-Хусайни, 1980, с. 14]. Этот историк долгое время находился на службе у хорезмшаха Текиша [Бартольд, 1900, с. 30], что объясняет большой объем информации о династии Ануштегинидов в «Зубдат ат-таварих». Некоторые ученые считали, что этот источник является результатом труда двух или трех авторов, лишь одним из которых был ал-Хусайни [Саен, 1962, р. 70; 1977, р. 37–63], другие настаивают, что большая часть текста была составлена самим ал-Хусайни до событий 1194 г. включительно [ал-Хусайни, 1980, с. 13–15].

В «Зубдат ат-таварих» есть главы, посвященные отдельным сельджукским правителям, тематические разделы о наиболее важных исторических событиях [ал-Хусайни, 1980, с. 32–36], а также биографии отдельных сельджукских визирей [ал-Хусайни, 1980, с. 40–42]. Ал-Хусайни описывает деятельность хорезмшахов из династии Ануштегинидов, начиная с Атсыза, который впервые упоминается в связи с походом султана Санджара против кара-китаев и захватом хорезмийцами Мерва в 1141 г. [ал-Хусайни, 1980, с. 93]. Автор указывает, что после смерти султана Санджара всей его страной завладели хорезмийцы, что не соответствует историческим реалиям [ал-Хусайни, 1980, с. 115]. В отличие от предшественников, ал-Хусайни предлагает заметно больше сведений о Ил-Арслане, преимущественно отмечая его военные походы в Ирак Персидский и Азербайджан [ал-Хусайни, 1980, с. 141–142, 144]. По понятным причинам, гораздо больше информации приводится о жизни и деятельности Текиша: в частности, представлен подробный рассказ о противостоянии между ним и султаном Тогрулом III, в чем можно заметить определенную историографическую преемственность [ал-Хусайни, 1980, с. 163–164]. В конце труда ал-Хусайни упоминаются хорезмшахи, Мухаммад и Джалал ад-Дин Манкбурны, что говорит о том, что «Зубдат ат-таварих» содержит более поздние вставки [ал-Хусайни, 1980, с. 166–167].

Особое место среди источников XII в. занимает сочинение Наджм ад-Дина Абу-л-Резы ал-Кумми «Тарих ал-вузара» (также издавался под названием «Зайл-и нафзат ал-масдур»), о котором нами уже была написана специальная статья, поэтому мы не будем здесь специально останавливаться на особенностях данного памятника и биографии его автора (см.: [Тимохин, 2020, с. 98–108]). В «Тарих ал-вузара» при описании истории Хорезма редко упоминаются имена собственные, вместо них используется титул «хорезмшах» [al-Qummi, 1985/1363, р. 203–207]. Эта тенденция отмечалась в других источниках, однако у ал-Кумми таких примеров меньше: так, из более ранних хорезмшахов он указывает имя лишь Инал-тегина, «который был амиром и хаджибом» [al-Qummi, 1985/1363, р. 166]. Из представителей династии Ануштегинидов у ал-Кумми упомянут Атсыз и только конец его правления [al-Qummi, 1985/1363, р. 235], а после смерти последнего ал-Кумми упоминает о междоусобной войне между его сыновьями [al-Qummi, 1985/1363, р. 235]. Перед нами явная ошибка: историк смешал события правления Атсыза и Ил-Арслана: после смерти последнего начинается описанная ал-Кумми борьба между Текишем и Султан-шахом Махмудом. Важно указание ал-Кумми на поддержку, которую получил Текиш, со стороны кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака [al-Qummi, 1985/1363, р. 235] – это подтверждается последующей практикой приема Текишем представителей этих племен на хорезмийскую службу, но в других синхронных источниках, кроме ал-Кумми, об этом ничего не сказано.

Помимо «сельджукской историографии» отметим «локальные истории» или «региональные хроники», где присутствуют данные об отдельных правителях из династии

Ануштегинидов. Структура подобных сочинений в целом одинакова: текст разделен на тематические главы, выстроенные в хронологическом порядке, большая часть из которых повествует о тех или иных значимых событиях в истории региона. В редких случаях можно отметить сочинение «Тарих-и Бейхак» Абу-л-Хасана Бейхаки (Ибн Фундук), которое было закончено в 1168 г. [Bayhaki, 1317]. Значительная часть информации в этом источнике относится к округу Бейхак и всему, что с ним связано [Бартольд, 1973, с. 586–587]. Об авторе известно немного: Ибн Фундук некоторое время служил сельджукскому султану Санджару, а также известно и о его предках, один из которых и приобрел имение в округе Бейхак. Само сочинение «Тарих-и Бейхак» написано на персидском языке, по интересующей нас проблематике в нем есть краткие данные о хорезмшахах Атсызе и Ир-Арслане (см.: [Буниятов, 1986, с. 33–35]). Другим примером является сочинение Афзал ад-Дина Кермани [Kermani, 1932], которое неоднократно было объектом пристального внимания [Cahen, 1977, p. 60; *A History of Persian Literature*, 2012, p. 153–154]. Его перу принадлежат два сочинения [Kermani, 1947], первое из которых представляет собой «дидактическую работу в жанре “зерцало для принцев”»» [*A History of Persian Literature*, 2012, p. 153], а второе – классическую «локальную историю» [*A History of Persian Literature*, 2012, p. 154]. Кермани в обоих случаях доводит изложение событий лишь до 1088 г. и практически ничего не сообщает о Хорезме и династии Ануштегинидов. Однако его компилятор, Мухаммад ибн Ибрахим, благодаря которому первый из трудов Кермани дошел до нас, добавил довольно большой раздел по истории правления хорезмшаха Текиша [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, p. 134], а также информацию о более позднем периоде истории Кермана, что существенно дополняет известные сведения позднего Моин ад-Дина Натанзи [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, p. 198–201; Natanzi, 1957].

Среди сочинений в жанре «всеобщей истории» для нашего исследования имеет значение труд Абу-л-Фараджа Ибн ал-Джаузи «Ал-Мунтазам фи тарих ал-мулук ва-л-умам» [ал-Хусайни, 1980, с. 9], изложение событий в котором доведено до 1179 г. Текст памятника базируется на целом ряде более ранних исторических сочинений, в частности труде ас-Саби. Многотомный «Ал-Мунтазам фи тарих» «представляет собой по-годовую хронику истории халифата до 1179 г. Краткий обзор событий каждого года сопровождается рядом некрологических заметок о выдающихся людях, умерших в текущем году» [Буниятов, 1978, с. 7]. Об истории Хорезма сведений в сочинении Ибн ал-Джаузи немного: дважды встречаются упоминания «безымянных» хорезмшахов: первый случай относится к событиям 528 г.х. (1133–1134), что совпадает с временем правления Атсыза [Ibn al-Jawzi, 1992, vol. 17, p. 284]. Ибн ал-Джаузи подчеркивает политическую связь между правителем Хорезма и халифом. Данные сведения стали частью современных исследовательских практик, с учетом того, что ни один другой ранний источник не приводит подобной информации [Буниятов, 1986, с. 8]. Другое упоминание титула «хорезмшах» относится к описанию событий 536 г.х. (1141–1142 гг.), хотя в данном случае и без датировки понятно, что речь идет о том же Атсызе, поскольку историк упоминает о хорезмийском захвате Мерва после поражения султана Санджара от войска кара-китаев в 1141 г., что подтверждают другие синхронные памятники [ал-Хусайни, 1980, с. 93; Ibn al-Jawzi, 1992, vol. 17, p. 17].

Другим примером следует признать написанное на арабском языке сочинение уже упомянутого Ибн Фундука – «Машариб ат-таджариб ва гавариб ал-гара’иб» [Бартольд, 1900, с. 32–33]. Сам текст этого памятника до нас не дошел [Агаджанов, 1969, с. 16; Бартольд, 1973, с. 586], однако известно, что он являлся продолжением труда Ибн Мискавейха (932/936–1030) [*The Tajârib al-umam*, 1913]. Именно «Машариб ат-таджариб» станет основой для описания истории ранних правителей Хорезма в сочинении Джувейни [Джувейни, 2004, с. 191], а также было использовано Ибн ал-Асиром [Бартольд, 1973, с. 586].

Можно с осторожностью утверждать, что именно из него черпали сведения по истории первых хорезмшахов оба этих историка и их продолжатели. Джувейни упоминает еще и сочинение Фахр ад-Дина Рази (1159–1210), которое представляет собой энциклопедию. С.Г. Агаджанов считал этот текст редким примером, наряду с сочинением ал-Хусайни, «хорезмийской историографии» [Агаджанов, 1969, с. 21], в которой, однако, немного информации о Хорезме и его правителях [al-Razi, 1988, p. 128–127].

Отметим и другие арабо-персидские памятники, которые не являются при этом историческими сочинениями. Это два сборника писем и документов, написанных Рашид ад-Дином Ватватом, который занимал высокие посты при дворе хорезмшаха Атсыза [Агаджанов, 1969, с. 21–22]. В этом источнике, следует отметить краткие, но интересные сведения, касающиеся правления Атсыза [Vatvat, 1960, p. 133]. Также любопытно описание прихода к власти в Хорезме Текиша и его борьбы с собственным братом, Султан-шахом [Vatvat, 1960, p. 175–176]. Выдержки из труда Ватвата и его современника, Мунтаджаб ад-Дина ал-Джувайни, служившего султану Санджару и составившему собственный сборник писем и государственных указов, были опубликованы В.В. Бартольдом [Бартольд, 1898], а позднее появился частичный перевод, где приведены письма хорезмшаха Атсыза [Материалы по истории туркмен, 1939, с. 316–320]. Сочинения Ватвата и ал-Джувайни «...являются самыми ранними памятниками литературы, положившими начало новому направлению в персидской прозе – искусству *инша*» [ал-Джувайни, 1985, с. 8]. Сообщения ал-Джувайни прекрасно дополняют сведения Ватвата относительно противостояния султана Санджара и хорезмшаха Атсыза [ал-Джувайни, 1985, с. 69–74]. Отметим труд Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади «ат-Тавассул ила ат-Тарасул», который служил хорезмшаху Текишу и был главой «диван-и инша». Его сочинение представляет собой сборник текстов, указов и жалованных грамот этого правителя и в нем меньше примеров деловой и частной переписки. Ал-Багдади неоднократно приводит образцы полного титулования хорезмшаха Текиша [al-Bagdadi, 1937, p. 144], а его данные о взаимоотношениях тюркских племен и Хорезма просто бесценны [al-Bagdadi, 1937, p. 158].

Из других памятников XII в. отметим «Таба'и' ал-хайаван» Шараф ал-Замана Тахира ал-Марвази, где в девятой главе «О тюрках», приводятся данные о взаимоотношениях кочевых племен восточного Дешт-и Кыпчака и Хорезма. Наибольший массив данных о Хорезме можно найти в подразделах о племени гузов [Marvazi, 1942, p. 29–30], а единственное упоминание имени хорезмшаха – в рассказе о кунах, где упомянут Икинчи ибн Кочкар, якобы происходивший из этого племени [Marvazi, 1942, p. 30]. Этот правитель был современником Ануш-тегина, а после его смерти в Хорезме власть перейдет к Кутб ад-Дину Мухаммаду, сыну Ануш-тегина [Бартольд, 1964, с. 536]. Хотелось бы отметить анонимное персидское сочинение 1126 г., которое С.Г. Агаджанов рассматривал в составе «сельджукской историографии» [Агаджанов, 1969, с. 19]. Исходя из структуры и содержания, его можно считать скорее историко-географическим памятником, а не повествованием о династии Сельджукидов. Данные о Хорезме можно найти в составе описания крупных регионов [Mujmal at-tavarih, 1318, p. 477, 480], где встречаются сведения о вторжении в эти земли различных завоевателей [Mujmal at-tavarih, 1318, p. 49, 305]. Сведения о политической истории Хорезма можно найти в сочинении «Китаб ал-ансаб» Абу Са'да ас-Сам'ани (1113–1167) (см.: [Камалиддинов, 1993]), особенно о походах хорезмшаха Атсыза [Материалы по истории туркмен, 1939, с. 341]. Краткое описание походов этого правителя и его противостояния султану Санджару, дано в «Асрар ат-таухид фи макамат шейх Абу-Са'ид» [Тайны единения с Богом, 1899], составленным Мухаммадом ибн ал-Мунавваром Мейхани. В нем вместо имен собственных указан титул «хорезмшах», как в случае с описанием поражения Санджара от войск гузов в 1141 г., что не мешает соотнести данный титул с все тем же Атсызом [Материалы по истории туркмен, 1939, с. 348].

Подводя итоги, обратим внимание на несколько ключевых моментов. Подробной информации о первых правителях Хорезма в памятниках XII в. нет: Ануш-тегин упоминается лишь в трудах Раванди и ал-Хусайни, но без каких-либо биографических подробностей, а об Кутб ад-Дине Мухаммаде ни пишет никто. В связи с этим, вероятно, наиболее ранним дошедшим до нас текстом, в котором описываются биографии Ануш-тегина и Кутб ад-Дина Мухаммада следует признать труд Ибн ал-Асира [Ибн ал-Асир, 2006, с. 232]. Безусловно, сведения о них встречается в других исторических сочинениях, которые сформированы в составе арабо-персидской историографии существенно позднее и продолжают линию Ибн ал-Асира [Джувеини, с. 191–192; Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 80; Qazvini, 1903, p. 363; Mirhond, 1841, p. 1–2]. Нами было отмечено, что ключевую роль в формировании информационной базы о ранних правителях Хорезма в трудах Ибн ал-Асира и Джувеини сыграл уже упомянутый недошедший до нас текст Ибн Фундука «Машариб ат-таджариб», однако детально о его содержании по данному вопросу сказать ничего нельзя. Можно лишь с уверенностью утверждать, что относительно первых двух правителей Хорезма поздние авторы могли черпать сведения лишь из этого памятника: ни «сельджукская историография», ни иные источники XII в. не предлагают никаких данных. В связи с этим требует дополнительного внимания источник XIII в. «Табакат-и Насири» Джузджани, где приводится иной список имен правителей, не совпадающий с данными Ибн ал-Асира и Джувеини [*Tabakāt-i-Nāsirī*, 1881, p. 233–235]. В отдельных памятниках имена хорезмшахов не упоминаются вовсе, а средневековый историк обозначает в тексте лишь термином «хорезмшах» того или иного персонажа. Нами были также отмечены ошибки издателей, связанные с неправильной идентификацией правителей из династии Ануштегинидов.

Отметим избирательность авторов XII в. в отношении подробностей описания правления хорезмшахов, начиная с Атсыза: если последнему находится место практически во всех приведенных исторических источниках, то Ил-Арслану уделено значительно меньше внимания, а в отдельных случаях информации о нем просто нет. Следующему из правителей Хорезма, Текишу, в большинстве приведенных текстов уделен наибольший в сравнении с остальными объем сведений: это объяснимо тем, что некоторые авторы находились у него на службе. Также это связано с очевидными успехами Текиша в области внешней и внутренней политики: одним из сквозных сюжетов в источниках XII в. станет уничтожение им последних очагов сельджукидского могущества [ал-Хусайни, 1980, с. 164]. Значимость вклада Атсыза и Текиша в развитие Хорезмийского государства вполне может объяснить отсутствие упоминаний об Ил-Арслане, например у ал-Кумми [al-Qummi, 1985/1363, p. 235]. Отметим отсутствие исторических источников XII в., где излагалась бы последовательно вся история династии Ануштегинидов: отсюда проблемы реконструкции истории Хорезма, а также вопросы источниковедческого характера, как в случае с сочинением Джузджани. При этом даже обрывочные, иногда противоречивые сведения сочинений домонгольского периода могут существенно дополнить и скорректировать данные более поздних текстов. В связи с этим работа по структурированию корпуса источников о Хорезме видится лишь первым, но необходимым шагом к планомерному снятию противоречий и формированию нового исследования по истории этой династии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Агаджанов С.Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* Ашхабад: Ылым, 1969 [Agadzhanov S.G. *Essays on the History of the Oghuz and the Turkmens of Central Asia in 9–13 centuries.* Ashkhabad: Ilym, 1969 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898 [Bartol'd V.V. *Turkestan during the Mongol Invasion. Pt. 1. Texts*. Saint Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1898 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2. Исследование*. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900 [Bartol'd V.V. *Turkestan during the Mongol Invasion. Pt. 2. Texts*. Saint Petersburg: Tip. V. Kirshbauma, 1900 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения*. Т. I. М.: Наука, 1963. С. 45–597. [Bartol'd V.V. *Turkestan during the Mongol Invasion. Vol. 1. Works*. Moscow: Nauka, 1963. Pp. 45–597 (in Russian)].

Бартольд В.В. Хорезмшах. Статьи из «Энциклопедии ислама». *Сочинения*. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 535–537 [Bartol'd V.V. Horezmshah. Articles from the Encyclopedia of Islam. *Works*. Vol. 2. Pt. 2. Moscow: Nauka, 1964. Pp. 535–537 (in Russian)].

Бартольд В.В. Бейхаки, Абу-л-Хасан. *Сочинения*. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 586–587 [Bartol'd V.V. Bejhaki, Abu-l-Hasan. *Works*. Vol. 8. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 586–587 (in Russian)].

Бунятов З.М. *Государство атабеков Азербайджана: 1136–1225 годы*. Баку: Элм, 1978 [Buniyatov Z.M. *State of the Atabeks of Azerbaijan: 1136–1225*. Baku: Elm, 1978 (in Russian)].

Бунятов З.М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г.* М.: Наука, ГРВЛ, 1986 [Buniyatov Z.M. *The Khorezm State of the Anushteginids 1097–1231*. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka", 1986 (in Russian)].

Гусейнов Р.А. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье. *Палестинский сборник*. Вып. 21. Ближний Восток и Иран. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. С. 185–198 [Guseynov R.A. The Iraqi Seljukids, the Ildegizids and Transcaucasia. *Palestinian Collection*. Vol. 21. The Near East and Iran. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1970. Pp. 185–198 (in Russian)].

ал-Джувайни, Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек. *Ступени совершенствования катибов (атабат ал-катаба)*. Пер. Г.М. Курпалидиса. М.: Наука, 1985 [al-Dzhuvajni Muntadzhab ad-Din Badi Atabek. *Levels of Improvement of Katib (Atabat al-Kataba)*. Transl. G.M. Kurpalidis. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Джувейни. Чингиз-хан. *История завоевателя мира*. Пер. Е.Е. Харитонов. М.: Магистр-Пресс, 2004 [Dzhuvejni. *Chingiz Khan. The History of the Conqueror of the World*. Transl. E.E. Haritonov. Moscow: Magistr-Press, 2004 (in Russian)].

Ибн ал-Асир. «*Ал-Камил фи-т-тарих*» «*Полный свод по истории*». *Избранные отрывки*. Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолитдина. Ташкент: Узбекистан, 2006 [Ibn al-Asir. *Al-Kamil fi-t-Tarikh. The Full Compendium of History. Selected Passages*. Transl. P.G. Bulgakov, Sh.S. Kamoliddin. Tashkent: Uzbekistan, 2006 (in Russian)].

Камалиддинов Ш. «*Китаб ал-ансаб*» Абу Са'да 'Абд ал-Карима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент: Фан, 1993 [Kamaliddinov Sh. "*Kitab al-ansab*" of Abu Sa'da 'Abd al-Karim ibn Muhammad as-Sam'ani as a Source on the History and History of the Culture of Central Asia. Tashkent: Fan, 1993 (in Russian)].

Маркарян С.А. *Сельджуки в Иране XI в.* Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991 [Markarjan S.A. *Seljuks in the 11th Century Iran*. Saratov: Saratov State University Publishing House, 1991 (in Russian)].

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М. –Л.: Издательство АН СССР, 1939 [Materials on the History of Turkmenistan and Turkmenistan. Vol. I. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1939 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Пер.: А.К. Арендс, Ю.П. Верховский, О.И. Смирнова, Л.А. Хетагуров. Т. 1–2. М. –Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946–1952 [Rashid ad-Din. *The Compendium of Chronicles*. Transl.: A.K. Arends, Ju.P. Verhovskij, O.I. Smirnova, L.A. Hetagurov. Vol. 1–2. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1946–1952 (in Russian)].

Тайны единения с Богом в подвигах старца Абу-Са'ида. Сост. В.А. Жуковский. СПб.: Типо-лит. И. Барганского и К°, 1899 [Secrets of Unity with God in the Exploits of Elder Abu Sa'id. Ed. V.A. Zhukovskij. Saint Petersburg: Tipo-lit. I. Baraganskogo i K°, 1899 (in Russian)].

Тимохин Д.М. «Тарих ал-Вузара» как источник по истории Хорезма. *Восток (Oriens)*. 2020. №. 3. С. 98–108 [Timokhin D.M. “Tarikh al-Wuzara” as a Source on the History of Khorezm. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 3. Pp. 98–108 (in Russian)].

ал-Хусайни, Садр ад-Дин ‘Али. *Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа) («Сообщения о Сельджуцком государстве». «Сливки летописей, сообщающих о сельджуцких эмирах и государях»)*. Пер. З.М. Буниятов. М.: Наука, ГРВЛ, 1980 [al-Husayni, Sadr ad-Din ‘Ali. “*Reports on the Seljuk State*”. “*The Cream of Chronicles, Telling about the Seljuk Emirs, and the Lords*”. Transl. Z.M. Bunyatov. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel’stva “Nauka”, 1980 (in Russian)].

Alami Ali Mahmodi. Political Relation of the Saljuqid and Qarazmshahian. *Journal of American Science*. 2011. No. 7(12). Pp. 467–470.

Baha al-Din Mohammad ibn al-Bagdadi. *Al-Tavassul ila al-Tarassul*. Tehran: Ketabhaneyye Ahmad Bahmanyar, 1937 [Baha al-Din Mohammad ibn al-Bagdadi. *Seeking Access to Business Correspondence*. Tehran: Ketabhaneyye Ahmad Bahmanyar, 1937 (in Persian)].

Bayhaki, Zahir ad-Din. *Tarih-i Bayhak*. Tehran: Chaphaneyye Tehran, 1317 [Bayhaki, Zahir ad-Din. *The History of Bayhak*. Tehran: Chaphaneyye Tehran, 1317 (in Persian)].

Cahen Cl. The Historiography of the Seljuqid period. *Historians of the Middle East*. Ed. B. Lewis, P.M. Holt. London: Oxford University Press, 1962. Pp. 59–78.

Cahen Cl. The Historiography of the Seljuqid Period. Cahen Cl. *Les peuples musulmans dans l’histoire medieval*. Damas: Presses de l’Ifpo, 1977. Pp. 37–63.

Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods. Ed. J.A. Boyle. Cambridge: University Press, 1968.

Dabir Seyagi M. *Sultan Jalal ad-Din Horezmshah*. Tehran: Chaphaney-e Tehran, 1977 [Dabir Seyagi M. *Sultan Jalal ad-Din Horezmshah*. Tehran: Chaphaneyye Tehran, 1977 (in Persian)].

Das Geschenk aus des Saldschukengeschichte von dem wesir Muhammad b. Muhammad b. Muhammad b. Abdallah b. al-Ni‘tam al-Husaini al-Jazdi. Ed. Karl Sussheim. Leiden: E.J. Brill, 1909.

Histoire des seldjocides de l’Iraq par al-Bondari d’apres Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. *Recueil de textes relatifs a l’histoire des seldjocides*. Ed. M.Th. Houtsma. Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1889.

A History of Persian Literature. Vol. X. Persian Historiography. Ed. by Ch. Mellville. London, New York: I.B. Tauris, 2012.

Ibn al-Jawzi. *Al-Muntazim fi Tarikh al-maluk wa al-umam*. J. 1–19. Bayrut: Dār al-Kutub al-‘Ilmiyah, 1992 [Ibn al-Jawzi. *Ordered [summary] on the History of Lords and Peoples*. Vol. 1–19. Beyrut: Dār al-Kutub al-‘Ilmiyah, 1992 (in Arabic)].

Kafesoğlu I. *Harezşahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1956 [Kafesoğlu I. The History of the Khwarazmian dynasty (485–617/1092–1229). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1956 (in Turkish)].

Kermani Afzal al-Din. *Badāye‘-al-azmān*. Ed. Mehdi Bayāni. Tehran: Chaphaneyye Tehran, 1947 [Kermani Afzal al-Din. *The Beginning of Time*. Ed. Mehdi Bayāni. Tehran: Chaphaneyye Tehran, 1947 (in Persian)].

Kermani Hamid-e Afzal al-Din. *Ketab-e-egd-ol-olla li mavkife al-ola Talif Afzal*. Tehran: Chaphaneyye Tehran, 1932 [Kermani Hamid-e Afzal al-Din. *The First String of Pearls for the Highest Point*. Tehran: Chaphaneyye Tehran, 1932 (in Persian)].

Marvazi, Sharaf al-Zaman Tahir. *On China, the Turcs and India*, Arabic Text with an English Translation Commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942.

Merçil E., Sevim A. *Selçuklu devletleri tarihi. Siyaset, teşkilat ve kültür*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1995 [Merçil E., Sevim A. *The History of the Seljuk States. Politics, Organization and Culture*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1995 (in Turkish)].

Mirhond. *Histoire de sultan du Kharezm*. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris: Typographie de Firmin Didot Frères, 1841.

- Mohammad ibn Ibrahim. *Tavvarih-e al-e saljouk. Recueil de textes relatifs a l'histoire des seldjoucides*. Ed. M.Th. Houtsma. Vol. I. Leiden: E.J. Brill, 1886.
- Mujmal at-tavarih va-l-kisas*. Tehran: Chaphaneyye Havar Tehran, 1318 [*The Compendium of Stories and Narratives*. Tehran: Chaphaneyye Havar Tehran, 1318 (in Persian)].
- Natanzi, Moin ad-Din. *Montahab at-tavarih-e Moini*. Tehran: Chaphaney-e Havar Tehran, 1957 [Natanzi Moin ad-Din. *Selected Stories of Moin*. Tehran: Chaphaneyye Havar Tehran, 1957 (in Persian)].
- Nishapuri, Zahir ad-Din. *Saljuk-name*. Tehran: Chaphaneyye Havar Tehran, 1953 [Nishapuri, Zahir ad-Din. *The Book of Seljuk [Empire]*. Tehran: Chaphaneyye Havar Tehran, 1953 (in Persian)].
- Peacock A.C.S. Court Historiography of the Seljuk Empire in Iran and Iraq: Reflection on Content, Authorship and Language. *Iranian Studies*. 2014. Vol. 47. Issue 2. Pp. 2–19.
- Peacock A.C.S. 'Imad al-Din Isfahani's Nusrat al-Fatra, Seljuk Politics and Ayyubid Origins, *Ferdowsi, The Mongols and the History of Iran. Art, literature and culture from early Islam to Qajar Persia*. London, New York: I.B. Tauris, 2014. Pp. 78–91.
- Qazvini, Hamdallah. *Tarhi gouzide*. Vol. 1. Trad. Y. Le Strange. Paris: Maisonneuve et Guilmoto, 1903.
- al-Qummi, Najm al-Din Abu I-Riza'. *Tarih al-Wuzara*. Muharrir: Muhammed Taki Dānish-Pazūh. Tehran: Muassase-i Mutalaat va Tahkikat-i Farhangi, 1985/1363 [al-Qummi, Najm al-Din Abu I-Riza'. *The History of Viziers*. Ed. Muhammed Taki Dānish-Pazūh. Tehran: Muassase-i Mutalaat va Tahkikat-i Farhangi, 1985/1363 (in Persian)].
- Ravandi, Mohammad. *Rahat as-sudur va ayat as-sorur*. Ed. Mohammad Iqbal. Leiden; London: Luzac & Co., 1921 [Ravandi Mohammad. *Calming Hearts and a Sign of Joy*. Ed. Mohammad Iqbal. Leiden; London: Luzac & Co., 1921 (in Persian)].
- al-Razi, Fakhr al-Din. *Jami' al-'ulum*. Ed. Mohammad Alkarayi. Lahor: Faridbukstal, 1988 [al-Razi Fakhr al-Din. *The Collection of Sciences*. Ed. Mohammad Alkarayi. Lahor: Faridbukstal, 1988 (in Persian)].
- The Saljūqnāma of Zāhūr al-Dīn Nīshāpūrī*. Ed. A.H. Morton. Chippenham: Gibb Memorial Trust, 2004.
- Ṭabakāt-i-Nāšīrī*: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān. Transl. from Original Persian Manuscripts by H.G. Raverty. Vol. I. London: Gilbert & Rivington, 1881.
- The Tajārib al-umam, or History, of Ibn Miskawayh (Abu 'Ali Ahmad b. Muhammad)*. With a Summary and Index by L. Caetani. Leiden: E.J. Brill, 1913.
- Taneri A. *Celalü'd-din Harezmsah ve Zamanı*. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1977 [Taneri A. *Jalal al-Din Khwārazmshāh and His Time*. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1977 (in Turkish)].
- Taneri A. *Harezmsahlar*. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı, 1993 [Taneri A. *The Dynasty of Khwārazmshāhs*. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı, 1993 (in Turkish)].
- Vatvat, Rashid ad-Din. *Namehaye Rashid ad-Din Vatvat*. Ed. Sa'īd Nafīs. Tehran: Kitabkhana-yi Barani, 1960 [Vatvat, Rashid ad-Din. *The Epistles of Rashid ad-Din Vatvat*. Ed. Sa'īd Nafīs. Tehran: Kitabkhana-yi Barani, 1960 (in Persian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института востоковедения
РАН, Москва, Россия.

Dmitriy M. TIMOKHIN, PhD (History),
Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014402-9

ГОСУДАРСТВО И РЫНОК
В ПРОИЗВЕДЕНИИ ТАКИ АД-ДИНА АЛ-МАКРИЗИ
«КИТАБ ИГАСАТ АЛ-УММА БИ-КАШФ АЛ-ГУММА»
(«КНИГА В ПОМОЩЬ ВЕРУЮЩИМ РАЗЪЯСНЕНИЕМ [ПРИЧИН] БЕДСТВИЯ»)

© 2021

Ф.М. АСАДОВ^a

^a – Институт востоковедения им. З.М. Бунятова,
НАН Азербайджана, Баку, Республика Азербайджан
ORCID: 0000-0002-9034-0011; asadovfm@hotmail.com

Резюме: В представленной статье исследуются уникальные свидетельства и размышления Таки ад-Дина ал-Макризи (1364–1442), ученика и последователя гениального историка и мыслителя мусульманского средневековья Ибн Халдуна (1332–1406), об отношениях правительства с производителями, собственниками и торговцами основными продуктами питания в средневековом Египте. В небольшом трактате о голодных годах в истории страны автор показал все многообразие механизмов взаимодействия правительства со сферой рыночных отношений. Особенно подробно ал-Макризи разъясняет государственные рычаги формирования цен на важнейшие товары потребления в период недородов и дороговизны в стране. В статье характеризуются основные этапы жизненного пути и чиновничьей карьеры Таки ад-Дина ал-Макризи, обусловившие его широкие теоретические знания, практический опыт государственного служащего, ответственного за организацию работы рынка в Каире, навыки службы в системе мусульманского правосудия, осведомленность о жизни, интересах и мотивациях политической элиты и чиновничества. В размышлениях автора привлекает внимание анализ рыночных отношений в средневековом обществе. Оценивается воздействие природного фактора – ежегодных разливов Нила, – на сельскохозяйственное производство. Вслед за этим анализируются правительственные меры по смягчению негативного воздействия и природных причин на состояние рынка продовольственных товаров: значение плана государственных заготовок, введение и отмена торговых пошлин и других мер воздействия на рыночные цены, не предусмотренных традиционным мусульманским законодательством. Отдельно характеризуется монетно-денежная политика правительства с начала существования мусульманского государства. В изучении причин возникновения экономических кризисов и социальной напряженности автор уделяет внимание также и характеристикам личным качеств правителя и чиновников, анализирует психологию отношений между различными категориями населения. Несомненный интерес должны вызвать взгляды ал-Макризи на природу коррупции в государственном аппарате, психологические аспекты ее возникновения, ее роль в создании кризисных ситуаций на рынке основных продуктов питания, дестабилизации политического положения в стране.

Ключевые слова: ал-Макризи, «Игаса», Каир, хроника голодных лет, серебряный кризис, рыночные отношения в Египте.

Для цитирования: Асадов Ф.М. Государство и рынок в производстве Таки ад-Дина ал-Макризи «Китаб игасат ал-умма би-кашф ал-гумма» («Книга в помощь верующим разъяснением [причин] бедствия»). *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 57–68. DOI: 10.31857/S086919080014402-9

THE STATE AND THE MARKET
IN THE WORK OF TAQI AL-DIN AL-MAKRIZI
“KITAB IGHATHAT AL-UMMA BI-KASHF AL-GHUMMA”
 (“A BOOK TO HELP BELIEVERS IN EXAMINING THE CAUSES OF THE DISTRESS”)

© 2021

Farda M. ASADOV ^a

^a – Institute of Oriental Studies named after acad. Z.M. Bunyadov,
Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
ORCID: 0000-0002-9034-0011; asadovfm@hotmail.com

Abstract: *This article explores testimonies and reflections of Taqi al-Din al-Maqrizi (1364–1442), a disciple of prominent scholar of Muslim Middle Ages Ibn Khaldun (1332–1406), on the government’s relationship with producers, owners and traders of staple foods in medieval Egypt. In his treatise on famine years in Egypt al-Maqrizi elaborated on mechanisms of interaction between government and market, and described impact tools of the government for regulation of market prices at the time of crop failure and famine in the country. Al-Maqrizi’s personal life and work experience are a key to understanding the origins of his broadest knowledge of market relations in Cairo, Islamic justice system, his insightful awareness of the interests and motivations of the political elite and bureaucracy in medieval Egypt. The author’s analysis of market relations deserves a special consideration. He argues for the significance of natural factors – the annual floods of the Nile, – and the importance of government procurement. He contemplates the legitimacy of some trade duties and other government impact steps on market prices. The monetary policy of the government of the Muslim state is characterized separately. In studying the causes of social tension and economic crises, al-Maqrizi also pays attention to the personal qualities of the ruler and officials, analyzes the psychology of relations between various categories of the population. Al-Maqrizi’s views on the nature and psychological aspects of corruption in the government, its role in creating instability in the market and society are significant guides for social studies of the past and present days.*

Keywords: al-Maqrizi, “Ighathat”, Cairo, chronicle of the famine years, the silver crisis, market relations in Egypt.

For citation: Asadov F.M. The State and the Market in the Work of Taqi al-Din al-Maqrizi “Kitab Ighathat al-Umma bi-Kashf al-Ghumma” (“A Book to Help Believers in Examining the Causes of the Distress”). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 57–68. DOI: 10.31857/S086919080014402-9

АЛ-МАКРИЗИ – ИСТОРИК И ПРАВОВЕД

По мнению известного исследователя мусульманской историографии Франца Розентала, исторические труды, отличающиеся независимой авторской позицией, появляются в Египте в XIII–XIV вв. Наиболее известным среди историков такого уровня был прославленный Ибн Халдун (1332–1406). Однако не менее характерной фигурой в этом ряду был его ученик – Таки ад-Дин ал-Макризи (1364–1445) [Rosenthal, 1968, p. 55].

Ал-Макризи показал себя авторитетнейшим правоведом, занимавшим высокие посты в судебно-правовых и образовательных структурах в Сирии, в Мекке и в Египте. Он имел также опыт практической работы в качестве *мухтасиба* – ответственного чиновника на каирском рынке. Опыт правоведа и чиновника сочетался у ал-Макризи с умением фор-

мулировать и аналитически рассматривать крупные проблемы истории мусульманского общества. Например, в одном из своих небольших исторических трудов он берется судить о конфликте между династиями Омайядов (657–749) и Аббасидов (750–1258) [Rosenthal, 1968, p. 63, 147; Maqrizi, 1342/1923]. Об ответственности ал-Макризи в оценках событий прошлого говорят, например, следующие его рассуждения: «... истинная цена настоящего остается непризнанной, ибо малая толика его зла видится большой, так как малое, но увиденное, впечатляет сильнее, чем многое, но услышанное, а испытать малую беду тягостнее, чем вспоминать о беде большой, но минувшей» [Maqrizi, 1359/1940, p. 5].

Процитированный выше отрывок взят из произведения ал-Макризи «Китаб игасат ал-умма би-кашф ал-гумма» (далее – «Игаса»). Это небольшое произведение тесно связано с фундаментальным трудом ал-Макризи об истории города Каира [Maqrizi, 1418/1997]. Энциклопедические познания автора были, безусловно, следствием его богатой путешествиями и различными профессиональными занятиями жизни.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АЛ-МАКРИЗИ

Таки ад-Дин Ахмад б. 'Али ал-Макризи родился в Каире. Семья ал-Макризи переехала в Египет из сирийского города Ба'лабакк (Баальбек), где его дед по матери Шамс ад-Дин ас-Са'иг был известен как авторитетный передатчик хадисов. Относительно нисбы автора «Игасы» существует единодушное мнение, что она происходит от названия квартала в Баальбеке [Ziyade, 1993, p. 222]. Хотя настойчивые усилия египетского исследователя творчества ал-Макризи Мухаммада М. Зийада обнаружить следы этого квартала в современном Баальбеке оказались безуспешными [Ziyade, 1993, p. 221, примеч. 5,6].

По поводу даты рождения ал-Макризи имеются некоторые разногласия. Современник автора «Игасы» историк ас-Сахави (831/1427–8–902/1497–8) сообщает, что его учитель, известный составитель био-библиографических словарей Ибн Хаджар ал-Аскалани (ум. 852/1448–49) видел собственноручную запись ал-Макризи, свидетельствующую о том, что он родился в 766/1364–65 г. [Al-Khanbali, [б.г.], vol. 8, p. 254]. Такого же мнения придерживался и сам историк и правовед Ибн ал-Имад ал-Ханбали (1623–1679), сохранивший свидетельство ал-Аскалани. Между тем Ибн Тагрибарди (1411–1465 или 1469) ограничивается замечанием, что автор «Игасы» родился спустя несколько лет после 760/1358–59 г. [Ziyade, 1993, p. 221].

Квартал Барджаван, где поселилась семья ал-Макризи, был одним из самых оживленных и тесно застроенных кварталов Каира [Maqrizi, 1418/1997, vol. 3, p. 174]. В Египте отец ал-Макризи занимал ряд должностей в провинции, а затем был переведен в столицу в государственную канцелярию – *диван ал-инша'*. По свидетельству самого ал-Макризи, отец его испытывал поначалу жестокую нужду и, находясь в материальной зависимости от тестя, воспитывал сына в соответствии с его требованиями – в ханафизме [Ziyade, 1993, p. 221].

В 1382 г. в Египет приезжает знаменитый историк и мыслитель мусульманского Востока Ибн Халдун. В Каире он преподавал в медресе при мечети Амра б. ал-Аса и в университете ал-Азхар и некоторое время был *кади ал-кудат* египетских маликиитов. Ал-Макризи был одним из первых его учеников [Maqrizi, 1999, p. 11].

В 1384 г., после смерти деда ал-Макризи становится шафиитом и начинает критиковать преобладавший в Египте ханафитский мазхаб [Rabbat, 2003, p. 10, 12]. Причиной перехода могла быть также растущая популярность шафиитского мазхаба в интеллектуальной и политической элите Каира [Broadbridge, 1999, p. 86]. К этому же времени относится поступление ал-Макризи на государственную службу. До 1386 г. он был *кадибом* в *диван ал-инша'* [Brockelmann, 1987, s. 206; Zeydan, 1967, vol. 2, p. 184], затем состоял при *кади*

ал-кудат шафиитов, выполняя обязанности имама при мечети ал-Хакима и одновременно преподавал хадисы в медресе ал-Му'аййидийа.

В 1399 г. султан Баркук (1382–1389; 1390–1399) назначил ал-Макризи *мухтасибом*¹ в Каире и ал-Ваджх ал-Бахри. В том же году сразу после смерти султана ал-Макризи вынужден был ненадолго уступить должность интриговавшему против него Махмуду ал-Айни. На срок с февраля по октябрь 1400 г. ал-Макризи смог вернуть себе этот важный пост, но его соперник окончательно сместил его с помощью своего влиятельного покровителя мамлюкского эмира Джакма [Broadbridge, 1999, p. 90]. Примерно в это же время он женился, и у него родилась дочь. Смерть малолетней девочки от чумы во время охватившей Египет эпидемии заставила безутешного отца поторопиться с написанием «Игасы», в которой он поставил себе задачу разобраться в причинах наступивших испытаний².

В 1408 г. ал-Макризи переехал в Дамаск, где прожил последующие десять лет. Сначала он преподавал хадисы в медресе ал-Ашрафийа и ал-Икбалийа и одновременно занимал должность *мутавалли* (управляющего) вакфов ал-Каланисийа и больницы ан-Нур [Zeydan, 1967, vol. 2, p. 184]. В Сирию (аш-Шам) ал-Макризи прибыл, сопровождая сына аз-Захира Баркука ал-Малика ан-Насира. В Дамаске он был приближен также к правителю аш-Шама Йашбаку ад-Давадару, который благоволил ему и материально его поддерживал [Brockelmann, 1987, s. 206; Ziyade, 1993, p. 222–223]. Получив заманчивое предложение занять должность заместителя *кади* Дамаска, ал-Макризи, движимый желанием заниматься историей, отклонил его и вернулся в Каир, где поселился в своем квартале Барджаван [Broadbridge, 1999, p. 91; Bauden, 2013, p. 381].

В 1430 г. вместе с семьей ал-Макризи совершил *хаджж* в Мекку и оставался там до 1435 г., занимаясь преподаванием хадисов и совершенствуя свои знания в фикхе; он даже был аттестован шейхом Джамал ад-Дином Абд ар-Рахманом б. ал-Хасаном ал-Аснави аш-Шафии (ум. 772/1370–1371) [Ibn Taghribardi, [б.г.], vol. VIII, p. 218]. Вернувшись в Каир, ал-Макризи занялся преподаванием хадисов у себя на дому [Zeydan, 1967, vol. 2, p. 184–185]. Автор «Игасы» скончался в Каире в 1442 г.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АЛ-МАКРИЗИ

По мнению исследователей творчества ал-Макризи, ему принадлежало более 200 работ [Okasha, 2005, p. 180]. До нас дошло около 20 произведений ал-Макризи. Любопытно, что наряду с достаточным количеством копий до нас дошло и значительное количество автографов – 23 рукописи, около 5 тыс. листов. Среди них есть черновики и даже тетрадь с собственными записями [Bauden, 2008, p. 57].

Истории Египта с 577/1181–1182 г. по 844/1440–1441 г. посвящен труд «Китаб ас-сулук ли-ма'рифат дувал ал-мулук» («Торная дорога для познания царских династий»). Сведениями об истории Египта от времени арабского завоевания до падения государства Фатимидов изобилуют и другие произведения ал-Макризи. Многотомный неоконченный биографический словарь, названный автором «Китаб ал-Мукаффа», содержал рассказы о жизни *амиров* и знаменитых людей Египта и, по свидетельству его современника, египетского историка ас-Сахави, должен был включать 80 томов. Однако в настоящее время известны только шестнадцать из них.

¹ Должностное лицо, осуществлявшее контроль за торгово-ремесленной деятельностью и поведением людей в общественных местах.

² Сам ал-Макризи указывает, что работал над «Игасой» в начале 808 г.х., т.е. во 2-й пол. 1405 г. [Maqrizi, 1359/1940, p. 43]. Если он женился в период, когда занимал должность *мухтасиба*, т.е. ок. 1400 г., то дочери могло быть не более шести лет. Хотя есть мнение, что она скончалась в самом начале кризиса, в 1403 г. [Maqrizi, 1999, p. 14]. И тогда ей могло быть 2–3 года.

Из сочинений, тематически связанных с «Игасой», следует назвать восемнадцатистраничный трактат «Ал-Микйал ва ал-мавазин аш-шар‘иййа» («Законные меры и веса»), «Нубзат ал-‘укуд фи ‘умур ан-нукуд» («Избранные акты из истории денег»)³, и «Ан-Нукуд ал-исламиийа» («Мусульманские монеты») [Maqřizi, 1956; 1387/1967].

Важнейшим и самым популярным произведением ал-Макризи является описание кварталов и история города Каира «Китаб ал-мава‘из ва-л-и‘тибар фи зикр ал-хитат ва-л-асар» («Книга увещаний и назидания в рассказе о кварталах и памятниках»), более известное по краткому названию «ал-Хитат» [Zeydan, 1967, vol. 2, p. 186]. Сохранились черновики двух из четырех томов этого произведения, написанные рукою автора – они хранятся в библиотеке Топкапы в Стамбуле. Рукописные черновики обычно не сохраняются. В данном случае это указывает на то, что работам ал-Макризи придавали особое значение – хранили черновики автора как большую ценность [Bauden, 2010, p. 174]. Хорошо знакомый с трудами ал-Макризи французский востоковед Этьенн Катрмер (1782–1857) и более близкий нам по времени исследователь Дэвид Марголиус (1858–1940) единодушно отмечали, что «ни об одном восточном городе нет столь полной и интересной работы местного автора» [Крачковский, 1957, с. 474]. Седьмая, последняя, часть «ал-Хитат», упомянутая автором в предисловии и «содержащая рассказ о причинах, от которых произошло запустение *иклима* Египет», в дошедшем до нас тексте сочинения отсутствует. И.Ю. Крачковский (1883–1951) полагал, что упомянутая в предисловии седьмая глава «... в целом, вероятно, или не была написана, или ал-Макризи предпочел не включать ее в книгу» [Крачковский, 1957 с. 473]. По своему содержанию отсутствующей главе вполне соответствует «Игаса». Возможно, ал-Макризи предполагал доработать ее и включить в «ал-Хитат». Однако этого не произошло.

«ИГАСА» – «ХРОНИКА ГОЛОДНЫХ ЛЕТ ЕГИПТА»

Пять с лишним веков отделяют нас от времени, когда египетский историк XV в. Таки ад-Дин ал-Макризи написал «Китаб игасат ал-умма би кашф ал-гумма» («Книгу помощи верующим разъяснением [причин] бедствия»), известную как «Хроника голодных лет». «Недороды и изобилие всегда чередовались в мире бытия и порока с тех пор, как Аллах создал тварей в разных частях Земли, во всех странах и областях», – этими словами ал-Макризи начинает свое повествование о недородах и голодных годах в истории Египта. Здесь же он добавляет: «Воистину, я не видел ни у кого об этом отдельного сочинения» [Maqřizi, 1359/1940, p. 7]. Сострадавая современникам и глубоко переживая смерть единственной дочери, ал-Макризи не желает горевать в одиночестве, а хочет помочь людям разобраться в причинах их общих страданий. Поэтому в скорбную для него ночь он считает важным поделиться своими размышлениями и пишет научный трактат. Критический текст «Игасы» был составлен М.М. Зийадой и Дж.М. Шайялом путем сличения трех рукописей: стамбульской, каирской и кембриджской. Первое издание критического текста произведения увидело свет в 1940 г. Арабский текст затем издавался неоднократно [Maqřizi, 1359/1940; 1957; 1999]. Существуют два перевода «Игасы» на европейские языки: французский, выполненный в 1962 г. [Wiet, 1962], и английский, увидевший свет в 1994 г. [Al-Maqrizi, 1994].

Перечень голодных лет ал-Макризи начинает с «допотопных» (*туфан*) времен. Главной объективной причиной голода и дороговизны он признает неблагоприятный для земледелия уровень разлива Нила. Дороговизна как яркое, концентрированное выражение кризисной ситуации в обществе, определяется в арабском языке термином *гала*. В конце VIII в. известный мусульманский правовед Абу Йусуф писал: «Дешевизна и дороговизна в руках

³ Таково предложение научного редактора перевода. Но, может быть, здесь ‘укуд (ед. ‘икд) – в значении «ожерелье»? Тогда перевод названия, вероятно, звучит как «Отборные жемчужины в ожерелье монет».

Всевышнего Аллаха, им нет однозначного объяснения. Между дешевизной и дороговизной нет различительной грани. Это нечто непостижимое, ниспосылаемое с небес. Дешевизна получается вовсе не по причине изобилия продуктов, так же как и дороговизна – не в результате их недостатка. Это дело Аллаха и Его суд. Продуктов может быть много, но они будут дороги, или же их будет мало, но стоить они будут дешево» [Abu Yusuf, 1326/1908, р. 48–49]. По существу, здесь содержится признание того, что на формирование цен на продовольственные товары помимо фактора природных условий влияют и другие, непостижимые для Абу Йусуфа причины, в чем он видит проявление воли Аллаха, т.е. отказывается объяснить явление дороговизны объективными причинно-следственными отношениями.

Иное дело – ал-Макризи, который склонен усматривать стихийность дороговизны только в изменении природных условий земледелия и видит свою основную задачу в том, чтобы раскрыть иные факторы, влияющие на рост цен – те, что остались за пределами понимания Абу Йусуфа и зависят от самих людей: «[Всякий], кто проследит это бедствие от начала до конца и ознакомится с ним полностью, поймет, что потрясшее людей бедствие произошло от скверного управления государей и правителей, но отнюдь не потому, из-за чего случались ранее дороговизна и губительные годы» [Maqrizi, 1359/1940, р. 4]. Для обоснования своего предварительно высказанного суждения ал-Макризи формулирует и пытается разобрать несколько конкретных вопросов.

1. Он предоставляет вниманию читателей уникальное собрание сведений о недородах, случавшихся в Египте с глубокой древности до современной ему эпохи и ставит себе задачу установить связь недородов и дороговизны с природными причинами – разливами Нила.

2. Следующий вопрос, рассматриваемый ал-Макризи с целью выяснения основных причин дороговизны – связь изменения цен на продукты с государственной политикой в сельском хозяйстве, с государственным регулированием отношений в сфере производства и на рынке основных потребительских продуктов.

3. Большое место занимает исследование денежной системы как особого фактора, влияющего на ценообразование.

4. Подытожив изложенные факты, ал-Макризи старается найти различия между прошлым опытом случаев дороговизны и современным для него положением дел.

ГОСУДАРСТВО И РЫНОК ОСНОВНЫХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ

В Египте количество урожая зависело от уровня подъема воды в Ниле вследствие сезона дождей у истоков реки. Когда подъем воды был недостаточным для орошения, то наступали тяжелые времена, которые длились до тех пор, пока разлив Нила не приходил в норму. В эти периоды повышались цены на продукты питания, а порой случался и голод, происходили волнения и беспорядки. Государство обычно боролось с дороговизной путем реализации запасов государственного зерна за умеренную цену, как это было, например, в правление фатимидского халифа ал-Фа'иза (1154–1160) [Maqrizi, 1359/1940, р. 28–29]. Но бывало, что приходилось прибегать и к крайним мерам.

Так случилось в 1007 г. при халифе ал-Хакиме (996–1021). Резко поднялись цены на зерно и хлеб, а также и остальные продукты. Тогда власти остановили свободную реализацию зерна, находившегося в речном порту Каира, и распорядились, чтобы оно отпускалось только мельникам, минуя посредников-зерноторговцев. Были установлены приемлемые цены на зерно и другие продовольственные товары, группа нарушителей-спекулянтов была выпорота и выставлена на позор. Скупка зерна спекулянтами была остановлена. Однако разлив Нила и на следующий год оказался недостаточным. Спекуляция зерном, оставшимся во владении зерноторговцев, достигла катастрофиче-

ских размеров. Начался голод. Тогда халиф ал-Хаким выехал на своем муле к людям и объявил, что направляется в мечеть, и если на обратном пути он обнаружит хотя бы одно место, куда бы мог ступить осел, то будет велено отсечь голову каждому, о ком доложат, что у него припрятано хоть сколько-нибудь зерна. «И не осталось ни одного жителя в Каире, – рассказывает далее ал-Макризи, – кто бы, имея зерно, не вынес его из своего дома или жилища и не выставил его на улице». Цены были моментально сбиты. Ал-Хаким произвел своеобразную индексацию дневной потребности горожан в зерне и ее обеспечение возложил на зерноторговцев, предоставив им выбирать: либо они продают зерно в кредит по установленной цене, либо он опечатывает их зерно и запрещает им торговать до поступления нового урожая. Спекулянтам пришлось подчиниться. Цена была согласована, но, конечно, без определенных убытков не обошлось. Зато удалось предотвратить массовый голод [Maqrizi, 1359/1940, p.17–18].

В данном случае государство не посягнуло на собственность торговцев, ограничившись компромиссом в вопросе цен. Однако случались и конфискации зерна с целью монополизации зерноторговли и нормализации цен. Подобным образом поступил в 1055 г. вазир Абу Мухаммад ал-Йазури. В тот год, воспользовавшись бедственным положением крестьян, зерноторговцы скупили урожай на корню и, выплатив казне денежное выражение натурального налога с земли, вознамерились нажиться на спекуляции зерном. Вазир ал-Йазури объявил эти сделки недействительными. В качестве компенсации за выплаченный в казну налог он вернул купцам один динар из каждых восьми выплаченных. Зерно было вывезено и засыпано в султанские амбары, откуда его стали отпускать за умеренную плату пекарям, возложив на них обеспечение дневной потребности Каира и Фустата в хлебе. Эти меры неукоснительно осуществлялись в течение двадцати месяцев, пока не подоспел урожай следующего года. «Дороговизна отступила, почти не причинив страданий людям благодаря хорошему управлению», заключает ал-Макризи [Maqrizi, 1359/1940, p. 21–22].

Насколько можно судить по указанным выше сведениям, основной, или объективной причиной повышения цен на продовольственные товары ал-Макризи считал стихийные бедствия, прежде всего недостаточный подъем воды в Ниле в положенные сроки. И тогда государство в средневековом Египте оказывалось перед необходимостью решать задачу по обеспечению населения товарами первой необходимости.

Из рассуждений ал-Макризи можно сделать вывод, что чрезвычайные меры, предпринимавшиеся египетским правительством, лишь временно дополняли рыночные отношения, и их тяжесть ложилась в основном на имущие слои, наживавшиеся на дороговизне. В кризисной ситуации с продовольствием государство отказывалось от возможного получения сверхприбыли от спекуляции государственным и конфискованным зерном, добиваясь сбивания рыночных цен и не разрушая при этом структуры рыночных отношений в сфере распределения основных продуктов питания.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТРИГИ И КРИЗИС ВЛАСТИ КАК ПРИЧИНА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НЕУРЯДИЦ

Ал-Макризи, признавая негативную роль стихийных явлений, вместе с тем отмечал, что своевременные меры правительства всегда помогали избегать катастрофических последствий. Выше мы говорили об успешных мерах, предпринятых вазиром Абу Мухаммадом ал-Йазури по борьбе с дефицитом продовольствия и ростом дороговизны. Однако тремя годами позже вазир ал-Йазури стал жертвой политических интриг: он был обвинен в присвоении государственных денег, арестован 27 февраля 1058 г. [Ibn al-Athiri, 1851–1876, vol. 9, p. 635] и умерщвлен в тюрьме [Maqrizi, 1359/1940, p. 32].

Недоброжелателей у ал-Йазури было много. Шла борьба за ключевые должности в правительстве, но всех соперников объединяло одно: никто не был заинтересован в усилении и последовательном осуществлении контроля за доходами и расходами государства. Началась чехарда вазиров. Ал-Макризи отмечает, что иногда период между отставкой одного вазира и заступлением на должность другого был дольше, чем время пребывания их на должности [Maqrizi, 1359/1940, p. 23].

Главной заботой вазиров было уберечься от дворцовых интриг; государственные дела пришли в упадок, и чиновники на местах получили большую свободу для злоупотреблений [Maqrizi, 1359/1940, p. 22]. Доходы государства стали падать. Запасы зерна практически отсутствовали, а следовательно государство потеряло возможность влиять на формирование цен экономическими рычагами.

Когда же по прошествии шести лет политической нестабильности вновь случился недостаточный подъем воды в Ниле, это имело катастрофические последствия. Были отмечены случаи людоедства [Maqrizi, 1359/1940, p. 24]. В бедственном положении оказался сам халиф ал-Мустансир (1029–1094). Он был вынужден даже продать украшения с могил своих предков, и будто бы даже ему нечего было есть, кроме хлебных крошек, которые посылали от благотворительных пожертвований. Халиф перешел к решительным мерам. Под страхом смерти торговцы зерном и пахари были вынуждены снизить цены в несколько десятков раз и торговали себе в убыток [Maqrizi, 1359/1940, p. 25–26].

Ужесточение государственного контроля помогало смягчению бедственного положения населения, но вместе с тем создавало условия для произвола чиновников. По мнению ал-Макризи, несмотря на то, что в прежние времена также случались злоупотребления в государственном аппарате и усиливался произвол чиновников, султану всегда удавалось стабилизировать положение какими-либо необходимыми чрезвычайными мерами.

Совсем по-другому пошли дела в последний неурожай. Катастрофическое положение, сложившееся к 808/1405 г., было прямым следствием неправильной политики и разложения государственного аппарата. Смерть султана аз-Захира Баркука в шаввале 801/августе 1399 г., видимо, была началом большой полосы политической нестабильности и борьбы за власть. В последние годы правления аз-Захира Египет вновь постигло стихийное бедствие – недостаточный подъем воды в Ниле в 796/1395–1396 г., Однако аз-Захиру удалось удержать ситуацию под контролем до поступления урожая 798/1395–1396 г., и цены нормализовались. Но смерть аз-Захира моментально сказалась на ценах. Буквально на следующий день один *ирдабб* пшеницы стоил в 1,5 раза дороже, и далее цены продолжали расти, хотя стихийных бедствий отмечено не было.

Когда же в 806/1403–1404 г. вновь случился недостаточный подъем воды, цены взлетели невообразимо высоко: четыреста дирхамов за *ирдабб*, или около 33 граммов золота за один центнер. Уже на следующий год вода в Ниле поднялась до необходимого уровня, однако годы политической нестабильности, развал государственного регулирования усугубили ситуацию [Maqrizi, 1359/1940, p. 42].

За годы бесконтрольной деятельности крупных чиновников зерно прибиралось к рукам торговцами-монополистами, которые либо находились в тесном контакте с политической верхушкой, либо сами были там представлены. Несмотря на то, что урожай зерна в 806/1403–1404 г. поступил в неслыханно большом количестве, оно реализовывалось монополистами по диктуемым ими высоким ценам [Maqrizi, 1359/1940, s. 42–43]. Алчность монополистами была беспредельна, и потому пашни не удалось засеять в должном количестве. Ситуация стала причиной чувства безысходности, овладевшего людьми и побудившего ал-Макризи задуматься над истоками катастрофы. По мнению автора, основными причинами подобного положения были следующие три обстоятельства, носившие субъективный характер.

1. Коррупционность государственного аппарата. Практически все высшие должности и доходные места, включая такие, как *вазир*, *кади*, наместник провинции, *мухтасиб* можно было получить за соответствующую мзду. Стремление как можно скорее вернуть потраченные деньги и как можно больше обогатиться, пока очередной претендент не перекупит должность, приводило к безжалостному выколачиванию денег у нижестоящих должностных лиц и, следовательно, безграничному росту противозаконных поборов с трудового люда. В сельских областях население нищало, оставляло землю, уходило в города или занималось грабежами. Сокращение посевных площадей приводило к резкому падению доходов государства и уменьшало его возможности по борьбе с голодом и дороговизной.

2. Удорожание сельскохозяйственных работ и стоимости земельных участков. Нехватка рабочих рук в деревне, и с другой стороны, сосредоточение больших денежных средств в руках коррумпированных чиновников оказывали разрушительное воздействие на сложившуюся систему аграрных отношений. Государственные чиновники, имевшие в своем распоряжении большие суммы денег, устремляли свои взоры на пахотные земли: скупали земельные участки или, злоупотребляя своей близостью к султану, отбирали участки *икта* у прежних держателей. Свобода в средствах позволяла им переманивать арендаторов и поденщиков, вследствие чего земли прежних землевладельцев *мухта* несли значительный урон. Урожай, таким образом, обходился очень дорого и к тому же прибирался к рукам высшими государственными чиновниками и военачальниками, которые полностью распоряжались им.

3. Третья причина безудержного роста дороговизны, по мнению ал-Макризи, кроется в государственной политике денежного обращения.

АЛ-МАКРИЗИ О ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЕ ЕГИПТА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Таки ад-Дин ал-Макризи по праву может считаться одним из наиболее информированных авторов арабского средневековья по вопросам исламской денежной системы и монетного дела. Помимо «Игасы», включающей весьма пространный для работы такого объема раздел, посвященный деньгам, ал-Макризи принадлежит также и специальное сочинение об исламских монетах, носящее название «Ан-Нукуд ал-исламиййа» [Maqrizi, 1387/1967] Эта работа представляет собой справочник об известных автору монетах, выпускавшихся в исламском мире. Что касается «Игасы», то ее отличает другой подход к вопросу. Здесь ал-Макризи дает сведения об изменениях монетных весов, появлении новых денежных номиналов и денежных единиц, колебании курсов золотых и серебряных единиц – и, самое интересное, ставит задачу установить связь денежной системы с развитием рыночных отношений в обществе, равно как и с изменениями политической и идеологической ситуации в государстве.

Одним из основных положений, постулируемых ал-Макризи, является утверждение, что деньгами можно считать только серебряные и золотые монеты [Maqrizi, 1359/1940, р. 47]. Здесь нашел свое отражение тот факт, что в пределах халифата в раннюю эпоху обращались две валюты. Золотая монета, составлявшая основу византийской денежной системы, в арабизированной форме называлась динаром. А серебряная драхма, лежавшая в основе сасанидского денежного обращения, называлась дирхамом. В доисламскую эпоху Аравия на восток от Мекки входила в систему серебряного обращения, а Мекка была местом, где обращались и свободно обменивались обе валюты. В Коране также упоминаются две монеты: динар и дирхам⁴.

Пограничное положение Мекки, в которой обе монеты в равной степени свободно обращались и обменивались на рынке, по всей видимости, и создало объективные условия

⁴См.: о динаре – Коран, 3:68(75); о дирхаме – Коран, 12:20(20); см. также: [Большаков, 1984, с. 143].

для сложения биметаллической денежной системы в халифате после арабских завоеваний. Законодательной предпосылкой могло служить предание, согласно которому пророк Мухаммад сказал: «Мерами веса остаются мекканские меры» [Maqrizi, 1359/1940, p. 48]. Кроме того, такое состояние денежного обращения было результатом того, что в пределах раннего халифата оказались Ирак и Египет – две экономически мощные области, входившие прежде в разные системы денежного обращения. Хождение двух разных валют вызывало сложности пересчета и обмена. Если к этому добавить и колебания монетных весов и пробы, то становится понятным, почему многие авторы уделяли большое место сведениям о монетных весах, о курсах серебряной и золотой монет. Не явился исключением и автор «Игасы».

Особое значение имеют сведения ал-Макризи о серебряных дирхамах, имевших хождение еще до арабского завоевания. Именно указание на существование монетных весов в 8 *даников* и 4 *даника* (*даник*, или *данг* – 1/6 серебряной сасанидской драхмы весом 3,5–3,6 г, т.е. 0,59 г) [Большаков, 1984, с. 146] проливает свет на трудно интерпретируемое известие о существовании так называемых арабо-сасанидских дирхамов веса семи, веса шести и веса пяти [Maqrizi, 1359/1940, s. 145–146]. Хождение разных серебряных монет, в то время как налоговая система предусматривала ставку налога в дирхамах без учета различий в монетных весах, было одной из причин денежной реформы Абд ал-Малика в 693–694 г., значение которой с точки зрения становления собственной монетно-денежной системы всегда особо отмечалось как средневековыми авторами, в том числе и автором «Игасы», так и современными исследователями [Большаков, 1984, с. 146–147, 150].

Многочисленные известия об изменениях курса серебряных дирхамов относительно стабильного по своим характеристикам золотого динара позволяют суммировать, что чеканка серебряных монет претерпевала постоянную тенденцию увеличения содержания примеси (меди) в весовом стандарте дирхама. Таким образом, если первые арабо-сасанидские серебряные монеты «веса семи» (4,13 г) действительно могли обмениваться на золотые динары по курсу 10:1, то пореформенные дирхамы (2,96 г) имели курс 14:1. А когда содержание меди в серебряной монете поднялось до одной трети монетного веса, такие дирхамы, получившие название «черных», обменивались уже по курсу 40:1.

Ал-Макризи приводит очень интересные известия о попытках государства сэкономить большие средства путем фактического снижения серебряного содержания монеты, но при сохранении их принудительной покупательной способности и обменного курса. Однако ни административные меры, ни даже попытки сохранения курса путем выброса на рынок полноценных монет ни к чему не приводили [Maqrizi, 1359/1940, p. 64]. На рынке всегда устанавливался реальный курс, отражавший фактическое содержание серебра в монете.

В появлении лигатурных, то есть имеющих большой процент примеси, дирхамов ал-Макризи видит основную причину введения в обращение медных монет, или филсов [Maqrizi, 1359/1940, p. 67]. Мерой стоимости товаров и услуг на рынке оставался полновесный дирхам, тогда как в обращении было много неполноценных монет. Население проявляло недовольство по поводу того, что эти дирхамы не принимались по номиналу, из-за чего приходилось выплачивать дополнительные дирхамы в счет цены, выраженной в полновесных монетах. Видимо, для облегчения взаиморасчетов при совершении мелких покупок и для расчетов с дирхамами, имевшими различное содержание серебра, халиф ал-Камил (1218–1238) распорядился чеканить мелкие медные монеты, дотоле не имевшие хождение на рынке. Это, конечно, приводило к удорожанию полновесных серебряных монет, а соответственно к их исчезновению из обращения. Сведения и мнения ал-Макризи об этом процессе безусловно заинтересуют тех, кто исследуют причины так называемого «серебряного кризиса» на Востоке.

В заключение отметим, что «Игаса» занимает важное место не только в творческом наследии ал-Макризи, но и во всей средневековой арабской литературе. Автор поднимает в ней фундаментальные вопросы социально-экономической системы средневекового мусульманского общества. Наблюдения и рассуждения автора порой бывают настолько глубокомысленны, что приобретают универсальное значение и могут быть весьма ценными для исследователей всей эпохи средневековья – как восточного, так и европейского [Bauden, 2010, p. 159].

Дошедший до нас из глубины средневековья небольшой трактат ал-Макризи формулирует вопросы, которые сегодня стоят в ряду наиболее актуальных и обсуждаемых общественных проблем. Это отношения государственных структур и общества, соотношение политических целей и экономической целесообразности в государственной политике, разумный приоритет рыночных отношений в общественных реформах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Большаков О.Г. *Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII вв.: социально-экономические отношения*. М.: Наука, ГРБЛ, 1984 [Bol'shakov O.G. *The Medieval City of the Middle East in the 7th–middle 13th centuries. Socio-Economic Relations*. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1984 (in Russian)].

Крачковский И.Ю. *Избранные сочинения. Т. 4. Арабская географическая литература*, М.: Издательство АН СССР, 1957 [Krachkovskii I.Iu. *Selected Works. Vol. 4. Arabic Geographical Literature*, Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957 (in Russian)].

Abu Yusuf. *Kitab al-kharaj li-l-qadi Abu Yusuf Ya'qub b. Ibrahim al-Imam Abi Hanifa*. Al-Qahira, 1326/1908 [Abu Yusuf. *The Book of al-Kharaj of qadi Abu Yusuf Ya'qub b. Ibrahim al-Imam Abi Hanifa*. Cairo, 1326 H / 1908 (in Arabic)].

Bauden F. Maqriziana II: Discovery of an Autograph Manuscript of al-Maqrīzī: Towards a Better Understanding of His Working Method Analysis. *Mamluk Studies Review*. 2008. Vol. XII(1). Pp. 51–118.

Bauden F. Maqriziana IX: Should al-Maqrīzī Be Thrown Out with the Bath Water? The Question of His Plagiarism of al-Awḥadī's Khīṭaṭ and the Documentary Evidence. *Mamluk Studies Review*. 2010. Vol. XIV. Pp. 159–232.

Bauden F. Al-Maqrizi. *Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History*. Ed.: A.M. David Thomas. Vol. 5 (1350–1500). Leiden, Boston: Brill, 2013. Pp. 380–395.

Broadbridge A.F. Academic Rivalry and the Patronage System in Fifteenth-Century Egypt: al-ʿAyni, al-Maqrizi, and Ibn Hajar al-ʿAsqalani. *Mamluk Studies Review*. 1999. Vol. III. Pp. 85–107.

Brockelmann K. Al-Makrizi. *İslam Ansiklopedesi*. Cilt 7. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1988. S. 206 [Brockelmann K. Al-Makrizi. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. 7. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1988. P. 206 (in Turkish)].

Ibn el-Athiri. *Chronicon quod perfectissimum* inscribitur edidit C.J. Tornberg. Vol. 1–14. Lugduni Batavorum, 1851–1876.

Ibn Taghribardi, Abu al-Mahasin Jamal al-Din Yusuf. *An-nujum az-zahira fi muluk Misr wa al-Qahira*. Js. 1–12. Al-Qahira: Dar al-kutub al-misriyya, n.d. [Ibn Taghribardi, Abu al-Mahasin Jamal al-Din Yusuf b. Taghribardi. *The Shining Stars among Rulers of Egypt and Cairo*. Vols. 1–12. Cairo: Dar al-kutub al-misriyya, n.d. (in Arabic)].

Al-Khanbali, Ibn ʿImad. *Shazarat az-zahab fi akhbar man zahab*. Js. 1–8. Bayrut, n.d. [Al-Khanbali, Ibn ʿImad al-Hanbali. *The Grains of Gold in the Stories of Those Who Passed*. Vols. 1–8. Beyrut, n.d. (in Arabic)].

Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn ʿAli. *Kitab an-Nizaʿ wa al-takhasum fi-ma beyna bani Umayya wa bani Hashim*. al-Qahira: al-Hadaf li-l-ʿilam wa al-nashr, 1342 /1923 [Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn ʿAli. *The Book of Dispute and Rivalry between Sons of Umayya and Hashim*. Cairo: al-Hadaf li-l-ʿilam wa al-nashr, 1342 H/1923 (in Arabic)].

Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali. *Kitab Ighathat al-umma bi-kashf al-ghumma au tarikh majra'at fi Misr*. Qasama °ala nashrihi Muhammad Mustafa Ziyada wa Jamal al-Din Muhammad al-Shayyal. Al-Qahira, 1359/1940 [Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali. *A Book to Help Believers in Examining the Causes of the Distress*. Eds.: Muhammad Mustafa Ziyada, Jamal al-Din Muhammad al-Shayyal. Cairo, 1359 H/1940 (in Arabic)].

Al-Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn Ali. *Kitab Ighathat al-Umma bi-Kashf al-Ghumma* (D. a.-D. a.-S. Muhammad Mustafa Ziyadeh Ed. 2-nd ed.). Al-Qahira: Ladjnat al-Talif, Tardjama wa al-Nashr, 1957 [Al-Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali. *A Book to Help Believers in Examining the Causes of the Distress*. Ed. D. a.-D. a.-S. Muhammad Mustafa Ziyadeh. 2-nd ed. Cairo: Ladjnat al-Talif, Tardjama wa al-Nashr, 1957 (in Arabic)].

Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali. *Kitab as-suluk li ma°rifat duwal al-muluk*. Sahhahahu wa wada°a hawashihi Muhammad Mustafa Ziyada. Al-juz' al-awwal. Al-Qahira, 1956 [Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali. *The Book of the Way to Behave for the Learning the Countries of Rulers*. Ed. Muhammad Mustafa Ziyada. Vol. 1. Cairo, 1956 (in Arabic)].

Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali. *Al-nuqud al-islamiyya. Shuzur al-°uqud fi zikr al-nuqud*. Tahqiq wa idafat al-sayyid Muhammad Bahr al-°Ulum. Najaf, 1387/ 1967 [Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali. *Islamic Money. Fragments of the Neckless in the Mention of the Money*. Ed. Muhammad Bahr al-°Ulum. Najaf, 1387 H/ 1967 (in Arabic)].

Al-Maqrizi. *Mamluk Economics – a Study and Translation of Al-Maqrizi's Ighathah* Transl.: A. Allouche. Salt Lake City: University of Utah Press, 1994.

Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali. *Kitab al-Mawafiz wa al-°itibar fi zikr al-khitat wa al-athar*. Js. 1–4. Beyrut: Dar al-kutub al-°ilmiyya, 1418/1997 [Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali. *The Book of Edification and Consideration in the Enumeration of City Quarters and Monuments*. Vols. 1–4. Beyrut: Dar al-kutub al-°ilmiyya, 1418 H/1997 (in Arabic)].

Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali al-Maqrizi. *Al-mukhtar min ighathat al-umma bi-kashf al-ghumma*. Tahrir duktur Samir Sarhan. [al-Qahira]: Matabi° al-hey'a al-misriyya al-°amma li-l-kitab, 1999 [Maqrizi, Taqi al-Din Ahmad ibn °Ali al-Maqrizi. *The Selections from "The Book to Help Believers in Examining the Causes of the Distress"*. Ed. Samir Sarhan. [Cairo]: Matabi° al-hey'a al-misriyya al-°amma li-l-kitab, 1999 (in Arabic)].

Okasha E.D. *Egyptology: The Missing Millennium: Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings*. London: University College London, 2005.

Rabbat N. Who Was Al-Maqrizi? A Biographic Sketch. *Mamluk Studies Review*. 2003. Vol. VII (pt. 2). Pp. 1–19.

Rosenthal F. *A History of Muslim Historiography*. Leiden: E.J. Brill, 1968.

Wiet G. Le Traité des Famines De Maqrizi. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1962. Vol. 5, no. 1. Pp. 1–90.

Zeydan J. *Tarikh adab al-lugha al-°arabiyya*. Js. 1–2. Bayrut, 1967 [Zeydan J. *The History of Arabic Literature*. Vols. 1–2. Bayrut, 1967 (in Arabic)].

Ziyade M.M. Makrizi ve Çağdaşları. Çev. Cüneyt Kanat. *Tarih İncelemeleri Dergisi*. Cilt VIII. Bornova-İzmir: Ege Univesitesi Basımevi, 1993. S. 219–232 [Ziyade M.M. Makrizi and His Contemporaries. Transl. Cüneyt Kanat. *Tarih İncelemeleri Dergisi*. Vol. VIII. Bornova-İzmir: Ege Univesitesi Basımevi, 1993. Pp. 219–232 (in Turkish)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АСАДОВ Фарда Мугеррам оглы – кандидат исторических наук, доцент, зав. Отделом истории и экономики арабских стран Института востоковедения им. З.М. Бунятова НАН Азербайджана, Баку, Республика Азербайджан.

Farda Muharram oghlu ASADOV, PhD (History), Assistant Professor, Head of the Department of the History and Economy of Arab Countries, Institute of Oriental Studies named after acad. Z.M. Bunyadov, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080014244-5

ФЕТВЫ ЭПОХИ КОРОНАВИРУСА:
РЕАКЦИЯ ИСЛАМСКИХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ НА НОВЫЕ РЕАЛИИ©2021 И.А. ЦАРЕГОРОДЦЕВА^a, И.А. ГУКЕЖЕВ^b, Д.И. ЧЕПАЙКИНА^c^{a, b, c} – Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия^a – ORCID: 0000-0002-4836-3420; itsaregorodtseva@hse.ru

Scopus Author ID: 57193876422; SPIN РИНЦ: 3739-5068; Researcher ID: J-9027-2015

^b – ORCID: 0000-0001-8248-5993; iagukezhev@edu.hse.ru^c – ORCID: 0000-0002-9688-3690; dichepaykina@edu.hse.ru

Резюме: В статье исследуются фетвы ряда исламских правовых институтов в арабском мире и странах Западной Европы. Резкие изменения в образе жизни людей, которые повлек за собой коронавирус (социальное дистанцирование, ограничение контактов, нарушение привычного образа жизни и пр.), неизбежно должны были найти отражение в такого рода источниках. Основной исследовательский вопрос связан с тем, как различаются (если различаются) позиции ключевых исламских правовых институтов относительно ситуации с коронавирусом и существует ли зависимость позиций этих институтов от их местонахождения. В настоящем материале произведен обзор части источников, а в отношении другой части источников применялся ручной контент-анализ. Мы хотели выяснить также, какие темы больше всего волновали мусульманских ученых, а также в каком ключе – религиозном или светском – они чаще всего освещали свои позиции относительно всего, что связано с коронавирусом. В ходе исследования был проведен также и лексический анализ источников: нам было интересно посмотреть, насколько часто в анализируемых нами источниках встречалась специфическая правовая лексика – верный признак того, что передаваемый с ее использованием текст обладает правовым авторитетом в мусульманском мире.

Ключевые слова: ислам, фетва, фикх, мусульманский мир, коронавирус, эпидемия, арабские страны.

Для цитирования: Царегородцева И.А., Гукеев И.А., Чепайкина Д.И. Фетвы эпохи коронавируса: реакция исламских правовых институтов на новые реалии. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 69–82. DOI: 10.31857/S086919080014244-5

THE FATWAS OF CORONAVIRUS ERA: THE REACTION OF ISLAMIC LEGAL INSTITUTIONS ON CHANGING REALITIES

©2021 Irina A. TSAREGORODTSEVA ^a, Inal A. GUKEZHEV ^b, Darya I. CHEPAYKINA ^c

^{a, b, c} – HSE University, Moscow, Russia

^a – ORCID: 0000-0002-4836-3420; itsaregorodtseva@hse.ru

Scopus Author ID: 57193876422; SPIN РИНЦ: 3739-5068; Researcher ID: J-9027-2015

^b – ORCID: 0000-0001-8248-5993; iagukezhev@edu.hse.ru

^c – ORCID: 0000-0002-9688-3690; dichipaykina@edu.hse.ru

Abstract: *The article examines the rulings of several Islamic institutions in the Arab world and Western European countries. The dramatic changes in people's lifestyle caused by the coronavirus (social distancing, limitation of contacts, new hygiene rules, disruption of the usual way of life, etc.) inevitably had to be reflected in such sources. We focused our attention on four Islamic legal institutions located in Arab countries (including Al-Azhar which is one of the most influential) and three institutions based in Western European states. The main research issue was related to how the Islamic legal institutions' positions differ regarding the coronavirus situation and whether there is a dependence of these institutions' attitudes on their geographic location. We gathered a collection of fatwas and other official and semi-official documents issued by these Islamic legal institutions, reviewed some of them, and applied manual content analysis to the other part of the sources. We also intended to find out which topics worried Muslim scholars most of all and in which way – religious or secular – they most often covered their positions on everything related to the coronavirus. In the course of the study, linguistic analysis of the sources was also carried out. It was interesting to see how often specific legal vocabulary was encountered in the analyzed sources – a sure sign that the text transmitted with its use has legal authority in the Muslim world. The study revealed a barely perceptible but intriguing difference between these Islamic institutions' positions towards the “Corona Crisis”.*

Keywords: Islam, fatwa, fiqh, Muslim world, coronavirus, epidemic, Arab world.

For citation: Tsaregorodtseva I.A., Gukezhev I.A., Chepaykina D.I. The Fatwas of Coronavirus Era: the Reaction of Islamic Legal Institutions on Changing Realities. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 69–82. DOI: 10.31857/S086919080014244-5

Одна из характеристик современных мусульманских государств – преимущественное доминирование здесь властных институтов над религиозно-правовыми. Это проявляется, прежде всего, в том, что властные институты, как правило, первыми формулируют повестку общественно-политических отношений, и затем эти вопросы становятся предметом обсуждения религиозно-правовых кругов; в ряде случаев властные институты делают это сообща с государственными религиозными институтами, как, например, в Саудовской Аравии.

После завершения активной фазы «арабской весны» с ее волной антиправительственных переворотов и обсуждения их законности, с точки зрения исламской традиции, эпидемия коронавируса стала, пожалуй, следующей по значимости темой обсуждения в мусульманском мире. Весной 2020 г. она вызвала волну реакции со стороны исламских правовых институтов. Задача настоящей статьи – установить, насколько эта реакция совпала с рекомендациями властей тех стран, где функционируют эти институты. Таким образом, мы

хотим дополнить наше представление о специфике отношений религиозно-правовых и властных институтов в мусульманском мире¹.

Прежде всего, мы составили предварительный список исламских правовых институтов, которые издавали специальные постановления относительно ситуации с коронавирусом; из этого списка были выбраны некоторые институты, постановления которых можно было найти в открытом доступе во Всемирной сети. В первую очередь нас интересовали такие крупные институты, как египетский аль-Азхар и саудовский Совет высших богословов. В поле нашего зрения попали аналогичные институты и некоторых других государств, где арабы-сунниты составляют большинство населения, – Объединенных Арабских Эмиратов и Туниса. Наконец, мы рассмотрели постановления нескольких исламских правовых институтов и организаций из западноевропейских стран. Гипотеза заключалась в следующем: постановления религиозных институтов арабского мира и западноевропейских стран будут различаться, что, вероятно, отражает их специфические функции в соответствующих культурных контекстах. Разделив институты именно на эти две группы, мы захотели, в частности, проверить, существует ли какая-то разница в реакциях арабских и западноевропейских исламских правовых институтов на проблему, с которой столкнулась значительная часть человечества в 2020 г.

Из первой группы мы рассмотрели следующие институты:

Аль-Азхар – старейший исламский правовой институт и одновременно университет, основан в 988 г. В настоящее время это один из государственных институтов Египта, в рамках которого мусульманские ученые представляют свои суждения по насущным проблемам государства, экономики, общества, права, культуры и т.д. Авторитет аль-Азхара распространяется и за пределы Египта благодаря выпускникам этого университета, которые работают по всему миру. Правом издавать фетвы (рекомендации религиозно-правового характера) обладают Верховный шейх аль-Азхара и Академия исламских исследований, в которую, кроме египтян, входят представители других государств.

Дом фетв (*дар аль-ифта*) – еще один официальный институт в Египте; его главой является Верховный муфтий, который одновременно выполняет функции главного мусульманского судьи (*кади*) в стране. Соотношение полномочий аль-Азхара и Дома фетв, а также Верховного шейха и Верховного муфтия до сих пор представляет собой предмет обсуждений. Дом фетв был создан в конце XIX в. во многом в противовес влиянию аль-Азхара.

¹ Современная историография этого вопроса довольно обширна. Ее можно разделить на две основные темы: (1) традиционные основы таких отношений и (2) их специфика в современном контексте.

Вопросы взаимодействия правовых и судебных исламских институтов, и административной власти в ранних мусульманских государствах, поднимали, в частности, такие ученые, как Й. Шахт [Schacht, 1982] и В. Халляк [Hallaq, 2009]. Несмотря на то, что Халляк пересматривает ряд тезисов, выдвинутых его предшественником Шахтом, в том, что касается оценки характера отношений между двумя типами институтов в ранних мусульманских государствах они в целом согласны. С их точки зрения, на первых этапах мусульманские правители редко или незначительно вмешивались в работу правоведов и мусульманских судей, что обусловило довольно плодотворный и разнообразный характер их работы, и это в целом положительно сказалось на развитии исламской правовой мысли и судебной практики в то время. На более современном этапе важным событием, по мнению этих ученых, стало колониальное проникновение европейцев на мусульманский Восток и постепенная замена преобладавших здесь ранее исламских правовых институтов европейскими институтами и правовыми кодексами. Особенности перехода мусульманских государств к современным моделям правовых систем рассмотрены в работах отечественного ученого Л. Сюкияйнена [Сюкияйнен, 1986]. Вторая тема в историографии освещена настолько широко, что ее описание достойно отдельной статьи; в этой связи, ограничимся перечислением нескольких работ по этой теме, где освещается опыт отдельных государств: Саудовской Аравии [Commins, 2006; Косач, 2013], Египта [Scovgaard-Petersen, 1997], России [Bobrovnikov, 2001], Турции [Саефов, 2013]. Реакция ряда исламских правовых институтов на революционные события «арабской весны» была рассмотрена в материале одного из авторов настоящей статьи [Царегородцева, 2016].

Как правило, эти два института придерживаются одинаковых позиций по принципиально важным государственным и международным вопросам.

Совет высших богословов Саудовской Аравии (*хайат кибар аль-‘улама*) – главная религиозно-правовая инстанция в Саудовской Аравии. Она пользуется автономией в толковании религиозных и правовых вопросов, однако в финансовом и административном отношении зависит от государства. Во главе Совета находится Верховный муфтий. До недавнего времени в Совет входили исключительно представители ханбалитского мазхаба, однако сейчас в нем участвуют и представители других суннитских мазхабов. Глава Совета, Верховный муфтий, традиционно избирается из числа потомков Мухаммада Ибн ‘Абд аль-Ваххаба (семья Аль аш-Шейх).

3. Шариатский совет фетв в ОАЭ (*маджлис аль-имарат ли-ль-ифта аш-шар ‘и*) – относительно молодая структура, аффилированная с правительством Эмиратов (создана в 2017 г.). В задачи этого совета входит вынесение фетв по важным вопросам жизнедеятельности государства и общества.

4. Собрание фетв Туниса (*диван аль-ифта*) – аналогичная эмиратскому совету государственная структура, издающая фетвы, согласованные с членами национального правительства. Главой собрания является Верховный муфтий.

Во вторую группу вошли:

5. Европейский совет по фетвам и исследованиям (*European Council for Fatwa and Research*) – независимая организация мусульманских ученых и богословов, созданная в 1997 г. в Дублине (Ирландия). Основатель и президент Совета – известный мусульманский проповедник Йусуф аль-Карадави. Одна из ключевых задач этой организации – издание фетв в ответ на запросы мусульман, проживающих в европейских странах. В составе Совета есть ученые и из неевропейских стран, включая и самого аль-Карадави: около 2/3 членов Совета проживают в странах Европы и Северной Америки, остальные – в других частях мусульманского мира. Примечательно, что Совет сотрудничает, в частности, с “Millî Görüş”, а в ее состав входят ученые, близкие к организации «Братья-мусульмане» (например, сам аль-Карадави, а также Рашид аль-Ганнуши, Джассер ‘Ауда). Ранее аль-Карадави возглавлял также Международный союз мусульманских богословов, у которого сложилась весьма неоднозначная репутация в связи с обвинениями в аффилиации с запрещенной в ряде стран мусульманского мира организацией «Братьев-мусульман».

6. Мусульманский совет Великобритании (*The Muslim Council of Britain*) позиционирует себя как «крупнейшая и весьма разнообразная по составу участников и разносторонняя роду деятельности британская мусульманская организация»; однако, по мнению некоторых исследователей, подобное самопозиционирование не совсем адекватно отражает реалии, так как Совет «не включает в себя большую часть мусульманских организаций страны» [Повразнюк, 2010, с. 125]. Вместе с тем, активность представителей Совета в Интернете кажется довольно высокой; кроме того, выпущенные им фетвы и постановления на коронавирусную тематику в апреле 2020 г. появлялись одними из первых в списке при поиске в Google по ключевым словам “fatwa” и “COVID-2019”/”coronavirus”. Совет основан в 1997 г., его деятельность финансируется из частных пожертвований.

7. Французский совет мусульманской веры (*Le Conseil français du culte musulman*) был создан в начале 2000-х гг. по инициативе будущего президента страны Франции Николя Саркози (на тот момент – министра внутренних дел), чтобы служить посредником во взаимодействии правительственных структур и мусульманских общин страны. С формальной точки зрения, этот совет является независимой структурой, однако исследователи полагают, что он тесно связан с силовыми структурами Франции и потому не может считаться полностью самостоятельным [Повразнюк, 2010, с. 127–128]. Как бы то ни было, фетвы

этого совета относительно ситуации с коронавирусом, как и фетвы Мусульманского совета Великобритании, весной 2020 г. попались одними из первых в международных поисковиках по ключевым словам.

В качестве основных источников мы рассматривали не только фетвы, опубликованные на официальных сайтах соответствующих институтов. Иногда общую позицию соответствующих институтов отражают и интервью, а также публичные выступления их представителей. В редких случаях фрагменты постановлений и фетв публиковались не на официальных сайтах соответствующих институтов (как, например, в случае с Советом высших богословов Саудовской Аравии), а на сайтах правительственных СМИ. Хронология источников – весна 2020 г., то есть вплоть до окончания месяца рамадан – именно на этот период и в связи с наступлением мусульманского поста количество фетв, посвященных коронавирусу, было самым высоким: верующих, прежде всего, интересовало, как пандемия повлияет на привычные религиозные практики и ритуалы. Поиск источников производится на портале Google на двух языках – английском и арабском, ключевые слова: *فتوى/فتاوى/فتاوى/فتاوى/fatwa/COVID-2019/coronavirus*.

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Рекомендации аль-Азхара активно распространялись, прежде всего, через социальные сети. Так, в сети «Фейсбук» в апреле 2020 г. на англо- и арабоязычной страницах «Всемирного центра фетв аль-Азхара» (*марказ аль-Азхар аль-‘алами ли-ль-фатава аль-иликтруниййа* / “Al Azhar Fatwa Global Center”) были опубликованы довольно подробные постановления, в которых, в частности, содержались следующие предписания:

- верующим следует соблюдать пост в грядущий месяц рамадан, несмотря на пандемию;
- необходимо исполнять все карантинные меры предосторожности, в том числе, соблюдать запрет на посещение и организацию массовых собраний, к которым относятся также пятничные молитвы в мечетях;
- не допускается распространение ложной информации и непроверенных слухов относительно коронавируса, а также сеять панику среди населения;
- недопустимо спекулировать ценами на соответствующие товары и услуги в период пандемии;
- во всем, что касается борьбы с эпидемией, надлежит полностью слушаться властей и медиков;
- рекомендуется ускорить централизованный сбор обязательной по исламу милостыни тем людям, которые имеют возможность для этого, дабы вырученные средства направить на помощь нуждающимся и пострадавшим во время коронавируса [Al-Azhar Fatwa Global Center. 5 April 2020];
- мусульмане могут использовать для дезинфекции спиртосодержащие средства [Al-Azhar Fatwa Global Center. 10 April 2020];
- разрешено хоронить нескольких усопших в одной могиле, если это вызвано необходимостью во время пандемии [Al-Azhar Fatwa Global Center. 7 April 2020].

Тексты фетв содержали в себе несколько ссылок на фрагменты из Священного писания, пророческих преданий и исторических хроник раннего ислама, где говорится о необходимости соблюдать меры предосторожности, воздерживаться от распускания ложных слухов, от спекуляций ценами и изолирования здоровых от больных. Также ученые аль-Азхара привлекали такие известные в мусульманской традиции общие принципы, как, например, «защита пяти первостепенных ценностей» (*ад-даруриййат аль-хамс*) – жизни, веры, разума, потомства и собственности.

Рекомендации другого египетского центра – Дома фетв – в целом совпадали с тем, о чем писали ученые аль-Азхара; в частности, о необходимости соблюдать пост в обычном режиме, несмотря на пандемию (исключения делают для пожилых, беременных и кормящих, а также для переболевших коронавирусом врачей) [Al-Iftar fi ramadhan]; об ускоренном сборе регулярных пожертвований [Al-Zaka]; о поддержке решения саудовских властей отложить ежегодное паломничество к мусульманским святыням [Tajil al-umra]. Также была издана фетва о недопустимости организовывать пятничные молитвы в дистанционном формате, ибо так теряется истинный смысл такой молитвы, который заключается в очном молитвенном действии верующих, возглавляемых имамом [Salat al-juma].

Вместе с тем, появились и весьма необычные постановления. Так, отвечая на вопрос одного из верующих, Верховный муфтий (глава Дома фетв) Шауки ‘Аллам сказал: «Смерть от коронавируса попадает под основания для объявления человека мучеником, о чем говорится в достопочтимом законе. Прежде всего, общим для этих оснований является ощущение человеком в преддверии своей смерти боли, которая вызвана внешним источником. Однако основания объявить человека мучеником можно найти не только в правовых первоисточниках. Стоит учитывать и то, что коронавирус очень схож с другими известными недугами, поражающими человека. Этот новый недуг обладает общими с уже известными болезнями симптомами и, так же, как и некоторые иные недуги, является крайне опасным и вредоносным. Можно считать его аналогом чумы, а поскольку мусульмане, которые умирали от чумы, объявлялись мучениками, то, соответственно, и погибшие от коронавируса – мученики; таковым предназначено особое вознаграждение в горнем мире. И хотя мы и проводим их в вечную жизнь с соблюдением привычных обрядов – омовения, покрывания саваном, молитвы и погребения, пусть Всевышний Господь дарует погибшим Свою милость!» [Al-Mutawaffi].

С этой фетвой связана и другая фетва Верховного муфтия Египта, где он говорит, что умерших от коронавируса обязательно нужно предать земле, тем более что они, как мученики, особенно заслужили быть похороненными по мусульманскому обряду [Al-Imtina].

В самом начале марта 2020 г. Шариатский совет фетв (ОАЭ) на официальном сайте опубликовал английский текст фетвы по вопросам, связанным с коронавирусом. В целом постановления эмиратских муфтиев по содержанию от рассмотренных выше документов не отличаются. Здесь тоже говорится о необходимости соблюдать все рекомендации властей и врачей; воздержаться от посещения мест массовых скопления людей; о религиозной обязанности мусульман поститься, несмотря на ситуацию с пандемией (исключение делается только в отношении работающих врачей и болеющих COVID-2019 людей, иммунитет которых может ослабеть из-за голодания); о недопустимости дистанционных пятничных молитв и о преждевременной уплате обязательной в исламе милостыни [UAE Council for Fatwa].

Отличие этого документа от рассмотренных выше заключается в обилии правовых терминов и ссылок на Священное писание. Эмиратские ученые подкрепили свои постановления цитатами из Корана и Сунны, а также ссылались на иные источники фикха (*масадир аш-шари‘а аль-арба‘а*), а именно единогласно принятые решения (*иджма‘*) и решения, выведенные по принципу аналогии (*кййас*). Таким образом, это единственный из изученных нами текст фетвы, опирающийся на все четыре источника мусульманского права, признаваемые большинством правовых школ в исламе – Коран, Сунну, единогласие и аналогию. Отметим, что преобладающий мазхаб в эмиратском государстве – маликитский, в рамках которого поощряется также и применение принципа *истихсан*, когда действие одного фрагмента первоисточника может заменять действие другого в случае, если первое действие представляется ученым более адекватным и ведет к лучшему решению в кон-

кретной ситуации. Вторым по популярности мазхабом Эмиратов является ханбалитский; однако текст этой фетвы, на наш взгляд, не несет специфического отпечатка ханбалитской доктрины.

Содержание постановлений Европейского совета по фетвам и исследованиям хотя и совпадало в основной их части с тем, о чем писали арабские институты, в некоторых моментах носило специфический для немусульманских стран оттенок. Европейских муфтиев волновали, в частности, вопросы, которые для арабских стран весной 2020 г. не были особенно актуальными. Речь идет, прежде всего, о кремации тел умерших от коронавируса, и о допустимости подобной процедуры в отношении усопших мусульман. Согласно фетве Европейского совета, кремация нежелательна, и чтобы ее избежать, лучше сразу составить соответствующее завещание; однако если кремация неизбежна, то перед останками усопшего мусульманина следует помолиться по принятому обычаю [Al-Bayan al-khitami]. Также европейские муфтии, ссылаясь на хадис «Сломать кость усопшего – все равно что сломать ему жизнь», отмечают, что мусульмане зачастую не имеют возможности похоронить своих близких на родине, а в европейских странах все-таки принято уважать религиозные чувства разных общин; потому, как гласит фетва, «мусульманам следует обратиться к соответствующим инстанциям в каждой стране с просьбой выделить специальные кладбища или участки на кладбищах, где они смогут хоронить умерших» [Al-Bayan al-khitami].

Еще одной новой, по сравнению с фетвами арабских институтов, темой стало обсуждение вопроса одного из верующих: допустимо ли мусульманам, чьи компании оказались на грани банкротства из-за пандемии, брать кредиты у европейских банков? Муфтии постановили, что у попавших в тяжелое положение европейских мусульман есть пять допустимых вариантов. Первый – обратиться к мусульманским фондам за помощью; второй – взять в банке беспроцентный кредит, если есть такая возможность; третий – взять кредит на год, в течение которого можно не платить проценты, и постараться погасить долг в течение этого срока; четвертый – если центральный банк выпустит постановление о предоставлении гражданам во время пандемии специальных кредитов, то такими предложениями стоит воспользоваться; главное, что банки не должны требовать выплатить проценты по кредиту, хотя допустимо уплатить некоторую сумму сверх суммы кредита, чтобы она покрыла техническую работу сотрудников банка. Пятый вариант – если компании, которыми владеют мусульмане, маленькие, то можно объявить их банкротами; если большие, и в них работает много людей, которые могут остаться без работы, то допускается взять кредит с процентом (однако желательно все-таки поискать беспроцентную помощь) [Al-Bayan al-khitami].

Не осталась без внимания европейских муфтиев и популярная сейчас на Западе гендерно-семейная тема. В общих рекомендациях о том, как мусульманам лучше подготовиться к месяцу поста и провести его правильно, в частности, говорится, что «мужья должны помогать своим женам в домашних делах и помочь им провести священный месяц в послушании и любви, ибо сам Пророк тоже помогал своим домочадцам» [Al-Bayan al-khitami].

Обзор имеющихся фрагментов фетв Совета высших богословов Саудовской Аравии показал, что основными их темами являются: обоснование необходимости приостановить все виды паломничеств на священную землю мусульман [Al-Imana al-amma li hayat kibar al-ulama: qarar], соблюдения всех мер предосторожности, которые рекомендуют медики и предписывают власти [Al-Imana al-amma li hayat kibar al-ulama: tawsi], а также религиозно-психологическая поддержка верующих в период нарушения их привычного образа жизни [Kibar al-ulama]. Цитаты из Корана и Сунны занимают значительную часть сообщения, связанного с третьей темой, тогда как первая тема передана без какого-либо упоминания мусульманских первоисточников. При обосновании необходимости профилактики коронавируса мусульманские ученые Саудовской Аравии тоже довольно обильно ссылаются

на Коран и Сунну, настаивая на том, что в текстах откровения упоминается профилактика болезней, и что ислам лечит не только душу, но и тело [Kibar al-ulama].

Французский совет мусульманской веры выпустил только одно короткое постановление, в котором содержатся простейшие рекомендации гигиены в условиях распространения коронавируса (чаще и тщательнее мыть руки и т.д.) – без какой-либо исламской специфики [Faransa].

Единственное постановление Мусульманского совета Великобритании также, как и постановление Французского совета мусульманской веры, едва ли можно назвать фетвой; по форме оно, скорее, напоминает воззвание к верующим и лидерам мусульманской общины страны – не собираться на массовые мероприятия и ограничить социальные контакты [MCB Calls for the Suspension].

Саудовский Совет высших богословов также рекомендует верующим соблюдать рекомендации властей и врачей; но основное внимание в этих постановлениях уделено ежегодному паломничеству к Каабе, а также посту, который как раз пришелся на весеннее время пандемии. Прежде всего, по мнению членов Совета высших богословов, разные виды паломничеств к мусульманским святыням необходимо приостановить, но это не является катастрофой, ведь главное – это предупредить еще больший вред, который может быть нанесен мусульманам во время массовых мероприятий. Здесь саудовские богословы, по-видимому, ссылаются на известный принцип фикха – воздержание от большего зла и действие в интересах всей общины (*маслах шариийа*). Не обошлось в их постановлениях и без освещения другого известного принципа, который можно считать одним из основных политических принципов ханбалитской доктрины: послушание Всевышнему (*та'ат аллах*) невозможно без послушания власти предрежающим (*та'ат вулат аль-амр*).

Чтобы не ограничиваться простым описанием содержания источников, мы решили применить ручной контент-анализ в отношении самых объемных источников. Прежде всего, мы подсчитали количество слов (с пробелами и пунктуационными знаками, но исключая заголовки, указания на авторов, даты и место публикации) во всем объеме постановлений и фетв, опубликованных в указанный период. Затем мы выделили несколько крупных тем, которые освещались в источниках, подсчитали их объем в словах с пробелами и соотнесли их с общим объемом постановлений соответствующего института. Это позволило нам понять, освещение каких тем занимает основное внимание рассматриваемых нами институтов.

К сожалению, ручной контент-анализ невозможно было применить к ряду источников: либо по причине их крайне малого объема, либо по причине того, что в глобальной сети отсутствует их оригинал, а сами постановления и фетвы переданы в пересказе или в виде коротких цитат в новостных сообщениях. К таковым источникам относятся фетвы Совета высших богословов Саудовской Аравии (в Интернете они существуют только в виде коротких цитат, размещенных на сторонних ресурсах), Мусульманского совета Великобритании, Французского совета мусульманской веры и Собрания фетв Туниса.

Что касается объемных источников, в отношении которых применялся ручной контент-анализ, то их изучение показало следующее.

Самыми популярными (объемными) оказались темы, связанные с постом в месяц рамадан, дистанционными молитвами, практиками захоронений умерших от коронавируса мусульман, паломничества и религиозных механизмов урегулирования экономического кризиса в период пандемии (обязательная милостыня, беспроцентные кредиты и пр.).

Нам также было интересно выяснить, на какие авторитетные источники – религиозного или нерелигиозного характера – чаще всего ссылались мусульманские богословы в своих рекомендациях. Для этого мы подсчитали количество слов, содержащих цитаты из Корана, Сунны, иных источников – вместе с объемом слов во фрагментах, в которых эти цитаты

и сведения пояснялись и толковались. Оказалось, что цитаты и ссылки на мусульманские первоисточники и трактаты занимают приоритетное место относительно ссылок на постановления медиков и властей. На наш взгляд, это связано с тем, что измененные правила, связанные с привычным ходом религиозной жизни, требовали от мусульманских ученых четкого обоснования с точки зрения фикха. Например, Верховный шейх аль-Азхара назвал социальное дистанцирование *фардом*, что можно было бы перевести как «первоочередной религиозный долг». Еще дальше пошли ученые из Дома фетв, которые приравнивали умерших от коронавируса к «мученикам» (*шахид*), ссылаясь на ряд пророческих преданий.

В целом, коронавирус не вызвал противоречий в позициях исламских институтов как в арабском мире, так и в странах Западной Европы. Все они придерживаются схожего мнения: необходимо неукоснительно соблюдать рекомендации властей и врачей и избегать проявления религиозного фанатизма, который идет вразрез со здравым смыслом, а профилактические меры одобрены самим исламским законом. Темы, которые нашли отражение в фетвах этих институтов, в целом совпадают, а незначительная специфика постановлений европейских мусульманских институтов проявилась лишь в освещении тем, связанных с неизбежным обращением мусульман за помощью к институтам, не работающим в соответствии с нормами фикха, а также вопросов отношений в семье.

Также обращает на себя внимание, что европейские мусульманские институты предоставили более подробные рекомендации по тому, как избежать заражения, как вести себя в публичных местах, соблюдать правила элементарной гигиены и пр. Если арабские исламские правовые институты в основном ссылались на общие рекомендации властей и врачей, то европейские институты передавали их достаточно подробно. С их стороны также звучал призыв следовать постановлениям властей и советам врачей, однако этот призыв как бы отходит на второй план на фоне довольно подробных рекомендаций по соблюдению гигиены, социального дистанцирования и самоизоляции в разных ситуациях и смыслах.

Подобное различие, пожалуй, можно было бы объяснить следующим. В вопросах борьбы с коронавирусом, который, по сути, к религии большого отношения не имеет, задача мусульманских ученых из арабских стран, где государство регулирует широкий спектр общественно-политических отношений, была не столько представить какие-то принципиально новаторские заключения, сколько найти религиозное обоснование общим рекомендациям, исходящим от медиков и властей.

А вот в европейских странах исламские институты по сути взяли на себя часть функций, которые в арабских странах, как правило, выполняют государственные институты, а именно – регулирование социально-бытовых вопросов членов общины, далеко не все из которых являются гражданами соответствующих европейских государств. Иногда аналогичные функции в арабских странах выполняют и негосударственные (часто – оппозиционные и/или внесистемные) исламские движения, например, «Братья-мусульмане», «ХАМАС», «Хизбалла» и др.; однако это скорее является исключением, а не правилом. Вот почему, как мы предполагаем, характер их рекомендаций по противодействию вирусу и жизни в новых условиях оказался более подробным.

На этом фоне любопытным выглядит поведение радикальной организации «Исламское государство» (*ад-даула аль-исламийя*)². В начале пандемии она резко увеличила свою активность в социальных сетях и раздавала своим сторонникам подробные советы, как уберечься от заразы. Столь подробный инструктаж, таким образом, снова исходил от организации, претендующей на исполнение функций государства, как это было и с европейскими исламскими правовыми институтами. Но было, разумеется, и кардинальное отличие в поведении «Исламского государства»: идеологи организации одновременно призывали

²Запрещена на территории РФ.

своих сторонников распространять вирус среди военных и чиновников ненавистных им государств (например, Египта). По мнению специалистов из организации «Всемирный индекс фетв» (*аль-муашшир аль-'алами ли-ль-фатава*), следуя столь дерзкой стратегии, «Исламское государство» и ему подобные группировки намеревались нарастить свое присутствие как в старых, так и в новых зонах влияния (Ирак, Нигерия, Мальдивы и др.) и тем самым извлечь максимальную пользу из пандемии [Muashshir misri li al-fatawa].

Таким образом, содержание фетв исламских правовых институтов как первой, так и второй группы по вопросу нашего исследования (коронавирусная пандемия в 2020 г.) отразила их специфическую роль в соответствующих государствах (мусульманских и немусульманских). В случае с институтами первой группы – это религиозно-правовая поддержка государственной политики, в случае с институтами второй группы – регулирование социальных отношений в мусульманских общинах в условиях жизни в немусульманских государствах.

Приложение 1. Таблица анализа содержания фетв четырех мусульманских институтов.

Название института	Количество релевантных источников	Общее количество слов в источниках	Количество слов при ссылке на разные источники цитирования и их трактовки	Количество слов при освещении конкретных тем	Специфическая правовая лексика (в скобках – количество упоминаний)
Европейский совет по фетвам и исследованиям	13 [Al-Bayan al-khitami]	3561	1. хадисы – 573; 2. Коран – 512; 3. мусульманские правоведы – 256; 4. исследования светского характера и мнения экспертов – 83; 5. власти – 71.	1. экономические и финансовые транзакции в условиях пандемии – 1239; 2. пища и вода в пост – 667; 3. забота о телах и душах умерших от коронавируса – 582; 4. дистанционные молитвы – 544; 5. милостыня в рамадан в условиях пандемии - 451; 6. ежегодное паломничество – 77.	1. <i>дарура шар 'ийа</i> (3): буквально – «законная необходимость», принцип, оправдывающий изменение принятых норм в условиях, когда для этого есть особая необходимость, допустимая, с точки зрения шариата и фикха. 2. <i>рухса</i> (3): смягчение или отмена правового предписания при наличии особых смягчающих обстоятельств; 3. <i>йуср ва-раф ' аль-харадже</i> (1): буквально: облегчение и снятие границ; здесь: допущение смягчения ряда норм в специфических условиях пандемии; 4. <i>нусус шар 'ийа</i> (1): буквально – «шариатские тексты», то есть работы авторитетных правоведов; 5. <i>риба</i> (2): недопустимые, с точки зрения ислама и фикха, операции с деньгами, прежде всего, незаконный процент на сумму.

Аль-Азхар	5 [Sawm ramadhan wajib; Al-Azhar Senior Scholars Authority; Al-Azhar Fatwa Global Center. 5 April; Al-Azhar Fatwa Global Center. 10 April; Al-Azhar Fatwa Global Center. 7 April]	3456 (англ. яз.)+ 782 (араб. яз.)= 4238	1. Коран – 329; 2. хадисы – 312; 3. медики и власти – 293 4. мусульманские правоведы – 186;	1. массовые молитвы в карантин – 759; 2. милостыня – 564 3. пост – 563; 4. распространение фейков о коронавирусе – 486; 5. соблюдение карантина и ограничение социальных контактов – 380 6. финансовые спекуляции во время пандемии – 328; 7. использование спиртосодержащих средств – 265; 8. захоронения умерших от вируса – 210.	1. <i>ваджиб/фард</i> (8): обязательные действия, за исполнение которых положено вознаграждение, а за неисполнение – наказание; 2. <i>мустахабб</i> (1) – необязательные действия, за исполнение которых положено вознаграждение.
Дом фетв	12 [Al-Iftar fi ramadhan; Al-Ijtima li al-dua; Al-Imtina; Al-Mutawaffi; Al-Qunut; Al-Zaka; Ita al-amala; Salat al-juma; Tajil al-umra; Suqut al-juma; Tajil ikhraj].	24098	1. мусульманские правоведы – 6005; 2. хадисы – 1890; 3. Коран – 1127.	1. милостыня – 7172; 2. молитвы – 7172; 3. пост при карантине – 5103; 4. захоронения умерших от коронавируса – 3308; 5. паломничество – 1375.	1. <i>рухса</i> (12): см. выше; 2. <i>фидйа</i> (4): пожертвования (обычно в виде еды или денег), которые верующий выдает нуждающимся в искупление пропущенного или прерванного поста в месяц рамадан; 3. <i>иджитхад</i> (1): процесс извлечения правового предписания из первоисточников с использованием допустимых методов и принципов.
Совет по фетвам ОАЭ	1 [UAE Council for Fatwa]	1641	1. хадисы – 568; 2. мусульманские правоведы – 166; 3. Коран – 161; 4. власти и медики – 46.	1. необходимость придерживаться общих рекомендаций врачей – 845; 2. необходимость следовать указаниям властей – 433; 3. молитва в условиях карантина – 374; 4. паломничество – 355; 5. спекуляций цен во время пандемии – 237.	1. <i>ваджиб/фард</i> (8): см. выше; 2. <i>рухса</i> (1): см. выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Косач Г.Г. Саудовская лига общественной морали и государство. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2013. № 1 (1). С. 302–312 [Kosach G.G. Saudi League of Public Morals and the State. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2013. No. 1(1). Pp. 302–312 (in Russian)].

Повразнюк К.В. Роль мусульманских организаций в сообществах Великобритании, Германии, Франции и Италии. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2010. Т. 6. № 4. С. 116–129 [Povraznyuk K. The Role of Muslim Organizations in the Communities of the UK, Germany, France and Italy. *Political expertise: POLITEX*. 2010. Vol. 6. No. 4. Pp. 116–129 (in Russian)].

Саетов И.Г. Вызов модерну из центра Стамбула: джамаат «Исмаил ага» в общественной жизни Турции. *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 2. С. 90–97 [Saetov I. G. Challenge to Modernism from the Center of Istanbul: Jamaat “Ismail Agha” in the Public Life of Turkey. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* (=Proceedings of Kazan University. Humanities Series). 2013. Vol. 155. Iss. 3. Pt. 2. Pp. 90–97 (in Russian)].

Сюкияйнен Л.Р. *Мусульманское право. Вопросы теории и практики*. М.: Наука, 1986 [Syukiyajnen L.R. *Muslim Law. Questions of Theory and Practice*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Царегородцева И.А. Допустимость насилия в отношении власти: позиции ведущих мусульманских богословов. *Арабский кризис: Угрозы большой войны*. Отв. ред. А.Д. Саватеев, А.Р. Шишкина. М.: URSS, 2016. С. 127–143 [Tsaregorodtseva I. The Permissibility of Violence against Power: Positions of Leading Muslim Theologians. *Arabskiy krizis: Ugrozy bolshoi voiny*. Eds. A. Savateyev, A. Shishkina. Moscow: URSS, 2016. Pp. 127–143 (in Russian)].

Al-Azhar Fatwa Global Center. 5 April 2020. https://www.facebook.com/fatwacenter/en/posts/1133421273494717?__tn__=K-R (accessed 05.12.2020).

Al-Azhar Fatwa Global Center. 7 April 2020. <https://www.facebook.com/fatwacenter/en/posts/1134930230010488> (accessed 05.12.2020).

Al-Azhar Fatwa Global Center. 10 April 2020. <https://www.facebook.com/fatwacenter/en/posts/1136715783165266> (accessed 05.12.2020).

Al-Azhar Senior Scholars Authority Issues its Second Statement on the Islamic Rulings Concerning COVID19 Confirming the Following. https://www.facebook.com/fatwacenter/en/posts/1133421273494717?__tn__=K-R (accessed 05.12.2020).

Al-Bayan al-khitami li al-jalsa al-takmiliiya li al-dawra al-taria al-thalathin li al-majlis al-urubi li al-ifta wa al-buhuth al-munaqida bi taqniyat al-tawasul al-shabaki. *Al-Majlis al-urubi li al-ifta wa al-buhuth* [Final Statement for the Supplementary Meeting of the 30th Emergency Session. *The European Council for Fatwa and Research* (in Arabic)]. <https://www.e-cfr.org/blog/2020/04/17/أحكام-الصيام-في-ضوء-فيروس-كورونا/> (accessed 05.12.2020).

Commins D. *The Wahhabi Mission and Saudi Arabia*. London, New York: I.B. Tauris, 2006.

Bobrovnikov V. Al-Azhar and Sharia Courts in Twentieth-Century Caucasus. *Middle Eastern Studies*. 2001. Vol. 37, No. 4. Pp. 1–24.

Faransa: Majlis al-diyyana al-islamiyya yatlub min masul al-masajid ittikhaz ijraat li tajannub intishar fairus kuruna. *France 24* [France: The Council of the Islamic Religion Asks the Head of the Mosque to Take an Action for Avoiding the Spread of the Coronavirus. *France 24* (in Arabic)]. <https://www.france24.com/ar/20200301-كورونا-مجلس-الديانة-الإسلامية-في-فرنسا-يطلب-من-مسؤولي-المساجد-اتخاذ-إجراءات-بسيطة-و-عملية> (accessed 05.12.2020).

Hallaq W. *Shari'a. Theory, Practice, Transformations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Al-Iftar fi ramadhan li al-waqaya min al-isaba bi fairus kuruna. *Dar al-ifta al-misri* [Iftar in Ramadan for Preventing Coronavirus. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. https://www.dar-alifta.org/AR/ViewFatwa.aspx?sec=fatwa&LangID=1&ID=15340&كورون_بفيروس_الإصابة_من_الإصابة_بفيروس_كورونا (accessed 05.12.2020).

Al-Ijtima li al-dua fi zaman al-waba. *Dar al-ifta al-misri* [Prayer Meeting in a Time of Pandemic. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. <https://www.dar-alifta.org/AR/ViewFatwa.aspx?sec=fatwa&ID=15344&اجتماع> (accessed 05.12.2020).

Al-Imana al-amma li hayat kibar al-ulama: qarar taliq al-umra li li al-muwatinin wa al-muqimin qarar wa al-qawaid al-shariyya bi daf al-dharar wa rafi. *Wikalat al-anba al-saudiyya* [The General Secretariat of the Council of Senior Scholars: The Decision on the Interpretation of Umrah for Citizens and Residents is a Decision in Accordance with the Sharia Rules for Compensation and Cancellation of Damage. *Saudi Press Agency* (in Arabic)]. <https://www.spa.gov.sa/2042914> (accessed 05.12.2020).

Al-Imana al-amma li hayat kibar al-ulama tawsi umum al-muslimim bi al-istidad li shahr ramadhan maa al-taqayyud al-tamm bi al-ijraat al-ihitaziyya wa al-waqaiyya inda ada al-ibadat bi anqaihi. *Wikalat al-anba al-saudiyya* [The General Secretariat of the Council of Senior Scholars Recommends All Muslims to Prepare for the Month of Ramadan in Strict Compliance with Precautions and Preventive Measures in the Performance of all Types of Worship. *Saudi Press Agency* (in Arabic)]. <https://www.spa.gov.sa/2076221> (accessed 05.12.2020).

Al-Imtina an dafn mawta kuruna. *Dar al-ifta al-misri* [Abstaining from burying coronavirus deceased. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. https://www.dar-alifta.org/AR/ViewFatwa.aspx?sec=fatwa&LangID=1&ID=15341&ID=15341&عن_دفن_موتى_كورونا (accessed 05.12.2020).

Ita al-amala al-yawmiyya min al-zaka wa al-sadaqa fi zaman al-waba. *Dar al-ifta al-misri* [Providing Daily Financial Aid Out of Zakat and Alms During the Epidemic. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. https://www.dar-alifta.org/AR/ViewFatwa.aspx?sec=fatwa&ID=15318&اعطاء_العمالة_اليومية_من_الزكاة_والصدقات_في (accessed 05.12.2020).

Kibar al-ulama: Min muqtadhiyat ihsan al-zann bi al-llah an yuammal al-muslim al-farj bad al-dhuyiq. *Sahifat sabq al-iliktruniyya* [Council of Senior Scholars: One of the Requirements for Positive Belief of Allah is for a Muslim to Hope for Relief after Distress. *Sabq Online Newspaper* (in Arabic)]. <https://sabq.org/hQRJcb> (accessed 05.12.2020).

MCB Calls for the Suspension of Congregational Activities at UK Mosques and Islamic Centres. *The Muslim Council of Britain*. <https://mcb.org.uk/general/mcb-calls-for-the-suspension-of-congregational-activities-at-uk-mosques-and-islamic-centres> (accessed 05.12.2020).

Muashshir misri li al-fatawa: Kuruna yazid min taghayyurat wa widuyhat daish. *Al-Sharq al-awsat* [Global Fatwa Index: Corona Increases the Tweets and Videos of "ISIS". *Asharq al-Awsat* (in Arabic)]. <https://aawsat.com/home/article/2267731/داعش/كورونا-يزيدمن-تغريدات-وفيدويوهات-> (accessed 05.12.2020).

Al-Mutawaffi bi sabab kuruna yuadd shahidan. *Dar al-ifta al-misri* [A person Who Died Due to Coronavirus is Considered a Martyr. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. https://www.dar-alifta.org/AR/ViewFatwa.aspx?sec=fatwa&LangID=1&ID=15313&ID=15313&بسبب_فيروس_كورونا_يعد_شهيدا (accessed 05.12.2020).

Al-Qunut fi sala li sarf fairus kuruna. *Dar al-ifta al-misri* [Qunut in Prayer to Divert Coronavirus. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. https://www.dar-alifta.org/AR/ViewFatwa.aspx?sec=fatwa&ID=15287&القنوت_في_الصلاة_لصريف_فيروس_كورونا (accessed 05.12.2020).

Salat al-juma khalf al-tilfaz. *Dar al-ifta al-misri* [Friday Prayer behind the TV. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. https://www.dar-alifta.org/ar/ViewFatwa.aspx?ID=15339&LangID=1&صلاة_الجمعة_خلف (accessed 05.12.2020).

Sawm ramadhan wajib. *Markaz al-azhar al-alami li al-fatawa al-iliktruniyya* [Fasting during Ramadan is Obligatory. *Al-Azhar International Committee for Electronic Fatwa* (in Arabic)]. https://www.facebook.com/fatwacenter/posts/3127620853956854?_tn_=K-R (accessed 05.12.2020).

Scovgaard-Petersen J. *Defining Islam for the Egyptian State. Muftis and Fatwas of the Dar al-Ifta*. Leiden: E.J. Brill, 1997.

Schacht J. *An Introduction to Islamic Law*. Oxford: Oxford University Press, 1982.

Tajil al-umra khawfan min intishar mardh kuruna. *Dar al-ifta al-misri* [Acceleration of Umrah for Fear of the Spread of Coronavirus Disease. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. <https://www.dar-alifta.org/>

AR/ViewFatwa.aspx?sec=fatwa&LangID=1&ID=15346&انتشار_مرض_كورونا (accessed 05.12.2020).

Suqut al-juma wa al-jamaa bi sabab fairus kuruna. *Dar al-ifta al-misri* [Cancellation of Salat al-Djum'a and Salat al-Djama'ah Due to COVID-19. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. https://www.dar-alifta.org/AR/ViewFatwa.aspx?sec=fatwa&ID=15300&_شوقي_الدكتور_ /_الأستاذ_كورونا_ -_الأستاذ_الدكتور_ /_شوقي_إبراهيم_علام (accessed 05.12.2020).

Tajil ikhraj al-zaka bi sabab waba kuruna. *Dar al-ifta al-misri* [The Last One and Upstairs - Expediting Zakat Payment Due to COVID-19. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. https://www.dar-alifta.org/AR/ViewFatwa.aspx?sec=fatwa&ID=15317&_شوقي_إبراهيم_ /_الأستاذ_الدكتور_ /_شوقي_إبراهيم_علام (accessed 05.12.2020).

UAE Council for Fatwa, Fatwa No. 11, 2020, Pertaining to the Rulings of Performing Congregational Rites in Light of the Spread of COVID-19 (Coronavirus Disease). *AL-Mawqa al-rasmi li al-allama al-shaykh Abd Allah bin Bayya*. <http://binbayyah.net/english/wp-content/uploads/2020/03/Fatwa-11-COVID-19-final.pdf> (accessed 05.12.2020).

Al-Zaka li shira wasail al-waqaya min waba li al-fuqara. *Dar al-ifta al-misri* [Zakat for the Purchase of Epidemic Prevention Funds for the Poor. *Egypt's Dar al-Ifta* (in Arabic)]. https://www.dar-alifta.org/AR/ViewFatwa.aspx?sec=fatwa&LangID=1&ID=15343&_شوقي_إبراهيم_علام (accessed 05.12.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЦАРЕГОРОДЦЕВА Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Irina A. TSAREGORODTSEVA, PhD (History), Associate Professor of the School of Asian studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russia.

ГУКЕЖЕВ Инал Арсенович – студент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Inal A. GUKEZHEV, student at the School of Asian studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russia.

ЧЕПАЙКИНА Дарья Ивановна – студентка Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Darya I. CHEPAYKINA, student at the School of Asian studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014160-3

ИУДАИЗМ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ:
ФЕНОМЕН НАРОДА ИГБО (НИГЕРИЯ)

© 2021

Л.А. АНДРЕЕВА^а^а – Институт Африки РАН, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6418-5775; larchen1969@gmail.com

Резюме: Данная статья посвящена возникновению и становлению еврейской и иудейской самоидентификации народа игбо (Нигерия). Игбо являются одним из этносов Тропической Африки, которые считают себя евреями африканской диаспоры. Африканские евреи ставят вопрос своей еврейской идентичности в двойном определении: религиозном и этническом. В результате десятилетий господства британского колониализма и миссионерской деятельности колонизаторов произошла христианизация игбо, однако, многие из тех, кто сейчас исповедует христианство, считают себя потомками затерянных «колен Израилевых», а традиционную религию предков – остаточной формой иудаизма. Групповая самоидентификация игбо в качестве иудеев и потомков потерянного колена Израиля сложилась уже в постколониальный период. После провозглашения игбо независимости от Нигерии в форме Республики Биафра (1967–1970) и начавшейся затем кровопролитной гражданской войны усилилась и приобрела новую глубину самоидентификация игбо с евреями, также перенесшими геноцид в своей истории. Игбо считали себя жертвами геноцида также, как и евреи, пережившие Холокост, также ощущали себя жителями осажденной территории, подобно государству Израиль. Под влиянием этих событий во второй половине XX в. часть этноса игбо начала трансформировать свою религиозную идентичность, они заявили, что являются не только потомками древних израильтян, но и иудеями. Эта группа возвестила о новом феномене африканского иудаизма, когда африканские религиозные традиции, смешанные с христианством, были вытеснены новой иудейской идентичностью. В статье показано, как религиозный статус евреев-игбо, подтверждающий их собственную культурную идентичность, связан в первую очередь с политической историей страны. Поиск и утверждение новой религиозной самоидентификации евреев-игбо выступает как средство интерпретации и разрешения конфликтного жизненного опыта. Вопрос же о генетической близости игбо и древних евреев пока остается открытым.

Ключевые слова: Тропическая Африка, иудаизм, евреи, игбо, Нигерия, самоидентификация.

Для цитирования: Андреева Л.А. Иудаизм в Тропической Африке: феномен народа игбо (Нигерия). *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 83–92. DOI: 10.31857/S086919080014160-3

JUDAISM IN TROPICAL AFRICA:
THE PHENOMENON OF THE IGBO PEOPLE (NIGERIA)

© 2021

Larisa A. ANDREEVA^а^а – Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0002-6418-5775; larchen1969@gmail.com

Abstract: *This article is devoted to the emergence and formation of Jewish and Judaic self-identification of the Igbo people (Nigeria) – one of the ethnic groups of Tropical Africa. African Jews pose the question of their Jewish identity in two ways: religious and ethnic. As a result of decades of British colonialism and missionary activity, the Igbo were Christianized, however, many of those who now profess Christianity consider themselves descendants of the lost “tribes of Israel”, and the traditional religion of their ancestors is a remnant form of Judaism. The group self-identification of the Igbo as Jews took shape in the postcolonial period. After the Igbo proclaimed independence from Nigeria in the form of the Republic of Biafra (1967–1970) and the civil war that began after that, the Igbo’s self-identification with the Jews, who also suffered genocide in their history, acquired a new depth. The Igbo considered themselves victims of genocide, they also felt they were residents of a besieged territory, like the state of Israel. Under the influence of these events, in the second half of the 20th century, part of the Igbo ethnos began to transform their religious identity and declared that they were not only descendants of the ancient Israelites, but the Jews. This group heralded a new phenomenon of African Judaism, when African religious traditions mixed with Christianity were supplanted by a new Jewish identity. The article examines how the religious status of the Igbo Jews, confirming their own cultural identity, is associated with the country’s political history*

Keywords: Tropical Africa, Judaism, Jews, Igbo, Nigeria, self-identification.

For citation: Andreeva L.A. Judaism in Tropical Africa: the phenomenon of the Igbo people (Nigeria). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 83–92. DOI: 10.31857/S086919080014160-3

На юго-востоке Нигерии проживает народ игбо, часть которого исповедует, как они сами утверждают, иудаизм и идентифицирует себя с потомками затерянного колена Израилева: «Мы принадлежим к заблудшему колену Израиля и ждем обещания Моисея. Он должен привести нас в обетованную землю, чтобы нас больше не преследовали. Израиль ненавидят во всем мире. Та же ненависть поражает и нас», – так утверждает Хагадол Эфраим Уба (Hagadol Ephraim Uba), председатель Ассоциации еврейской веры в Оверри, которая принадлежит к растущему еврейскому меньшинству в Нигерии [Gänsler, 2020]. Десять колен Израилевых исчезли с исторической сцены после падения, созданного ими в 928 г. до н. э. Северного Израильского царства. После завоевания ассирийским царем Саргоном II Северного Израильского царства (722 гг. до н. э.) значительная часть его населения была уведена в плен ассирийцами и расселена на просторах Ассирии. На протяжении веков существовало множество теорий о том, что случилось с этими коленами, и есть этнические группы, которые утверждают, что они потомки этих затерянных колен Израилевых.

Игбо являются одним из этносов Тропической Африки, наряду, например, с лемба из Южной Африки, абайудай из Уганды, которые считают себя евреями африканской диаспоры. Африканские евреи ставят вопрос своей еврейской идентичности в двойном определении: религиозном и этническом. Игбо являются третьей по величине этнической группой Нигерии после хауса и йоруба, насчитывающей около 30 млн человек, они составляют около 18% населения Нигерии. В результате десятилетий господства британского колониализма и миссионерской деятельности колонизаторов произошла христианизация игбо, однако многие из тех, кто сейчас исповедует христианство, считают себя потомками затерянных «колен Израилевых», а традиционную религию предков – остаточной формой иудаизма. По меньшей мере 2 000 игбо исповедуют раввинистический иудаизм в Нигерии [Afsai, 2016].

Первое упоминания об иудейской и еврейской самоидентификации игбо относится к XVIII в., когда под воздействием христианизации они могли сравнить свои обычаи и обычаи

древних евреев. Отправной точкой служит увлекательная автобиография Олауда Эквиано (Olaudah Equiano), также известного как Густав Васса, бывшего раба игбо, впервые опубликованная в Лондоне в 1789 г. Олауда Эквиано родился в 1745 г. в Эбое, на территории современной Нигерии. Когда ему было около одиннадцати лет, Эквиано был похищен и продан работоторговцам, направлявшимся в Вест-Индию. Хотя он провел короткий период в штате Вирджиния, большую часть времени в рабстве Эквиано служил капитанам невольничьих кораблей и кораблей британского флота. Один из его хозяев, капитан британского торгового судна, дал Эквиано имя Густав Васса, которое он использовал на протяжении всей своей жизни. Эквиано, которому было разрешено участвовать в собственных мелких торговых делах, смог накопить достаточно денег, чтобы выкупить свою свободу в 1766 г. В 1789 г. он опубликовал автобиографию «Интересное повествование о жизни Олауда Эквиано или Густава Вассы, африканца», выдержавшую многочисленные переиздания. Эквиано умер в Лондоне в 1797 г. Много лет жизни проведенный в качестве раба, он утверждал, что африканцы не уступают европейцам, потому что у них также есть своя культура, язык и обычаи. В автобиографии он пишет, что игбо были одним из потерянных племен Израиля, и ссылается на многие идентичные культурные сходства между ними и евреями. Он пишет, что «сильная аналогия, которая... кажется, преобладает в манерах и обычаях моих соотечественников и евреев, прежде чем они достигли Земли Обетованной, и особенно патриархов, когда они еще находились в том пастырском состоянии, которое описано в Бытии, – аналогия, которая сама по себе заставила бы меня подумать, что один народ произошел от другого. ...мы практиковали обрезание, как иудеи, и делали приношения и пиршества в этом случае так же, как и они» [Equiano, 2005].

Другое письменное свидетельство относится уже к XX в. и принадлежит влиятельному англиканскому миссионеру и этнографу Джорджу Томасу Басдену (George Thomas Basden), который предположил, что слово «игбо» возникло как искажение слова «иврит». Архидьякон Джордж Томас Басден (1873–1944) прибыл с миссионерской целью в Онитшу (Британская Нигерия) в 1900 г. от имени «Нигерийского миссионерского общества» (CMS). В 1921 г. он опубликовал свою первую книгу о своем пребывании в Нигерии – «Среди игбо Нигерии» [Basden, 1921]. Для колониальной администрации он являлся признанным авторитетом, что послужило основанием для назначения его представителем народа игбо в Законодательном совете Нигерии в 1931–1937 гг. [Bersselaar, 2006, p. 433]. В своей книге он старался подробно задокументировать обычаи игбо, при этом он самокритично замечал, что чем дольше человек живет среди африканцев, тем больше убеждается, что для европейца практически невозможно полностью понять тонкости местного характера и что его опыт подсказывает, что понять ментальность африканцев крайне сложно из-за разности ментальных и культурных установок европейцев и африканцев. Наблюдая за традиционной религией игбо, Басден допускал возможность того, что игбо изначально были монотеистами. Он пишет об этом так: «Среди людей игбо есть явное признание Высшего Существа – благотворного по характеру – которое выше всякого другого духа, доброго или злого. Оно считается могущим контролировать все на небе и на земле и распределять награды и наказания по заслугам. Что-нибудь то, что происходит, для которого нет видимого объяснения, приписывается либо Ему, либо Его вечному врагу Эквенсу, то есть Дьяволу. Но Чукву (Chukwu), как его называют, Всевышний, и в Его служении многие служебные духи, единственное дело которых – выполнять Его повеления... Знание Верховного Существа практически ограничивается названием и его интерпретацией. Помимо признания Благотворного Существа, существует глубокая вера в Злой Дух. Эти двое вечно противостоят друг другу, каждый стремится влиять на человечество к добру или злу, но Чукву всегда классифицируется как превосходящий Эквенсу. Некоторые действия, такие как убийство, кража и супруже-

ская измена, запрещены. ... Туземцы считают, что, совершая такие преступления, мужчина действует вопреки воле Божьей и соответствующие наказание обязательно последует, ... его потомки должны нести бремя греха. Однако страх возмездия неглубок; это конечно не действует как средство сдерживания зла. Хотя такие поступки считаются *ajaw-awlu* (плохие дела)» [Basden, 1921, p. 215–217]. Басден отмечал, что есть определенные обычаи, которые скорее указывают на левитское влияние в более или менее отдаленный период. Это прослеживается в основных идеях о жертвоприношениях и в практике обрезания. В языке игбо также есть параллели с идиомами на иврите. В интерпретации Басдена традиционная религия игбо имела предпосылки к восприятию христианского монотеизма, именно в этом ключе стоит толковать его частые ссылки на сходство между традициями игбо и еврейскими традициями [Bersselaar, 2006, p. 400]. Воззрения Басдена вписываются в «хамитский миф», согласно которому некоторые черные африканцы произошли от Хама, сына Ноя, хамиты предположительно являлись подгруппой кавказской расы. В своей книге «Черные евреи Африки: история, религия, идентичность» антрополог Эдит Брудер (Edith Bruder) описывает интерес белых колонистов к определенным африканским народам с точки зрения хамитского мифа и трансформацию этих воззрений в академические штудии [Bruder, 2008, p. 51–58]. На основании изучения многочисленных источников она пришла к выводу, что многие европейские колонизаторы в Африке считали, что все ценное было привнесено туда благодаря внешнему влиянию. На рубеже XIX–XX вв. хамитский миф прочно укрепился и в науке – его поддерживало подавляющее большинство антропологов. Каждый след или признак того, что называлось «цивилизованным» в Африке, приписывалось иностранному происхождению, в первую очередь хамитскому. Можно согласиться с мнением Эдит Брудер, что хамитская гипотеза, родившаяся в постсредневековой Европе, является частью «африканского генезиса» [Bruder, 2008, p. 51]. Обзор хамитской гипотезы, проведенный Эдит Брудер, показывает важность ее влияния как для европейцев, так и для самих африканцев. По сути, эта теория утверждает, что все ценное, найденное в Африке, было принесено туда хамитами, которые якобы были ветвью кавказской расы. В хорошо известной работе «Расы Африки» (1930) английский антрополог Чарльз Селигман (Charles Seligman) писал: «Цивилизации Африки – это цивилизации хамитов, их история, свидетельства их существования» [Bruder, 2008, p. 51]. В африканской этнологии начала двадцатого века такие концепции привели к идее, что континент населен двумя группами, кавказоидами и негроидами, а также их смесями. Этнографы, миссионеры и путешественники снова и снова приходили к выводу, что африканские племена, включая массаи, зулусов, готтентотов, тутси, ашанти и многие другие, были еврейского происхождения [Parfitt, 2002, p. 205]. В конце концов, идеология хамитского мифа потеряла свои позиции после Второй мировой войны, хотя ее влияние сохранялось и в более поздних работах. Таким образом, можно предположить, что на формирование современной еврейской идентичности игбо оказал определенное влияние через христианских миссионеров нарратив хамитской гипотезы.

Групповая самоидентификация игбо в качестве иудеев и потомков потеряннного колена Израиля сложилась уже в постколониальный период. Нигерия обрела независимость от Великобритании 1 октября 1960 г.; как и большинство постколониальных государств, она унаследовала границы бывшей колониальной администрации. После обретения независимости страна была разделена на три федеральных единицы, примерно по образцу расселения доминирующих этнических групп: мусульман хауса на севере, христиан игбо на востоке и йоруба на юго-западе. Скрытая межэтническая напряженность вышла на первый план, когда два неудавшихся государственных переворота привели к федеральному кризису 1966 г. Федеральное правительство Нигерии представило события как действия игбо и обвинило их в заговоре с целью захвата власти. Подстрекательными этими упреками,

на севере Нигерии начались выступления местного населения против игбо, переросшие в массовое насилие, в результате которого погибло около тридцати тысяч человек [Brucker, 2019, p. 5]. Дальнейшие события развивались по пути провозглашения игбо независимости от Нигерии в форме Республики Биафра (1967–1970 гг.) и начавшейся затем кровопролитной гражданской войны, унесшей жизни более 1 млн игбо. Уже во время гражданской войны лидер республики Биафра Оджукву проводил параллели между борьбой игбо за независимость от Нигерии с борьбой за выживание государства Израиль, который, как раз в это время, одержал ошеломительную победу в шестидневной войне 1967 г.: «Подобно евреям... мы увидели в рождении нашей молодой республики путь к свободе и выживанию» [Heerten, 2014]. Такие аналогии были прежде всего политически мотивированы, поскольку руководство Биафры столкнулось с проблемой объединения разнородного населения сепаратистского государства: разрозненные этносы Биафры нужно было преобразовать в воображимое сообщество, поскольку лишь около половины из 14 млн жителей Игболенда составляли игбо, остальное население было распределено среди различных этнических меньшинств. Своей риторикой геноцида руководство пыталось не только сплотить население, но и оказать воздействие на мировое сообщество. Вскоре эта политическая риторика была объединена с особым представлением некоторых игбо о себе как о «евреях Африки» – аналогия, которая, особенно в текстах европейских этнологов, имела долгую историю и становилась все более популярной в новой ситуации [Heerten, 2011]. Заметим, что не только страдания еврейского народа, но и создание государства Израиль захватили в то время воображение африканцев. Это был образец для всех африканских политиков, включая Нельсона Манделу, который читал *мемуары бывшего премьер-министра Израиля Менахема Бегина* в тюрьме. То, что такой угнетенный народ, как еврейский народ, смог восстановить свою независимость, было примером для подражания.

Именно после гражданской войны усилилась и приобрела новую глубину самоидентификация игбо с евреями, также перенесшими геноцид в своей истории. Игбо считали себя жертвами геноцида, как и евреи, пережившие Холокост, они также ощущали себя жителями осажденной территории, подобно государству Израиль. Даниэль Лис (Daniel Lis), ведущий исследователь еврейской самоидентификации среди игбо, считает, что гражданская война и ее катастрофические последствия положили начало продолжающемуся периоду интенсивных поисков среди игбо относительно их истории, нынешних проблем и перспектив. Некоторые игбо начали задаваться вопросом, почему, если они на самом деле евреи, они должны продолжать исповедовать христианство [Lis, 2015, p. 271].

Как уже отмечалось, большинство игбо сегодня исповедуют христианство. Хотя они идентифицируют себя как христиане, многие считают себя «культурными» или «этнически-ми» евреями, таким образом, более двух миллионов игбо практикуют иудаизм, оставаясь формально христианами. В книге «Черные евреи Африки: история, религия, идентичность» Эдит Брудер (Edith Bruder) описывает три разных типа евреев-игбо: «евреев, которые считают себя “доталмудическими” евреями на основании предполагаемых еврейских традиций своих предков; члены различных еврейских общин и, наконец, субботники, которых насчитывается более 2 млн, которые практикуют своего рода иудаизм, одновременно читая Новый Завет» [Bruder, 2008, p. 143]. «Доталмудические» евреи признают только Танах, еврейскую Библию, и исключают Талмуд, который был написан после Танаха, который считается основой еврейского закона, этики и философии и является основой образа жизни многих евреев. Это основано на том, что «доталмудические» евреи не верят, что «устный закон» Талмуда был вдохновлен Богом.

В период после окончания гражданской войны в Биафре начала кристаллизоваться иудео-еврейская самоидентификация игбо. Одна из версий, получивших распространение

среди игбо, возводит религиозно-этническую идентичность к Гаду, седьмому сыну патриарха Иакова. Из поколения в поколение некоторые игбо передавали различные версии истории миграции группы, которая восходит к Иакову, патриарху иудаизма. Популярная версия повествования гласит, что у Гада, седьмого сына Иакова, было трое сыновей, которые поселились в современной юго-восточной Нигерии, которая преимущественно населена игбо. Эти сыновья, Эри, Ароди и Арели (как упоминается в книге Бытия), породили кланы, основали королевства и города, которые все еще существуют на юго-востоке Нигерии сегодня, включая Оверри, Умулери, Арочукву и Агулери. Эри, король общины в Агулери, утверждает, что он правит тронем сына Гада, Эри. Он носит белую рубашку с вышитой спереди звездой Давида. В его дворце висит календарь, в котором перечислены имена его 33 предшественников. Он не сомневается, что Эри – его предок. Король Эри, как и многие другие, утверждает, что игбо – евреи Западной Африки. Они верят, что являются потомками по крайней мере одного из потерянных колен Израиля, поскольку в VIII в. до нашей эры ассирийцы вторглись в северное царство Израиля, вынудив 10 колен к изгнанию [Oduah, 2013].

Еще одна версия самоидентификации игбо выводит их происхождение от североафриканских евреев. Отправной точкой являются события 1492 г., когда царь Томбукту (царство Томбукту входило в то время в империю Сонгай. – Л. А.) Аския Мохаммад постановил, что евреи должны принять ислам или уйти, по существу объявив евреев персонами нон-грата. Арабский географ и путешественник Лев Африканский (1448–1554) писал об этом: «Этот король (Томбукту) — непримиримый враг иудеев. Он не желает, чтобы хотя бы один из них жил в его городе. Если он услышит, что какой-либо из барбарийских купцов водит с ними знакомство или ведёт торговлю, то конфискует его имущество» [*История*, 1979, с. 346]. Как замечает Даниель Лис, «это гипотеза еврейского движения на юг, которое могло достичь нынешней Нигерии» [Lis, 2015, p. 5.]. Таким образом, игбо разрабатывают версии своей этнической истории, в которых они являются частью еврейской диаспоры.

Можно отметить, что в литературе описаны некоторые религиозные обряды евреев-игбо, которые, по мнению авторов, в определенной степени коррелируют с еврейским. Можно выделить следующие:

– Обрезание на восьмой день после рождения ребенка мужского пола.

– Соблюдение некоторых законов кошерного питания; например, игбо считают свинью нечистым животным.

– Принятие ритуальных очищающих ванн роженицами, женщинами после менструации и сексуального контакта, что может коррелировать с еврейскими очищающими ваннами «микве» – водным резервуаром для омовения (твила) с целью очищения от ритуальной нечистоты.

Некоторые имена игбо включают слово Бог, а поскольку Высшее Существо это «Чукву», то некоторые популярные имена игбо включают «Чукву», например, Чуквуди, Нгозичуквука, а также такие имена, как («Господь мой пастырь»), который включает вариант «Чукву». Древнееврейские имена Дани-Эль, Мика-Эль, Натани-Эль, Рафа-Эль, Габри-Эль, Саму-Эль включают в себя «EL» («Бог»), которое является в иудаизме одним из семи священных имен Бога и интерпретируется библейскими комментаторами как семантически единичное для слова «Бог».

Традиция игбо проводить церемонию бракосочетания под навесом, называемым «окпукпу», который сравнивают с еврейской «хупа» – специальным навесом из ткани, закрепленным на четырех столбах, под который должны встать новобрачные, символизирующий то, что свадьба и институт брака имеют божественные истоки.

У игбо есть траур, во многом аналогичный еврейскому «сидящему, шива» (иврит «семь») – это недельный траур в иудаизме для родственников первой степени родства. Этот процесс,

восходящий к библейским временам, ритуализирует естественный способ, которым человек преодолевает горе (см: [Remy, 2014]).

Однако евреи-игбо не придерживаются галахических законов иудаизма (галаха, евр. הלכה – правило, обычай, закон, норма, часть Талмуда, содержащая историю библейского законодательства и регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев, в узком смысле – совокупность законов, постановлений, из Торы, Талмуда и более поздней раввинистической литературы): у игбо – собственный устный фольклор, они ходят от деревни к деревне и передают друг другу свои знания, что напоминает раннюю хасидскую культуру. Для Авраама Бен Авраама, игбо-блогера, который с энтузиазмом изучает иврит и хотел бы вскоре поехать в Израиль, традиции игбо не противоречат иудаизму, даже если сначала это кажется таковым. Скорее это единство религии и традиции. «Когда мы отстаиваем иудаизм, мы делаем то же самое с наиболее важными традициями игбо. Это включает в себя силу ореха кола (в синагогах у игбо принято совместно употреблять орешек-кола, как символ единства. – Л.А.). Поэтому, когда она становится частью службы, это имеет большой смысл. Мы не забываем свои корни. Мы Израиль, мы игбо, мы евреи» [Gänsler, 2020]. В настоящее время в столице Нигерии Абудже и Игболенде (полоса земли на юго-востоке Нигерии) проживают более 4000 евреев игбо и находится около 70 синагог. Они изучают иврит, читают Тору и считают себя не только иудеями, но и евреями [Кестенбаум, 2016].

Развитие Интернета, сделавшего доступными вероучительные книги, активная переписка с единомышленниками – это черты уже современного «интернет-иудея» игбо, который описан на страницах книги Уильяма Майлза, профессора политологии Бостонского университета «Евреи Нигерии. Афро-иудейская одиссея» [Miles, 2013]. В своей книге он описывает роль Интернета, давшего возможность игбо-евреям познакомиться с ивритом, с практикой еврейских ритуалов во всем мире, возможность изучить раввинистический иудаизм. Возможно, евреи-игбо – первая еврейская община в мире, получившая религиозное образование в основном из Интернета. Это объясняет, почему они с легкостью изучают иврит, молятся и поют на этом языке. Они получают большую часть знаний о еврейской религии из Интернета.

Именно развитие современных телекоммуникаций усилило международные контакты иудеев-игбо с Израилем. Некоторые высокопоставленные израильские деятели, такие как Ноам Кац, бывший посол Израиля в Нигерии, публично признали культурное сходство между игбо и евреями, а премьер-министр Израиля Ицхак Рабин в 1995 г. отправил команду в Нигерию для поиска «десяти потерянных колен Израиля», и с тех пор западные раввины и педагоги отправляли в Нигерию книги, компьютеры и религиозную литературу. Однако на сегодняшний день государство Израиль официально не признало игбо одним из затерянных племен [Igbo, 2021]. Причина в том, что они не могут соответствовать критериям, необходимым для получения «права на возвращение», потому что израильское правительство не признает этнические общины, утверждающие, что они являются потомками потерянных племен, а также потому, что они не могут доказать, что у них есть еврейские предки. В отличие от эфиопских евреев, среди игбо не ведется значительной организованной кампании по эмиграции в Израиль под предлогом еврейского происхождения. В 2017 г. по инициативе группы мессианского иудаизма «Jewish Voice Ministries» (мессианский иудаизм, приверженцы которого считают Иисуса еврейским Мессией, рассматривается Израилем и еврейскими организациями как форма христианства) из штата Аризона, США было проведено частное тестирование ДНК иудеев-игбо Нигерии и тесты показали отсутствие генетической связи с древними израильтянами. Это тестирование вызвало шквал возмущения. Профессор Тюдор Парфитт (Tudor Parfitt), всемирно известный ученый, глава отдела иудаики в Международном университете Флориды, который был одним из первых,

кто использовал тестирование ДНК, чтобы выдвинуть гипотезу о еврейской миграции в Африку, назвал тест «Jewish Voice Ministries» «безответственным». Можно согласиться с его мнением, что, «с другой стороны, идея о том, что игбо – евреи, возникла не недавно, она восходит к XVIII в. Это живой опыт со стороны игбо и многих других африканцев. Связаны ли они технически с древним народом Израиля, на мой взгляд, совершенно неважно. Это не имеет отношения к истории. Идея проверить эту гипотезу с помощью ДНК – не лучшая идея. Это похоже на проверку мифа, а проверить миф невозможно. Политика идентичности связана с верой» [Lidman, 2017]. Стоит заметить, что и у эфиопских евреев, фалаша (самоназвание «бета Исраэль» – «дом Израиля»), которые были признаны в 1973 г. верховным раввином Израиля евреями, существуют проблемы с генетическими тестами. Согласно выводам молекулярных биологов [Sprudle, Jenkins, 1992], генетические тесты подтвердили, что фалаша – по крови не евреи, а эфиопы. Следовательно, утверждение фалашей о том, что они евреи, не основано на генетических тестах, либо, как минимум, спорно. Интересно заметить, что этногенетические мифы таких африканских народов, как йоруба и бини, также связывают свою родословную с миграцией, а именно с миграцией из Верхнего Египта. Вопрос о том, была ли это действительно миграция или культурный трансфер, остается предметом научной дискуссии. Можно согласиться с мнением африканиста Д.М. Бондаренко, что «с древности культурные связи охватывали весь континент и даже выходили за его пределы, хотя их история и по сей день остается в целом весьма слабо изученной. Некоторые отдельные элементы культуры, вне всякого сомнения, были в состоянии проделывать путь..., передаваясь по цепочке народами Северо-Восточной, Центральной и Западной Африки в течение более или менее длительного периода времени» [Бондаренко, 2001, с. 29].

Следует указать на тот факт, что до сих пор существование общин евреев-игбо связано с политическим фактором. По сей день борьба игбо за независимое государство имеет «еврейский» аспект. Лидер главной сепаратистской организации «Коренные народы Биафры» (ИРОВ) Ннамди Кану исповедует иудаизм. Об этом Кану заявлял и в ходе суда, перед которым предстал (в кипе и талите) по обвинению в государственной измене. В октябре 2018 г. в эфире радиостанции «Радио Биафра» Кану объявил о том, что находится в Израиле. В том же году правительство Нигерии объявило ИРОВ террористической организацией, что многие расценили как политическое преследование, поскольку члены движения не носят оружие и не атакуют сограждан [Вайнер, 2020]. Правительство Нигерии считает, что большинство верующих евреев в Нигерии являются членами ИРОВ. В Нигерии верующие евреи подвергаются преследованиям – арестам, рейдам и задержаниям со стороны правительственных агентов безопасности, которые регулярно вторгаются в их места поклонения. Каждый раз, когда в их синагогах совершаются набеги, их религиозные книги – Тора и Танах – отбираются и уничтожаются. Нвачукву, раввин синагоги, расположенной в Умуахии, на юге Нигерии, прихожанами которой являются около 100 верующих, в основном женщины, так описывает один из рейдов, произошедший в феврале 2018 г.: «Знойный день в феврале 2018 г. Внутри синагоги прихожане облачены в белые еврейские одежды... Синагога украшена израильскими флагами... “Они пришли сюда и все разрушили, – говорит Нвачукву, – Они осквернили наш храм и сняли израильский флаг, что является мерзостью. Посмотрите на здание, по нему стреляли. Вы можете увидеть это на стенах”» [Egwu, 2019]. Ука Иммануэла, которая находилась на территории, когда произошло нападение, вспоминает, что она укрылась, когда раздалась выстрелы: «Мы просто исповедовали нашу религию, когда они начали стрелять», – говорит Иммануэла. «Они стреляли, потому что пришли арестовать и запугать нас. Мы не сделали ничего плохого» [Egwu, 2019]. В ноябре 2020 г. появились сообщения, что в Нигерии правительственными войсками были разрушены шесть синагог, принадлежавших еврейской общине. Бежавшие от насилия члены общины игбо заявили, что двое из их общины были аре-

стованы солдатами, осадившими города Ойигбо, Эче, Ирибе и Элеме. По словам очевидцев, эти двое были арестованы за ношение кипы и звезды Давида. Насилие вспыхнуло в южном нигерийском штате Риверс после студенческого протеста против жестокости полиции. Лидер объявленной вне закона организации «Коренные народы Биафры» (ИРОВ) Ннамди Кану сообщил: «Наша синагога “Столп истины” в Ойигбо была разрушена бульдозером. Самая большая синагога в Биафре. Это действительно очень печально. Последствия преследования будут ужасными», – сказал он [Нигерия, 2020].

Подводя итоги, можно констатировать, что во второй половине XX в. часть этноса игбо начала трансформировать свою религиозную идентичность и заявила, что они являются не только потомками древних израильтян, но и иудеями. Эта группа возвестила о новом феномене африканского иудаизма, когда африканские религиозные традиции, смешанные с христианством, были вытеснены новой иудейской идентичностью. Религиозный статус иудеев-игбо, подтверждающий их собственную культурную идентичность, связан в первую очередь с политической историей страны. Идентичность африканцев строилась на исторических потрясениях – от колониализма до независимости и от национализма до постколониального настоящего. При этом можно согласиться с мнением Эдит Брудер, что такие религиозные движения следует понимать как реакцию на психологическую и культурную напряженность, а не только как выражение политического антагонизма [Bruder, 2008, p. 190–191]. Поиск и утверждение новой религиозной самоидентификации евреев-игбо выступает как средство интерпретации и разрешения конфликтного жизненного опыта. Вопрос же о генетической близости игбо и древних евреев пока остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вайнер Б. *Иудейская Нигерия, или как главный сепаратист Биафры евреем оказался*. Июль 2020 [Weiner B. *Judaic Nigeria, or How the Main Separatist of Biafra Turned Out to be a Jew* (in Russian)] <http://archive.hadashot.kiev.ua/content/v-izraile-vspomnili-o-nigeriyskih-evreyah-igbo> (accessed: 06.01.2021).

Бондаренко Д.М. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. М.: Издательство Института Африки РАН, 2001 [Bondarenko D. M. *Pre-imperial Benin: Formation and Evolution of the System of Social and Political Institutions*. Moscow: Institute of African Studies of the RAS, 2001 (in Russian)].

История Африки. Хрестоматия. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979 [History of Africa. Anthology. M.: Glavnaia Redakstiiia Vostochnoi Literatury Izdatel'stva Nauka, 1979 (in Russian)].

Кестенбаум С. *30 миллионов жителей Нигерии считают себя потомками израильтян*. 31.01.2016 [Kestenbaum S. *30 Million People in Nigeria Consider Themselves to be Descendants of Israelis* (in Russian)]. <https://stmegi.com/posts/29941/30-mln-v-nigerii-schitayut-sebya-potomkami-drevnikh-izrailtyan> (accessed: 04.01.2021).

Нигерия: солдаты разрушили шесть синагог. 2020. [Nigeria: Soldiers Destroy Six Synagogues (in Russian)]. https://mignews.com/mobile/article.html?id=151120_152456_32057 (accessed: 06.01.2021).

Afsai S. *African, Black – and Part of the Global Jewish Community?* 10.04.2016. <https://haaretz.com/opinion/premium-african-black-and-jewish-1.5429379> (accessed: 03.01.2021).

Basden G. *Among the Ibos of Nigeria*. London: Seeley, Service & Co Limited, 1921.

Bersselaar, van den D. *Missionary Knowledge and the State in Colonial Nigeria: On How G.T. Basden Became an Expert*. *History in Africa*. 2006. Vol. 33. Pp. 433–450.

Brucker, Ch. *Finding Foreign Friends: National Self-Determination and Related Norms as Strategic Resources during the Biafran War for Independence, 1967–1970*. *New England Journal of Public Policy*. 2019. Vol. 31. Iss. 2. Pp. 1–21. <https://scholarworks.umb.edu/nejpp/vol31/iss2/6> (accessed: 06.01.2021).

- Bruder E. *The Black Jews of Africa: History, Religion, Identity*. New York: Oxford University Press, 2008.
- Egwu P. *Igbo Jews: A Threatened Community*. 04.04.2019. <https://jwa.org/blog/plight-nigerian-jews> (accessed: 06.01.2021).
- Equiano O. *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African Written By Himself*. EBook #15399, 2005.
- Gänsler K. *Wo das Judentum wächst*. 03.02.2020. https://deutschlandfunk.de/die-juedischen-igbo-in-nigeria-wo-das-judentum-waechst.886.de.html?dram:article_id=469239 (accessed: 03.01.2021).
- Heerten L. A wie Auschwitz, B wie Biafra. Der Bürgerkrieg in Nigeria (1967–1970) und die Universalisierung des Holocaust. *Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History*. 2011. Online-Ausgabe 8. <https://zeithistorische-forschungen.de/3-2011/4516> (accessed: 02.01.2021).
- Heerten L. The Nigeria-Biafra War: Postcolonial Conflict and the Question of Genocide. *Journal of Genocide Research*. 2014. 16. No. 2/3 (July). <http://ezproxy.purchase.edu:2088/eds/pdfviewer/pdfviewer?vid=2&sid=f1cba2d5-4c1b-4e91-bbf3-e2c058e67f22@sessionmgr104> (accessed: 02.01.2021).
- Igbo Jews (Nigeria)*. <https://shavei.org/igbo-jews-nigeria> (accessed: 05.01.2021).
- Lidman M. *Messianic Jews to Nigerians: You're not 'real' Jews*. 11.08.2017. <https://www.timesofisrael.com/messianic-jews-to-nigerians-youre-not-real-jews> (accessed: 05.01.2021).
- Lis D. *Jewish Identity among the Igbo of Nigeria: Israel's Lost Tribe and the Question of Belonging in the Jewish State*. UK: Africa World Press, 2015.
- Miles W. *Jews of Nigeria. An Afro-Judaic Odyssey*. Princeton: Markus Wiener Publishers, Princeton, 2013.
- Oduah Ch. *Nigeria's Igbo Jews: Lost Tribe of Israel?* 04.02.2013. <http://www.cnn.com/2013/02/01/world/africa/nigeria-jews-igbo> (accessed: 04.01.2021).
- Parfitt T. *The Lost Tribes of Israel: The History of a Myth*. London: Weidenfeld and Nicolson, 2002.
- Remy I. *The Igbos and Israel: An Inter-Cultural Study of the Largest Jewish Diaspora*. Washington DC: Street to Street EpicCenter Stories, 2014.
- Spurdle A., Jenkins T. Y Chromosome Probe p49a Detects Complex PvuII Haplotypes and Many New TaqI Haplotypes in Southern African Populations. *American Journal of Human Genetics*. 1992. № 50 (1). Pp. 107–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНДРЕЕВА Лариса Анатольевна – профессор РАН, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия.

Larisa A. ANDREEVA, DSc (Philosophy), Leading Researcher, Centre for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014399-5

СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В СРЕДЕ ГОРОДСКОГО ЧЕРНОКОЖЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЮАР. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2021

В.В. ГРИБАНОВА ^а, Н.В. ГРИШИНА ^б

^а – Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID 0000-0002-4117-1995; vgibanova@mail.ru

^б – Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID 0000-0002-3688-6208; eestima8@yandex.ru

Резюме: Несмотря на конституционно закрепленное в ЮАР равенство прав и возможностей мужчин и женщин, женщины гораздо чаще, чем мужчины, сталкиваются с дискриминацией в общественной жизни. Находясь в одних и тех же социально-экономических условиях, женщины обладают более низким по сравнению с мужчинами социальным статусом в системе общественных отношений. Достаточно ярко эта тенденция проявляется в среде чернокожего населения, будучи следствием системы апартеида (1948–1994 гг.) и традиционных этнических норм. С конца XIX в. в связи с бурным экономическим развитием южноафриканского региона города стали центром притяжения чернокожего населения, что во многом объяснялось стремлением выжить в условиях деформации привычного образа жизни под натиском европейской экспансии. Для ограничения потока мигрантов власти приняли ряд законов, связанных с правилами проживания африканцев в городах. Но несмотря на это, их количество возрастало за счет низкоквалифицированных и неквалифицированных промышленных рабочих и деклассированных элементов. Постепенно формировалось городское африканское население со значительным преобладанием мужчин. Традиционная гендерная сегрегация переносилась в сферу городского общественного производства: рабочие места для женщин формировались за счет социализации обязанностей, существовавших в рамках африканской семьи. Практически во всех сферах городского хозяйства наблюдалось неравенство в оплате при выполнении мужчинами и женщинами одних и тех же видов работы. Лишь в отдельных случаях африканкам удавалось подняться на более высокую социальную ступень по сравнению с мужчинами. После отмены апартеида значительного повышения социального статуса чернокожих женщин сразу не произошло, что объясняется многолетними расовыми и гендерными ограничениями, традиционными устоями, подчиненным положением по отношению к обществу в целом. Однако в настоящее время в соответствии с правительственными программами развития африканки имеют приоритет в карьерном и политическом росте по сравнению с другими группами населения ЮАР.

Ключевые слова: апартеид, занятость, сегрегация, гендерный дисбаланс, трудоустройство, образование, программы развития.

Для цитирования: Грибанова В.В., Гришина Н.В. Специфика гендерных ролей в среде городского чернокожего населения ЮАР. История и современность. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 93–103. DOI: 10.31857/S086919080014399-5

SPECIFICITY OF GENDER ROLES IN THE URBAN BLACK SOUTH AFRICANS. HISTORY AND MODERNITY

© 2021

Valentina V. GRIBANOVA ^a, Nina V. GRISHINA ^b

^a –Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID 0000-0002-4117-1995; vgibanova@mail.ru

^b –Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID 0000-0002-3688-6208; eestimaa8@yandex.ru

Abstract: *Despite the constitutional equality of rights and opportunities between men and women in the Republic of South Africa, women are much more likely than men to face discrimination in public life. Being in the same socio-economic conditions, women have a lower social status than men in the system of social relations. This trend is quite pronounced among the black population, as a consequence of the apartheid system (1948–1994) and traditional ethnic attitudes. Since the end of the 19th century in connection with the rapid economic development of the South African region, cities became centers of attraction for the black population. To limit the flow of migrants, the authorities have adopted a number of laws related to the rules of residence of Africans in cities. But, despite this, their number increased due to low-skilled industrial workers and declassed elements. Traditional gender segregation was transferred to the sphere of urban social production: women's jobs were formed through the socialization of responsibilities that existed within the African family. In almost all areas of the urban economy, there was an inequality in pay for men and women performing the same types of work. After the abolition of apartheid, there was no significant increase in the social status of black women, which is due to long-term racial and gender restrictions and traditional attitudes. However, at present, in accordance with government development programs, African women have priority in career and political growth compared to other groups of the population of South Africa.*

Keywords: apartheid, employment, segregation, gender imbalance, opportunities, education, development programs.

For citation: Gribanova V.V., Grishina N.V. Specificity of Gender Roles in the Urban Black South Africans. History and Modernity. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 93–103. DOI: 10.31857/S086919080014399-5

Южно-Африканская Республика¹, вставшая на путь демократических преобразований в 1994 г., получила от времен апартеида целый комплекс социально-экономических и политических проблем. За их сложностью и противоречивостью стоят вопросы, на первый взгляд не имеющие особой важности, но при более внимательном рассмотрении они перестают казаться таковыми. Речь идет о гендерных взаимоотношениях в среде чернокожих жителей страны.

Гендерная принадлежность в значительной степени определяет возможности участия личности в той или иной области жизни общества. Тенденции современного развития требуют паритетного участия представителей обоих полов в политической, культурной, социальной сферах и семейных отношениях, что непросто реализовать в стране, где столетиями существовало четкое разграничение гендерных ролей.

Как и во всем мире, гендерное неравенство в ЮАР проявляется в том, что, несмотря на существующее законодательство, женщины не обладают равными с мужчинами воз-

¹ До 1961 г. – Южно-Африканский Союз (ЮАС).

возможностями для реализации своих интересов и потребностей. Они чаще, чем мужчины, сталкиваются с проявлениями дискриминации и насилия. И хотя представители обоих полов находятся в одних и тех же социально-экономических условиях, их положение и статус в обществе различны: женщины обладают более низким по сравнению с мужчинами социальным статусом в системе общественных отношений.

В 1913 г. в силу вступил закон «О землях банту», ставший одним из этапов официального закрепления за представителями разных рас территорий их проживания. Притом что чернокожие африканцы составляли около 80% населения ЮАС, им было выделено 13% самых неплодородных и наименее пригодных для хозяйственной деятельности земель [Потехин, 1955, с. 77].

С приходом к власти Национальной партии в 1948 г. официальной внутривластной доктриной был объявлен апартеид – система сегрегации, основанная на раздельном существовании представителей различных рас, проживающих на территории ЮАС.

С 1949 г. запрещались браки белых с цветными или африканцами. Закон «О регистрации населения» (1950) предусматривал классификацию и регистрацию жителей Южной Африки по расовому признаку. В соответствии с законом «О расселении по группам» (1950) были созданы так называемые «этнические» зоны для африканцев, цветных и индийцев, где они имели право владеть собственностью. Расовая сегрегация вводилась при проезде на транспорте, в сфере общественного питания, на пляжах, в кинотеатрах, учебных заведениях, парках, церквях. Закон «О самоуправлении банту» (1959) предусматривал создание на территории Южной Африки новых территориальных объединений – бантустанов. Первый, Транскей, появился в 1963 г. Законодательные акты, принятые в 1963–1964 гг., регламентировали проживание и работу небелого населения в «белых» районах.

Политика апартеида была направлена на полную изоляцию друг от друга различных расовых групп. Вся страна делилась на области, каждая из которых отводилась определенной расовой группе. Представители других рас могли там находиться только на работе или по делам чрезвычайной важности. При этом белых лечили, учили и обслуживали только белые, черных – только черные, цветных – только цветные.

Постоянно нарастающий поток африканцев, направлявшихся из сельской местности в города, объяснялся прежде всего стремлением выжить в условиях деформации привычного образа жизни под натиском европейской экспансии путем приспособления к новшествам. Число внутренних мигрантов было настолько значительно, что власти приняли законы, направленные на ограничение пребывания и правила проживания африканцев в городах – «Акт о групповых областях» (1950), «Закон о городских районах банту» (1954).

Однако, несмотря на жесткие ограничительные меры, число приезжих африканцев увеличивалось; постепенно формировалось городское африканское население со значительным преобладанием мужчин [Гришина, 2007, с. 17].

Число горожан возрастало в основном за счет низкоквалифицированных и неквалифицированных промышленных рабочих, поденщиков, проституток, бездомных, бродяг. Чернокожие горожане, особенно женщины, в силу многих причин были обречены на практически пожизненное прозябание в крайне стесненных материальных условиях.

Часть городской торговли, сферы услуг и коммунальное обслуживание городского африканского населения принадлежали немногочисленным мелким торговцам и предпринимателям. В основном это были мужчины; женщины находились на второстепенных ролях.

Образованных африканцев в городах проживало немного; практически все они – врачи, технические специалисты, служащие, инженеры, преподаватели – были мужчинами. В отсутствие доступа в белое сообщество найти применение своим силам и знаниям они могли только в среде чернокожего населения.

Активно протекавшие в Южной Африке миграционные и урбанизационные процессы подрывали существовавшие в среде чернокожего населения традиционные связи; серьезно были поколеблены и устои семейной жизни. Однако и в новых условиях наиболее угнетаемой и бедной частью общества оставались женщины. Каким бы важным ни был женский труд, по отношению к общественному производству он имел второстепенное, подчиненное значение. В городах авторитет африканца-мужчины все более возрастал независимо от рода его занятий на фоне явной приниженности женщины и в семейной, и в общественной сфере.

Следует подчеркнуть, что заработки черных южноафриканцев, как мужчин, так и женщин, даже имевших равное с белыми образование или квалификацию, в течение многих десятков лет были в несколько раз ниже, чем у последних.

Экономический подъем 1940-х гг. сопровождался волной миграции африканцев в города и промышленно развитые регионы страны, во многом это диктовалось необходимостью выживания. Постоянно увеличивалось и количество женщин, переселявшихся в рабочие пригороды крупных городов (тауншипы). Среди них оказывалось много одиноких женщин. Это были жены крестьян, вслед за мужьями ушедшие в город на заработки; вдовы и брошенные жены, чьи мужья обосновались в городах и завели новые семьи.

Во времена апартеида на трудоустройство африканцев в городах Южной Африки влияла, в частности, сегрегация в сфере образования. С принятием в 1953 г. Закона об образовании банту процесс обучения стал строиться строго по расовому признаку и постепенно полностью перешел к государству. Дети белых, цветных, индийцев и африканцев учились в разных учебных заведениях и по разным программам и учебникам. Также существенно различались уровень и материальная база обучения в школах для европейцев и неевропейцев. Но дискриминация шла в первую очередь по расовому, а не по гендерному признаку. В городском секторе экономики были заняты прежде всего чернокожие мужчины и, как правило, на тяжелых и малооплачиваемых работах. Они составляли основу контингента рабочей силы на предприятиях по переработке сельскохозяйственного сырья, в обрабатывающей и горнодобывающей промышленности.

Со временем и африканки стали неотъемлемой частью городской рабочей силы. В городах традиционная гендерная сегрегация переносилась в сферу общественного производства: женские профессии и рабочие места для женщин формировались за счет социализации традиционных женских занятий, существовавших в рамках семьи. «Женские», социально непрестижные профессии (домашняя прислуга, кухарки, няни, уборщицы) оплачивались ниже, «мужские» же (сотрудник охраны, службы доставки, таксист), считавшиеся более престижными, – выше. Кроме того, с увеличением количества африканок-горожанок увеличивалась конкуренция на рынке женской рабочей силы, что влекло за собой уменьшение оплаты их труда. В то же время значительная зависимость женщин от семьи и семейных обязанностей не позволяла работающим женщинам максимально использовать свои возможности.

Однако нормы традиционного быта и представления о том, что муж должен выступать добытчиком и кормильцем, а жена – хранительницей домашнего очага, претерпевали в городах значительные изменения. Специфика городской жизни привела к тому, что роль кормильца в семье стала выполнять и женщина [Гришина, 2007, с.79].

В отдельных случаях африканкам-горожанкам удавалось повысить свой социальный уровень и даже занять более высокую «нишу», чем мужчины. В городских африканских районах получили широкое распространение нелегальные питейные заведения – шибини, своеобразные центры общения местного населения. С момента своего возникновения шибини были частью теневого бизнеса из-за запрета властей африканцам варить и продавать в городах традиционное пиво, поскольку его продажу и производство монополизировало государство.

Как правило, владельцами шибинов были женщины-африканки. Таким образом, в городскую среду было перенесено традиционное женское занятие, а самих хозяек шибинов называли «королевами». Никогда не пустовавшие шибины приносили стабильный доход и постоянно пополняли семейный бюджет их владелиц. Важно и то, что предпринимательство давало возможность женщинам чувствовать себя материально обеспеченными и не зависеть от мужчин, чего не наблюдалось в традиционном африканском обществе.

Шибины различались по своему уровню, и соответственно различным был социальный статус их хозяек. Самыми примитивными считались шибины, организованные по этническому принципу. Ими владели неграмотные женщины, мужья которых выполняли самые грязные и тяжелые виды городских работ. Рангом выше были шибины, принадлежавшие женщинам, овладевшим базовой грамотностью и имевшим опыт городской жизни. Круг их постоянных посетителей составляла деклассированная африканская молодежь, уже приобщившаяся к городской культуре и увлекавшаяся джазовой музыкой. Далее по восходящей шли шибины для промышленных рабочих, затем – для клерков и учителей. Их владелицы уже могли купить, например, автомобиль, так как уровень обслуживания, цены на пиво и крепкие спиртные напитки здесь были выше. Шибины-люкс посещали африканские бизнесмены, директора школ, юристы, врачи. Они отличались изысканной кухней, уже гораздо больше напоминая ресторан; завсегда эти шибины проявляли уважение к хозяевам. Что касается женщин, то они могли посещать любые шибины, кроме этнических. Поэтому можно предположить, что на этом уровне наиболее полно сохранялись традиционные отношения подчинения женщин мужчинам, здесь по-прежнему не было места равному общению между полами [Hoagland, 1972, p. 95; Becker, 1974, p. 208].

Заметный вклад вносили чернокожие женщины в обеспечение африканских городских районов продуктами питания. Выращенные ими овощи и фрукты поставлялись на продажу владельцам продовольственных магазинов, шибинов и других мелких торговых предприятий. Широкое распространение получила и рыночная торговля. По данным исследований неформального сектора Южной Африки, в течение многих лет существовали и продолжают существовать два типа семейной занятости: первый направлен только на выживание семьи, во главе которой нередко стоит женщина (женщины-торговки и т. п.), второй представлял собой мелкий семейный бизнес с дальнейшей возможностью его развития в предприятие формального сектора. Одной из особенностей городского хозяйства ЮАР была его так называемая «рурализация», при которой африканские семьи вынуждены были искать дополнительные источники к существованию, возделывая овощи, злаки и фрукты на городских окраинах. Так, к возделыванию собственных огородов прибегали бедные африканские семьи, прожившие в городе от 10 до 20 лет. Например, к 1990 г. на окраинах Дурбана огороды имели 25% африканских семей. Несмотря на многолетнее проживание таких семей в городе и восприятие определенных европейских норм жизни, обработкой земли на таких огородах по традиции занимались женщины. Подобная «рурализация» наблюдалась и в других африканских странах: Кении, Танзании, Зимбабве [Rogerson, 1997, p. 358].

Практически во всех сферах занятости африканцев-горожан существовало неравенство в оплате при выполнении мужчинами и женщинами одних и тех же видов труда, как в производственной, так и в непроизводственной сферах. Так, в 1975 г. заработная плата африканцев, работавших на предприятиях по производству одежды в пригороде Йоханнесбурга, в зависимости от уровня их квалификации составляла для мужчин от 15 до 21 рандов в неделю, для женщин – от 12 до 16.80 рандов. При этом все работники были обучены работе на швейном оборудовании. Поскольку рынок наемного труда был достаточно велик, при приеме работу предприниматели отдавали предпочтение найму мужчин,

поскольку использование женского труда требовало дополнительных расходов, связанных с появлением у женщин детей и с периодами нетрудоспособности.

Ликвидация системы контроля за притоком африканцев в города во второй половине 1980-х гг. и официальная отмена расовых барьеров в начале 1990-х гг. стали мощным фактором дальнейшей урбанизации в Южной Африке. С этого времени доступ в города был открыт практически для всех южноафриканцев независимо от пола и цвета кожи. Из бедных районов страны в бывшие «белые», а значит, благоустроенные районы и города хлынул поток искателей лучшей жизни, в котором было немалое количество женщин. Устроиться в городе и найти работу стремились многие тысячи африканцев и членов их семей, что еще больше усугубляло проблему безработицы. Как следствие – росло количество бедняков как среди мужчин, так и среди женщин.

В 1980–1990-х гг. самый высокий процент безработных в городах был в среде африканцев, которые, по мнению некоторых южноафриканских социологов, всегда представляли собой значительную часть потенциально экономически активного населения страны. В этой расовой группе наибольшее количество безработных было в возрасте 25–29 лет, при этом женская безработица (а значит, и бедность) увеличивалась быстрее, чем мужская [Beavon, 1997, p. 159]. Причиной этого явления, в частности, была не только расовая, но и гендерная дискриминация на рынке труда, а также при приеме на работу. Из-за недостатка образования и низкой конкурентоспособности по сравнению с мужчинами африканки повсюду были заняты на малооплачиваемых видах работ, что не позволяло им вырваться из бедности. В постапартеидный период в городах Южной Африки сохранялась ситуация, когда женщины в большей степени, чем мужчины, работали в неформальном секторе экономики, а оплата их труда была меньше, чем у мужчин, на 30–50%.

Вскоре после официальной отмены апартеида правительство столкнулось с завышенными ожиданиями небелого населения ЮАР, предполагавшими получение максимальных льгот во всех областях общественной жизни в кратчайшие сроки. Однако этого не произошло. Не произошло также кардинального и скорого улучшения качества жизни африканок, поскольку условия их жизни в течение многих лет складывались в соответствии с расовыми и гендерными ограничениями, наложенными на женщин традиционными правилами поведения и системой государственного законодательства; а также подчиненным положением по отношению к обществу в целом.

После 1994 г. жизнь чернокожих южноафриканок продолжала проходить в прежних социально-психологических рамках. Их усилия были направлены в первую очередь на выживание собственных семей. Много времени, как и раньше, уходило на работу по ведению домашнего хозяйства, на удовлетворение семейных нужд. Вступая в брак, африканка обычно подчиняла себя роли жены и матери, соблюдая традиционные правила поведения замужней женщины. В основном это относится к сельским женщинам, но такая тенденция существует и в городах. Зачастую при этом горожанка оставляет работу по найму и посвящает себя ведению домашнего хозяйства. Основным кормильцем семьи в таком случае по традиции является муж.

Даже спустя четверть века после ликвидации системы апартеида бедность и безработица африканского населения остаются насущными проблемами ЮАР, что в значительной мере связано для женщин с их семейным положением. Поскольку чернокожие южноафриканки традиционно получали доступ к деньгам через мужчин, не состоящие в браке женщины обычно были очень бедны. Такая ситуация частично сохраняется в сельских районах. Тем не менее в настоящее время в городах многие женщины имеют возможность сами зарабатывать деньги. Продолжает играть значительную роль лоболо – брачный выкуп за невесту: он повышает социальный статус женщин и выступает как символ связей, устанавливаемых между породнившимися семьями, как компенсация родителям невесты за труд по ее вос-

питанию и как проявление приверженности национальным традициям. Интересно, что и в наши дни в городах женщину-африканку, за которую полностью была выплачена лобода, в среде ее общения характеризуют как «lobolized», подтверждая тем самым ее полноценный, официальный статус замужней женщины.

В 2000 г. государственная программа «Обзор доходов и расходов» («Income and Expenditure Survey») опубликовала результаты социологических исследований, проведенных среди африканских женщин – глав домохозяйств в Южной Африке, из которых следовало, что каждая пятая городская семья, принадлежавшая к числу беднейших, возглавлялась женщиной. В среде африканцев 35% экономически активного женского городского населения в возрасте от 15 до 65 лет были безработными по сравнению с 25% мужского городского населения той же возрастной группы. 49% работающих африканок были заняты низкоквалифицированным тяжелым трудом, связанным, например, с мытьем окон, уборкой улиц и помещений, вывозом мусора, в то время как среди африканцев-мужчин подобными видами труда занимался только 21% [South Africa Income, 2000].

Несмотря на достижения в области демократии, в стране по-прежнему сохраняются глубокие различия в доходах и уровне жизни белых и небелых граждан, что создает предпосылки для социально-политической нестабильности. Правда, в 1994–2006 гг. почти 300 тыс. черных южноафриканцев стали считаться средним классом общества, их доходы составили от 13 тыс. до 23 тыс. долл. в год. Безработица же по-прежнему превышала 40%, и работы не имели преимущественно чернокожие мужчины и женщины в возрасте от 15 лет [Скубко, Шубин, 2007]. На 2017 г., согласно официальным данным статистического управления ЮАР, около 30% трудоспособного населения не имело работы, а доля безработных среди молодежи доходила до 50% [Мезяев, 2017].

В 2005 г. южноафриканские социологи И. Вудлард и С. Клазен провели анализ колебаний уровня семейных доходов среди африканского населения в провинции Квазулу-Наталь. Они установили, что амплитуда колебаний доходов по сравнению с развитыми странами достаточно велика, объяснив это переходным периодом в стране и связанными с ним сложностями. Причинами таких колебаний явились значительные демографические изменения в области занятости. Исследователи выявили 4 типа «ловушек бедности»: первоначальный размер хозяйств, плохое базовое образование, недостаток первоначального капитала и низкую оплату труда [Woodlard, Klasen, 2005, p. 875].

Несмотря на законы, принятые в последние годы и призванные содействовать гендерному равенству в обществе, при сокращении рабочих мест в первую очередь увольнению подлежат женщины и именно женщинам гораздо сложнее снова найти работу на желаемых условиях. По данным на 2015 г. гендерное соотношение рабочей силы выглядело так: мужчины – 67.9%, женщины – 32.1% [Report of the Employment, 2016].

В последние десятилетия в ЮАР, как и во многих африканских странах, сохраняется большое количество домохозяйств во главе с женщинами. В 1995–2000 гг. в ЮАР насчитывалось примерно 41.9% таких домохозяйств [Домохозяйства, возглавляемые, 2000]. К 2017 г. тенденция к снижению их числа не проявилась [Щербакова, 2018, с. 18].

Наиболее частой причиной появления домохозяйств, во главе которых стоит женщина, становятся развод, смерть супруга или его отсутствие в течение длительного времени. Поскольку главным или единственным кормильцем семьи в большинстве случаев является муж, то женщины, оставшиеся без его поддержки, испытывают серьезные материальные затруднения. Хозяйства во главе с женщинами, обычно изначально уязвимые, во времена экономических кризисов и в условиях роста безработицы переживают тяжелые времена.

Со все большим вовлечением Южной Африки в глобальные экономические процессы возрастает необходимость принятия законов и разработки политики для развития у женщин

профессиональных навыков, в частности, для управления собственным бизнесом. Надо отметить, что в стране разработаны программы подготовки женщин-предпринимателей внутри и за пределами страны, включающие предоставление им необходимой информации, технологий, выделение целевых кредитов.

Так, с 1998 г. в Южной Африке реализуется программа «Технология для женщин в бизнесе», которая облегчает женщинам доступ к современным технологиям. Для поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в ЮАР в 2004 г. созданы Агентство развития малых предприятий (Small Enterprises Development Agency, SEDA), одной из целей которого является формирование предпринимательских навыков у африканок, и Финансовое агентство малых предприятий (Small Enterprises Finance Agency, SEFA), в задачи которого входит увеличение возможностей по привлечению финансирования предприятий, возглавляемых чернокожими женщинами [Баширова, Абдулазизова, 2016].

Государственные программы вовлечения чернокожих южноафриканок в те или иные виды официальной занятости порой носят дискриминационный характер. Так, в 2019 г. Департамент здравоохранения провинции Квазулу-Наталь в ЮАР решил расширить ординаторскую программу, увеличив количество мест с 314 до 414. При этом 100 новых мест были предназначены только для чернокожих кандидатов. Несмотря на то, что критики назвали это решение дискриминационным, неконституционным и расистским, департамент здравоохранения провинции заявил, что такой подход направлен на устранение «дисбалансов прошлого». По словам представителя департамента Нкумисы Мафунды, «Южная Африка, включая Квазулу-Наталь, остается неравным обществом с ограниченными возможностями саморазвития для тех, кто был исторически угнетен» [White doctors wanting, 2019].

Кроме того, в соответствии с Законом о наделении черных большей экономической властью, принятым в 2003 г., при найме на любую должность в государственном секторе преимуществом пользуется сначала чернокожий мужчина, потом чернокожая женщина (оба – как бывшие угнетенные по расовому признаку), и только потом рассматриваются кандидатуры белых мужчины и женщины. [Broad-Based Black Economic, 2004].

Однако, несмотря на это, в среде чернокожего населения по-прежнему широко распространены представления о вторичности женщины по отношению к мужчине как в бытовой сфере, так и в сфере занятости. Согласно исследованию южноафриканского социолога М. Жубер, среди публичных, узнаваемых людей только 8% – чернокожие женщины [Joubert, 2018].

В области образования тенденции к гендерному равенству также проявляются очень сильно в последние десятилетия. После падения апартеида сегрегированная система обучения ушла в прошлое. Согласно второй главе Конституции 1994 г. и Закону об образовании 1996 г., каждый теперь имеет право на базовое образование, включая базовое обучение взрослых, и на продолжение учебы. В основу нового образования было положено развитие интегрированной системы обучения, обеспечивающей равные возможности для всех вне зависимости от расы, классовой принадлежности, пола, религии.

Если в сфере начального и среднего образования соотношение мальчиков и девочек всегда было примерно равным, то в высшем образовании гендерный аспект стал одним из приоритетов. К безусловным достижениям реформ в области высшего образования надо отнести рост числа студентов вузов. Если в 1993 г. их насчитывалось меньше 500 тыс. (473 тыс.), то в 2013 г. их численность достигла 1,1 млн человек [Statistics on Post-School Education, 2015]. Особое внимание, конечно, уделялось увеличению количества студентов из числа черных жителей ЮАР, женщин, выходцев из рабочего класса и сельской бедноты. Если в 1999 г. студенты-африканцы составляли 52% учащихся вузов, то к 2013 г. этот процент вырос до 68, доля женщин-студенток выросла с 1999 по 2013 г. с 43 до 54% [South African Higher Education, 2014].

К 2004 г. почти половина из 20 тыс. студентов Кейптаунского университета (флагманского вуза ЮАР согласно мировым рейтингам) были черными и чуть меньше половины из них составляли женщины [*University of Cape Town*, 2020]. Женщин-студенток больше на заочных отделениях южноафриканских вузов, в среднем их доля здесь возрастает до 62%. Количество женщин, зачисленных на программы высшего образования с 2014 по 2018 гг., увеличилось значительно, чем мужчин. В 2018 г. было зачислено в вузы на 103643 женщин-студенток больше, чем в 2014 г., в то время как студентов-мужчин в 2018 г. было зачислено больше всего на 55495, чем в 2014 г. [*UIS Statistics*, 2020].

Говоря о возрастании роли чернокожих женщин в южноафриканском обществе, нельзя обойти вниманием политическую сферу. В современной ЮАР существуют как юридические, так и институциональные условия для политической активности женщин. Равенство полов закреплено в конституции 1996 г., в ст. 187. У политических партий существуют гендерные квоты. Так, правящая партия Африканский национальный конгресс (АНК) в 2003 г. установила квоту для женщин на уровне 1/3 от общего числа кандидатов, а с 2007 г. действует 50-процентная квота представительства женщин во всех его выборных структурах [Прокопенко, 2013, с. 42].

После победы правящей партии АНК на парламентских выборах 2019 г. президент С. Рамапоса сформировал новый кабинет министров, сократив число министров с 35 до 28. Ровно половину мест в кабинете министров заняли женщины, в основном чернокожие, и ЮАР вошла в число 11 стран мира с гендерно-равным составом правительства [*В ЮАР впервые в истории*, 2020].

Укреплению позиций женщин на политической арене Южной Африки посвящаются все больше исследований [Прокопенко, 2013; Прокопенко 2020; Турияница, 2020; Ndowu, Mulate, 2013; Paxton, Hughes, 2015; Baldwin, 2016]. Среди наиболее ярких и влиятельных фигур можно назвать Хелен Зилле (мэр г. Кейптауна в 2006–2009 гг., лидер оппозиционной партии Демократический альянс в 2007–2015 гг. и премьер провинции Западный Кейп в 2009–2019 гг.), Патрицию де Лиль (мэр г. Кейптауна в 2011–2018 гг., основатель и лидер политической партии «Добро» («Good»), министр общественных работ и инфраструктуры в правительстве Сирила Рамапосы – с 2019 г.), Линдиве Мазibuко (общественный деятель и лидер парламентской фракции Демократический Альянс в 2011–2014 гг.), а также Мампелу Рампеле – известного борца с апартеидом, основателя и лидера партии «Аганг Эс-Эй», преподавателя и общественного деятеля. И это далеко не полный список имен женщин, добившихся большого политического влияния в ЮАР.

Таким образом, гендерные аспекты проживания чернокожих граждан Южной Африки в городах после 1994 г. приобретают новую социально-политическую специфику. Женщины все больше включаются в мировой промышленный рынок оплачиваемого труда, частью которого является и ЮАР. Но они получают доступ прежде всего к малооплачиваемой, низкоквалифицированной работе, почти без шансов на перспективу и продвижение по социальной лестнице. Если учесть, что большинство на этом рынке труда составляют молодые африканки, чаще всего из деревень, не имеющие четкого представления о зарплате за конкретный труд, не осознающие своих прав и не объединенные в профсоюзы, то напрашивается вывод: их основными характеристиками на рынке труда будут являться дискриминация в зарплате и бесправие.

Экономическая зависимость женщин приводит к их уязвимости в социальном плане. Концентрация материальных средств в руках мужа или старшего мужчины в семье обеспечивает последним потенциальную власть над женщинами, которая в любой момент может быть реализована. В такой ситуации сложно говорить о свободном волеизъявлении личности, возможности самостоятельного принятия решений, широком участии в общественных процессах. Свобода и равенство между полами, декларируемые многими официальными

актами в современной Южной Африке, зачастую не внедряются в жизнь, а остаются только на бумаге. При этом традиционная роль по ведению домашнего хозяйства и уходу за детьми сохраняется за женщинами в полной мере.

В то же время изменения во всех сферах общественной жизни ЮАР привели к тому, что незначительная часть африканок, инициативных и квалифицированных, занялась частным предпринимательством, некоторые достигли успехов в социально-политической области. Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на существующие трудности, новые времена дают женщинам-южноафриканкам все больше возможностей проявить свои силы, особенно в сфере политики, где их успехи выглядят наиболее впечатляющими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Баширова Х.Ш., Абдулазизова Э.А. Основные институты поддержки малого и среднего предпринимательства в Южно-Африканской республике. *Современные научные исследования и инновации*. 2016. № 2 [Bashirova Kh.Sh., Abdulazizova E.A. The Main Institutions for Supporting Small and Medium-Sized Businesses in the Republic of South Africa. *Modern Scientific Researches and Innovations*. 2016. No. 2 (in Russian)] <http://web.snauka.ru/issues/2016/02/62955> (accessed: 15.11.2020).

В ЮАР впервые в истории страны половину кабинета министров заняли женщины. [In South Africa, for the First Time in the Country's History, Half of the Cabinet of Ministers Was Occupied by Women (in Russian)] <https://rtvi.com/news/v-yuar-polovinu-kabineta-ministrov-zanyali-zhenshchiny/> (accessed: 1.09.2020).

Гришина Н.В. *Гендерные аспекты урбанизации (на примере африканского населения ЮАР)*. Сер. «Гендерные исследования». Т. 7. М.: Институт Африки РАН, 2007 [Grishina N.V. *Gender Aspects of Urbanization (the Case of the African People of South Africa)*. Series «Gender Studies». Vol. 7. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2007 (in Russian)].

Домохозяйства, возглавляемые женщинами, в странах Африки [Female-headed Households in Africa (in Russian)] <https://ru.countries.world/Africa/> (accessed: 15.10.2020).

Мезяев А. Южная Африка: профсоюзы и власть [Mezyaev A. *South Africa: Trade Unions and Power* (in Russian)] <http://www.fondsk.ru/news/2017/06/07/uzhnaya-africa-profsojuzy-i-vlast-44117.html> (accessed: 01.03.2019).

Потехин И.И. *Формирование национальной общности южноафриканских банту*. М.: Наука, 1955 [Potekhin I.I. *Formation of the National Community of South African Bantu*. Moscow: Nauka, 1955 (in Russian)].

Прокопенко Л.Я. Представительство женщин в органах власти (опыт стран южноафриканского региона). *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3 (68). С. 40–50 [Prokopenko L.Ya. Representation of Women in Structures of State Power (The Case of Southern African Region). *Woman in Russian Society*. 2013. No. 3 (68). Pp. 40–50 (in Russian)].

Прокопенко Л.Я. Политический имидж женщин-лидеров политических партий ЮАР. *Африканские традиции и современность: проблемы истории, культуры и гендера*. Отв. ред. В.В. Грибанова, Н.Л. Крылова. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 181–195 [Prokopenko L.Ya. Political Image of Women Leaders of Political Parties in South Africa. *African Traditions and Modernity: Problems of History, Culture and Gender*. Eds.: V.V. Gribanova, N.L. Krylova. Moscow: Institute for African Studies of the RAS, 2020. Pp. 181–195. (in Russian)].

Скубко Ю.С., Шубин Г.В. *Некоторые аспекты социальной политики ЮАР в 1994–2006 гг.* [Skubko Yu.S., Shubin G.V. *Some Aspects of South African Social Policy in 1994–2006* (in Russian)] <http://nauka.x-pdf.ru/17politologiya/467077> (accessed: 1.08.2020).

Туряница Д.А. Молодые политические фигуры ЮАР: Линдиве Мазибуко. *Африканские традиции и современность: проблемы истории, культуры и гендера*. Отв. ред. В.В. Грибанова, Н.Л. Крылова. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 196–207 [Turyanitsa D.A. Young South African Political Figures: Lindive Mazibuko. *African Traditions and Modernity: Problems of History, Culture and Gender*. Eds.: V.V. Gribanova, N.L. Krylova. Moscow: Institute for African Studies of the RAS, 2020. Pp. 196–207 (in Russian)].

Щербакowa Е.М. Домохозяйства мира, 2017. *Демоскоп Weekly*. 2018. № 771–772. С. 18 [Shcherbakova Ye.M. Households of the World, 2017. *Demoskop Weekly*. 2018. No. 771–772. P. 18 (in Russian)] <http://demoscope.ru/weekly/2018/0771/barom01.php> (accessed: 1.10.2020).

Baldwin K. *The Paradox of Traditional Chiefs in Democratic Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Beavon K. Johannesburg: A City and Metropolitan Area in Transformation. *The Urban Challenge in Africa: Growth and Management of Its Large Cities*. Ed. C. Rakodi. Tokyo, New York: United Nations University Press, 1997. Pp. 176–195.

Becker P. *Tribes to Township*. St. Albans: Panther, 1974.

Broad-Based Black Economic Empowerment Act, 2003. *Government Gazette*. No. 25899. 9.01.2004.

Joubert M. White Men's Voices Still Dominate Public Science. *The Conversation*. 28.05.2018.

Hoagland J. *South Africa: Civilization in Conflict*. Boston: Houghton-Mifflin, 1972.

Ndowu S., Mulate S.B. Emerging Trends in Women's Participation in Politics in Africa. *American International Journal of Contemporary Research*. 2013. Vol. 3. No. 11. Pp. 72–79. http://www.aijcrnet.com/journals/Vol_3_No_11_Novembe_2013/9.pdf

Paxton P.M., Hughes M.M. *Women, Politics and Power: A Global Perspective*. 3rd edition. Washington: CQ Press, 2015.

Report of the Employment Equality Commission in 2015. Johannesburg, 2016.

Rogerson Ch. Globalization or Informatization? Urban Economies in the 1990s. *The Urban Challenge in Africa: Growth and Management of Its Large Cities*. Ed. C. Rakodi. Tokyo, New York: United Nations University Press, 1997. Pp. 344–361.

South Africa Income and Expenditure Survey. Pretoria: Statistics South Africa, 2000.

South African Higher Education in the 20th Year of Democracy. Context, Achievements and Key Challenges. 2014. HESA presentation to the Portfolio Committee on Higher Education and Training Cape Town. http://www.universitiessa.ac.za/sites/www.universitiessa.ac.za/files/South%20African%20Higher%20Education%20in%20the%2020th%20Year%20of%20Democracy_5%20March%202014_0.pdf (accessed: 18.12.2019).

Statistics on Post-School Education and Training in South Africa: 2013. Released in March 2015. <http://www.dhet.gov.za/DHET%20Statistics%20Publication/Statistics%20on%20Post-School%20Education%20and%20Training%20in%20South%20Africa%202013.pdf> (accessed: 08.12.2019).

UIS Statistics – Unesco data. uis.unesco.org (accessed: 20.11.2020).

University of Cape Town. https://ru.qwe.wiki/wiki/University_of_Cape_town (accessed: 06.07.2020).

White Doctors Wanting to Specialize Face Roadblock in KwaZulu-Natal. *Sunday Times*. 11 January 2019.

Woodlard I., Klasen S. Determinants of Income Mobility and Household Poverty Dynamics in South Africa. *Journal of Development Studies*. Vol. 41. No. 5. 2005. Pp. 865–897.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ГРИБАНОВА Валентина Валерьевна – кандидат исторических наук, ст.н.с., зав. Центром истории и культурной антропологии Института Африки РАН, Москва, Россия.

Valentina V. GRIBANOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Head of Department of History and Cultural Anthropology Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ГРИШИНА Нина Владимировна – кандидат исторических наук, ст.н.с. Института Африки РАН, Москва, Россия.

Nina V. GRISHINA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014178-2

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ТУРЕЦКОЙ ГОРОДСКОЙ ФЭНТЕЗИ

© 2021

М.М. РЕПЕНКОВА ^a^a – Институт стран Азии и Африки (ИСАА),

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7551-3869; mmrepenkova@rambler.ru

Резюме: В статье рассматриваются сюжетно-композиционные особенности современной турецкой городской фэнтези на примере романов Ф.О. Шеран, Г. Эликбанк и Д. Юджеля. Доказывается, что обязательной составляющей такого рода романов является существование двоемирия (мира человеческого и мира нечеловеческого, сверхъестественного), в котором реализуются мотивы волшебных сказок, фольклорных городских легенд, а также различных жанров массовой литературы (готического, конспирологического, любовного романов и детективов). Делается акцент на том, что в турецкой городской фэнтези авторы отдают предпочтение миру человеческому, что выражается в психологической прорисовке образов людей и антропоморфизме образов не-людей. Показывая эклектичную природу турецкой городской фэнтези, выдвигается гипотеза о ее метажанровости и поливалентности. А это свидетельствует о том, что данный поджанр фэнтези в турецкой литературе еще только складывается, но предпосылки его формирования уже отчетливо видны: способность проникать в различные сложившиеся жанры, выходить за пределы литературы в другие виды искусства (кинофильмы, анимационные фильмы, комиксы). Эклектичная природа турецкой городской фэнтези позволяет подбирать для ее анализа различные методологические ключи, что, в свою очередь, позволяет раскрывать разные стороны изучаемого явления.

Ключевые слова: турецкая городская фэнтези, массовая литература, метажанр, Фонда Озлем Шеран, Гюльшан Эликбанк, Догю Юджель.

Для цитирования: Репенкова М.М. Художественные особенности турецкой городской фэнтези. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 104–112. DOI: 10.31857/S086919080014178-2

LITERARY NUANCES OF TURKISH URBAN FANTASY

© 2021

Maria M. REPENKOVA ^a^a – Institute of Asian and African Studies,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7551-3869; mmrepenkova@rambler.ru

Abstract: The article examines the specific characteristics of composition and storyline in contemporary Turkish urban fantasy as it exemplified by novels of Funda Özlem Şeran, Gülşah Elikbank and Doğu Yücel. The essential component of these and similar novels is the existence of two worlds – the human and the non-human, supernatural world in which various tropes of folk tales, urban legends and popular literary genres play out. The authors of Turkish urban

fantasy by the psychological depiction of human characters and anthropomorphism of non-human characters give priority to the human world. Revealing the eclectic nature of Turkish urban fantasy novel, the hypothesis of its meta-genre and polyvalence is put forward. This would suggest that the fantasy sub-genre is just emerging in Turkish literature, however evidence of its earlier emergence is clear: it demonstrates the ability to penetrate many established genres and transgress the confines of literature to other art forms (movies, cartoon, comic strip). Due to its eclectic character, Turkish urban fantasy lends itself to different methodological keys of analysis, which allows to explore various facets of the subject. For example, in consequence of the study of the plot and the composition of Turkish urban fantasy, it is possible to reveal genuine national peculiarities of the sub-genre. One of its specific features is the shift of the emphasis from the image of Alien/Non-Human (the main one in the Western European fantasy) to the image of Own/Human: that leads to a change in the hierarchy of typical characters and an increase of anthropocentricity of such fantasy novels.

Keywords: Turkish urban fantasy, popular literature, meta-genre, Funda Özlem Şeran, Gülşah Elikbank, Doğu Yücel.

For citation: Repenkova M.M. Literary Nuances of Turkish Urban Fantasy. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 104–112. DOI: 10.31857/S086919080014178-2

В современной массовой литературе жанр фэнтези занимает весомое место. И хотя изучение этого жанра началось с 1970-х гг., до сих пор не существует даже единой классификации разновидностей фэнтези [Афанасьева, 2009; Лебедев, 2015; Ковтун, 2008; Шидфар, 1997; Мкртчян, Пустоветова, 2016; Baldick 2001]. Во всех классификациях неизменным остается лишь упоминание о поджанре городской фэнтези, которая имеет свои специфические черты [Сафрон, 2016; 2017; Хоруженко, 2015; 2017]. Эти черты кратко можно охарактеризовать следующим образом: наличие хронотопа «здесь и сейчас» – действие происходит в современных писателю городских реалиях в основном в реально существующих городах; в описаниях топонимов делается установка на достоверность, на то, что читатель может попасть в это место, для чего скрупулезно прописываются все детали; мотив пути – путешествия, центральный для остальных видов фэнтези, реализуется в усеченном виде, поскольку «городское пространство характеризуется семантикой статичности, город символизирует оплот Порядка в Хаосе неосвоенного человеком окружающего его мира / пространства» [Сафрон, 2016]; практически отсутствует мотив инициации героя в ходе путешествия, но подчеркиваются его личные переживания и внутренний мир в процессе перехода от незнания к знанию – создается акцент на психологизм образов; активная эксплуатация идеи двоимирия – волшебного, таинственного, населенного не-людьми и профанного, повторяющего повседневность читателя; гибридизация с жанрами фольклора и массовой литературы / метажанровость – с волшебной сказкой (сказочные герои-не люди, сказочные приключения), с городской легендой (проклятые / тайные / волшебные места, дома, вещи), с готическим романом (действие по большей части происходит ночью, мотивы смерти и смертного часа, сны и галлюцинации героев, ужасы проклятых мест, зомби, вампиры), с конспирологическим романом (тайный заговор, тайная организация), с детективом и с женским / дамским романом (любовная история).

В турецкой литературе городская фэнтези впервые появилась в произведениях постмодернистских авторов в середине 1980–1990-е гг. Самым ярким представителем, работавшем в этом жанре, была Назлы Эрай [Репенкова, 2010, с. 166–187]. В 2000-е гг. к городской фэнтези обратились писатели-представители массовой литературы Джелиледдин Озджан,

Фунда Озлем Шеран, Эрбуг Кайа, Догу Юджель, Гюльшан Эликбанк и др. Обилие имен заставляет говорить об этом художественном явлении как о весьма существенном, требующем специального изучения. Тем более что оно практически остается вне внимания турецкой критики.

Важной чертой турецкой городской фэнтези является ее антропоцентричность. При разграничении двух миров («своего» человеческого и «чужого» нечеловеческого – джиннов, пэри, дэвов, вампиров, зомби, пришельцев из космоса, Несуществующих / Нулей и др.) предпочтение отдается «своему», миру человека. Поэтому в турецкоязычной фэнтези все нечеловеческие персонажи оцениваются с позиции героя-человека. В западноевропейской фэнтези в центр ставится «чужой», что дает возможность говорить об «эльфоцентричности фэнтези толкиновской традиции» [Хоруженко, 2015, с. 16]. Антропоцентричность повествования отчетливо просматривается в типичной городской фэнтези, которой является роман Фунды Озлем Шеран¹ (род. 1984) «Смертный час» (Ecel, 2014). Этот роман в 2014 г. получил вторую премию на конкурсе национального фантастического романа, проводимом Клубом писателей-фантастов Hasiok. Роман Ф.О. Шеран по своим сюжетным ходам, героям, юмору и волшебнo-фантастическим элементам является турецким вариантом американского фантастического комедийного фильма «Охотники за привидениями» (1984) режиссера Айвана Райтмана и американских мультсериалов «Настоящие охотники за привидениями» (1986–1991) и «Экстремальные охотники за привидениями» (1997). В турецком романе, как и в американских фильмах, команда «охотников за страшилищами» (девушка Эдже, молодые люди Зия, Жессе, Дженк, Джейхун, Гёкче, Эрдем, Омер, Хайри и их руководитель Огуз-бей) гоняются в Стамбуле за джиннами и зомби, занимаются исследованием паранормальных явлений и потустороннего мира. Эта стамбульская команда (команда «анти-джинн») «работает» в азиатской части города. Штаб-квартира команды в баре-клубе “Gulyabani” («Демон /Злой дух») в районе Кадыкей.

Повествование в романе ведется от лица двадцатилетней девушки Эдже, студентки университета, которая живет с бабушкой после смерти родителей. Бабушка не знает, что по вечерам и ночам внучка убегает через окно из дома и борется в таинственных и проклятых местах города с нечистой силой, что она – настоящий, смелый борец, любимица команды охотников за страшилищами, поэтому пожилая бабушка относится к Эдже как к беззащитному ребенку, заставляя ее вовремя возвращаться домой, регулярно звонить и отчитываться о своем месте нахождения, тепло одеваться в стужу, делать домашние задания и т.п. В Эдже влюблен влиятельный в потустороннем мире Стамбула полуджинн-получеловек Мирсад, которого называют Принцем Темноты. Он появляется и исчезает внезапно. Он может заставить джиннов застыть и не трогать охотников. Среди людей он часто остается невидимым, что иногда приводит к курьезным ситуациям, например, когда он, невидимый никем, подсказывает Эдже на экзамене. Мирсад вообще опекает Эдже и помогает ей во всем. Именно он дает ей камень, с помощью которого можно обнаруживать вокруг себя джиннов – вблизи джинна камень начинает светиться.

Повествование Эдже психологически окрашено. Она с любовью, весьма подробно и достоверно описывает разные уголки Стамбула. Ее поездка в Кадыкей, в бар “Gulyabani” позволяет читателю зафиксировать специфику города: «Я же, пока не доехала до Кадыкея,

¹ Ф.О. Шеран – автор многочисленных рассказов и повестей, созданных в жанрах фэнтези, фантастики и ужасов. Она участвовала в известных антологиях современной турецкой фантастики «Темные новогодние рассказы» (Karalık Yılbaşı Öyküleri, 2017), «Йылгайак. Анатолийские страшные истории-3» (Yılgaçak. Anadolu Korku Öyküleri-3, 2017), «Женщины в темноте» (Karalıktaki Kadınlar, 2018). В фэнтезийном жанре написаны ее романы «Большая доза будущего» (Yüksek Doz Gelecek, 2017), «Призрачная музыка» (Hayalet Müzik, 2019). Последний роман издан в соавторстве с А.З. Аккуш, Х. Балджи, М.Б. Йалтырыком, М. Байкалом и др. Ф.О. Шеран много работает и в области детской фантастической литературы.

была вынуждена сражаться с безжалостными пробками на дорогах Стамбула. Только в таких пробках были бессильны волшебство и заколдованные мечи. Поэтому в течение пятидесяти минут, пока я толкалась в переполненном автобусе, я постаралась предать себя успокаивающему воздействию музыки, которая лилась из моих наушников.

Кадыкей стал одним из тех мест, которые я навсегда полюбила. И даже то, что в этом районе все время происходили какие-то неприятности и беды, не меняло моего отношения к нему. Собственно, с Кадыкеем было все то же самое, что и с самим Стамбулом: сколько бы его не грязнили, сколько не обезображивали, а он все равно не терял своей красоты. Словно это было колдовство, которое длилось вот уже много веков. Кто-то заколдовал Стамбул, или же этот город сам был колдовством.

На пристани я вышла из автобуса, направилась к почте. Уже было довольно темно; давно отзвучал вечерний намаз. Свернув с улицы Акмар, я прошла немного вперед» [Şeran, 2014, s. 28].

Сюжетообразующими для романа являются мотивы и образы волшебных сказок и городских легенд: волшебные / проклятые предметы (талисман-*муска*, светящийся камень); образы колдунов-*хюддамджи* (Хасан, Самим, Огуз-бей) и нечистой силы (джинны Рукйехан, Укбанур, строители-зомби и др.); проклятые, населенные потусторонними силами дома и места (дом директора банка Тургут-бея в Курткее, заброшенные цеха завода, строящийся туннель под Босфором, бар в центре города – пристанище джиннов и др.). В соответствии с авторским замыслом отдельные городские объекты либо имеют дополнительные, не известные людям функции, либо изначально являются принадлежностью потустороннего мира и только внешне замаскированы под обычные места. В частности, в романе упоминается туннель Мармарай, проходящий под водами Босфора. Уже с самого начала строительства туннеля с ним были связаны легенды о том, что под толщей воды, в его бесконечных коридорах прячется нечистая сила. Люди боялись этого сооружения и после окончания строительства не хотели им пользоваться. Именно в этом туннеле происходит заключительная битва охотников с одним из главных джиннов города Рукйеханом, который сначала превратил строителей туннеля в зомби, а затем загипнотизировал самих охотников, и они начали убивать друг друга. Охотники использовали против джинна все имеющиеся у них средства: ружья, стреляющие огнем, бомбы со святой водой из колодца Земзем (колодец около Каабы в Мекке), сети для джиннов, волшебный светящийся камень, разрушающий волшебство и т.п. Помогло лишь то, что охотники выпустили из талисмана-*муски* другого джинна, который и убил Рукйехана.

Модификация мотива дома с привидениями – одного из основополагающих мотивов для городских легенд – проявляется в успешно разрешенной охотниками за страшилищами истории дома в районе Курткей. В только что отремонтированный дом въехала семья генерального директора крупного банка Тургут-бея. И сразу же в доме начались странные и страшные вещи, которые заметили хозяйка Гюльшен-ханым и служанка Салиха. По ночам они слышали крики, стоны, шуршание. Двери сами по себе открывались и закрывались. Из кранов лилась вода. Вещи меняли места своего расположения. Женщины видели тени, темные силуэты. Сначала Салиха начала падать в обмороки, потом у нее отнялись ноги и парализовало правую сторону тела. Она еле унесла ноги из злополучного дома. Гюльшен-ханым в ужасе настаивала на переезде, но муж резко выступил против (слишком много денег было вложено в ремонт). С появлением новой служанки Зехры все неприятности начались с новой силой: хлопающие двери, падение Зехры с лестницы, порезы и синяки на ее теле. Она тоже сбежала. Наконец, терпение Гюльшен-ханым закончилось, и она вызвала в дом команду охотников за джиннами. Охотники попросили семью на время уехать из дома. В нем остались только сами охотники (Эдже, Зия, Жессе), колдун-*хюддамджи*

Хасан и пятнадцатилетний сын хозяев Алиджан. С помощью колдуна Хасана выяснилось, что хозяйка дома получила талисман-муску от некоего знахаря, чтобы отвести от мужа всех посторонних женщин. Но джинну удалось выскользнуть из талисмана, и он начал мстить всем женщинам дома, включая хозяйку. В борьбе с джинном, который вошел в тело Алиджана, применяли самые разнообразные средства вплоть до пылесоса, всасывающего джиннов (аллюзия на американский фильм «Охотники за привидениями»). Наконец джинна удалось вернуть в талисман и там закрыть. После проведенной операции в доме Гюльшен-ханым Жессе собрался поехать к тому знахарю, который дал женщине талисман, чтобы не приходилось после подобного знахарства зачищать дома.

Образы джиннов, представленные глазами девушки Эдже, также формируют сюжетное ядро романа. Вот как она описывает одного из них, которого сначала приняла за главного стамбульского джинна Рукйехана: «Обладатель голоса был напротив меня. В темноте его лица было не разобрать, но зато отчетливо просматривались пылавшие беспокойным светом глаза и ужасный рот. Его глаза напоминали тонюсенькие линии, а зрачки в виде точек были устремлены на меня. Когда чудовище говорило, в его чавкающей пасти, изрыгающей звуки, виднелись острые зубы и тонкий, длинный, красный язык. В сущности, сам язык был не красный, такой цвет ему придавала кровь, которой язык и зубы были испачканы. Чудище было ужасным, но я хочу обратить ваше внимание на то, что это был не Рукйехан. И все же это тоже был джинн. Произнеся *бесмеле*², я направила оружие и выстрелила. Как только болванка пули вонзилась в грудь чудища, он взревел» [Şeran, 2014, s. 530].

Антропоцентричность романа Ф.О. Шенер проявляется прежде всего в образе главной героини Эдже, которая в конце повествования погибает и превращается в джинна. В нулевой главе (отсчет глав в романе идет в обратную сторону от 71 до 0) она приходит в себя уже в совершенно новом, нечеловеческом качестве. Так происходит слияние двух начал – человеческого и нечеловеческого: «Когда я пришла в себя, я была в холодном, узком и закрытом ящике. Мое тело было завернуто в черный пакет, но я могла ощущать все то, что происходило вне пакета и вне ящика. Я знала, где я и кто я. Я – Эдже, бывшая охотница за джиннами, а теперь сама – джинн по имени Эджель³. А сейчас, пожалуйста, хоть кто-нибудь может мне сказать, как вылезти из ящика в морге?» [Şeran, 2014, s. 592].

Городские фэнтези Гюльшах Эликбанк⁴ (род. 1980) «Лжецы и возлюбленные» (Yalancılar ve Sevgililer, 2015) и Догу Юджель⁵ (род. 1977) «Несуществующие» (Varolmayanlar, 2011)⁶ демонстрируют, как идеи двоимирия фэнтези (мира людей и не-людей) сочетаются с мотивами конспирологического, готического, детективного и любовного романов. Основные сюжетные линии в обоих романах связаны с раскрытием тайн неких международных организаций,

² *Бесмеле* – произнесение формулы “*bismillahirrahmanirrahim*” («во имя Аллаха милостивого и милосердного») перед началом какого-либо дела.

³ Эджель в переводе с турецкого означает «смертный час».

⁴ Г. Эликбанк – известная турецкая романистка, которая переплетает в своих произведениях фантастику с любовными коллизиями. Ее первый роман «Черное дыхание» (Siyah Nefes, 2010) открыл собой фэнтезийную трилогию под общим названием «Трилогия о подсолнухе» (Günebakan Üçlemesi). В трилогию вошли также романы «Голубая гора» (Mavi Dağ, 2011) и «Красная смерть» (Kızıl Ölüm, 2016). Наиболее известны такие романы-фэнтези писательницы, как «Тень любви» (Aşkın Gölgesi, 2011), «Лишенные сна» (Uykusuzlar, 2014), «Возможность» (İhtimal, 2016), «Любовь умирает ночью» (Aşklar Gece Ölü, 2019). Г. Эликбанк является автором фантастических романов для детей.

⁵ Д. Юджель – турецкий прозаик и сценарист. Дебютная книга фантастических рассказов вышла в 2000 г. «Мечты, кошмары и сказки о будущем» (Düşler, Kabuslar ve Gelecek Masalları). За ней последовал роман в жанре фэнтези «Книга-привидение» (Hayalet Kitap, 2002). В 2014 г. выходит его вторая книга фантастических рассказов «Похитители солнца» (Güneş Hırsızları). С 2011 г. Д. Юджель является создателем и активным членом турецкого Общества искусства фантазии и фантастики (Fantazya ve Bilimkurgu Sanatları Derneği / FABISAD).

⁶ Роман был переведен на английский язык и вышел в издательстве “Amazon” в 2015 г.

борющихся за изменение мира: в романе Г. Эликбанк центр этой организации находится в Румынии, в романе Д. Юджеля – в Стамбуле. В романах присутствуют апокалиптические мотивы и мотивы альтернативной истории, свойственные конспирологическому роману. В романе Г. Эликбанк организация Ирфан-бея (дяди главной героини Майи, от имени которой ведется повествование) борется с существующей несправедливостью в мире методами валашского господара (князя), воеводы Влада III Басараба (Цепеша, Дракулы), который стал прототипом главного персонажа вампира графа Дракулы в романе ирландского писателя Брэма Стокера «Дракула» (1897). Отметим, что с образом Влада Цепеша в повествование входят и мотивы готического романа (таинственные мечи, сумрачные румынские замки, вампиры и привидения). Члены организации Ирфан-бея, построенной по типу средневекового военно-религиозного рыцарского Ордена Дракона, убивают неугодных им людей – сажают на колья, пьют кровь, взрывают, поджигают, используют нечистую силу (привидений, вампиров, зомби и т.п.). Ирфан даже купил на аукционе в Европе символ власти и трона Влада Цепеша / Дракулы – меч Толедо, который достался тому от отца в 1431 г. [Elikbank, 2015, s. 174]. Этот символ Ирфан использовал в своих целях. Повествование распадается на два повествовательных плана. Первый план (от третьего лица) – это письма Ирфан-бея свой племяннице Майе, где описывается жизнь и деятельность Влада Цепеша с 1456 по 1462 г. (его жестокие убийства людей, борьба с турками-османами и т.п.). Второй план (от первого лица, от лица девушки Майи, выпускницы Стамбульского университета) – поездка Майи с родителями и другом отца, молодым человеком Кадиром в Румынию в поисках исчезнувшего в этой стране в 1970-е гг. брата отца Ирфан-бея. Второй сюжетный план пронизан и детективными мотивами, когда герои идут по следам тайной организации Ирфана, на каждом шагу встречая трупы.

Раскрытие фабульной тайны, связанной с тайной организацией/орденом Ирфана, происходит в речах самого Ирфана, которые он произносит перед Майей и ее матерью в стенах заброшенного завода. Ирфан объясняет женщинам, что мир находится на грани катастрофы, что спасти мир может только страх, и внушить людям страх призван он, Ирфан, – глава тайного ордена. Ведь он – духовный лидер всех левых сил на земле, всех революционеров. Он продолжает дело Влада Цепеша и Чаушеску. Он провозглашает новую религию страха смерти. С помощью этой религии он будет управлять людьми. Ирфан утверждает, что он, в отличие от Влада Цепеша, не боится ставить себя на место бога, не боится строить новый порядок на земле. Майю же он хочет сделать своей наследницей [Elikbank, 2015, s. 200–204].

Конспирологические, детективные мотивы сочетаются в романе Г. Эликбанк с любовными. Описывается несчастная первая любовь Майи и Али, разбившегося в автомобильной катастрофе, а также счастливая вторая любовь Майи и Кадира, который во многом помогал ей в Румынии. Именно Кадир спасает отца Майи и убивает Ирфана, когда тот собирается уничтожить своего родного брата ради идеи организации.

В романе Д. Юджеля «Несуществующие» тайная организация Несуществующих / Нулей / Мечтателей борется с правящими миром реалистами и хочет изменить мир в лучшую сторону силой своего воображения. Эта организация находится в Стамбуле, на кладбище автомобилей в районе Сефакей и в районе Каргал в заброшенном Лунапарке. Руководители организации – Ирфан Кудрет Акай и безмянный молодой бизнесмен, от имени которого ведется повествование. Ее члены записывают на бумаге свои мечты, и они начинают осуществляться в жизни. Действия Несуществующих приводят к тому, что в мир людей вторгается хаос в виде волшебных сил. Так, в окрестностях Чанаккале был замечен огромный деревянный конь по своим размерам в десять раз превышающий Троянского коня. Он двигался в неизвестном направлении. В сети рыболовецкого судна попалась русалка. Недалеко от Стамбула люди видели огромную волшебную птицу Зюмрюдоанку. В Греции на вершине Олимпа регулярно слышались странные голоса и виделись массивные тени,

напоминающие людские силуэты. В Финляндии заметили летающие тарелки и скандинавского бога Одина. Во всех концах мира сообщали о появлении огромных пресмыкающихся с крыльями, напоминающими лопасти вертолета. Из их пасти изрыгалось пламя [Yücel, 2011, s. 438–439].

Формально-субъектная организация романа Д. Юджеля состоит из двух частей. Первая – это три статьи турецкой газеты «Миллениум» (от 30 ноября, 1 и 2 декабря 2010 г.), в которых рассказывается о том, что в жизни всего мира стали происходить невероятные, страшные и необъяснимые вещи (прямо-таки светопреставление), причина этому была найдена в дневнике безымянного молодого человека, обнаруженного группой специалистов по паранормальным явлениям в стамбульском районе Каргал в мусорном баке. Газета «Миллениум» сделала этот дневник достоянием общественности, опубликовав его под заголовком «Апокалипсические заметки» с комментариями редактора.

Вторая повествовательная часть – это сам дневник, который ведется безымянным молодым человеком с 17 марта по 27 июля 2009 г. Молодой человек живет обычной жизнью до тех пор, пока с ним не начинают происходить невероятные вещи. Он создает три рассказа, и они осуществляются в жизни. Далее он попадает в организацию Несуществующих, во главе которой стоит друг его умершего отца Ирфан Кудрет Акай. Он-то и рассказывает молодому человеку, за что борется его тайная организация Несуществующих / Мечтателей. Показывает ему документальный фильм, в котором вся история человечества представлена как борьба реалистов с мечтателями. Оказывается, все крупные катастрофы на земле – это результаты деятельности победивших реалистов, которые подавляют мечтателей религией, деньгами, государством и страхом. Отметим, что вопросы альтернативной истории являются неотъемлемым элементом турецкой городской фэнтези, что также идет от конспирологического романа.

Главные герои городской фэнтези всегда следуют от незнания к знанию. При этом часто информацию они получают от своих врагов. Например, автор дневника у Д. Юджеля многое узнает от Ирфана Кудрета, который в конечном итоге и оказывается таким врагом. Автор дневника сам проводит детективное расследование в отношении организации Ирфана и понимает, что организация Ирфан-бея – не более, чем обман, что он одурманивает членов организации наркотиками и зарабатывает огромные деньги на интернет-сайтах, что все они не настоящие Несуществующие. Молодой человек создает новую организацию Несуществующих, которая пишет волшебными чернилами, полученными из его собственной крови. И вот тогда начинаются чудеса. Члены его организации разъезжаются по всему миру, внося в порядок реалистов хаос и неразбериху. Во всех странах надеются вернуться к прежнему порядку реалистов, власти запрещают людям мечтать, но все напрасно. Миром овладевает хаос.

Документализм романов Г. Эликбанк и Д. Юджеля проявляется в постоянном перечислении топосов (улиц, заведений, районов и т.д.). У Г. Эликбанк топосы связаны со Стамбулом, где живет Майя с родителями, и с Румынией (Бухарест, Брашов, местечко Бран, в котором находится знаменитый замок Дракулы). У Д. Юджеля это топосы, связанные со стамбульскими районами (Кючюкчекмедже, Сефакей, Икителли, Бакыркей и т.д.).

Герои турецких городских фэнтези, как можно увидеть на примере романов Г. Эликбанк и Д. Юджеля, в меньшей мере, чем герои других видов фэнтези (например, фэнтези «меча и магии») озабочены проблемами морали и нравственности. В их действиях главное место занимает стремление или сохранить тайну, или разоблачить тайну. Мотив разоблачения тайны связан и с детективными структурами (особенно это заметно в романе Г. Эликбанк, когда Майя и ее родители идут по следам странных ритуальных убийств, осуществленных дядей Ирфаном). Но в полной мере городская фэнтези детективом не является. Целостного

детективного повествования (убийство, поиск преступника, атмосфера тайны, раскрытие преступления) не складывается. Точно также как не складывается и целостного конспирологического повествования. «Конспирологический роман всегда стремится пересоздать историю на свой лад, деконструировать реальность, создав на ее месте новую, основанную на иной трактовке фактов и причинно-следственных связей. Фэнтези же, скорее, стремится развлечь читателя, ради чего и эксплуатирует модную тему тайны. В основе фэнтези лежит идея бегства от реальности, а не деконструкция ее. Таким образом, городская фэнтези стремится расцветить скучную повседневность знакомого города» [Хоруженко, 2017, с. 136].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги сказанному, отметим, что турецкая городская фэнтези развивается как поливалентный поджанр фэнтезийной литературы, способный присоединять к себе и адаптировать под свои нужды иные, уже сложившиеся жанры фольклора (волшебная сказка, городская легенда) и массовой литературы (конспирологический, готический, детективный и дамский романы). Присоединение иных жанров ведет к укрупнению городской фэнтези, что позволяет говорить о ее метажанровом потенциале. Эkleктичная природа турецкой городской фэнтези дает возможность подбирать для ее анализа различные методологические ключи (например, исследование сюжетно-композиционной составляющей), что позволяет выявить подлинно национальную специфику исследуемого поджанра. Так, специфически турецкой чертой в городской фэнтези является перенос акцента с образа Чужого / Не-человека – центрального для западноевропейской фэнтезийной традиции – на образ Своего / Человека, что ведет к изменению иерархии типичных персонажей фэнтези и усилению антропоцентричности подобных романов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Афанасьева Е.А. Жанр фэнтези: проблема классификации. Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема). *Сборник материалов Международной научной конференции 29–31 марта 2007 г.* Самара: Издательский дом «Раритет», 2009. С. 86–92 [Afanasyeva E.A. The Genre of Fantasy: the Classification Issue. Science Fiction and Technology (Dedicated to the Memory of Stanislaw Lem). *Collected Papers of the International Research Conference, 29–31 March 2007.* Samara: Raritet Publishing House, 2009. Pp. 86–92 (in Russian)].

Ковтун Е.Н. *Художественный вымысел в литературе XX века.* М.: Высшая школа, 2008 [Kovtun E.N. *Fictional Narrative in the 20th-century Literature.* M.: Vysshaya Shkola, 2008 (in Russian)].

Лебедев И.В. Жанровая классификация современного русского фэнтези: постановка проблемы. *Международный научный журнал «Инновационная наука».* 2015. № 7. С. 56–58 [Lebedev I.V. Genre-based Classification of Contemporary Russian Fantasy Writings: Definition of a Problem. *“Innovative Science” International Research Journal.* 2015. No. 7. Pp. 56–58 (in Russian)].

Мкртчян Т.Ю., Пустоветова А.О. К вопросу о классификации жанра фэнтези. *Современные научные исследования и инновации.* 2016. № 2 [Mkrтчян T.U., Pustovetova A.O. Regarding the Classification Issue with the Fantasy Genre. *Modern Scientific Research and Innovation.* 2016. No. 2] <http://web.snauka.ru/issues/2016/02/64387> (accessed: 31.10.2020).

Репенкова М.М. *Вращающиеся зеркала. Постмодернизм в литературе Турции.* М.: Восточная литература, 2010 [Repenkova M.M. *Revolving Mirrors. Postmodernism in Turkish Literature.* M.: Vostochnaya Literatura, 2010 (in Russian)].

Сафрон Е.А. Классификация сюжетов городской фэнтези: постановка проблемы. *Гуманитарные научные исследования.* 2016. № 11(63) [Электронный ресурс]. [Safron E.A. The Classification of Urban

Fantasy Plots: Formulation of the Problem. *Humanities Research*. 2016. No. 11(63)] <http://human.snauka.ru/2016/11/17197> (accessed: 31.10.2020).

Сафрон Е.А. Жанр городской легенды как один из элементов поэтики городской фэнтези. *Филология и Человек*. 2017. № 3. С. 139–147 [Safron E.A. The Urban Legend Genre as an Element of the Poetry of Urban Fantasy. *Philology and Man*. 2017. No. 3. Pp. 139–147 (in Russian)].

Хоруженко Т.И. *Русское фэнтези: на пути к метажанру*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015 [Khoruzhenko T.I. *Russian Fantasy: on the way to a Meta-genre*. Dissertation Abstract for the Degree of PhD Candidate (Philology). Yekaterinburg, 2015 (in Russian)].

Хоруженко Т.И. Тайный город или город тайн: фэнтези на стыке с конспирологическим романом. *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения*. 2017. № 3. С. 130–137 [Khoruzhenko T.I. The Mysterious City or City of Mysteries: Where Fantasy Meets Conspiracy Novel. *Ural Philological Bulletin. Series: Russian Literature in the 20th and 21st Centuries: Trends and Movements*. 2017. No. 3. Pp. 130–137 (in Russian)].

Шидфар Р. Бесконечная история. Очерк развития зарубежной фэнтези. *Книжное дело*. 1997. № 9. С. 86–90 [Shidfar R. The Endless Story. An Overview of the Evolution of Foreign Fantasy. *Knizhnoye Delo*. 1997. No. 9. Pp. 86–90 (in Russian)].

Baldick C. *The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Elikbank G. *Yalancılar ve Sevgililer*. İstanbul: Kırmızı Kedi, 2015 [Elikbank G. *Liars and Favorites*. İstanbul: Kırmızı Kedi, 2015 (in Turkish)].

Şeran F.Ö. *Ecel*. İstanbul: İthaki, 2014 [Sheran F.O. *Death Hour*. İstanbul: İthaki, 2014 (in Turkish)].

Yücel D. *Varolmayanlar*. İstanbul: Doğan Kitap, 2011 [Yücel D. *Nonexistents*. İstanbul: Doğan Kitap, 2011 (in Turkish)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РЕПЕНКОВА Мария Михайловна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Maria M. REPENKOVA, DSc (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014345-6

СОРОК ЛЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ИРАНА В КАРТАХ

© 2021

Ю.А. ЗОТОВА ^а

^а – Исламский университет Азад (северо-Тегеранское отделение), Иран, Тегеран
ORCID: 0000-0003-3156-8603; juliazotova@yahoo.fr

Резюме: В результате Исламской Революции 1979 г., в Иране была создана уникальная, не имеющая аналогов в мире политическая формация – исламская республика. За последние сорок лет иранская теократия показала свою устойчивость и способность противостоять внешним и внутренним угрозам. Политическая система ИРИ сочетает в себе доктрину исламского правления «веляят-е факих» и республиканские принципы. В преддверии тринадцатых президентских выборов в ИРИ, назначенных на 18 июня 2021 г., отрадно отметить появление «Атласа президентских выборов в Исламской республике Иран (1979–2017)», созданного под руководством Бернара Уркада во французском Центре изучения Иранского мира. Цель данной статьи – привлечь внимание российских и иранских востоковедов к этому цифровому изданию. Рассматривая некоторые наиболее интересные с методологической точки зрения карты атласа, автор анализирует достаточно редкий опыт применения картографического метода для изучения современной политической истории Ирана. Политический ландшафт современного Ирана формируется вокруг двух основных полюсов: консерваторы, строго придерживающиеся принципов Исламской Республики и власти Верховного Лидера, и «реформаторы» или «прагматики» («прогрессисты», по Б. Уркаду), которые также поддерживают Конституцию ИРИ. Между двумя этими течениями существуют слаборасчлененная «более популистская» политическая реальность, проявившаяся во время мандата М. Ахмадинежада, и многочисленная «молчаливая оппозиция», которая выходит из тени и становится политически активной только в исключительных случаях. Все эти политические силы имеют относительно стабильную социальную и географическую базу. Комбинируя картографический и диахронический методы, Б. Уркад выделяет элементы преемственности в политической географии Ирана (особую роль регионов центрального Ирана), а также и совершенно новые тенденции в иранском обществе (преодоление традиционного противостояния между городом и деревней и очень сильное, но пунктуальное, местничество, выражающееся в поддержке кандидата в регионе его происхождения).

Ключевые слова: атлас, политическая география Ирана, президентские выборы, Бернар Уркад, исследовательский центр Иранского мира.

Для цитирования: Зотова Ю.А. Сорок лет политической истории постреволюционного Ирана в картах. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 113–122. DOI: 10.31857/S086919080014345-6

FORTY YEARS OF POLITICAL HISTORY
OF POST-REVOLUTIONARY IRAN IN MAPS

© 2021

Julia A. ZOTOVA^a^a – Islamic Azad University (North Tehran Branch), Iran, Tehran
ORCID: 0000-0003-3156-8603; juliazotova@yahoo.fr

Abstract: *As a result of the Islamic Revolution of 1979, Iran created a unique, unparalleled political formation in the world – the Islamic Republic that combines the doctrine of Velāyat-e Faghi and republican principles. Over the past forty years, the Iranian theocracy has shown its resilience and ability to withstand both external and domestic threats. In the run-up to the thirteenth presidential elections in Iran, scheduled for June 18, 2021, it is gratifying to note the emergence of the “Atlas of the Presidential Elections in the Islamic Republic of Iran (1979–2017)” created under the direction of Bernard Hourcade at the French Center for the Study of Iranian World. The purpose of this article is to draw the attention to this digital publication. Looking at some of the atlas maps that are most interesting from a methodological point of view, the author analyzes a rare experience of using a mapping method to study Iran’s modern political history. As the maps of the atlas show, all the political forces in Iran (conservatives, reformers and etc.) have relatively stable social and geographical bedrock. By combining a geographical and diachronic analysis, B. Hourcade brings to light elements of continuity in the political geography of Iran (the special role of the regions of central Iran that are Shiite, Persian-speaking and conservative), as well as completely new trends in Iranian society (the shift away from a town/country divide and very strong, but punctual, localism, expressed in support of the candidate in their home province).*

Keywords: Atlas, Iran’s political geography, presidential election, Bernard Hourcade, Iranian World Research Center.

For citation: Zotova J.A. Forty Years of Political History of Post-Revolutionary Iran in Maps. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 113–122. DOI: 10.31857/S086919080014345-6

Более сорока лет назад, в 1979 г., революционное движение против имперского шахского режима, мобилизовавшее большую часть весьма различных политических сил в Иране, увенчалось победой Исламской Революции. В результате в этой стране была создана уникальная, не имеющая аналогов в мире, политическая формация – Исламская Республика, в которой республиканские принципы соседствуют с первостепенностью Ислама и шиитской доктриной «веляят-е факих». Последняя предусматривает верховенство полномочий факиха, наиболее авторитетного знатока исламского законодательства, в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти. Аятолла Р.М. Хомейни и другие идеологи шиитской теократии предложили считать факиха «уполномоченным» последнего «скрытого» имама. За последние четыре десятилетия эта форма теократии в Иране показала свою устойчивость и способность отвечать как внешним, так и внутренним угрозам. Начиная с первого апреля 1979 г. (12 фарвардина 1358 г. солнечной хиджры – даты объявления результатов всеобщего референдума о системе власти в постреволюционном Иране), в этой стране регулярно проводятся выборы на всех уровнях. Президентские выборы в Иране стали не только институциональным ритуалом, но и реальной, хотя и лимитированной рамками исламской идеологии, платформой противостояния и конструктивного диалога легальных политических сил страны. В период президентских кампаний как никогда чувствуется

политический пульс страны. В преддверии тринадцатых президентских выборов в ИРИ, назначенных на 18 июня 2021 г., отрадно отметить появление первого «Атласа президентских выборов в Исламской республике Иран (1979–2017)» [Hourcade, 2020]. В данной статье рассматривается опыт применения картографического метода для изучения современной политической истории Ирана.

«Атлас президентских выборов в Исламской Республике Иран (1980–2017)», созданный под руководством известного французского географа и ираниста, заслуженного исследователя Бернара Уркада (Bernard Hourcade)¹, опубликован в марте – июне 2020 г. на цифровой платформе французского Национального центра научных исследований (CNRS)² – CartOrient. Работы по созданию атласа велись в лаборатории 8041 CNRS – Центре изучения Иранского мира (Le Centre de Recherche sur le Monde iranien (CeRMI))³.

Атлас, опубликованный на двух языках (французском и английском), состоит из введения, 25 авторских карт (каждая из которых сопровождается довольно объёмным аналитическим текстом, конкретным для каждой карты списком литературы), и общей библиографии. В текстах, кроме описания исторического контекста исследуемых выборов и интерпретации их результатов, в обязательном порядке приводятся имена кандидатов, а также доля полученных ими голосов. Карты сгруппированы в три раздела. Первый раздел «Первый электоральный опыт» включает в себя карты, созданные по результатам иранских президентских выборов с 1980 по 1993 г. Они отражают явку иранских избирателей на выборы 1980, 1981, 1985, 1989 и 1993 гг. по провинциям. Вторая глава атласа «Трудное зарождение политических дискуссий» посвящена президентским выборам с 1997 по 2017 г. Представленные здесь карты отражают явку избирателей, а также долю голосов в пользу того или иного кандидата по провинциям (*остан*), округам (*шахрестан*) и районам (*бахи*). Третья глава под названием «Некоторые компоненты политической географии Ирана» содержит аналитические карты, демонстрирующие всю сложность электоральной географии этой страны с учётом культурных, демографических, религиозных, этнических факторов. Кроме того, на той же платформе мы можем видеть 4 карты, посвящённые недавним парламентским выборам в Иране 2020 г. Все карты созданы по материалам иранского Министерства внутренних дел. На сайте карты интерактивные, всплывающие иконки дают точные статистические данные для каждой административной единицы. В 1980 г. Иран насчитывал 24 провинции (*остан*). Для облегчения чтения карт данные были адаптированы к современному административному делению страны, выделяющему 31 провинцию.

¹ Бернар Уркад (Bernard Hourcade) – известный географ, специалист по Ирану. Он руководил Французским институтом изучения Ирана в Тегеране с 1978 по 1993 г. Его работы посвящены социально-политической географии Ирана, урбанизму Тегерана. Б. Уркад является автором книг «Геополитика Ирана: вызовы возрождения» [Hourcade, 2016], «Геополитика Ирана» [Hourcade, 2010], «Иран в XX веке: между национализмом, исламом и глобализацией» [Digard, Hourcade, Richard, 2007] и др. Под его руководством были созданы «Атлас Ирана» [Hourcade, Mazurek, Papoli-Yazdi, Taleghani, 1998] и «Атлас Тегеранской агломерации» [Habibi, Hourcade, 2005]

² CNRS (Centre National de la Recherche Scientifique) – Национальный центр научных исследований (НЦНИ) Франции – ведущее и крупнейшее государственное научно-исследовательское учреждение Франции, которое объединяет и координирует на национальном уровне государственные организации Франции, специализирующиеся в области прикладных и фундаментальных исследований. Это своего рода французский аналог РАН.

³ Лаборатория CeRMI (Centre de Recherche sur le Monde Iranien: Langues, cultures et sociétés de l'Antiquité à nos jours, Научно-исследовательский центр изучения Иранского мира: языки, культуры и общества от Античности до наших дней) – научно-исследовательское подразделение CNRS, работающее совместно с университетами: Университет Париж III Новая Сорбонна (l'Université Sorbonne Nouvelle), Национальный институт восточных языков и культур (l'Inalco) и Практическая школа высших исследований (l'École Pratique des Hautes Études), объединяет исследователей разнообразных дисциплин, изучающих обширный регион от Ближнего Востока до Средней Азии, находившийся под влиянием иранской цивилизации.

Во введении к атласу Бернар Уркад напоминает о сложившемся в начале 1979 г., вследствие свержения имперского режима и изгнания шаха Мохаммада Резы Пехлеви, консенсусе большинства иранских политических сил на предмет будущего республиканского устройства страны. Идея «республики» и соответственно выборов получила всенародную поддержку (98.2%) в ходе Референдума 30 и 31 марта 1979 г. Подчёркивается роль аятоллы Хомейни и шиитского духовенства в создании этой конвергенции позиций всех революционных сил. Отмечаются также и последовавшее затем обострение борьбы за власть между различными политическими группировками. Однако среди слов, составляющих девиз нового иранского государства (Свобода, Независимость, Исламская республика), только «республика» не являлась предметом разногласий. И сегодня, «несмотря на репрессии и ликвидацию большинства оппозиционных сил, политические дебаты остаются оживлёнными» в Иране. «Демократия – это бесконечная борьба, но не вызывает сомнений, что с юридической точки зрения Иран бесспорно является республикой, и иранцы действительно привязаны к данной форме правления» [Hourcade, 2020]. Несмотря на считающиеся неизбежными и вызывающие в отдельных случаях общественные протесты факты electoralной фальсификации, иранцы приняли избирательный процесс в качестве основного и верного средства политической борьбы за власть. Движение «Где мой голос?» «во время демонстраций в 2009 г. против условий переизбрания Махмуда Ахмадинежада, отражает эту реальность. Более того, почти все оппозиционные движения за границей тоже больше не хотят возвращения к монархическому правлению» [Hourcade, 2020].

Автор достаточно подробно рассматривает особенности политической системы и основные институты власти Исламской республики, такие как пост Верховного лидера (Rahbar), Президента ИРИ (Ra'is-e jomhur), Иранский парламент Меджлис (majles shurā-e eslāmi), Совет экспертов (majles-e khobregān), Наблюдательный совет или Совет хранителей конституции (shurā-e nehgabān), Согласительный совет или Ассамблея по определению государственной целесообразности (Majma'-e tashkhis-e maslehat-e nezām) и т. п., хорошо известные российским иранистам (см., напр.: [Дунаева, 2018; Евсеев, Сажин, 2009; Мамедова, 2018]). При этом подчёркивается выборность всех органов государственного управления в Иране, включая Рахбара. Ссылаясь на статью 56 Иранской Конституции, он напоминает, что Ислам совместно с иранским народом является источником легитимности власти в этой стране. Однако на практике, по мнению автора, в ходе управления страной иранцы больше руководствуются прагматичными принципами, чем идеологическими. Даже если религиозное присутствие остаётся достаточно сильным в социальных, культурных и политических сферах, иранское общество в целом и иранская политическая жизнь, в частности, переживают большую или меньшую секуляризацию. Место шиитского духовенства в государственных институтах и политической жизни является предметом продолжающихся дискуссий среди населения, представителей власти и даже самих богослов. Иранская Конституция же предусматривает, что только Верховный лидер (Рахбар) и Министр разведки в обязательном порядке должны быть членами духовенства.

С 1979 по 2017 г. в Иране имели место тридцать восемь избирательных кампаний (президентских, парламентских и муниципальных). В постреволюционный период выборы в местные органы власти на уровне провинций, округов, районов, городов и сельских округов, несмотря на то, что они были закреплены Конституцией (статьи 100–106), неоднократно откладывались по причине ирано-иракской войны (1980–1988), а также из-за опасения усиления местных центров власти. Первые муниципальные выборы состоялись лишь в 1999 г. в период президентства Мохаммада Хатами. Получив большую поддержку в обществе, эти выборы привели к значительно большему количеству кандидатов и избранию многих женщин. «Несмотря на всю ограниченность власти мэра, из них выросли известные

иранские политики, которые и сейчас продолжают играть важную роль в иранской общественной жизни» [Hourcade, 2020].

Говоря непосредственно о президентских выборах в Иране, Бернар Уркад указывает, что Президент ИРИ – это второе после Верховного лидера официальное лицо в стране. Глава исполнительной власти, он непосредственно возглавляет правительство. Напомним, что должность премьер-министра была упразднена конституционной реформой, утверждённой референдумом 28 июля 1989 г. Отсюда и вся важность президентских выборов. Согласно Конституции ИРИ (статья 113), президент Ирана избирается прямым всеобщим тайным голосованием на четырёхлетний срок, и он не может занимать этот пост более двух сроков. Голосование проходит в два тура. В выборах могут принимать участие все иранские граждане, достигшие возраста 18 лет (16 лет – до реформы 2007 г.). Кандидатами в президенты могут быть граждане ИРИ, шииты по вероисповедованию, «приверженные религии и политике» [Constitution, 2004]. Б. Уркад подчёркивает, что формально в ИРИ президентский пост не запрещён для женщин. Иранские президентские выборы проходят под строжайшим контролем Наблюдательного совета. Министерство внутренних дел лишь даёт административный допуск выдвинутым кандидатам и организует проведение голосования. Наиболее важным моментом избирательной кампании остаётся право Наблюдательного совета, который состоит из двенадцати «справедливых религиозных богословов, которые осознают нужды и проблемы сегодняшнего дня» (статья 91 Конституции ИРИ), отбирать кандидатов для голосования [Constitution, 2004]. Это право, уточняет автор, Наблюдательный совет получил после политического кризиса 1981 г. и импичмента первого иранского президента Абольхасана Банисадра. Обычно в Иране несколько десятков человек выражает свою готовность баллотироваться на пост президента, однако только группа из 4–8 кандидатов проходит через фильтр Наблюдательного совета. В список Наблюдательного совета обычно попадают политические деятели первого плана, которые, как ожидается, будут доминировать в избирательной кампании, а также второстепенные кандидаты, призванные лишь показать существование определённого разнообразия мнений. Несмотря на эти строгие институционные рамки, избирательный процесс в Иране, по мнению автора, не является полностью закрытым. Начиная с 1997 г., в президентской гонке участвуют кандидаты, имеющие противоположные взгляды на дальнейшее развитие Исламской Республики. И поэтому исход президентских выборов не всегда предсказуем.

Выборы первого иранского президента состоялись 25 января 1980 г., избирательная кампания, мобилизовавшая огромные народные массы, проходила в атмосфере большого политического разнообразия (124 объявленных кандидата, 96 допущенных к участию в голосовании и 8 фактически реальных кандидатов). Однако уже следующие президентские выборы, на которых победил Мохаммад Али Раджаи (убитый 2 августа 1981 г.), не вызвали открытых политических дебатов. Анализируя динамику президентских выборов, Бернар Уркад констатирует, что выборы Али Хаменеи (1981–1989) и Али-Акбара Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) прошли без участия оппозиции, даже внутренней, при этом явка избирателей на выборы продолжала снижаться (всего лишь 50.7% избирателей приняли участие в переизбрании Али-Акбара Хашеми-Рафсанджани в 1993 г.). «В условиях продолжающейся ирано-иракской войны, ликвидации либеральной и левой оппозиции и установления контроля над властью первых преемников аятоллы Хомейни, президентские выборы в Иране становятся простой юридической формальностью, результат которой был известен заранее: официальный кандидат часто получал более 90% голосов (95.1% за Али Хаменеи в 1981 г.)» [Hourcade, 2020].

Ситуация резко изменилась в 1997 г. на седьмых президентских выборах. Из 238 кандидатов, баллотировавшихся на этот пост, лишь четыре были допущены Наблюдательным

Советом в качестве официальных кандидатов на выборах. Мохаммад Хатами был избран президентом Исламской Республики Иран, получив 69.6% голосов избирателей с рекордной явкой в 79.9%. Б. Уркад объясняет это тем, что умеренная оппозиция, никогда раньше не принимавшая участия в выборах, массово проголосовала за этого религиозного кандидата в надежде на глубокие политические перемены. И действительно, никто не предполагал победу М. Хатами, подавшего в отставку министра культуры, который выступал за расширение участия граждан в политике, большую открытость и «диалог цивилизаций». Он был явной противоположностью кандидату от власти Али-Акбару Натек-Нури, тогдашнему спикеру парламента, поддерживаемому элитой духовенства и консервативными группировками. После неожиданной и блистательной победы М. Хатами президентские выборы в Иране стали поводом для проведения, пусть и коротких, но избирательных кампаний, проходящих в праздничной обстановке, с митингами, уличными демонстрациями, плакатами, листовками, и даже острыми политическими теледебатами.

Наблюдая за президентскими выборами, Б. Уркад приходит к выводу, что современный иранский политический ландшафт состоит из двух основных течений: первого, консервативного, преданного принципам Исламской революции и власти Рахбара, и второго, также верного Конституции ИРИ, но более «реформистского» или «прагматичного». Последнее автор называет «прогрессистским». К этим двум основным тенденциям, включающим в себя несколько фракций, следует добавить ещё и более «популистскую» политическую реальность, неструктурированную, но нашедшую выражение во время президентского мандата Махмуда Ахмадинежада. Кроме того, отмечается существование в современном Иране весьма многочисленной «молчаливой» оппозиции, которая не спешит к избирательным урнам и участвует в общественно-политической жизни только в исключительных случаях, таких как избрание М. Хатами в 1997 г., протестное движение 2009 г. или народные выступления, празднующие победы иранских спортсменов на международных соревнованиях. На иранской политической сцене Рахбар, Президент и Парламент являются тремя конкурирующими, но и одновременно взаимодополняющими игроками, заключает Б. Уркад.

Карты этого атласа, созданные скрещиванием электоральной статистики с соответствующими социологическими, экономическими и культурными данными, великолепно демонстрируют всю сложность иранской политической жизни. В качестве примера кратко рассмотрим некоторые, на наш взгляд, наиболее интересные с методологической точки зрения карты атласа.

Карта среднего коэффициента участия в президентских выборах (рис. 1)⁴ выявляет новую закономерность в политической географии Ирана – наличие значительных различий между провинциями, последовательно поддерживающими Исламскую республику высокой явкой на выборы и другими останами, выражающими своё несогласие с существующим режимом высокой долей отсутствовавших избирателей. Если в 1981 г. наблюдалось яркое противопоставление между политически активным центром страны и пассивной периферией, то современная ситуация значительно усложнилась. Обобщённо можно сказать, что высокую явку на выборы демонстрируют персоязычные и шиитские провинции, где традиционная (более консервативная) культура большинства населения совпадает с религиозными и социальными идеями Исламской республики. Это, в особенности, касается некоторых останов центрального Ирана (Йезд, Семнан, Маркази и Хорасан), многие из которых характеризуются довольно низким уровнем жизни. Активное участие в выборах избирателей двух провинций Илам (80%) и Лурестан (75%) с большим религиозным и этническим разнообразием автор объясняет строгим военным и политическим контролем этих останов со стороны центральной власти. С другой стороны, низкая явка на выборы

⁴ Рисунки к статье находятся на цветной вклейке.

регулярно наблюдается в периферийных регионах, где значительная часть населения является суннитами и национальными меньшинствами (курды, арабы, белуджи и т.д.). Средняя явка составляет всего 59% в Хузестане, 55% – в Западном Азербайджане и Белуджистане и 50% – в Курдистане. «В этих регионах, где политические дебаты, несмотря на репрессии, очень активны, неучастие в выборах является показателем реального недоверия населения этих провинций исламскому режиму» [Hourcade, 2020]. Автор отмечает также, что президентские выборы позволяют конфессиональным и этническим меньшинствам продемонстрировать в рамках закона своё несогласие с политикой, проводимой центральными властями, путём голосования в пользу кандидатов-реформистов, которые выступают, среди прочего, за равенство между гражданами независимо от их этнической принадлежности или вероисповедования. Таким образом, этнические и религиозные факторы по-прежнему играют важную роль в политической жизни Ирана. Экономическое сердце Ирана (обширный регион, протянувшийся от Тебриза до Прикаспийских провинций и от Тегерана до Персидского залива, где расположено большинство крупных городов) также показывает результаты участия в президентских выборах ниже среднего по стране. Однако здесь религиозная или этническая самобытность играет далеко не главную роль в политическом выборе, особенно принимая во внимание тот факт, что миграции привели к смешению населения в крупных городских районах. В этом контексте неявка на выборы является скорее умеренным проявлением недовольства или незаинтересованности, чем открытой оппозицией Исламской Республике.

Весьма оригинальный подход к анализу президентских выборов демонстрирует карта, представляющая географическое происхождение кандидатов в президенты, баллотировавшихся на одних или нескольких выборах (рис. 2). Видно, что двум политикам, местом рождения которых являлся иракский Наджаф (где их родители изучали теологию), было разрешено стать кандидатами в президенты, поскольку Конституция ИРИ требует от кандидатов иметь иранское гражданство и происхождение, но не быть рождёнными на национальной территории. Карта свидетельствует о том, что иранские регионы очень по-разному участвуют в избирательном процессе, который по-прежнему весьма ограничен Конституцией Исламской Республики, и прежде всего ролью Наблюдательного Совета, при отборе кандидатов ещё до выборов. Нетрудно заметить, что фактически Иран разделён на две части. Первая, активно участвующая в политической жизни страны, объединяет центральные останы (16 провинций, включая Тегеран, Исфахан, Мешхед и т. д.), выходцы из которых были кандидатами на президентских выборах. И вторая – 15 периферийных останов, не представивших ни одного кандидата в президенты, кажется маргинальной или, по крайней мере, слабо вовлечённой в национальную политическую жизнь. Провинциями, которые «дали» наибольшее количество кандидатов, были Исфахан (Исфахан – первый город, де-факто, контролируемый революционными силами ещё до падения шахского режима), а также и город Мешхед (столица остана Хорасан-Резави, старейшее и самое популярное место паломничества в Иране). Все избранные иранские президенты родились в центральных останях Ирана: Абольхасан Банисадр (1980–1981) в Хамадане, Мохаммад-Али Раджаи (1981–1981) в Казвине, Али Хаменеи (1981–1989) в Мешхеде, Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) в Бахрамане (провинция Керман), Мохаммад Хатами (1997–2005) в Ардакане (провинция Йезд), Махмуд Ахмадинежад (2005–2013) в Арадане (провинция Семнан) и, наконец, Хасан Рухани (2013–2021) в Сорхе (провинция Семнан). Совершенно особый случай представляет собой Тегеран, который как столица страны, занимает главенствующую позицию в национальном политическом ландшафте. Здесь родились 14 из 42 кандидатов в иранские президенты. К тому же, все иранские президенты сделали свою политическую карьеру в Тегеране в центре властных структур. «И этот

элемент их политической биографии был более важным для достижения президентского поста, чем их региональная привязанность, зачастую ограничивающаяся семейным измерением» [Hourcade, 2020]. Этот факт перекликается с растущей проблемой гипертрофии иранской столицы и сильной централизацией страны. Конституция ИРИ, запрещающая баллотироваться кандидатам, не являющимся шиитами, объясняет тот факт, что ни один из кандидатов не является выходцем из районов с суннитским большинством (Курдистана и Белуджистана). Автор обращает внимание, что, за исключением Мир-Хоссейна Муссави и Мохсена Мехрализаде, ни один кандидат, получивший разрешение баллотироваться, не был из регионов с тюркоязычным населением, хотя последние составляют более четверти населения Ирана. Однако автор не спешит говорить о политической маргинализации азербайджанского населения, принимая во внимание значительную долю тюркоязычного населения в крупных городах, особенно, в Тегеране, и этническую принадлежность к азари самого Рахбара, родившегося в Мешхеде.

Происхождение кандидатов частично определяет и характер голосования за них. На карте «Локальность и регионализм: президентские выборы 2005 г.» (рис. 3), показывающей кандидатов, занявших первое место в первом туре голосования, по провинциям, прекрасно видно, что иранцы продолжают отдавать предпочтение выходцам из своих регионов вне зависимости от их политических взглядов. Все семь кандидатов, даже получившие минимальные результаты на национальном уровне, оказались на лидирующих позициях в провинциях происхождения своей семьи: Али Лариджани – в Мазендаране, Мохсен Мехрализаде – в Азербайджане, Мехди Карруби – в районах кочевого расселения луров и Мохаммад-Багер Галибаф – в Хорасане.

Многолетние наблюдения за политической жизнью Ирана и данные выборной статистики позволили автору провести классификацию иранских провинций по типу электорального поведения (рис. 4). Данная карта создана путём корреляции между средними данными явки на выборы с 1997 по 2017 г. и политическим профилем кандидатов, получивших большинство голосов в данном остане. Бернар Уркад выделяет 4 типа провинций с точки зрения их участия в выборах и характера голосования:

1. Провинции, демонстрирующие высокую явку на выборы и голосующие преимущественно за кандидатов консерваторов (на карте обозначены темно-зелёным цветом). Эти останы, расположенные между Хорасаном и Загросом, по словам Б. Уркада, являются сердцем Исламской республики и включают в себя такие города, как Исфаган, Мешхед, Кум, Арак. Это достаточно однородный, густонаселённый географический ансамбль, который, будучи шиитским, консервативным, традиционным, религиозным и населённым преимущественно персидским большинством, активно участвует в политической жизни страны.

2. Провинции с низкой явкой на выборы и голосующие главным образом за прогрессивных кандидатов расположены на восточных и западных окраинах Ирана (останы Белуджистан, Курдистан, Западный Азербайджан, обозначенные на карте тёмно-фиолетовым цветом). Населённые в основном суннитами и этническими меньшинствами (азари, курды, белуджи, арабы) они часто представляются как оппозиционные существующей власти. Однако их слабое участие в выборах снижает эффективность их голосования за прогрессистов.

3. Регионы с «умеренным» политическим поведением как с точки зрения политического позиционирования, так и с точки зрения участия в голосовании. Это, обозначенные на карте коричневым цветом, Тегеранский регион, Прикаспийские провинции, а также юг страны. Помимо политической столицы, эти регионы включают в себя важные исторические центры Ирана (Йезд, Шираз, Керман) и два главных полюса экономической жизни страны: Тегеран и Персидский залив. Такая ситуация делает эти останы центром электоральной и

политической динамики страны, «поскольку баланс политических сил не замораживается культурным, религиозным или этническим наследием». Предвыборные дебаты в этих останках являются особенно острыми и в конечном итоге определяют исход выборов на национальном уровне.

4. И, наконец, четвёртый тип электорального поведения (светло-фиолетовый цвет на карте) – это провинции, где неявка на выборы выше, чем в среднем по стране, и результаты голосования соответствуют общенациональной динамике, колеблясь между консерваторами и реформаторами. В основном это регионы с преимущественно тюркоязычным (Ардебиль, Восточный Азербайджан) или этнически неоднородным (Хузистан, Голестан, Хамадан, Керманшах) населением. Их вес в национальном политическом выборе и, особенно, на президентских выборах довольно незначителен из-за низкой явки, которая, в свою очередь, отражает оппозицию центральному правительству.

Принимая во внимание тот факт, что электоральная география не получила в Иране значительного развития и выявление политико-географических различий по-прежнему приравнивается к ирредентистским и даже сепаратистским тенденциям, можно только приветствовать появление такого солидного научного исследования. Пространственный анализ президентских выборов, совмещённый с обширными социологическими, этнографическими и историческими данными, позволил автору представить современную иранскую политическую жизнь во всей её сложности. Атлас иранских президентских выборов даёт возможность прояснить некоторые теоретические вопросы, например, о весе локальных и этнокультурных факторов в формировании общественного мнения и в структурировании голосования, а также о кристаллизации основных политических течений в современном Иране (консерваторы, реформаторы и т. д.), которые, как оказалось, имеют относительно стабильную социологическую и географическую базу. Комбинируя картографический и диахронический методы, карты атласа демонстрируют, с одной стороны, элементы преемственности в политической географии Ирана, в частности, особую и доминирующую роль регионов центрального Ирана (шиитских, консервативных, населённых персидским большинством). С другой стороны, налицо и совершенно новые тенденции в современном иранском обществе, такие как, например, преодоление традиционной оппозиции между городом и деревней или пунктуальное, но ярко выраженное, местничество (локализм) – предпочтение местного кандидата вне зависимости от его политической платформы. Данное исследование наглядно показывает, что невозможно понять современную иранскую политическую жизнь без учёта этнокультурного наследия этой страны и социально-географических особенностей её населения. Возможно, что не все согласятся с интерпретацией иранской электоральной статистики, предложенной Бернаром Уркадом, однако огромный фактический материал и оригинальные методы, представленные в Атласе президентских выборов в ИРИ (1980–2017), несомненно, привлекут внимание российских иранистов, политологов, географов и всех специалистов, занимающихся современной историей Ирана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 4. С. 169–189 [Dunaeva E.V. Shiite Clergy in Iran's Political Life. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2018. Vol. 11. No. 4. Pp. 169–189 (in Russian)].

Евсеев В.В., Сажин В.И. *Иран, уран и ракеты*. М.: Институт Ближнего Востока, 2009 [Evseev V.V., Sazhin V.I. *Iran, uranium and missiles*. Moscow: Middle East Institute, 2009 (in Russian)].

Мамедова Н.М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т.11. № 3. С. 152–165 [Mamedova N.M. Political System of the Islamic Republic of Iran: Its Features and the Upside for Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 152–165 (in Russian)]. *Constitution de la République islamique d'Iran (1979-1989)*. (traduction et notes par M. Potocki). Paris: L'Harmattan, 2004.

Digard J.-P., Hourcade B., Richard Y. *L'Iran au XXe siècle, entre nation, islam et mondialisation*. Paris: Fayard, 2007.

Habibi M., Hourcade B. *Atlas de Téhéran métropole*. Téhéran–Paris: Centre d'Informations Géographiques de Téhéran, CNRS. 2005.

Hourcade B. *Atlas des élections présidentielles en République Islamique d'Iran (1980–2017)*. 2020. <http://cartorient.cnrs.fr/cahiers>

Hourcade B. *Géopolitique de l'Iran. Les défis d'une renaissance*. Paris: A. Colin. 2016.

Hourcade B. *Géopolitique de l'Iran*. Paris: A. Colin, 2010.

Hourcade B., Mazurek H., Papoli-Yazdi M.-H., Taleghani M. *Atlas d'Iran*. Paris: GIP Reclus et La Documentation Française, 1998.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗОТОВА Юлия Александровна – доктор
Сорбонны в области славяноведения, старший
преподаватель Исламского университета Азад
(северо-Тегеранское отделение), Тегеран, Иран.

Julia A. ZOTOVA, Doctor in Slavic studies
from Sorbonne University, associate professor
at Islamic Azad University (North Tehran
Branch), Tehran, Iran.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080014177-1

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАК ЧОНХИ (1961–1979):
ОТ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ К «САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОБОРОНЕ»¹

© 2021

В.И. ВОЛОЩАК ^a

^a – Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
ORCID: 0000-0001-7557-7494; voloshchak.vi@dvfu.ru

Резюме: Статья посвящена исследованию военной политики Республики Корея (РК) в 1961–1979 гг. в период авторитарного режима Пак Чонхи. Автор отмечает, что в военно-политическом курсе Пак Чонхи можно выделить два периода: 1) период укрепления военного сотрудничества с США (1961–1969), в рамках которого РК удалось получить значительную экономическую и материально-техническую помощь Вашингтона в обмен на участие южнокорейского военного контингента в войне во Вьетнаме и 2) период «самостоятельной обороны» (1970–1979), когда на фоне сокращения поддержки США основной задачей военной политики РК стало построение независимой системы обороны государства за счет ускорения развития военной промышленности. В статье рассмотрены основные инициативы южнокорейского руководства, связанные с выработкой военной политики: участие в войне во Вьетнаме, переговоры с США по вопросу выделения дополнительной экономической помощи и военной техники, проведение форсированной индустриализации, укрепление взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Автор приходит к выводу, что для военной политики РК при Пак Чонхи неизменной оставалась ее ключевая особенность – опора на США как главного военного союзника, не только предоставлявшего гарантии безопасности, но и осуществлявшего значительную военно-техническую поддержку в виде займов и безвозмездной помощи. Политика «самостоятельной обороны», проводившаяся в Южной Корее в 1970-е гг., при этом не была направлена на достижение полной автаркии и абсолютной независимости в военных делах, скорее речь шла о диверсификации каналов военного сотрудничества на фоне неопределенности будущего развития отношений между РК и США в рамках альянса. Источниковую базу исследования составили Белые книги обороны РК 1968 и 1969 гг., законодательство Южной Кореи, а также сборники официальных документов внешней политики США серии *Foreign Relations of the United States*.

Ключевые слова: Республика Корея, Пак Чонхи, самостоятельная оборона, военная политика, война во Вьетнаме, США.

Для цитирования: Волощак В.И. Военная политика Республики Корея в период правления Пак Чонхи (1961–1979): от войны во Вьетнаме к «самостоятельной обороне». *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 123–133. DOI: 10.31857/S086919080014177-1

¹ Работа выполнена при спонсорской поддержке Министерства образования Республики Корея и Академии корееведения Республики Корея (AKS-2015-OLU-2250003).

REPUBLIC OF KOREA'S DEFENSE POLICY
UNDER PARK CHUNG-HEE (1961–1979):
FROM THE VIETNAM WAR TO “SELF-RELIANT DEFENSE”²

© 2021

Valentin I. VOLOSHCHAK ^a

^a – Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
ORCID: 0000-0001-7557-7494; voloshchak.vi@dvfu.ru

Abstract: *The article examines the Republic of Korea's (ROK) defense policy under Park Chung-hee rule (1961–1979). The author argues that it's possible to identify two stages of the development of defense policy: 1) the stage of strengthening ties with the USA (1961–1969), during which Seoul managed to receive substantial economic and military assistance in return for deployment of ROK troops in Vietnam and 2) the stage of “self-reliant defense” (1970–1979), when the key ROK's objective was to establish an independent national defense system basing upon the accelerated development of national defense industry. The article covers such initiatives of South Korean political leadership as participation in the Vietnam War; negotiations with USA over the questions of allocation of additional economic aid and provision of defense equipment, promotion of expedited industrialization etc. The author concludes that Park Chung-hee's defense policy kept one abiding feature – reliance on the USA as a key ally, who had not only been providing security guarantees for ROK, but also provided significant support in the form of loans, direct grant aid etc. It's noteworthy that ROK's “self-reliant defense” had never been aimed at achievement of complete autarky and full independence of defense policy. Rather, it was focused on the expansion of military cooperation channels in light of uncertainty over the future development of US-ROK alliance. The research is based on ROK's 1968 and 1969 Defense White Papers, national legislation and official documents of US foreign policy presented in the Foreign Relations of the United States book series.*

Keywords: Republic of Korea, defense policy, Park Chung-hee, self-reliant defense, Vietnam War, USA.

For citation: Voloshchak V.I. Republic of Korea's Defense Policy under Park Chung-hee (1961–1979): From the Vietnam War to “Self-Reliant Defense”. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 123–133. DOI: 10.31857/S086919080014177-1

Авторитарный режим в Южной Корее, установившийся во время правления Пак Чонхи (военная диктатура 1961–1963 гг. и период III–IV Республик с 1963 г. до гибели Пак Чонхи в 1979 г.), достаточно часто называют «диктатурой развития» [Ланьков, 2013, с. 80] и «государством развития» (англ. *developmental state*) [Eckert, 2016, p. 1–8]. В эти десятилетия в Республике Корея (далее – РК) сложился военно-бюрократический режим под руководством генерал-майора Пак Чонхи, в значительной степени опиравшегося на вооруженные силы (далее – ВС) и аппарат национальной безопасности при выработке государственной политики [Толстокулаков, 2003, с. 97–98], при этом сделавшего значительный вклад в экономическое развитие РК. С точки зрения целей и задач военной политики государства, для этого времени характерно сочетание двух принципиальных стимулов, определявших ее характер: стремление обеспечить национальную безопасность в контексте биполярного противостояния и проблемы межкорейских отношений, а также необходимость обеспечить

² This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

устойчивое экономическое развитие страны, находившейся в упадке после разделения Кореи в 1945 г. и Корейской войны (1950–1953).

Что касается угроз и вызовов безопасности РК, то ключевым их аспектом являлась конфронтация с КНДР, отношения с которой оставались напряженными. Отсутствие должного урегулирования Корейской войны в форме мирного договора и напряженная ситуация в районе демилитаризованной зоны в конце 1960-х гг. вызывали у южнокорейского руководства опасения, что КНДР стремится проводить диверсионные операции с целью спровоцировать народные восстания на территории РК и добиться смены режима [*The Park Chung Hee Era*, 2011, p. 174–178].

Немаловажным фактором формирования военной политики государства является тесное сотрудничество РК с США на базе союзнических отношений, закрепленных Договором о взаимной обороне 1953 г. и рядом других документов. Именно поддержка США позволила РК добиться существенных успехов в экономическом развитии и укреплении военного потенциала. Однако следует отметить, что сотрудничество с США было осложнено неуверенностью Сеула в том, что Вашингтон в достаточной степени заинтересован в предоставлении РК гарантий безопасности в рамках союзного договора. Неудача проамериканских сил во Вьетнаме и последующий пересмотр стратегии США в АТР привели к росту националистических настроений в РК и стремлению к снижению зависимости от Вашингтона в военно-политических вопросах. Кристаллизацией этих процессов стало провозглашение Пак Чонхи политики «самостоятельной обороны» (1968–1979), направленной на укрепление военного потенциала собственными силами, ускоренного развития военной промышленности и даже разработку ядерного оружия.

1961–1969 ГГ.: ВЬЕТНАМСКАЯ ИНИЦИАТИВА И УКРЕПЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ С США

В условиях политической турбулентности 1960–1963 гг. в Республике Корея задачи военной политики были ограничены вопросом обеспечения минимального уровня национальной безопасности в условиях разрушенной Корейской войной экономики страны. В этой связи новое руководство РК сделало ставку на продвижение всестороннего сотрудничества с США, за счет которого планировалось добиться больших объемов экономической помощи и расширения гарантий безопасности. Однако в сравнении с политикой Ли Сынмана курс Пак Чонхи отличался большей степенью гибкости в вопросах отношений с Вашингтоном: для получения наиболее выгодных условий по предоставлению кредитов и иной помощи Сеул был готов идти на уступки и по ряду вопросов действовать в интересах США. Так, в качестве одного из рычагов давления на США Южная Корея выдвинула идею участия своего воинского контингента в войне во Вьетнаме.

Интересно отметить, что предложение об участии в войне было инициативой именно южнокорейской стороны [Вае, 2015, p. 371–372], которая таким образом могла выполнить сразу несколько важных задач своей военной политики. Во-первых, участие южнокорейских солдат в военном конфликте за рубежом Пак Чонхи считал серьезным обоснованием для расширения объема вклада США в обеспечение безопасности Республики Корея, которая временно лишалась части своего контингента для его размещения во Вьетнаме. Во-вторых, подобный жест помог бы завоевать доверие Вашингтона к новому руководству РК, особенно на фоне скандалов, связанных с администрацией Ли Сынмана [Ваек, 2013, p. 149–151]. В-третьих, вьетнамская инициатива позволила бы укрепить связи РК и США в рамках их альянса в контексте желания США урезать свои программы помощи РК и сократить (и даже вывести полностью) американский военный контингент с полуострова. Кроме того, это могло бы повысить международный престиж РК: по мнению Пак Чонхи, участие в боевых действиях представило бы Южную

Корею в более выгодном свете по сравнению с Японией и другими странами, оказывавшими лишь невоенную поддержку Южному Вьетнаму. В-четвертых, Вьетнам был выгоден для РК в качестве дополнительного источника доходов и нового рынка сбыта продукции и услуг: к примеру, в 1966–1967 гг. доходы РК от экспорта во Вьетнам составили свыше 120 млн долл. [Memorandum of Conversation, 2000 (1), p. 290].

Опасения насчет сокращения объемов поддержки США были небезосновательными. Еще до прихода к власти Пак Чонхи группа американских аналитиков под руководством генерал-майора Дж. Кэри предлагала администрации Дж. Кеннеди вариант сокращения численности ВС РК на 135 тыс. чел. за три года до уровня 460 тыс. чел ввиду больших затрат и нецелесообразности с точки зрения стратегических интересов США [Memorandum for the Record, 1996, p. 562–564]. Позже администрация Л. Джонсона сформулировала цель сократить численность как вооруженных сил РК (на 70 тыс. чел. (12%) до уровня 510 тыс. за промежуток с 1964 по 1966 г.), так и военного контингента США в Корее (на 12 тыс. чел. (19%) до уровня ок. 50 тыс. к концу 1964 г.) [Memorandum from Robert W. Komer, 2000, p. 3–4], а также уменьшить объемы финансирования по программе военной поддержки (англ. *Military Assistance Program, MAP*) с 200 млн до 153 млн долл. в год. Все эти планы, однако, не были реализованы в полном объеме не только по экономическим и военно-стратегическим соображениям, но и по причине существовавших трений в отношениях между РК и США. Жесткие заявления об одновременном сокращении и ВС РК, и ВС США в РК могли бы существенно подорвать доверие Южной Кореи, особенно на фоне нерешенных проблем, таких как подписание соглашения о статусе ВС США в РК, где главным камнем преткновения являлся вопрос предоставления РК криминальной юрисдикции над американскими военнослужащими.

Подобные перспективы не соответствовали интересам РК, напротив, искавшей дополнительных кредитов с целью поддерживать численность своих вооруженных сил на уровне не менее 600 тыс. чел. Сохранение подобного уровня численности было принципиальным для РК для компенсации нехватки рабочих мест, и эта задача требовала увеличения военного бюджета страны. Желая получить дополнительный источник доходов, а также приобрести крепкие аргументы для обоснования сохранения или даже увеличения объемов военной помощи США, в марте 1964 г. премьер-министр РК Ким Хёнчхоль впервые объявил об инициативе ввода южнокорейских войск во Вьетнам, которая, впрочем, не была поддержана, т. к. США не считали, что оперативная обстановка требует ввода дополнительных боевых подразделений [Вае, 2015, p. 372].

Получив отказ, Пак Чонхи решил согласовать свой план напрямую с правительством Южного Вьетнама. В марте 1964 г. в Сайгоне на встрече лидера правящей Демократической республиканской партии РК Ким Джонпхила и президента Республики Вьетнам Нго Динь Зьема последний одобрил идею участия южнокорейских войск в конфликте, и вскоре РК разработала план военной поддержки, предполагавший размещение во Вьетнаме 3–4 тыс. военнослужащих. Обстановка на фронте менялась, и уже к концу 1964 г. США пришлось изменить свою стратегию во Вьетнаме и запросить поддержки у РК. Несмотря на то, что Пак Чонхи стремился отправить на фронт именно боевые подразделения, в сентябре 1964 г. по просьбе Л. Джонсона для отправки был сформирован контингент численностью около 150 чел., состоявший в основном из медицинского персонала. Однако уже к декабрю президент США был вновь вынужден обратиться к Пак Чонхи, на этот раз с просьбой выделить инженерные или строительные войска: в январе 1965 г. парламент РК одобрил отправку инженерных подразделений морской пехоты численностью 2146 чел. [Glassman, Choi, 2014, p. 1165]), а в апреле 1965 г. – около 4000 чел. боевого состава. Такое развитие событий соответствовало интересам Пак Чонхи и позволило ему в обмен на предоставление войск предъявить ряд требований к США, включая выделение средств на повышение жалования военнослужащих РК (включая дислоцированных в Южной Корее), заморозку процесса сокращения военной помощи по программе *MAP*, а также

предоставление гарантий того, что численность войск США в РК останется на текущем уровне [Memorandum from the Joint Chiefs of Staff, 2000, p. 41–43].

Несмотря на то, что Л. Джонсон лично пообещал Пак Чонхи не подвергать пересмотру объема военной помощи и не сокращать численность американских ВС в Корее, Сеул не был уверен в том, что эти обещания будут соблюдены. Действительно, в политических кругах США в рамках межведомственного спора обсуждалось дальнейшее сокращение программ поддержки РК несмотря на достигнутые между Сеулом и Вашингтоном договоренности. Фактически позицию РК в Вашингтоне защищал посол США в Южной Корее У. Браун, которому удалось убедить Вашингтон в том, что сокращения усугубят неуверенность РК в соблюдении США своих обязательств в рамках двустороннего альянса. Пак Чонхи продолжал выражать готовность оказывать поддержку и после начала крупномасштабных наступательных операций США и даже сделал очередную уступку США, инициировав подписание Базового договора об отношениях между Южной Кореей и Японией 22 июня 1965 г. Отправка воинского состава во Вьетнам также продолжалась, и уже в 1965 г. во Вьетнаме были развернуты южнокорейские силы численностью около 20 тыс. чел. На 1966 г. от США поступили официальные запросы на развертывание бригады (к июлю) и дивизии (к октябрю).

Подобные требования становились все более трудновыполнимыми для РК, и именно в 1966 г. началась фаза активного политического торга. В ответ на запросы США Пак Чонхи сформулировал список из 10 встречных требований, в число которых входили компенсация $\frac{3}{4}$ военного бюджета РК за счет США, предоставление ряда кредитов на развитие промышленного комплекса РК, предоставление оборудования и техники, оплата всех издержек, связанных с развертыванием южнокорейских сил во Вьетнаме, и предоставление выгодных условий по заключению офшорных сделок с РК, включая придание РК приоритетного статуса по отношению к Японии и другим азиатским странам в процессе выбора подрядчиков. Вашингтон считал эти требования нереалистичными, и вскоре был предложен новый вариант списка, впоследствии ставший широко известным как «меморандум Брауна» (или «письмо Брауна») [Telegram from the Department of State, 2000, p. 157–160]. Сторонам удалось согласовать предоставление новой военной техники (в т. ч. транспортных самолетов C-54) и промышленного оборудования для производства боеприпасов, увеличение размера жалования корейского контингента во Вьетнаме, в 30 раз превышавшего размер жалования служащих в ВС РК, предоставление кредитов на сумму свыше 150 млн долл. Общая сумма помощи по предложенному на 1966–1967 гг. плану составляла 325 млн долл., и эти условия устраивали США.

К весне 1966 г. численность южнокорейских сил во Вьетнаме составляла около 45 тыс. чел. Запросы США на увеличение контингента продолжались, но РК становилось все труднее их выполнять теперь и по причине напряженной ситуации на Корейском полуострове. Во второй половине 1960-х гг. участились инциденты в районе демилитаризованной зоны и случаи проникновения северокорейских отрядов на территорию РК. Южнокорейское руководство считало, что КНДР стремится проводить диверсионные операции с целью подорвать работу промышленных объектов, спровоцировать народные восстания на территории РК и в конечном итоге добиться смены режима. В 1968–1969 гг. имел место ряд значимых инцидентов – атака группы северокорейских диверсантов на резиденцию президента РК в Сеуле 21 января 1968 г., захват КНДР американского разведывательного судна «Пуэбло» 23 января 1968 г., крушение разведывательного самолета США EC-121 в результате атаки истребителя ВВС КНДР 15 апреля 1969 г. Эти события вызвали бурную реакцию в РК и стали мощным стимулом к пересмотру военно-политического курса государства. Учитывая излишне сдержанную, с точки зрения южнокорейского руководства, реакцию Вашингтона на произошедшие провокации, Пак Чонхи принял решение о последовательном сокращении сил РК, развернутых во Вьетнаме, и в целом уменьшении зависимости от США в вопросах военной

политики. В ходе дальнейших обсуждений стороны согласовали отправку легкой дивизии в случае, если США организуют продажу РК дополнительных эсминцев и вертолетов, будут содействовать формированию артиллерийского батальона, обеспечат технику для противодиверсионных операций, а также поддержат создание логистического корпуса во Вьетнаме с 5 тыс. гражданских служащих и обеспечат замену дивизии в РК. Однако это не разрешило нараставших противоречий, к которым добавилось недоверие Пак Чонхи к тому, что США проводили закрытые переговоры с КНДР по вопросу урегулирования инцидента «Пуэбло». Стоит отметить, что Сеул зачастую обострял ситуацию со своей стороны: известно, что под покровительством министра обороны Ким Сонына действовал отряд спецназа, совершавший вылазки на территорию Северной Кореи [Notes of the President's Meeting, 2000, p. 377].

В сложившихся условиях Пак Чонхи стремился к сохранению сотрудничества с США и даже его углублению, регулярно требуя дополнений к Договору о взаимной обороне, которые бы приравнивали потенциальную атаку на территорию РК к атаке на территорию США. Тем не менее со второй половины 1960-х гг. РК все более отчетливо стала следовать курсу на повышение самостоятельности в военных делах, и это также соответствовало интересам США: администрация Джонсона поддерживала это начинание и к концу своего срока объявила о дальнейших сокращениях программы *MAP* и численности своих сил в Корее. Одновременно с этим Южная Корея прилагала усилия к углублению сотрудничества с другими странами региона, став в июне 1966 г. членом Азиатско-Тихоокеанского совета (АЗПАК).

Переломными моментами стали приход в США к власти администрации Р. Никсона в 1969 г. и объявление так называемой доктрины Никсона (или Гуамской доктрины), направленной на пересмотр стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. США стремились к уменьшению своего вклада в обеспечение безопасности своих союзников в АТР, и в случае РК американская сторона объявила о плане сокращения своего военного контингента на полуострове на треть (около 20 тыс. чел.). Вывод столь значительного количества войск не устраивал РК, предложившую взамен отправку очередной группировки военнослужащих с целью сохранить присутствие двух американских дивизий в РК. Однако в свете политики «вьетнамизации» администрации Никсона (т. е. сокращения участия третьих сторон в конфликте между Северным и Южным Вьетнамом) США больше не интересовало активное вовлечение РК в боевые действия. Несмотря на то, что участие в конфликте приносило РК доход, трения с США и негативная международная реакция на войну в целом заставили Пак Чонхи инициировать вывод 10 тыс. морских пехотинцев из Вьетнама. Реакция США на это была зеркальной: было объявлено о выводе 14 тыс. служащих ВС США из РК к 1973 г., а также о возможности дальнейших сокращений. Оставшиеся войска РК были выведены из Вьетнама к июню 1973 г. С подписанием в том же году Парижского соглашения приостановился и вывод американских сил из РК.

1970–1979 ГГ.: ПЕРЕХОД К «САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОБОРОНЕ»

В условиях усиления конфронтации с КНДР и сокращения масштабов сотрудничества с США РК была вынуждена обратиться к идее обеспечения национальной безопасности собственными силами за счет развития военной промышленности. Политика «самостоятельной обороны» была впервые провозглашена в выступлении Пак Чонхи в 1968 г. [Пак Ильсон, 2008, с. 100], ее основной целью стало создание эффективного военного потенциала за счет стимулирования производства военной техники и вооружений в РК. Доктрина «самостоятельности» включала в себя построение «самостоятельной экономики» и «самостоятельной обороны», широко продвигался лозунг «богатая нация, сильная армия». Подобная политика параллельного развития экономики и вооруженных сил была своего рода ответом на северо-

корейский политический курс «пёнджин», проводившийся в то же время и направленный на достижение баланса между экономическим развитием и военным потенциалом. Отдельную обеспокоенность южнокорейского руководства вызывал диспаритет в военном развитии между Северной и Южной Кореей (значительное численное превосходство ВС КНДР, активное развитие ядерной программы Пхеньяном и т. д.) [Kim, 2001, p. 56].

Стремление к укреплению самостоятельности прослеживается и в основном доктринальном документе военной политики РК – Белой книге обороны, впервые изданной в 1968 г. В Белой книге 1968 г. в качестве цели развития отношений с США указана поддержка существующих соглашений, но с сохранением автономии РК по вопросам безопасности. Гораздо большее внимание в документе уделено не внешним, а внутренним аспектам военной политики, в частности, подготовке промышленной базы для нужд развития ВС, проведению перспективных НИОКР, оптимизации управления снабжением, развитию военных резервов и др. [Кукпан нэксэ, 1968, с. 135–137] Отмечались приоритетная роль ВС в крупных строительных проектах и содействие экономическому развитию страны в качестве одной из задач военной политики [Кукпан нэксэ, 1969, с. 58]. Главной же целью военной политики оставалось объединение Кореи на основе «принципов либеральной демократии и сохранения независимости» [Кукпан нэксэ, 1968, с. 58], в связи с чем важной составляющей политики была ее идеологическая направленность: Сеул стремился стать одним из лидеров антикоммунистического движения в Азии и укрепить в этом качестве свой международный престиж. По мнению Пак Чонхи, этого было невозможно добиться без экономического развития РК на основе всесторонней модернизации.

В ноябре 1971 г. Пак Чонхи назначил на пост главы Второго экономического секретариата О Вончхоля. Задачей нового ведомства было курирование становления независимой военной промышленности государства, и под руководством О Вончхоля был разработан Долгосрочный план развития тяжелой и химической промышленности на 1972–1981 гг., предусматривавший ускоренное развитие отдельных гражданских отраслей промышленности с целью организации массового производства вооружений [Федоровский, 2008, с. 75]. Реализация плана сопровождалась и развитием организационной инфраструктуры: в апреле 1972 г. было создано Агентство оборонных разработок (англ. *Agency for Defense Development*, кор. *Кукпан квахак ёнгусо*), в чьи функции входило проведение НИОКР в сфере производства вооружений в Южной Корее. По замыслу Пак Чонхи в национальную систему производства оружия должен был быть встроены ряд отобранных крупных частных предприятий (кор. *чеболь*, финансово-промышленная группа). Несколько позже, в 1976 г., была основана Ассоциация военной промышленности Кореи (наряду с Агентством оборонных разработок), существующая по сей день в качестве центрального ведомства, координирующего работу причастных к этому чеболей. Принципиальное значение для индустриализации имели военный переворот и провозглашение IV Республики в результате принятия конституции «Юсин» в 1972 г., которые позволили Пак Чонхи получить практически неограниченную власть на посту президента и осуществлять непосредственный контроль над промышленной политикой.

Заместитель главы оперативной группы при Втором экономическом комитете Ким Кванмо в 1972 г. занимался созданием «дорожной карты» предстоящей индустриализации. Им был разработан план «О реструктуризации промышленности в рамках индустриализации тяжелой и химических отраслей», который впоследствии лег в основу Долгосрочного плана развития тяжелой и химической промышленности и содержал в себе детальные программы по созданию системы производства вооружений на основе гражданской промышленности. Среди основных задач плана были адаптация гражданских предприятий под производство технологий двойного назначения, приоритетное значение массового производства и экспорта, конвергенция частного и государственного секторов экономики,

развитие человеческого капитала и повышение квалификации, а ключевым сектором для развития виделось машиностроение [Kwon, 2018, p. 21–22].

Планирование военной политики и индустриализации в целом занимало важное место в доктрине «самостоятельной обороны». Еще с конца 1960-х гг. правительство РК ежегодно выпускало «Базовый план обороны», а на 1974–1981 гг. был разработан первый план «Юльгок», названный в честь корейского мыслителя Ли И (он же Ли Юльгок) эпохи династии Ли (1392–1910). «План Юльгок» представлял собой комплексный план модернизации ВС и реализовывался в три этапа с 1974 по 1992 г. Стержневой целью первого «Плана Юльгок» стало достижение РК минимального военного потенциала, достаточного для противодействия потенциальной северокорейской угрозе, а непосредственными показателями являлись модернизация процесса производства винтовок М16 на заводах в РК и укрепление потенциала противовоздушной обороны за счет закупок военной техники (в т. ч. истребителей F-4). Завод по производству винтовок М16 можно назвать первым крупным успехом РК в области военной промышленности: еще в 1968 г. Сеулу удалось наладить тестовое производство оружия с низкой себестоимостью [Memorandum of Conversation, 2000 (2), p. 449–453], а в 1972 г. было завершено строительство завода при финансовой поддержке США в объеме 42 млн долл.

Что касается планирования процесса индустриализации, то 12 января 1973 г. был официально представлен План индустриализации на 1973–1979 гг., который представлял собой комплексную программу по селективной финансовой и административной поддержке избранных компаний тяжелой и химической промышленности. Официальная цель Плана индустриализации заключалась в ускорении экономического роста государства и увеличении объемов экспорта продукции корейского производства. Предполагалось, что выход на внешние рынки станет первичным приоритетом, а доходы, полученные за счет продаж южнокорейской продукции, будут реинвестированы в развитие химической и тяжелой промышленности. Официально было объявлено о цели добиться ежегодного объема экспорта в 10 млрд долл. к началу 1980-х гг. [Kwon, 2017, p. 196–197].

План индустриализации предполагал работу по нескольким направлениям:

1. Выработка программ по развитию ряда гражданских отраслей, связанных с производством военных технологий: судостроение, электроника, тяжелое машиностроение, химическая и нефтехимическая промышленность и металлургия.

2. Строительство крупных промышленных комплексов с целью наладить массовое производство вооружений по низким ценам, что дало бы РК возможность экспортировать свою продукцию.

3. Развитие человеческих ресурсов путем осуществления государственной поддержки образования и подготовки кадров для работы в вышеупомянутых отраслях.

4. Создание законодательных и институциональных механизмов взаимодействия государственного и частного секторов, включая субсидирование чеболей [Kwon, 2019, p. 4].

Последнее направление имело большое значение для проведения индустриализации и фактически стало двигателем развития военной промышленности государства. В феврале 1973 г. был выпущен закон «Об особых мерах по военным закупкам», в котором был закреплен порядок взаимодействия государственного и частных секторов и обозначен приоритет масштабных инвестиций частного бизнеса в военную промышленность. Фактически закон оформлял нормативную базу, в рамках которой чеболи закреплялись в качестве производителей вооружений, а государство обеспечивало им практически неограниченную поддержку в виде различных льгот, субсидий, низкопроцентных кредитов и налоговых скидок. По закону предусматривались закупки импортного сырья и строительство помещений за государственный счет. Для финансирования процесса индустриализации в 1973 г. был создан Государственный инвестиционный фонд, а в 1975 г., на фоне сокращения военной помощи США, был введен налог на оборонные нужды, чтобы восполнить приток средств в финансирование оборонных проектов [Kwon, 2018, p. 25].

Важной частью процесса индустриализации стало развитие человеческих ресурсов. Закон «Об особых мерах по военным закупкам» 1973 г. предоставлял квалифицированным рабочим, занятым в проектах оборонной промышленности, освобождение от воинской службы. Освобождение также могли получить студенты, обучающиеся в технических вузах, которым, помимо этого, предоставлялись стипендии, оплата обучения государством, скидки на общежития. По завершении обучения студенты распределялись на работу на предприятия, задействованные в программе индустриализации [Kwon, 2019, p. 5]. Интересно, что государство поддерживало чеболи в любых разногласиях по вопросам трудовых отношений и накладывало ограничения на стоимость рабочей силы, сохраняя ее на низком уровне, тем самым создавая для корпораций максимально удобные условия для скорейшего выхода на внешние рынки.

Несмотря на значительные привилегии, требования к чеболям были высоки, и те компании, которые не желали участвовать в проектах, связанных с производством оружия, либо не могли выполнить установленные государством квоты и поддерживать требуемые стандарты качества, облагались штрафами. Учитывая, что к 1974 г. большая часть чеболей была задействована в оборонной промышленности, новое законодательство фактически позволяло Пак Чонхи закрепить систему легализованного принуждения и получить практический полный контроль над крупным частным бизнесом.

Усилия Пак Чонхи по проведению ускоренной индустриализации привели к ряду результатов. Во второй половине 1970-х гг. Южная Корея закрепила в пятерке крупнейших поставщиков вооружений в развивающиеся страны, создав систему массового производства тяжелой артиллерии, разведывательной техники, бронетехники, модифицированных американских танков, вертолетов и ключевых узлов ракетных систем и истребителей к 1976 г. (срок, к которому администрация Никсона планировала осуществить полный вывод войск США с Корейского полуострова). Кроме этого, предпринятые усилия позволили создать беспрецедентную для стран Восточной Азии гибридную систему взаимодействия государства и частного бизнеса в лице чеболей, вовлеченных в производство вооружений. Сотрудничество с государством, хотя и зачастую носившее принудительный характер, также во многом сыграло положительную роль в развитии чеболей. Многим из них удалось существенно расширить свое присутствие в разных областях экономики, используя технологии и опыт, полученные в ходе участия в проектах по военной индустриализации: группа «Ханхва», начинавшая в качестве производителя взрывчатки, реализовалась в аэрокосмической, химической, строительной отраслях и энергетике; «Хёндэ» удалось занять ниши в автомобиле- и судостроении и стальной промышленности; крупными судостроителями стали также «Дэу» и «Самсунг», последняя группа компаний ныне является одним из мировых лидеров в области электроники и высоких технологий. Таким образом, удалось выполнить не только военно-политическую цель – построение «самостоятельной обороны» – но и добиться значительного экономического роста за счет развития экспортных отраслей гражданской промышленности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для военной политики Пак Чонхи неизменной оставалась ее ключевая особенность – опора на США как главного военного союзника, не только предоставлявшего гарантии безопасности, но и осуществлявшего значительную военно-техническую поддержку в виде займов и безвозмездной помощи. Политика «самостоятельной обороны», проводившаяся РК в 1970-е гг., при этом не была направлена на достижение полной автаркии и абсолютной независимости в военных делах, скорее речь шла о диверсификации каналов военного сотрудничества на фоне неопределенности будущего развития отношений между РК и США в рамках альянса. Это обстоятельство обусловило стремление Сеула не только к развитию

собственной военной промышленности с перспективной целью выхода на внешние рынки, но и к укреплению связей с другими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона как через непосредственное сотрудничество (Вьетнам), так и в рамках многосторонних структур (АЗПАК, СЕАТО), а также к запуску собственной ядерной программы в 1970 г. в обход договоренностей с США, что стало дополнительной причиной трений между союзниками.

Достаточно четко можно выделить два периода военно-политического курса Пак Чонхи. Первый период длился с момента прихода Пак Чонхи к власти в 1961 г. до провозглашения США «Доктрины Никсона» в 1969 г. Для этого периода было характерно тесное сотрудничество между Сеулом и Вашингтоном, а ключевой инициативой РК стало участие в войне во Вьетнаме, которое позволило получить дополнительные преимущества – поставки военной техники, предоставление кредитов, отказ США от планов сократить численность своего контингента на Корейском полуострове и объемов финансовой поддержки. Второй период охватывает промежуток с 1970 г. до гибели Пак Чонхи в 1979 г. В этот период реализовывалась политика «самостоятельной обороны», в основе которой лежало ускоренное развитие военной промышленности государства с целью обеспечить базу для создания своими силами достаточного военного потенциала для противодействия внешним вызовам и минимизировать зависимость от США. Можно заключить, что, несмотря на поражение проамериканских сил в войне во Вьетнаме, именно для РК участие в конфликте стало полезным опытом во многих смыслах: Вьетнам позволил РК приобрести у США гораздо больше военной техники и других преимуществ по сравнению с мирным временем, южнокорейские ВС получили реальный боевой опыт, экономика РК получила дополнительный источник доходов. Позднее этот задел позволил эффективно проводить политику «самостоятельной обороны», результатами которой стало значительное укрепление военного потенциала страны за счет организационных (изменение структуры боевой дивизии и создание резервных войск), технологических (приобретение лицензий для производства техники военного назначения и создание собственных прототипов военной техники) и экономических (ускоренное развитие тяжелой и химической промышленности) преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

Кукпан пэско [Белая книга обороны]. Соуль: Кукпанбу, 1967. [*Kukbang baekso*. Seoul: Kukbangbu, 1967 (in Korean)].

Кукпан пэско [Белая книга обороны]. Соуль: Кукпанбу, 1968. [*Kukbang baekso*. Seoul: Kukbangbu, 1968 (in Korean)].

Пак Ильсон. 'Чаджу кукпан' чончхег-ый чхуджин-гва кун-ый хёндэхва, 1970–1997 [Политика «самостоятельной обороны» и модернизация вооруженных сил Республики Корея, 1970–1997]. *Кунса* [Военная история]. 2008. Че 68 хо. 93–130 чок [Park Il-song. Self-Defense Policies of the ROK Armed Forces and Its Modernization (1970–1997). *Kunsa*. 2008. No. 68. Pp. 93–130 (in Korean)].

Ланьков А.Н. Взлет и падение «диктатуры развития» в Южной Корее. *Отечественные записки*. 2013. № 6 (57). С. 79–88 [Lankov A.N. The Rise and Fall of the “Dictatorship of Development” in South Korea. *Otechestvennye zapiski*. 2013. Vol. 57. No. 6. Pp. 79–88 (in Russian)].

Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток: Изд. Дальневосточного университета, 2003 [Tolstokulakov I.A. *Process of the Democratization of South Korea in the VI Republic*. Vladivostok: Far Eastern National University Press, 2003 (in Russian)].

Федоровский А.Н. Феномен Чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008 [Fedorovsky A.N. *Chaebol Phenomenon. State and Large Business in the Republic of Korea*. Moscow: Moscow, “Strategiya” Publishing house, 2008 (in Russian)].

Bae K. The Vietnam War, Korea's Opportunity for More Reliable Security Assurances. *The Korean Journal of Defense Analysis*. 2015. Vol. 27. No. 3. Pp. 365–382.

Baek G. Park Chung-hee's Vietnam Odyssey: A Study in Management of the U.S.-ROK Alliance. *The Korean Journal of Defense Analysis*. 2013. Vol. 25. No. 2. Pp. 147–170.

Eckert C.J. *Park Chung Hee and Modern Korea: The Roots of Militarism, 1866–1945*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016.

Glassman J., Choi Y.-J. The Chaebol and the US Military-Industrial Complex: Cold War Geopolitical Economy and South Korean Industrialization. *Environment and Planning A*. 2014. Vol. 46. No. 5. Pp. 1160–1180.

Kim S.-Y. Security, Nationalism and the Pursuit of Nuclear Weapons and Missiles: The South Korean Case, 1970–82. *Diplomacy & Statecraft*. 2001. Vol. 12. No. 4. Pp. 53–80.

Kwon P.B. Beyond Patron and Client: Historicizing the Dialectics of US-ROK Relations amid Park Chung Hee's Independent Defense Industry Development in South Korea, 1968–1979. *Seoul Journal of Korean Studies*. 2017. Vol. 30. No. 2. Pp. 185–216.

Kwon P.B. Building Bombs, Building a Nation: The State, Chaebol, and the Militarized Industrialization of South Korea, 1973–1979. *The Journal of Asian Studies*. 2019. Vol. 79. No. 1. Pp. 1–25.

Kwon P.B. Mars and Manna: Defense Industry and the Economic Transformation of Korea under Park Chung Hee. *Korea Journal*. 2018. Vol. 58. No. 3. Pp. 15–46.

Memorandum for the Record. *Foreign Relations of the United States. 1961–1963. Vol. XXII: Northeast Asia*. Ed. by E.C. Keefer, D.W. Mabon, H.D. Schwar, G.W. LaFantasie. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1996. Pp. 562–564.

Memorandum from Robert W. Komer of the National Security Council Staff to President Johnson. *Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea*. Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 2000. Pp. 3–4.

Memorandum from the Joint Chiefs of Staff to Secretary of Defense McNamara. *Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea*. Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 2000. Pp. 41–43.

Memorandum of Conversation. *Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea*. Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 2000 (1). Pp. 288–290.

Memorandum of Conversation. *Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea*. Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 2000 (2). Pp. 449–453.

Notes of the President's Meeting with Cyrus R. Vance. *Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea*. Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 2000. Pp. 378–383.

Telegram from the Department of State to the Embassy in Korea. *Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea*. Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 2000. Pp. 156–160.

The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea. Ed. by B.-K. Kim, E. Vogel. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОЛОЩАК Валентин Игоревич –
ассистент кафедры международных отношений
Восточный институт – Школа региональных
и международных исследований,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия.

Valentin I. VOLOSHCHAK, teaching assistant
at the Department of International Relations,
Oriental Institute – School of Regional and
International Studies, Far Eastern Federal
University, Vladivostok, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080011828-7

СИРИЙСКИЙ КОНТИНГЕНТ В ЛИВАНЕ: К ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЧАЛА

© 2021

А.В. САРАБЬЕВ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9796-2411; alsaraby@ivran.ru

Резюме: Момент ввода в Ливан сирийского контингента летом 1976 г. нередко считают одной из самых трагичных страниц истории страны вследствие серьезных нарушений, допущенных сирийскими военными в Ливане за почти 30-летнее пребывание там. Но историческая справедливость требует учитывать множество факторов, повлиявших на решение Сирии вмешаться в кровавый многосторонний конфликт в соседней стране. Американские рассекреченные документы тех лет (в основном из Цифрового архива национальной безопасности США, фонда Г. Киссинджера) свидетельствуют о многих причинах, делавших обоснованным этот шаг. Детальные обсуждения официальными лицами и практическими работниками Госдепартамента США вопросов взаимоотношений разных сторон ливанского конфликта и его главной, палестинской, составляющей дают основание обратиться вновь к его начальной стадии. Сирийцы играли весомую роль в межливанском урегулировании в конце 1975 – начале 1976 г. Весной присутствие сирийских военных на ливанской земле стало заметным, а к лету мнения разных международных и региональных сил (в том числе американцев и даже отчасти израильтян) подошли к совпадению о целесообразности действий сирийских вооруженных сил по «усмирению» тех палестинских групп, которые отказывались от политических схем нормализации положения. Советский Союз, в силу обстоятельств, тоже был вынужден поддержать ввод войск Сирии в Ливан. Сирийское военное присутствие в Ливане не может считаться единственным в своем роде (были также – Межарабские силы сдерживания, Временные силы ООН в Ливане). На этот период пришлось несколько обострений арабо-израильского конфликта, сопровождавшихся оккупацией израильтянами ливанских территорий. Кроме того, пребывание сирийских военных в Ливане должно рассматриваться под углом зрения межарабской конкуренции в Маширике (идеологической, политической и даже силовой), где оказались затронутыми стратегические интересы Сирии, особенно в сфере безопасности. Самому началу прямого вовлечения Сирии во внутрививанский конфликт и посвящена работа.

Ключевые слова: Ливанская Гражданская война, палестинский фактор в Ливане, сирийский военный контингент в Ливане, израильская интервенция, Ближний Восток, Ливан, Сирия, США, СССР, Израиль.

Для цитирования: Сарабьев А.В. Сирийский контингент в Ливане: к документальной интерпретации начала. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 134–147. DOI: 10.31857/S086919080011828-7

SYRIAN MILITARY CONTINGENT IN LEBANON:
TO THE DOCUMENTARY INTERPRETATION OF THE BEGINNING

© 2021

Alekssei V. SARABIEV ^a^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-9796-2411; alsaraby@ivran.ru.

Abstract: *The moment when the Syrian army contingent entered Lebanon in the summer of 1976 is considered one of the most tragic pages in the country's history; that became a result of serious violations committed by the Syrian military in Lebanon during their almost 30-year stay there. But historical justice requires taking into account many factors that influenced Syria's decision to intervene in the bloody multi-sided conflict in the neighboring country. American declassified documents of those years (mainly from the US Digital National Security Archive, Kissinger Transcripts) show many reasons that made this step justified. Detailed discussions by officials of the US State Department on the relationship between different sides of the Lebanese conflict and its main, Palestinian, component give reason to return to its initial stage. The Syrians played a significant role in the inter-Lebanese settlement in late 1975 and early 1976. Becoming noticeable in spring 1976, in summer it was already a real Syrian military presence on Lebanese soil. The opinions of various international and regional forces (including the Americans and even partly the Israelis) came to a coincidence on the expediency of the actions of the Syrian armed forces to "pacify" those Palestinian groups that refused political schemes for settlement. USSR was forced to support the entry of Syrian troops into Lebanon. The Syrian military presence there cannot be considered the only one of its kind (there were also the Arab Deterrent Forces and UNIFIL). The work is devoted to the very beginning of Syria's direct involvement in the intra-Lebanese conflict.*

Keywords: Lebanese Civil war, Palestinian factor in Lebanon, Syrian military contingent in Lebanon, Israeli intervention, Middle East, Lebanon, Syria, USA, USSR, Israel.

For citation: Sarabiev A.V. Syrian Military Contingent in Lebanon: to the Documentary Interpretation of the Beginning. *Vostok (Oriens)*. 2021. No 2. Pp. 134–147. DOI: 10.31857/S086919080011828-7

В Ливане 45 лет назад начались события, которые ознаменовали собой начало целой череды событий, вошедших в историю под общим названием Гражданской войны. Полтора десятилетия подряд разнообразные социально-политические явления то выходили на первый план, то отступали, сменяясь нередко противоположными по характеру течениями.

Дважды внутриливанские столкновения перемежались массивной израильской интервенцией – в 1978 и 1982 гг. Эти «операции» израильтян включали откровенное разыгрывание «конфессиональной карты» в ливанском обществе, но преследовали, по сути, две главные цели: обеспечение буферной зоны безопасности для себя на ливанском юге и доступ к водным ресурсам, питающим главный стратегический резервуар Израиля – озеро Кинерет, или по-арабски Бухейра Табария (Тивериадское озеро).

Другими элементами, не позволяющими говорить о гражданской войне как сугубо внутреннем конфликте, были долговременное сирийское участие в ней, ввод объединенного арабского контингента, а затем усиление международного военного присутствия (UNIFIL) в буферной зоне на юге Ливана.

Ввод сирийских войск в Ливан 1 июня 1976 г. считается теперь одним из значительных событий Ливанской гражданской войны, ведь это, по сути, включило Сирию в число участниц затяжного ливанского конфликта. Впрочем, в публикациях тех лет роль Сирии оценивалась без той ангажированности, которая приобрела особое звучание после антисирийской «революции кедров» в Ливане в 2005 г. Например, в материале, опубликованном в конце 1978 г. в авторитетном тогда журнале *Foreign Policy*, говорилось: «Три взаимозависимых фактора обусловили такое решение сирийцев. Ряд фундаментальных сирийских ценностей послужил идеологическим мотивом стремления Дамаска любой ценой предотвратить раздел Ливана. Поддержка Баас, правящей партии Сирии, укрепила и придала институциональную легитимность этому обязательству. Наконец, к июню 1976 г. вовлеченность Сирии в Ливане стала уже такой, что военное вмешательство было почти неизбежным» [Dawisha, 1978].

Однако большинством авторов исторических работ последних двух десятилетий этот эпизод интерпретируется чаще всего как экспансия «сирийского режима», вмешательство во внутриливанские дела, причем на стороне одной из противоборствующих групп. При этом нередко оставляют за скобками предшествовавшие вводу войск многомесячные усилия сирийцев по умиротворению конфликта. Забывают, что Сирия в те годы обладала весомым авторитетом и реальным влиянием на оба враждовавших лагеря, а потому осуществляла относительно эффективное посредничество между ними.

Сразу после ввода войск в Ливан сирийская алавитская община приняла на себя удар недовольства, причем с разных сторон – исламистов Сирии, левых радикалов и враждебно настроенных иракских баасистов. Историк Николаос Ван Дам писал, что это событие вызвало длинную вереницу политических убийств и атак на сирийских баасистов, причем «почти все обреченные на смерть были алавитами» [Van Dam, 1997, p. 89].

После почти трех десятилетий пребывания сирийского контингента в Ливане мнения бывают не лишены оценочной окраски – далеко не в пользу сирийцев. Но научная объективность и беспристрастный исторический подход требуют учитывать все причины и всевозможные влияния, приведшие правительство Х. Асада к такому решению. Вся сложность ситуации в Ливане к тому моменту – через год после начала «палестинского этапа» конфликта – заставляет обращаться к историческому фону предпринятого тогда шага.

Его следует рассматривать в разных плоскостях: на уровне а) изменявшегося самосознания обоих социумов в условиях динамичного развития молодых независимых республик; б) интересов составлявших эти общества конфессиональных и этноконфессиональных общин; в) взаимоотношений Бейрута и Дамаска с экстерриториальными палестинскими вооруженными организациями; г) сложнейшего международно-политического положения в условиях «холодной войны» и сопутствовавших ей попыток обуздать лево-националистические течения в арабском мире.

Обращает на себя внимание также присвоенное рассматриваемому событию символическое значение, которое со временем все более закрепляется и схематизируется в идеологическом ключе. Однако факты свидетельствуют о том, что и миротворческая роль сирийцев в Ливане, и их вооруженное присутствие (хотя и меньшего масштаба) отмечались задолго до того и вполне одобрялись как региональными, так и мировыми державами. Более того, реакция со стороны СССР, США, ЛАГ была, если не одобрительной, то, во всяком случае, не негативной, скорее – прагматично-выжидательной. Именно последний аспект проблемы является основным в представленном ниже анализе.

Весомый вклад в оценки «внешнего» измерения ливанского конфликта дают рассекреченные американские документы из фонда Генри Киссинджера Цифрового архива

национальной безопасности США (DNSA)¹. Американцы зорко следили за тем, как разгоралась взаимная ненависть вооруженных палестинских групп и ливанцев, несогласных с их присутствием на своих землях. На этом этапе сирийцы постепенно стали силой, все с большим успехом входящей в роль арбитра. К началу 1976 г. с их помощью было достигнуто перемирие.

Однако успех Сирии в ливанском урегулировании не мог оставлять равнодушным ее идейных конкурентов на Ближнем Востоке, а тем более ее идеологических противников за пределами региона. Вероятнее всего, мирное урегулирование проблемы и усмирение ситуации в Ливане было мало кому выгодно. С одной стороны, можно допустить, что имело место внешнее подстрекательство палестинцев-радикалов, создавших еще в 1974 г. «Фронт отказа» (ФО), или *Джабхат ар-рафд*, палестинскую коалицию радикальных групп, несогласных с примирительной программой Ясира Арафата. К 1976 г. в ФО входило большинство групп, кроме НФОП-ГК и просирийской Саики. С другой стороны, израильтяне, не готовые смириться с укреплением баз палестинских боевиков на территории Ливана, провоцировали конфликтные ситуации, находясь при этом в постоянном контакте с Вашингтоном как главным своим гарантом.

Но для последних определяющим было соотношение сил в регионе – условно говоря, проамериканских и просоветских, что в идеологической плоскости соответствовало примерно силам капиталистической и социалистической ориентаций. Наконец, американцы подошли к возможности даже допустить «коррекцию» этого баланса в свою пользу. Ведь сложилась ситуация, когда американским заинтересованным наблюдателям стало ясно: «левые» силы в ливанском противостоянии всерьез угрожают взять верх.

По мере продолжения сирийского посредничества в ливанских делах становилось все более очевидно, что Сирия расширяет свое влияние, стараясь поставить под собственный контроль палестинцев как главную ударную силу, направленную потенциально против Израиля. К весне стали поступать ясные сигналы, что Хафез Асад не остановится перед силовым вмешательством на территории Ливана именно с этой целью, что вызывало беспокойство в Тель-Авиве.

Еще за несколько месяцев до собственно ввода сирийского контингента в Ливан речь шла о планах точечных силовых акций сирийцев против непокорных палестинских лидеров – с помощью ограниченных вооруженных групп. В начале весны 1976 г. американцы демонстрировали хладнокровную прагматику при обсуждении этого вопроса. Помощник госсекретаря США по делам Ближнего Востока Альфред Атертон докладывал главе внешнеполитического ведомства Генри Киссинджеру в середине марта 1976 г.: «Ситуация в Ливане с периода прекращения огня в январе вышла из-под контроля. Тому явилось несколько причин. Джумблат воспротивился посредническим усилиям сирийцев, мобилизовав среди своих сторонников из левых сильную партию противников политических решений. Жесткий настрой христианских кругов, в свою очередь, тоже препятствовал этому, но все же условия политического решения были в целом в пользу этих христиан. Тем временем отколовшиеся армейские части лейтенанта Хатыба набрали очки и способствовали распаду армии. Результатом стало смещение баланса сил в сторону левых, “мусульманизация”, а затем и [планы] военного вмешательства в рамках “исправительного движения”»².

Интересно, что на вопрос американского госсекретаря о возможностях контактов с ливанскими партиями и использовании влияния на них был ответ, что единственным

¹ Доступ к его материалам предоставляется для пользователей ряда центральных российских библиотек (например, Государственной публичной исторической библиотеки России).

² US Digital National Security Archive. Kissinger Transcripts, 1968–1977 (далее – DNSA). US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. (Secret, NoDis). P. 1.

действенным каналом влияния на ливанцев остается «Сирия или через Сирию»³. Якобы сирийцы могли бы воспрепятствовать продвижению отрядов Хатыба с юга по направлению к президентскому дворцу в Баабде.

Приведенные высказывания взяты из стенограммы заседания 15 марта 1976 г. Там же госсекретарь Киссинджер передал собравшимся сведения от Симхи Диница, посла Израиля в США (1973–1979), что сирийцы уже входят в Ливан. На это замечание ему возразил директор Службы по разведке и аналитике (Intelligence and Research, INR) Хэрролд Сондерс: «У нас нет подтверждения тому. Сведения о том, что сирийские армейские части под видом формирований Армии освобождения Палестины вошли в Ливан, имеют два источника: нелегальную радиостанцию фалангистов и [агентство] Рейтер. Последние могли почерпнуть такие сведения от “несогласных” (“rejectionists”; вероятно, речь идет о ФО. – А.С.), и, безусловно, в их интересах запустить эту версию. Но у нас нет подтверждения»⁴. Далее он добавил: «Мы не можем обещать сирийцам, что израильтяне не перейдут к действиям, если сирийские вооруженные силы вступят [в Ливан]»⁵.

На том же заседании состоялся интереснейший обмен мнениями госсекретаря и его помощника Атертона, где предположение последнего было встречено решительной прагматикой госсекретаря: «А.: Может быть, израильтяне могли бы смириться с ограниченной активностью [сирийцев]. Тун имел долгий разговор с Алоном⁶ в минувшем октябре об этом, и Алон назвал обстоятельства, при которых... – К: Алон глупец. Милый глупец, но все равно глупец. Нет, боюсь, нам не удастся надавить до такой степени, чтобы остановить Израиль⁷. – А.: Рискованно пускать события на самотек. – К: Почему бы не дать идти событиям своим чередом? – А.: Могут произойти столкновения между вооруженными силами, поддерживающими президента в его дворце, и силами Хатыба вместе с другими. Это может свалить Франжье. ... – К: Ввод сирийских войск может сдвинуть баланс в ущерб христианам. – А.: Верно. И христиане [в этом случае] теряют что-то из того, что им удалось при сирийском посредничестве. – К.: Вернемся к Асаду. Скажите Мерфи⁸ связаться с ним. Спросите его, что он там затевает. Если мы будем с этим согласны, то сделаем все, чтобы помочь ему. Но предостерегите, чтобы его действия не включали участие сирийских регулярных частей. [Только] в этом случае мы гарантируем, что израильтяне не вмешаются. Пусть он скажет нам, какие последствия он ожидает от своих действий и какие результаты он желает получить. Передайте ему, что я настроен оптимистично в отношении гарантий сдерживания Израиля в случае, если внешние силы не войдут в Ливан, – [передайте] не в таких словах, но в таком духе»⁹.

Следующее обсуждение ливанской проблемы в кабинете американского госсекретаря было в присутствии израильского посла Диница и его советника Ханана Бар-Она 24 марта. Стенограмма интересна тем, что в ней отражены позиции не только Израиля (однозначно отрицательная) по вопросу ввода сирийского контингента в Ливан, но и позиции иорданцев, саудитов, египтян. Киссинджер передавал мнение руководства Иордании, что оно не считало вмешательство сирийцев неотвратимым, но не видело иного выхода из сложившейся ситуации. Ведь сирийцы, по их мнению, боролись с ООП, с «несогласными» в Ливане и

³ DNSA. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. P. 2.

⁴ DNSA. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. P. 2.

⁵ DNSA. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. P. 3.

⁶ Видимо, Игаль (Пайкович) Алон (1918–1980), генерал-майор; в 1974–1977 гг. был министром иностранных дел и вице-премьером Израиля.

⁷ Уже через 2,5 месяца это вполне удалось: израильтяне не вмешались непосредственно после ввода сирийского контингента в Ливан.

⁸ Видимо, Ричард Уильям Мерфи, американский посол в Сирии в 1974–1978 гг.

⁹ DNSA. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. P. 2–3.

коммунистами, а также защищали христиан. По словам Киссинджера, саудиты, в свою очередь, полагали, что сирийцы вели себя слишком сдержанно и что они обладают «исключительными позициями», которыми следует воспользоваться. Египтяне же, напротив, возражали против ввода войск в Ливан сирийцев, обвиняя США в сговоре с ними, или против ввода войск кого-либо еще, в том числе израильтян¹⁰.

Что касается советской дипломатии, то британский глава МИДа Джим Каллагэн¹¹ общал, что его советский коллега Андрей Андреевич Громыко¹² заявил ему, что ничего не знал о планах сирийцев, но обещал войти с ними в контакт по этому вопросу, попросив британцев войти, в свою очередь, в контакт с израильтянами. Представляет интерес замечание Киссинджера, что «если советские вступили в сговор с сирийцами, то это (вероятно, под «этим» имелся в виду ввод сирийских войск в Ливан. – А.С.) не причинит никакого ущерба»¹³. Можно предположить, что это мнение было продиктовано расчетом на предсказуемость балансирования интересов на Ближнем Востоке в bipolarном мире той эпохи, на разумное сдерживание обоими ведущими блоками дружественных им сил в регионе.

Сочувствовавшая палестинцам та часть ливанской армии, где большинство составляли сунниты социалистической ориентации (насеристы и др.), вызывала опасение и у противников левых идей в глобальном масштабе. Американцы, в частности, были заинтересованы в поддержке консервативно настроенных христианских кругов в Ливане, но открыто делать этого не могли. Как свидетельствует запись разговора госсекретаря Г. Киссинджера с послом С. Диницем от 3 апреля 1976 г., надежным партнером американцев из ливанских христиан оставались только силы Камиля Шамуна (видимо, ополчения его Национально-либеральной партии), тогда как «у других христиан – иные взгляды»¹⁴. Однако возникло неожиданное тактическое совпадение интересов: в поражении НПС оказались заинтересованы – совершенно по разным причинам – (а) ливанские консерваторы-христиане, (б) сирийцы, оспаривавшие сложившуюся тогда палестинскую повестку, (в) американцы, которые видели в насеристах, коммунистах и прогрессистах (ПСП), а также палестинцах своего рода ближневосточное крыло противостоящего им идеологического блока в «холодной войне», и (г) израильтяне, естественным образом заинтересованные в ослаблении палестинских сил в Ливане.

В том же документе содержался намек, что ввод сирийских войск в Ливан может стать вынужденным, но желанным обстоятельством как для американской стратегии, так и даже для израильтян. При этом от прямой поддержки ливанских христиан оружием или военной помощью решено было громкогласно отказаться: был даже совершен маневр с отправкой к берегам Ливана нескольких военных кораблей с тем расчетом, чтобы вернуть их, когда русские их засекут и направят американцам ноту протеста. Так и было сделано: 7 военных кораблей США двинулись к берегам Ливана, и наш советник-посланник Ю.М. Воронцов¹⁵ передал Г. Киссинджеру ноту протеста¹⁶. Это позволило – в полном соответствии с замыслами американцев – отвести от США подозрение в военной помощи противникам НПС в

¹⁰ Интересно тут попутное замечание Г. Киссинджера, отражавшее острую региональную конкуренцию Египта и Сирии: «Единственной целью египтян [в этом эпизоде] является полное унижение Асада».

¹¹ Леонард Джеймс Каллагэн (1912–2005), британский министр иностранных дел (март 1974 – апрель 1976 г.), затем премьер-министр (до 1979 г.).

¹² Андрей Андреевич Громыко (1909–1989), д.э.н., в 1957–1985 гг. министр иностранных дел СССР.

¹³ DNSA. Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 24, 1976 (Secret, NoDis, XGDS).

¹⁴ DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], The Secretary [Kissinger] – Amb[assador] Dinitz, April 3, 1976, 3:10 p.m. P. 1.

¹⁵ Воронцов Юлий Михайлович (1929–2007), в 1970–1977 гг. – советник-посланник посольства СССР в США, посол в 1994–1998 гг.

¹⁶ DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Minister Vorontsov – Secretary Kissinger, April 2, 1976, 7:37 p.m. P. 2.

Ливане, в то время как ответственность за борьбу с НПС внешних сил (“outside forces” в цитированном документе) сама собой ложилась исключительно на готовящихся войти в Ливан сирийцев.

Дело было разыграно изящно, и в двойственном положении оказывался СССР, вынужденно принявший на себя недовольство обеих сторон конфликта. Выходило так, что Советский Союз, поддержал обе из них (по циничной ближневосточной поговорке, как бы пожелал удачи обоим дерущимся), тогда как Соединенные Штаты будто бы не поддержали никого. Американская дипломатическая комбинация, в которую, судя по всему, были втянуты и сирийцы, привела к тому, что советское руководство было принуждено поступить «плохо», выбирая между «плохо и очень плохо» [Гриневский, 2000, с. 83].

Нужно упомянуть еще один эпизод, предшествовавший вводу в Ливан сирийских вооруженных сил. Еще в самом начале апреля лидер ливанских прогрессистов Камаль Джумблат лоббировал вовлечение в ливанский конфликт Египта и «энергично поддержал», как писал И. Тимофеев, инициативу Совета национальной безопасности Египта о размещении в Ливане арабских контингентов. Сирия в ответ предприняла демонстративный шаг: 8 апреля к сирийско-ливанской границе были стянуты войска, а на следующий день на несколько километров вглубь Ливана выдвинулись 40 сирийских танков. Ливанские прогрессисты тут же обратились в ЛАГ с просьбой принять меры против «оккупации Ливана сирийскими войсками» [Тимофеев, 2003, с. 391].

Все это вызвало определенную реакцию в мире, и особенно со стороны Франции – стремление продвинуть собственную инициативу урегулирования, вплоть до международного военного вмешательства [Pakradouni, 1984, p. 10]. На внутриливанском поле это подтолкнуло к проведению 8 мая легитимной сессии по избранию президента страны, коим был выбран Ильяс Саркис (однако он вступил в должность только 22 сентября того же года). На исходе мая стало ясно, что левые в Ливане считали свои позиции ослабленными и не собирались останавливаться на этой точке. Сирийский президент принял трудное решение вмешаться всерьез [Pakradouni, 1984, p. 13].

Ввод сирийского контингента в Ливан на несколько часов предварил начало визита в Дамаск (1–4 июня 1976 г.) главы Советского правительства Алексея Николаевича Косыгина, которого, скорее всего, поставили перед уже свершившимся фактом. Тем не менее официальная реакция Москвы была в том духе, что сирийцы действуют с ведома и одобрения советского руководства. Об этом говорит скупое, лаконичное выражение совместной с Сирией приверженности «восстановлению безопасности и мира в Ливане, обеспечению его целостности, независимости и суверенитета», которое прозвучало в совместном комюнике по результатам визита [Внешняя..., 1977, с. 58].

Теперь трудно судить, имело ли место раздражение советского руководства излишне самостоятельными действиями Сирии или же план ввода войск действительно был согласован между Дамаском и Москвой. Скорее, можно согласиться с тем, что советское руководство предпочло прагматику – сделать вид, что все сделано с ведома Москвы, принять позицию Дамаска в надежде, что действия сирийцев действительно снизят конфронтацию в Ливане, ослабляющую страну ввиду угрозы израильского вторжения.

Вполне объяснимо, что советский МИД пытался пригасить недовольство властей. Тогдашний заместитель заведующего Отделом Ближнего Востока МИД СССР О.А. Гриневский в красках описывал раздражение А.Н. Косыгина, когда о сирийском вводе войск в Ливан ему сообщил во время осмотра Голанских высот наш посол в Дамаске Нурутдин Мухитдинов, для которого это известие тоже стало сюрпризом [Гриневский, 2000, с. 83–84].

Приходится учитывать и некоторое различие в подходах к внешней политике МИДа и Международного отдела ЦК КПСС. Это различие подтверждает востоковед К.М. Труевцев,

участвовавший во встречах с ближневосточными делегациями главы МО ЦК Б.Н. Пономарёва. Нельзя исключать, что и весной–летом 1976 г. имела место особая установка со стороны МО ЦК КПСС на поддержку действий Х. Асада¹⁷.

В то же время многие документальные свидетельства позволяют заключить, что Х. Асад действовал, прислушиваясь к мнению американцев. Кроме того, он выступил против той стороны в Ливане, которая пользовалась официальной поддержкой СССР. Оба этих момента ставили советскую дипломатию в Ливане в неудобное положение, что и отразилось в заявлении ТАСС по Ливану, несколько противоречившем приведенному советско-сирийскому коммюнике: «В последние дни развитие событий в Ливане приобретает трагический характер. ... Советский Союз уже выступал с предупреждениями о том, что обстановка, в Ливане, в целом на Ближнем Востоке может еще больше осложниться, если не будет положен конец попыткам иностранного вмешательства в дела Ливана. Со стороны Сирийской Арабской Республики неоднократно делались заявления о том, что миссия введенных ею в Ливан войск состоит в том, чтобы оказать помощь в прекращении кровопролития. Тем не менее обращает на себя внимание, что и сегодня в Ливане льется кровь и льется еще более широким потоком» [*Внешняя...*, 1977, с. 63].

Главная опасность была в том, что с вводом сирийского контингента могли не смириться израильтяне, которые, кстати, неоднократно предупреждали об этом на протяжении нескольких предшествующих месяцев. Израильская интервенция могла бы привести к гораздо большему кровопролитию, как это и случилось спустя почти два года, в марте 1978 г.

Насколько можно судить, ливанский кризис в глазах американской дипломатии был увязан на арабо-израильское урегулирование. Так, госсекретарь Киссинджер в разговоре с ведущим колумнистом *New York Times* Дж. Рестоном в начале июня 1976 г. так выразился о ближневосточной проблеме: «P: В ходе нашего последнего разговора Вы упомянули о возможности компромисса на Ближнем Востоке. Вы предполагаете его для обеих сторон? – K: Да. – P.: И как далеко он продвинулся? – K: Не сдвинулся. У нее глубокий подтекст, ведь внимание арабов поглощено Ливаном. – P: А что там нового? – K: Можно выторговывать немного менее, чем полный мир, за менее, чем полный возврат территорий, – но только на всех трех фронтах одновременно»¹⁸.

Впечатление некоторого оптимизма американцев было связано, по-видимому, с тактическим, временным совпадением позиций с сирийцами, которые вошли в Ливан, по сути, для поддержки действий прозападного блока. По крайней мере, в начале июля 1976 г. еще продолжались активные контакты «христиан» с сирийцами, а американцев – с теми и другими, о чем свидетельствуют рассекреченные документы¹⁹.

Возвращаясь к моменту ввода сирийских войск в Ливан 1 июня 1976 г. и непосредственному поводу к нему, имеет смысл привести уникальное свидетельство франко-ливанского ученого Рене Шамюсси²⁰: «29 мая [1976 г.] Арабская армия Ливана под командованием просирийски настроенного Ахмада Маамари напала на две христианские деревни Кобеята и Андекет в Аккаре; это была провокация, которая могла вызвать сирийскую интервенцию. Это и была его цель, чтобы Хафез эль-Асад “взвалил на себя ответственность”. 31 мая

¹⁷ Из беседы автора с К.М. Труевцевым, 19.07.2020.

¹⁸ Например: DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Mr. James Reston – Secretary Kissinger, June 4, 1976, 3:07. P. 1.

¹⁹ Об этом свидетельствует запись разговора Г. Киссинджера с заместителем его помощника по Ближнему Востоку Артуром Дэйем 1 июля. См.: [DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Mr. Day – Secretary Kissinger, July 1, 1976, 10:43, p. 1].

²⁰ Этот преданный деятель Иезуитского ордена родился во французском Лионе в 1936 г., но уже в 1969 г. переселился в Ливан, где и прожил до конца жизни, посвятив себя преподаванию и написанию книг о ливанских событиях и о ливанском обществе.

сирийские войска вошли в Аккар. На следующий день тысячи солдат и сотни бронированных машин пронеслись над Бекаа. Христианские деревни Кобеят и Андекет в Аккаре и [город] Захле в Бекаа были освобождены от окружения; палестинцы и прогрессисты, будучи дезориентированными, отступали или сдавались. Вечером 1 июня сирийские войска прекратили наступление» [Chamussy, 1978, p. 159, 250].

Обращает на себя внимание, если не слабая осведомленность американцев, то, по крайней мере, отсутствие того алармизма, который сопровождал впоследствии упоминание этого события в прессе и научной аналитике. Об этом можно судить по доступной стенограмме заседания обсуждения ливанского вопроса утром²¹ того же дня у госсекретаря США Г. Киссинджера, где ему докладывал Атертон²² и подтверждал сведения Х. Сондерс.

«А.: По Ливану: вслед за мятежом – то, что происходит там сейчас – дело серьезное. – К.: Правда, что туда входят еще сирийцы? – А.: Похоже, что так. Полагаю, разведка вполне уверена в этом. – К.: Как много? А.: Около 2 тысяч, но они входят в северо-восточную часть страны. В 2.5 милях от границы они (скорее всего, ошибка стенографиста, и нужно читать не “they are”, а “there are”. – А. С.) новые (возможно, снова ошибка стенографиста, и нужно читать не “new”, а “two”. – А. С.) христианские деревни атакованы, были разрушены бомбежкой. Джумблат и ООП, как и христиане, осудили это нападение на деревни. Сирийцы заявили, что это их ответ, с целью предотвратить полное уничтожение двух христианских деревень. Нигде больше нет признаков, что сирийцы продвигаются по территории страны. Хотя поговаривают, что это может быть способом, который они держат в уме для более масштабного вторжения в других местах. Израильский министр обороны сообщил на пресс-конференции, что они не собираются как-то реагировать, пока эти действия идут в рамках ливанской гражданской войны. Но это их не радует. – К.: Тогда ладно, у нас нет оснований что-то предпринимать. – А.: У нас нет оснований что-то предпринимать. – С.: Если посмотреть на карту, эти действия не могут получить развития. Это все как раз в районе выступа [границы] в северо-восточном углу. – К.: Но если сирийское вторжение продолжится, у них [сирийцев?] могут быть проблемы. – А.: Я не вижу каких-либо признаков того, что они изменят своим намерениям вторгнуться в более чувствительных частях страны. Думаю, нам нужно более внимательно присмотреться к тому, что сейчас будет. – К.: Ведь Саркис собирается пригласить их, так? – А.: Вообще, сейчас он придерживается того, что, если перемирие установится, если политический диалог начнет давать результаты, они могут столкнуться с положением, когда окажутся оккупированными. Эта возможность, эта угроза останавливает их. [Так что] я вовсе не уверен. Как по мне, он прав по поводу призыва сирийцев. Он также признает, что его наибольшая проблема – свести вместе Джумבלата и Катаиб. Конечно, максимальные усилия он прилагает для политического урегулирования. Не думаю, что пока он пришел к этому решению. Кроме того, перед нами типичная проблема отказа некоторых элементов – как среди христиан, так и мусульман – поддерживать огонь в печи. Есть раскол между Шамуном, с одной стороны... – К.: Думаю, Франжье виноват в этом не больше, чем любой другой. – А.: Думаю, что так. Шамун – кандидат. Полагаю, что и Саркис продолжает свои попытки. – К.: Франжье уже обозначил, когда он уходит? – А.: Нет. И я не вижу, что бы мы нам следовало предпринять по этому делу, говоря откровенно. Думаю, нам нужно наблюдать. Пусть Мелой продолжает продвигать диалог. Еще одно: как раз сегодня Косыгин едет в Дамаск. Вернется сразу»²³.

²¹ Ввод сирийских войск прошел в ночь на 1 июня, а заседание началось в 8.30 (по нью-йоркскому времени), т.е. спустя много часов. Присутствовали 17 чел. Ливанские события обсуждались в числе последних. Нельзя исключать, что ввод контингента стал для американцев гораздо менее ожидаемым, чем для советского руководства.

²² Алфред Л. Атертон-младший (1921–2002), в 1974–1978 гг. – помощник госсекретаря США по делам Ближнего Востока и Южной Азии.

²³ DNSA. US Dept. of State. Secretary's Staff Meeting. Minutes. June 1, 1976. (Secret) P. 37–41. Тут заметна невысокая осведомленность американцев: А.Н. Косыгин к тому моменту уже много часов находился в Сирии и планировал побыть там несколько дней.

Что означала характеристика госсекретарем реакции израильтян, до какой степени «это их не радовало»? Полезно обратиться к мнению тогдашнего министра обороны Израиля Шимона Переса, о котором из Тель-Авива сообщали в Вашингтон (а также в посольства в Аммане, Бейруте, Дамаске и Каире). Израильский министр высказывал его в беседе с послом США Малколмом Туном 6 июля 1976 г., рассуждая, что если бы сирийский президент собирался воссоздать «Великую Сирию», то логично было бы ему вмешаться в ливанские события на стороне мусульман. Его вмешательство на стороне христиан приводило Переса к более вероятному выводу, что «Асад был чрезвычайно жестко зажат между враждебно настроенной иракской партией Баас и враждебно настроенным Джумблатом и силами ООП в Ливане»²⁴.

Имеет смысл привести также мнение весьма критично настроенного к правлению Х. Асада историка Н. Ван Дама – емкую характеристику обстоятельств ввода сирийских войск в Ливан: «Асад вмешался во внутриванскую борьбу в надежде достичь ситуации, когда для мирного урегулирования между противостоящими группами смогут быть использованы конституционные и законные меры. Эта попытка, однако, провалилась: борьба разгорелась так, как никто не мог предвидеть, и сирийцы увязли в жестоком вооруженном противостоянии с палестинскими боевиками и ополчениями ливанских левых – традиционных союзников сирийского баасистского режима. Этот аспект особенно разрушительно повлиял на позиции Асада в самой Сирии» [Van Dam, 1997, p. 72].

Кстати, как сообщалось в приведенном выше донесении в американский Госдеп, израильтянам было известно, что в первые дни ввода сирийских войск в июне «имели место столкновения между сирийскими и иракскими военными в районе ливанского Триполи, что привело к отходу сирийцев из окрестностей Триполи»²⁵. Информация об участии неких иракских военных в Ливане оказалась для американцев новой. Можно предположить, что это были какие-то отряды ополчений сторонников иракских баасистов в Ливане.

Президент Асад, по мнению Ш. Переса, отвел свои силы в Бекаа, чтобы консолидировать их и наблюдать за развитием событий: «Похоже, что он пересматривает свои политические цели по мере изменения военной ситуации»²⁶, как передавали американцы слова Переса. Реагируя на некие «недавние намеки сирийцев о возможности предстоящих сирийско-израильских переговоров» (очевидно, в первую очередь по вопросу Голанских высот), израильский министр обороны полагал, что его стране стоит отнестись к ним серьезно и вообще в этом отношении был «настроен оптимистично»²⁷.

Но уже в конце июля израильтяне выражали беспокойство по поводу просочившейся якобы информации о контактах между сирийцами в Ливане и ООП. Возможность возобновления в недалеком будущем этого альянса в новом качестве могла бы всерьез угрожать Израилю – как с военной, так и с точки зрения безопасности водных ресурсов, поступающих в озеро Кинерет и реку Иордан с оккупированных сирийских Голанских высот и южных отрогов Ливанского хребта. Это дало бы повод для вторжения и оккупации Израилем стратегически важных районов Ливана – под предлогом собственной экономической безопасности. Израильтяне явно рассчитывали на успех в стране с разделенным на лагерь населением и, главное, армией. Им оставалось только разрушить труднообъяснимый и шаткий антипалестинский альянс ливанцев с сирийцами (на деле, конечно, только против ФО), который поддерживали американцы.

²⁴ DNSA. Message from American Embassy in Tel Aviv. July 4, 1976. (Secret). P. 1.

²⁵ DNSA. Message from American Embassy in Tel Aviv. July 4, 1976. P. 3. (О серьезном обострении между сирийскими и иракскими баасистами в 1976 г. сообщает также Н. Ван Дам [Van Dam, 1997, p. 72]).

²⁶ DNSA. Message from American Embassy in Tel Aviv. July 4, 1976. P. 2.

²⁷ DNSA. Message from American Embassy in Tel Aviv. July 4, 1976. P. 3.

По ходу очевидного закрепления сирийских военных в Ливане некоторые арабские страны стали громко выражать свое недовольство такой «разбалансировкой» – чрезмерным усилением регионального военного влияния Сирии. Решением межарабской конференции по Ливану в Эр-Рияде в октябре 1976 г. были созданы Межарабские силы сдерживания (МСС), утвержденные на экстренном саммите ЛАГ в Каире 25–26 октября 1976 г. Основную часть МСС составили сирийские войска (до 85% численности), вошли также воинские контингенты из Эмиратов, Саудовской Аравии, Судана, Ливии и НДРЙ.

Эти силы были призваны сдерживать внутриливанское противостояние, но также и угрозу вторжения Израиля, всерьез обеспокоенного положением в соседней стране. А беспокойство вызывали уже не столько палестинские боевики на ливанских территориях, сколько сирийский контингент. Вполне вероятно, что усиление религиозного фактора противостояния в Ливане стало первейшей задачей израильтян: расколоть прежний тактический альянс христиан и сирийцев, внести в недовольство сирийским присутствием в Ливане сильнейшую составляющую – религиозную. Дальнейшие события показали, что эта составляющая планомерно и постепенно подменяла, приходила на смену будто бы утратившей региональную актуальность задаче борьбы с левыми движениями. Израильтяне удачно для себя и для этой губительной для ливанцев цели разыграли карту «маронитского коллаборационизма»: дискредитировали боеспособные отряды ливанских «правых», сделав абсолютно невозможным дальнейшие контакты сирийцев с ними как сотрудничающими с сионистами.

Первоначально связанная с «Армией свободного Ливана» (*Джайш Лубнан аль-хурр*)²⁸ так называемая Армия Южного Ливана (АОЮЛ)²⁹ представляла собой бывшие армейские подразделения, направленные некогда для защиты христиан юга страны. Возглавлявший ее, бывший командир батальона в Марджайоне, греко-католик, майор Саад Хаддад, вошел в историю как трагический пример манипулирования извне информацией масс-медиа и внешней игры на внутриливанских противоречиях. Именно ливанские христиане-униаты составляли большинство личного состава АОЮЛ, хотя были также шииты и друзья [Abi Ramia, 2019], и только в 1990-е гг. в формированиях АОЮЛ служило большинство местного шиитского населения (до 60%) [Matthews, 2000]. В результате марониты, чьи партийно-клановые ополчения были наиболее боеспособными, оказались под огнем арабской критики как коллаборационисты.

Вскоре на фоне тревожной для многих в регионе интеграции ливанских «правых» последовала жестокая акция, направленная на дробление маронитского лагеря: ихдинская трагедия (*маджзарат Ихдин*) 13 июня 1978 г. сделала непримиримыми врагами умеренно просирийский клан Франжье и военный альянс маронитов «Ливанские силы».

Тем временем палестинский фактор оставался не просто весомым, но даже ключевым вплоть до 1978 г.: палестинский ФО в Ливане продолжал действовать вопреки даже достигнутым договоренностям между сторонами. «Тайная игра, тайное соглашение имеется между ООП и сторонами урегулирования, а точнее – сирийским, ливанским и американским правительствами. ... Мы отказываемся от прекращения огня, от соглашений в Шторе, особенно, когда они просят нас покинуть юг и порть», – заявлял на ломаном английском представитель ФО в видеообращении от октября 1977 г.³⁰

²⁸ Ср. с проектом «Свободная сирийская армия» (*Аль-джайш ас-сури аль-хурр*) уже в нынешнем сирийском кризисе.

²⁹ Получила это название только в 1980 г., до того – «Армия обороны Южного Ливана», (АОЮЛ).

³⁰ Lebanon: Rejectionist Front Warns That It Will Continue Its Fight Against Israel Despite Recent Ceasefire. Video, 00:02:13. *British Pathé*, 1977. <https://www.britishpathe.com/video/viva8g4l9ponfjx7yotc3soxiy4z2-lebanon-rejectionist-front-warns-that-it-will-continue-its-fight>.

Этап «чужой войны» [Хлебникова, 2016, с. 172], или, условно говоря, «палестинский» этап, в ливанском конфликте завершился переводом главной линии противостояния к определенным полюсам: правохристианский «Ливанский фронт» (ЛФ) против НПС – ООП и сирийцев. В начале февраля 1978 г. в Бейруте прогремели несколько взрывов, послуживших провокацией обострения обстановки. 7 февраля в восточно-бейрутском пригороде Ярзе имел место конфликт между сирийскими военными и ливанскими ополченцами из ЛФ, который стал началом долговременного их противостояния.

Израильское вторжение во второй половине марта 1978 г. (так называемая Операция Литани) по-своему закрепило изменение диспозиции главных сил в ливанском противостоянии. Сирия окончательно заняла позицию полной поддержки ООП в Ливане – особенно в свете общеарабской линии на противодействие сионистскому агрессору. Ливанские «правохристианские» силы, в свою очередь, выступили с консолидированной позицией (за исключением клана Франжье, его партии «Марада» и его ополчения «Армия освобождения Згорты») – противодействия сирийскому присутствию. В итоге этап «чужой войны» в Ливане завершился парадоксальным образом – военным вторжением Израиля, войной настоящей.

После этой краткосрочной, но жестокой войны против Ливана, Совбезом ООН 19 марта 1978 г. были приняты резолюции 425 и 426, которыми предполагалось создание Временных сил ООН в Ливане (UNIFIL). Они стали очередным международным военным контингентом в этой стране.

Начав в 1976 г., Сирия продолжала демонстрировать свои возможности в роли арбитра в столкновении двух условных лагерей в Ливане, при этом доказывая свою «непредвзятость» довольно жестко. Когда сирийскими военными в октябре 1978 г. были обстреляны позиции маронитов в Восточном Бейруте, то, по мнению весьма критически настроенного автора секретной записки об оперативных данных из Дамаска, эта операция преследовала две цели: «а) привлечь внимание международного сообщества к тому факту, что Сирия остается политическим фактором, с которым приходится считаться на Ближнем Востоке после Кэмп-Дэвида, и эта цель была достигнута; б) откуда бы ни исходило желание ослабить роль Сирии в Ливане, сирийцы не верят, что кто-либо из арабских лидеров смог бы повысить политическую роль или военное присутствие своей страны в Ливане без одобрения Асада»³¹.

Речь шла, в частности, об эмиратской составляющей МСС: подразделения Эмиратов, дислоцированные в Западном Бекаа, готовились к переводу в Бейрут, и сирийцы якобы ожидали, что это будет обсуждаться с ними. Дело в том, что к тому моменту марониты, вступившие в конфронтацию с сирийским контингентом, рассматривали военные силы Эмиратов в составе МСС в качестве щита от жестких действий сирийских военных. В тех условиях, как говорилось в записке, «потребность в силах ОАЭ оказалась значительно выше в Восточном Бейруте»³².

Но это был уже другой этап затяжного ливанского противостояния – этап собственно гражданской войны с налагавшимся как бы поверх спором внешних акторов. Между собой конфликтовали разные маронитские лагеря (как раз к этому времени относится и печально известная «ихдинская резня» – хладнокровное убийство членов семьи Франжье). Продолжали сталкиваться на поле боя оппоненты из лагерей прогрессистов и социалистов, с одной стороны, и консервативного Национального фронта, с другой.

Иностранное присутствие в Ливане только увеличивалось: палестинские боевики продолжали непримиримую войну с ЛФ, в рамках своего «Фронта отказа» отвергая проекты политического урегулирования; МСС оставались в Ливане до апреля 1979 г., причем си-

³¹ DNSA. Message from American Embassy in Damascus, 21.10.1978 (Confidential). P. 2.

³² DNSA. Message from American Embassy in Damascus. October 21, 1978. P. 2.

рийское «ядро» этого международного контингента выделялось своей особой позицией, и опора ливанского населения на участников МСС из разных арабских стран была далеко не однородной; израильский фактор влияния на военно-тактическую ситуацию в Ливане продолжал оставаться сильным как до, так и после интервенции в марте 1978 г.; в том же месяце в Ливане появился международный контингент UNIFIL, кстати, остающийся там до сих пор.

Тем самым сирийское военное присутствие в Ливане трудно рассматривать как факт уникальный в своем роде. По крайней мере, в первый период войны его никак нельзя рассматривать как «оккупацию» Ливана или в качестве явления, исключительно негативно повлиявшего на ход ливанской гражданской войны. Тем более, он не может рассматриваться как проявление якобы присущего сирийцам экспансионизма, о котором иногда заговаривают некоторые зарубежные и, увы, отечественные авторы³³. Не любовь к историческим мифам и не проекты «возрождения» никогда не существовавших стран («Великой Сирии»), а политическая прагматика служила сирийскому президенту и его окружению руководством к действию на ливанском направлении. Оно имело стратегическое значение не только само по себе, но и в региональной конкуренции, например, с Египтом и Ираком, а кроме того, имело выходы на повестку глобальной политико-идеологической диспозиции в период «холодной войны».

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ АРХИВА

- US Digital National Security Archive. Kissinger Transcripts, 1968–1977* (DNSA).
DNSA. Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 24, 1976. (Secret, NoDis, XGDS).
DNSA. Message from American Embassy in Damascus. October 21, 1978 (Confidential).
DNSA. Message from American Embassy in Tel Aviv. July 4, 1976. (Secret).
DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Minister Vorontsov – Secretary Kissinger, April 2, 1976, 7:37 p.m.
DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Mr. Day – Secretary Kissinger, July 1, 1976, 10:43.
DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Mr. James Reston – Secretary Kissinger, June 4, 1976, 3:07.
DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], The Secretary [Kissinger] – Amb[assador] Dinitz, April 3, 1976, 3:10 p.m.
DNSA. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976 (Secret, NoDis).
DNSA. US Dept. of State. Secretary's Staff Meeting. Minutes. June 1, 1976 (Secret).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: Сборник документов. 1976 год.* М.: Международные отношения, 1977 [*Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations: A Collection of Documents. 1976.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1977 (in Russian)].
Гриневский О. *Тайны советской дипломатии.* М.: Вагриус, 2000 [Grinevsky O. *Soviet Diplomacy Secrets.* Moscow: Vagrius, 2000 (in Russian)].
Матвеев И.А. *Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003).* М.: ИИИиБВ, 2004 [Matveev I.A. *National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003).* Moscow: IIMES, 2004 (in Russian)].
Тимофеев И.В. *Камаль Джумблат.* М.: Прогресс, 2003 [Timofeev I.V. *Kamal Jumblat.* Moscow: Progress, 2003 (in Russian)].

³³ Об этом и о некой «доктрине Асада» – курсе сирийцев на безусловное лидерство якобы на всех территориях Леванта, в том числе суверенных Ливана, Иордании и Палестины см.: [Матвеев, 2004].

- Хлебникова Л.Р. Роль США и Израиля на начальном этапе «чужой войны» в Ливане (1975–1978). *Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2016. № 4. С. 171–203 [Khlebnikova L.R. The United States and Israel at the Beginning of the ‘War of Others’ in Lebanon (1975–1978). *Moscow University Bulletin of World Politics*. 2016. No. 4. Pp. 171–203 (in Russian)].
- Abi Ramia J. Vie et mort de l’Armée du Liban-Sud. *L’Orient-Le Jour*, 19 septembre, 2019. P. 7.
- Chamussy R. *Chronique d’une guerre: Liban 1975–1977*. Paris: Desclée. 1978.
- Dawisha A.I. Syria in Lebanon: Assad’s Vietnam? *Foreign Policy*, 15 Dec. 1978. Pp. 135–150.
- Lebanon: Rejectionist Front Warns That It Will Continue Its Fight Against Israel Despite Recent Ceasefire. Video, 00:02:13. *British Pathé*, 1977. <https://www.britishpathe.com/video/vlva8g4l9ponfjx7yotc3soxiy4z2-lebanon-rejectionist-front-warns-that-it-will-continue-its-fight>
- Matthews M. Israeli Pullout Will Strand South Lebanon Army Allies. *The Baltimore Sun*. 7 March 2000. P. 2.
- Pakradouni K. *La Paix Manquée: Le Mandat d’Elias Sarkis (1976–1982)*. Beyrouth: FMA, 1984.
- Van Dam N. *The Struggle for Power in Syria: Politics and Society under Assad and the Ba’th Party*. London – New York: Tauris, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САРАБЬЕВ Алексей Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Aleksei V. SARABIEV, PhD (History),
Leading Research Fellow of the Centre of Arabic
and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies
of RAS, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014376-0

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМ И СИРИЕЙ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ И. РАБИНА

© 2021

С.Г. МЕЛКОНЯН ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8966-1088; melkonian.sergei@mail.ru

Резюме: *Статья посвящена изучению сирийско-израильских мирных переговоров. Данный процесс имел несколько этапов, однако наиболее результативным можно считать именно период 1992–1995 гг. Именно в период администрации Ицхака Рабина Израилю удалось подписать мирные соглашения с Иорданией и ООП, а также выстроить полноценный переговорный процесс с Сирией, которая традиционно занимала наиболее непримиримую позицию в отношении Израиля. Изучение эволюции израильско-сирийского переговорного процесса позволяет определить реальные намерения и позиции сторон, а также оценить роль США как посредника.*

Источниковедческой базой исследования послужили в первую очередь мемуары американских политических деятелей и дипломатов (Б. Клинтон, К. Уоррен, Д. Росс, Д. Курцер), которые напрямую были вовлечены в израильско-сирийский диалог, а также членов израильской переговорной группы (И. Рабинович, У. Саги, У. Савир). В целом рассматриваемый этап переговоров можно разделить на две стадии: встречи на уровне послов для обсуждения общих условий соглашения и переговоры по вопросам безопасности с участием высшего военного руководства. На начальном этапе главным вопросом для Сирии был уход Израиля с Голанских высот и восстановление границ до июня 1967 г. Для израильской же стороны приоритетной проблемой были гарантии безопасности. Именно после того, как было решено сосредоточиться на принципах безопасности, которые включали оба компонента, был достигнут исторический прогресс: впервые в истории двух государств подобный компромисс был формализован в неофициальном документе, который остается единственным двусторонним соглашением.

Изучение данного этапа на основании мемуаров лиц, принимавших участие в переговорном процессе, позволяет ответить на вопрос, обсуждение которого продолжается по сей день, а именно: был ли готов Х. Асад к заключению соглашения с Израилем или же он преследовал другие цели в ходе мирного процесса.

Ключевые слова: Сирия, Израиль, Ближний Восток, переговоры, Ицхак Рабин, Хафез Асад, Голанские высоты.

Для цитирования: Мелконян С.Г. Переговорный процесс между Израилем и Сирией в период администрации И. Рабина. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 148–157. DOI: 10.31857/S086919080014376-0

NEGOTIATION PROCESS BETWEEN ISRAEL AND SYRIA
DURING THE ADMINISTRATION OF YITZHAK RABIN

© 2021

Sergei G. MELKONIAN ^a^a – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8966-1088; sergei.melkonian@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to the study of the Syrian-Israeli peace negotiations. The process had several stages, but the period 1992–1995 can be considered the most effective. It was during Yitzhak Rabin administration that Israel managed to sign peace agreements with Jordan and the PLO, as well as to build a full-fledged negotiation process with Syria, which has traditionally held the most intransigent stance towards Israel.*

The research is based on the memoirs of American politicians and diplomats (B. Clinton, C. Warren, D. Ross, D. Kurtser), who were directly involved in the Israeli-Syrian dialogue, as well as members of the Israeli negotiating group (I. Rabinovich, U. Sagie, U. Savir). In general, the stage of negotiations under consideration can be divided into two stages: meetings at the level of ambassadors and negotiations on security issues with the participation of senior military leaders. At the initial stage, the main issue for Syria was Israel's withdrawal from the Golan Heights and the restoration of the border before June 1967. For the Israeli side, security guarantees were a priority issue. It was after the decision had been made to focus on security principles that included both pillars that historic progress was achieved. For the first time, such a compromise was formalized in an unofficial document, which remains the only bilateral agreement between the sides. The analysis allows to answer the question that is on the agenda nowadays: whether H. Assad was ready to sign an agreement with Israel or he pursued other goals.

Keywords: Syria, Israel, Middle East, negotiations, Yitzhak Rabin, Hafez al-Assad, Golan Heights.

For citation: Negotiation process between Israel and Syria during the Administration of Yitzhak Rabin. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 148–157. DOI: 10.31857/S086919080014376-0

В отечественной историографии израильско-сирийские отношения традиционно было принято рассматривать в контексте общего арабо-израильского противостояния. Подобный подход применялся также к процессу урегулирования. Однако разная эволюция отношений между Израилем и отдельными арабскими странами обосновывает необходимость отдельного изучения каждого измерения конфликта. Поэтому представляется важным рассмотрение особенностей израильско-сирийского противостояния, учитывая тот факт, что Сирия, будучи наиболее непримиримой стороной в сравнении с другими арабскими странами, была близка к заключению мирного соглашения с Израилем. Сирийско-израильский переговорный процесс имел ряд этапов. Наступление нового этапа было обусловлено сменой руководства в Израиле. Это как меняло позицию государства по ряду вопросов, так и корректировало саму повестку переговоров.

Отправной точкой израильско-сирийского переговорного процесса можно считать Мадридскую конференцию 1991 г., в рамках которой планировалось достигнуть соглашения по всему комплексу арабо-израильского конфликта. Важно отметить, что правое руководство Израиля во главе с премьер-министром Ицхаком Шамиром выступало против каких-либо уступок в процессе урегулирования. Несмотря на готовность Израиля к пе-

реговорам со всеми арабскими странами, взаимно высокий уровень антагонизма между Израилем и Сирией продолжал сохраняться. Первый этап закончился безрезультатно: в своих выступлениях министр иностранных дел Сирии Фарука аль-Шараа обвинял Израиль, который является корнем всех проблем в регионе, в продолжении экспансионистской политики [Шараа, 1991], а И. Шамир в ответ назвал Сирию домом всех террористических организаций, сеющих насилие [Шамир, 1991].

На дальнейшую активизацию переговорного процесса повлиял ряд следующих событий. Во-первых, распад СССР привел к тому, что Сирия осталась без внешнего покровительства, что существенно ослабляло ее позиции. Во-вторых, незначительный прогресс на Мадридской конференции привел к ситуации, в которой Сирия оказалась единственной страной, отвергающей какие-либо мирные переговоры с Израилем. Указанные факторы позволили склонить сирийскую сторону к диалогу. Однако главной причиной можно считать приход к власти в Израиле левых во главе с И. Рабиным. В своей речи в Кнессете 3 октября 1994 г. премьер-министр открыто заявил о готовности к достижению мира с Сирией, что являлось историческим шансом и ключом к общему миру, подчеркнув, что Израиль не подпишет соглашения, если со стороны Дамаска не будут предоставлены гарантии «максимальной безопасности, насколько это возможно» [Рабин, 1994].

Согласно заявлению, израильское предложение мира состояло из четырех компонентов, которые неотделимы друг от друга: определение границы между двумя государствами; график выполнения договоренностей (этапы вывода израильских сил и выхода к «границе мира», полная нормализация отношений и осуществление мер безопасности); тест на нормализацию отношений, который состоится после первого ограниченного вывода израильских сил с Голанских высот (установление дипломатических отношений с открытием посольств, развитие торговли и культурных связей, транспортного сообщения и т. д.); и заключительный элемент – решение вопросов в области безопасности (взаимное сокращение регулярных сил, развертывание многонациональных сил и т. д.), которые позволяют «принять на себя риски, связанные с выводом войск на Голанах».

Готовность нового израильского руководства на компромисс – «уход с Голанских высот взамен на конкретные гарантии и установление отношений» – не вызывает сомнений. Более того, данный вопрос был одним из пунктов повестки во время предвыборной гонки. Поэтому победа И. Рабина может свидетельствовать о наличии внутренней легитимности данного подхода несмотря на то, что израильский премьер позже предлагал провести референдум, на котором население смогло бы поддержать или отвергнуть предложенный вариант мира с Сирией.

Израильско-сирийские переговоры в период администрации И. Рабина имели несколько этапов. Первый продолжался с 24 августа по 17 декабря 1992 г.: встречи проходили в Вашингтоне на уровне послов при посредничестве Госдепартамента США и в основном носили характер консультаций. Главой израильской переговорной группы был И. Рабинович, сирийской – Муваффах Аляф, посредником выступал заместитель госсекретаря США Эдвард Джереджян. В итоге сирийская сторона представила документ «Проект декларации принципов», который до сих пор не опубликован. Он представлял собой четкую формулировку концепции мирного урегулирования с Израилем на основании принятия Резолюций 242 и 338 СБ ООН с основополагающим принципом «земля в обмен на мир», что являлось традиционной формулой урегулирования конфликта, с сирийской точки зрения. Что касается условий соглашений в области безопасности, то, согласно проекту, они должны были включать демилитаризованные зоны и «зоны с пониженной концентрацией вооружения» с обеих сторон на равных условиях [Rabinovich, 1998, p. 61]. Принятие израильской стороной данного документа в качестве формальной основы для переговоров свидетельствовало

вало о следующих важных изменениях. Во-первых, Израиль уже на практическом уровне принимал сирийскую формулу мира и резолюции СБ в качестве основы урегулирования, отказываясь от традиционной формулы «мир в обмен на мир», что подразумевает уход с Голанских высот взамен на гарантии мира. Во-вторых, проделав серьезную подготовительную работу, сирийская сторона фактически задала повестку дня для последующего переговорного процесса, что косвенно свидетельствует о заинтересованности руководства в данных переговорах. Главной причиной, которая повлияла на приостановку процесса урегулирования, можно считать президентские выборы, которые проходили в США в 1992 г. Было принято решение перенести следующие встречи на весну 1993 г. Важно отметить, что переговоры планировалось проводить также при посредничестве США. Поэтому смена администрации в Белом доме и соответственно изменения в Госдепартаменте, который курировал данный вопрос, прямым образом оказывали влияние на ход процесса.

В перерыве между раундами имела место активная публичная деятельность двух лидеров. На основании того, что было достигнуто в ходе первых встреч, И. Рабин и Х. Асад обращались как к своему населению, так и к политическому руководству с конкретизацией своих позиций. Главным пунктом сирийской риторики был полный уход Израиля с Голанских высот, для израильской стороны приоритетным вопросом оставались гарантии, которые будут получены взамен. Продолжающиеся интервью и выступления двух лидеров на протяжении нескольких месяцев можно считать опосредованным способом ведения переговоров, поскольку в данном случае они направляли послания не через уполномоченных представителей, входящих в переговорную группу, а с помощью СМИ. Как вспоминает в своих мемуарах Деннис Росс, специальный посланник Б. Клинтона на Ближнем Востоке, во время его встречи в июле 1993 г. с израильским лидером И. Рабин предложил следующую формулу относительно двух ключевых аспектов переговоров: «глубина ухода будет отражать глубину мира». С его согласия он передал данное послание Х. Асаду в ходе личной встречи. На это сирийский лидер предложил свою формулу – «полный мир взамен на полный уход». Данный ответ И. Рабин считал достаточно интересным, в связи с чем предложил Д. Россу продолжить общение между двумя лидерами этим способом [Ross, 2004, p.109].

Администрация Б. Клинтона была готова полностью поддержать процесс сирийско-израильского урегулирования. Во время одного из первых заседаний Совета по национальной безопасности, которое было посвящено ближневосточной проблематике, американский президент принял решение дать приоритетное направление именно сирийскому вектору арабо-израильского урегулирования [Kurtzer et al., 2012, p. 71]. Намерение израильской стороны продвигать мирный процесс не вызывало сомнений. В то же время готовность Х. Асада к заключению соглашения оставалась под вопросом. Чтобы получить ответ на данный вопрос, новый американский президент встретился с сирийским лидером в Женеве. Как отмечает в своих мемуарах Б. Клинтон, Асад редко покидал Сирию и, когда он это делал, почти всегда проводил встречи с иностранными лидерами в Женеве. Далее он сделал важный для себя как посредника вывод: «Из нашей дискуссии я извлек две вещи, которые хотел: первое четкое заявление Асада о том, что он готов заключить мир и установить нормальные отношения с Израилем, и его обязательство вывести все сирийские силы из Ливана и уважать его независимость после достижения всеобъемлющего мира» [Clinton, 2004, p. 518]. При этом американский президент понимал, чем обусловлена подобная готовность. Отсутствие экономической, военной и дипломатической поддержки СССР вынуждало Сирию расширять сотрудничество с западным миром, в связи с чем необходимо было прекращать поддержку организаций, действующих против Израиля. Разрыв данных связей должен был оказать положительное влияние на переговорный процесс, в развитии которого было заинтересовано новое американское руководство. Как отмечал И. Рабинович,

Б. Клинтон придавал должное значение израильско-палестинскому пути, но рассматривал прорыв в израильско-сирийском направлении как ключ к всеобъемлющему арабо-израильскому урегулированию и к геополитической перестройке на Ближнем Востоке [Rabinovich, 1998, p. 85]. Позже в мемуарах Б. Клинтон по итогам очередной встречи с Х. Асадом 27 октября 1994 г. напишет, что для него «было ясно, что Асад хочет мира» [Clinton, 2004, p. 595]. К подобному выводу пришел также Деннис Росс. В своих мемуарах он отмечал, что регулярно встречался с Валидом аль-Муаллемом с целью продвижения мирного процесса, пока тот был послом Сирии в США и участвовал в переговорах вместе с Муваффаком Аляфом. В частности, он подчеркивал, что посол был искренне заинтересован в достижении мира, но не в качестве одолжения Израилю, а исходя из убеждения, что мир послужит интересам Сирии. Также в личной беседе он добавил, что его личная приверженность миру была признаком намерений президента Асада [Ross, 2004, p. 138].

До возобновления переговоров между Израилем и Сирией была сформирована новая группа под руководством Кристофера Уоррена, в которую вошли Эдвард Джереджян, Мартин Индик, Даниэл Курцер, Аарон Миллер и Деннис Росс. Особо примечательно, что регионом, который К. Уоррен выбрал для своей первой поездки в должности государственного секретаря стал Ближний Восток, что обозначало особый приоритет арабо-израильского урегулирования для американской администрации. В ходе ознакомительной поездки в феврале 1993 г. госсекретарь побывал также в Израиле и Сирии, посетив в том числе Голанские высоты. Затем последовал визит И. Рабина в США, в ходе которого 15 марта 1993 г. он встретился с Б. Клинтоном и обсудил процесс урегулирования. После поездки Эдварда Джереджяна в Сирию для встречи с Х. Асадом с целью информирования о состоянии дел переговоры возобновились.

Девятый (начался 27 апреля 1993 г.) и десятый (три недели с 15 июня 1993 г.) раунды переговоров, проходившие в Вашингтоне, закончились безрезультатно. Основное обсуждение велось вокруг толкования терминов, которыми ранее обменялись сирийский и израильский лидеры: «полный мир» и «полный выход». Камнем преткновения послужило внесение израильской стороной принципа «одновременности», согласно которому оба процесса должны протекать параллельно. Очевидно, что подобный подход нашел сопротивление со стороны сирийской делегации, для которой было выгодно обеспечить израильский уход с Голанских высот гарантиями безопасности, выполнение которых могло наступить после освобождения территории.

Понимая важность установления прямого контакта между двумя лидерами, американская сторона обратилась к Х. Асаду с подобным предложением, но получила отказ. Поэтому было принято решение, что каналом общения выступит К. Уоррен, который планировал поездку на Ближний Восток. Его поездка длилась с 3 по 6 августа 1993 г. Как отмечает в своих мемуарах американский госсекретарь, в ходе его первой встречи с И. Рабиным израильский лидер поднял следующий вопрос: «Что Сирия готова сделать в обмен на полный уход Израиля с территории на Голанских высотах, захваченных в войне 1967 г.?» [Warren, 2001, p. 221]. Было предложено три ключевых пункта. Во-первых, готов ли Асад подписать с Израилем отдельный договор, который не связан с иорданским и палестинским переговорным процессами? Во-вторых, присоединится ли он к личной публичной дипломатии, лично встретившись с И. Рабином, чтобы заверить израильскую общественность в приверженности Сирии к миру? И, в-третьих, согласится ли он с пятилетним графиком полного вывода Израиля с Голанских высот с постепенной нормализацией отношений между двумя странами посредством обмена дипломатами, который будет происходить по мере продвижения вывода? Ответ, который К. Уоррен получил от Х. Асада, не позволял говорить о возможностях быстрого прогресса. В частности, сирийский лидер занял жесткую позицию

по двум последним вопросам: публичная дипломатия может иметь место после заключения мирного соглашения, и встреча с Рабином невозможна до тех пор, пока Голаны не будут возвращены Сирии; уход Израиля должен быть реализован не за пять лет, а за полгода. При этом имело место согласие Х. Асада по первому вопросу повестки: готовность заключить соглашение без привязки к другим арабским странам. Тем не менее было очевидно, что этого недостаточно для прямых открытых переговоров с целью скорейшего достижения соглашения.

Важным толчком для урегулирования на сирийском направлении должно было послужить подписание соглашения в Осло 13 сентября 1993 г. Достижение компромисса между израильтянами и палестинцами могло дать сирийскому руководству уверенность в том, что они не предадут идею арабской солидарности, заключая сепаратное соглашение. Новый раунд встреч стартовал 30 сентября и проходил в Вашингтоне при посредничестве Д. Росса. Сирийскую сторону представляли М. Аляф и В. Муаллем, израильскую – И. Рабинович. Существенных результатов данные встречи не принесли, кроме корректировки формулировок совместного документа «Декларация принципов», над которым стороны работали на протяжении года. По воспоминаниям Д. Росса, сирийцы не выражали заинтересованности в переговорах и не скрывали этого [Ross, 2004, p. 138]. В то же время участие В. Муаллема в церемонии подписания соглашения между израильтянами и палестинцами демонстрировало приверженность Дамаска мирному процессу. Однако иорданское направление представлялось для израильского руководства более перспективным, как минимум, ввиду того что первые лица публично заявляли о готовности заключить соглашения в ходе прямых встреч с И. Рабиным. В связи с этим в Израиле было принято решение сконцентрировать все усилия на иорданском направлении.

Как и в предыдущий раз, отсутствие прогресса в формате встреч переговорных групп привело к необходимости прямого вовлечения американского руководства в процесс. 20 октября Д. Росс встретился с И. Рабиным, а спустя два дня с Х. Асадом. Главной задачей, как представляется, было не только сохранение контактов между двумя странами по вопросу достижения соглашения, но и их активизация. Понижение приоритета сирийского направления перед иорданским сказывалось на заинтересованности сторон достичь соглашения. Вероятно, это было одной из причин проведения саммита Клинтон – Асад 16 января 1994 г. На пресс-конференции [Clinton, Asad, 1994] Х. Асад не сделал каких-либо громких заявлений. В то же время Б. Клинтон использовал формулировку, схожую с формулировкой И. Рабина во время обращения к Кнессету, назвав Сирию «ключом к достижению прочного и всеобъемлющего мира».

Встречи на уровне дипломатов возобновились 24 января 1994 г. Единственным решением, к которому пришли стороны по настоянию американских посредников, была необходимость сконцентрироваться на вопросах безопасности. На следующей встрече в конце февраля между И. Рабиновичем, с одной стороны, и В. Муаллемом и М. Аляфом, с другой, прогресса не наблюдалось. Более детально меры безопасности обсуждались во время встречи на высшем уровне между И. Рабиным и Б. Клинтоном. На повестке были два пакета: общие меры и совместные израильско-американские меры. Судя по тому, что после визита Д. Росса в Сирию переговорный процесс активизировался с фокусом на безопасность, американско-израильские договоренности в этой области были позитивно встречены в Дамаске.

С апреля 1994 г. в центре внимания стали находиться вопросы безопасности, связанные с проблемой определения границ. Позиция Х. Асада по границе оставалась непреклонной. Как вспоминает К. Уоррен, во время своего визита в Дамаск 30 апреля 1994 г. Х. Асад настаивал на том, что Израиль должен вернуться к границам до 1967 г., в продолжение американский дипломат добавил, что разговор, плохо закончившийся летом 1993 г., продолжил свое нисходящее движение весной 1994 г. [Warren, 2001, p. 223].

Руководство США, надеясь на положительный исход обсуждения вопросов безопасности, расширило состав посреднической группы. В частности, в нее вошел генерал Майкл Райан. На первых этапах американская сторона согласовывала повестку с израильскими и сирийскими партнерами по отдельности. Как вспоминает И. Рабинович, во время встречи М. Райана и Э. Барака, который был на тот момент министром обороны, последний предложил разделить территорию Сирии на четыре зоны: демилитаризованную, с сокращенным развертыванием, с взаимными инспекциями и зону по укреплению доверия [Rabinovich, 1998, p. 141]. Поскольку сирийская сторона традиционно выступала за равные меры в области безопасности, то и по данному вопросу она придерживалась позиции применения аналогичных мер в отношении Израиля. Исходя из того, что это было неприемлемо для Тель-Авива, данная идея не получила развития.

Последовавшие встречи на уровне послов, которые проходили в США, должны были подготовить почву для более подробных обсуждений по вопросам безопасности. Главным предметом работы израильских, сирийских и американских дипломатов был документ «Non-paper» («Неофициальный документ») о целях и принципах в области безопасности. Как отмечает В. Муаллем, важным достижением переговоров, которые длились с августа 1993 г. по июль 1994 г., стало завершение работы над соглашением о полном выводе к границам до 4 июня 1967 г. [Al-Moualem, 1997]. По утверждению сирийского дипломата, основная позиция Дамаска заключалась в необходимости добиться согласия со стороны Израиля о полном уходе с Голанских высот к границам 1967 г., после чего могут обсуждаться остальные элементы мирного урегулирования. Исходя из последующей эволюции переговоров, можно утверждать, что И. Рабин во многом согласился на данное условие.

Важно учитывать тот факт, что особое внимание продолжало уделяться израильско-иорданским переговорам. Поскольку к тому моменту были видны контуры будущего мира, переговоры с Сирией временно замедлились. При этом израильский лидер продолжал использовать возможности публичной дипломатии. Так, во время выступления в Кнессете 8 сентября 1994 г. И. Рабин заявил, что Израиль рассматривает соглашение с Сирией как комплексную сделку, как «стол на четырех ножках»: глубина ухода с Голанских высот; период, в течение которого он будет осуществляться; этапы ухода, которые должны быть связаны с процессом нормализации с испытательным сроком в три года, включая открытие посольств; соглашение о мерах безопасности [Rabin, 1994]. Однако главным вопросом для И. Рабина оставались гарантии, а для Х. Асада – уход с Голанских высот. Связующим звеном данных проблем являлось достижение компромисса в области безопасности. По этому вопросу, выступая в Кнессете 3 октября, И. Рабин заявил, что термин «меры безопасности» включает в себя целый ряд аспектов: начиная от взаимного сокращения регулярных сил, демилитаризации районов на географической асимметричной основе до развертывания многонациональных сил [Рабин, 1994].

Предметные обсуждения по данному вопросу стартовали 2 ноября 1994 г. К израильским и сирийским дипломатам присоединились начальники Генеральных штабов Эхуд Барак и Хикмет Шихаби. Важно отметить, что ранее Х. Шихаби был директором военной разведки, являлся партийным деятелем и в целом был приближен к Х. Асаду. Согласие отправить высокопоставленного генерала для обсуждения вопросов в области безопасности с Израилем в рамках мирных переговоров свидетельствует о заинтересованности сирийского лидера в позитивных результатах переговоров. Первая встреча между Э. Бараком и Х. Шихаби состоялась 21 декабря. На ней стороны обменивались своими подходами к мерам обеспечения безопасности. Несмотря на все усилия американских посредников, в том числе президента Б. Клинтона, стороны не достигли компромисса ни по одному вопросу, связанному с демилитаризованной зоной, станцией раннего обнаружения на Голанах,

уведомлением об крупномасштабных учениях и другими аспектами. Традиционно после того как стороны заходили в тупик, активизировались американские посредники, которые проводили встречи как с И. Рабиным, так и с Х. Асадом. Данную функцию выполняли не только К. Уоррен, но и Дж. Бейкер вместе с Э. Джереджяном. На этот раз американские посредники смогли добиться успеха. Как заявил К. Уоррен во время пресс-конференции, встреча с Х. Асадом 10 июня была важным шагом на пути к миру и безопасности, поскольку сирийский лидер согласился на проведение встречи как между военными, которые обсудят круг вопросов безопасности, так и между дипломатами [Уоррен, 1995].

После применения челночной дипломатии и возобновления встреч на уровне послов в Вашингтоне, начальники генштабов, которые продолжали работу над документом «Non-paper», вновь встретились 27 июня 1995 г. в более широком формате. Х. Шихаби сопровождали генералы Аммар и Хилл. Израильскую сторону представлял новый начальник Генштаба Амнон Липкин-Шахак, с которым прибыл также Цви Штаубер. Второй раунд встреч на уровне военных имел позитивный исход: был доработан неофициальный документ «Цели и принципы мер безопасности». Документ официально не был опубликован, при этом он является единственным в своем роде прямым письменным соглашением между Израилем и Сирией. Проект документа есть в статье Патрика Сила [Seale, 2000, p. 73], полный текст можно найти в работе Данни Ятома, бывшего главы «Мосссада» [Ятом, 2009, с. 447]. Согласно ему, в документе были обозначены три основные цели:

1. Самый важный приоритет – уменьшить, а то и вовсе исключить опасность внезапного нападения.

2. Ежедневное предотвращение или минимизация напряженности вдоль границы.

3. Снижение опасности крупномасштабной атаки, вторжения или крупной войны.

Основные принципы сводились к тому, что безопасность одной стороны не должна обеспечиваться за счет безопасности другой; меры по обеспечению безопасности должны быть взаимными и равными, в том числе с географической точки зрения; меры безопасности должны достигаться посредством взаимных соглашений и, как таковые, должны соответствовать принципам суверенитета и территориальной целостности каждой стороны; меры безопасности должны быть ограничены соответствующими районами по обе стороны границы.

Исходя из опубликованного документа, можно сделать вывод, что израильская сторона в большей степени пошла на уступки, согласившись с симметричными мерами безопасности и с формулировкой о «соответствующих районах», на которой настаивал Х. Асад. Как указывает Ури Саги, бывший в изучаемый период главой военной разведки Израиля, под данными районами понимались две тонкие полосы земли по обе стороны границы до 1967 г. [Sagie, 1999, p. 40]. Таким образом, очевидно, что мир на тех условиях, которые были приемлемы для Х. Асада, становился реальностью. Как отмечает В. Муаллем, 7 мая 1995 г. в США был приглашен И. Рабин для обсуждения итогового документа, затем 15 мая – министр Ф. Шараа, а 22 мая Сирия и Израиль согласовали окончательный вариант документа «Цели и принципы мер безопасности» [Al-Moualem, 1997]. Достижение компромисса по данному документу стало историческим и уникальным событием за весь период израильско-сирийских переговоров. Однако описываемый процесс был приостановлен ввиду убийства И. Рабина.

В дополнение к этим выводам, важно добавить следующее. Во-первых, изучив мемуары израильских и американских политических деятелей, дипломатов и военных, можно утверждать, что Х. Асад действительно был готов к достижению мирного соглашения с Израилем. Ряд специалистов, например, Д. Пайпс [Pipes, 1996] и М. Диб [Deeb, 2003, p. 189], справедливо утверждают, что сирийский лидер вел переговоры с Израилем для нормализации отношений с Западом, в первую очередь с США. Таким образом, по их

мнению, переговорный процесс с Израилем выступал в качестве инструмента повышения кредита доверия в условиях отсутствия сильного союзника в лице СССР, а также необходимости сохранять ведущие позиции в арабском мире при оказании поддержки враждебным Израилю организациям. Действительно, подобный мотив исключить нельзя. Однако Б. Клинтон и К. Уоррен, лично встречавшиеся с Х. Асадом, хоть и выражали разочарование медленным продвижением переговоров, были убеждены в искренности сирийского лидера по отношению к заключению соглашения. Возможно, наиболее точно подход Х. Асада описал Д. Росс: «Он хотел показать, что он может добиться большего успеха, чем Египет. И все же Асад был доволен жизнью без соглашения, особенно если соглашение не будет соответствовать его стандартам достоинства и чести» [Ross, 2004, p. 122]. Таким образом, сирийский президент, может быть, и не стремился заключить соглашение, как это делал И. Рабин, но в целом он был не против достижения компромисса.

Во-вторых, данный этап переговорного процесса является уникальным в своем роде, поскольку настолько близко к достижению соглашения стороны не были на протяжении всей истории существования Израиля. Во многом И. Рабин и Б. Клинтон были правы, утверждая, что мир с Сирией является залогом стабильности в отношениях между Израилем и арабским миром. Как вспоминает генеральный директор МИД Израиля и один из авторов соглашения Осло, Ури Савир, при администрации И. Рабина было достигнуто взаимопонимание, а не формальное соглашение по ключевым вопросам: Израиль согласился полностью уйти с Голан при условии соблюдения всеобъемлющего мира, нормализации и надлежащих мер безопасности, а Сирия – заключить мирное соглашение с Израилем, которое будет включать установление дипломатических отношений, определенные меры безопасности и сотрудничество по ряду вопросов (туризм, торговля и т. д.) [Savir, 1998, p. 298]. Для достижения подобного компромисса была необходима добрая воля не только израильского, но и сирийского лидера. Важным фактором данного прогресса, который хотелось бы особенно отметить, являлись посреднические усилия американского руководства и дипломатического корпуса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Рабин И. *Речь Ицхака Рабина на открытии осенней сессии Кнессета 3 октября 1994 г.* Центр Ицхака Рабина. <http://www.rabincenter.org.il/Items/01842/14k.pdf> (accessed: 10.06.2020).

Уоррен К. Выступление К. Уоррена перед журналистами 11 июня 1995 г. *AP Archive*. <http://www.aparchive.com/metadata/Israel-Christopher-Briefs-Rabin-On-Syrian-Talks/1c165a8d85790dbaa57e2d3683e167b3?query=Christopher+Briefs+Rabin+On+Syrian+Talks> (accessed: 30.07.2020).

Шамир И. *Речь премьер-министра Ицхака Шамира на Мадридской конференции 31 октября 1991 г.* Национальная кабельная спутниковая корпорация. <https://www.c-span.org/video/?23758-1/israeli-prime-minister-shamirs-speech> (accessed: 07.06.2020).

Шараа Ф. *Речь министра иностранных дел Сирии Фарука Шараа на Мадридской конференции 31 октября 1991 г.* Национальная кабельная спутниковая корпорация. <https://www.c-span.org/video/?23762-1/syrian-foreign-ministers-speech> (accessed: 07.06.2020).

Ятом Д. *Шутаф соди: мисайерет маткаль веад ха-моссад*. (Секретный партнер: от Сайерет Маткаль до Моссادا). Йедиот ахронот, 2009 [Yatom D. *Shutaf sodi: Misayeret Matkal vead ha-Mossad (The Confidant: from Sayeret Matkal to the Mossad)*. Yedioth Ahronoth, 2009 (in Hebrew)].

Al-Moualem Walid. *Fresh Light on the Syrian-Israeli Peace Negotiations. An Interview with Ambassador Walid Al-Moualem*. *Journal of Palestine Studies*. 1997. Vol. 26. No. 2. Pp. 81–94.

Clinton B. *My Life*. New York Alfred A. Knopf, 2004.

Clinton B., Asad H. *The President's News Conference with President Hafiz al-Asad of Syria in Damascus*. U.S. Government Publishing Office. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-1994-book2/pdf/PPP-1994-book2-doc-pg1881-2.pdf> (accessed 20.07.2020).

Deeb M. *Syria's Terrorist War on Lebanon and the Peace Process*. Palgrave Macmillan, 2003.

Kurtzer D., Lasensky S., Quandt W., Spiegel S., Telhami S. *The Peace Puzzle: America's Quest for Arab-Israeli Peace, 1989–2011*. Cornell University Press, 2012.

Pipes D. *Syria's Peace Bluff: Just Kidding*. The New Republic, 1996. <https://www.meforum.org/3903/just-kidding-syrias-peace-bluff>.

Rabin Y. Comments by Prime Minister Rabin on Withdrawal on the Golan Heights- 8 September 1994. *Israel Ministry of Foreign Affairs*. <https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/MFADocuments/Yearbook9/Pages/231%20Comments%20by%20Prime%20Minister%20Rabin%20on%20Withdrawal.aspx> (accessed: 25.07.2020).

Rabinovich I. *The Brink of Peace: The Israeli-Syrian Negotiations*. Princeton University Press, 1998.

Ross D. *The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace*. Farrar, Straus and Giroux, 2004.

Sagie Uri. *The Israeli-Syrian Dialogue: A One-Way Ticket to Peace?* James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University, 1999.

Savir U. *The Process: 1,100 Days that Changed the Middle East*. New York: Random House, 1998.

Seale P. The Syria-Israel Negotiations: Who is Telling the Truth? *Journal of Palestine Studies*. 2000. Vol. 29. No. 2. Pp. 65–77.

Warren C. *Chances of a Lifetime: A Memoir*. Scribner, 2001.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МЕЛКОНЯН Сергей Георгиевич – аспирант кафедры Международных отношений Дипломатической академии МИД России; лаборант-исследователь Отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Sergei G. MELKONIAN, Postgraduate student, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry; Research Assistant, Department of Israel and the Jewish Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ВОСТОК – ЗАПАД

DOI: 10.31857/S086919080014230-0

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В ПРОЕКТАХ КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
В РОССИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ© 2021 Д.В. ОВСЯННИКОВ ^a, Б.А. АЛИМДЖАНОВ ^b, Т.М. КАРМОВ ^c

^a – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1626-0678, d.ovsiannikov@spbu.ru

^b – Институт Востоковедения им. Абу Райхана Беруни, Ташкент, Узбекистан
ORCID ID: 0000-0002-8251-0201, felix_1985@mail.ru

^c – Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: 0000-0001-9534-5797, t.karmov@spbu.ru

Резюме: В статье рассматриваются вопросы управления имперскими территориями, лояльность которых была под вопросом ввиду относительно недавнего «замирения» и на которых после завоевания было установлено туземное/инородческое управление. Империи Модерна в Европе (Россия, Великобритания, Франция) мы рассматриваем как сложные управленческие структуры, оформляющие собой пропорциональные по сложности социальные системы, выступающие в роли субъектов на исторической арене. Основное внимание уделяется дискуссиям в среде британских и российских чиновников касательно сельской общины как основного структурного объекта в региональной имперской политике. Поднимается вопрос о первоисточнике преобразований, а также о заимствовании управленческих практик (трансферов) великими державами друг у друга. Авторы выходят за рамки дуалистического сопоставления, включают в исследовательское поле французский опыт и делают попытку оценить степень его влияния на русских и англичан. Авторы стремятся осмыслить российскую специфику, отталкиваясь от анализа основных принципов, составляющих суть подходов имперского управления англичан и отчасти французов. Делается попытка дать ответ на вопрос о существенных характеристиках русского имперского метода управления. Авторы пытаются обрисовать в общих чертах полемику в правящих кругах Великобритании и России по поводу управления опосредованно через иерархию социальных отношений в завоеванных регионах в контексте проблемы землепользования и развития товарно-денежных отношений в деревне. Для успеха выполнения этой задачи предпринята попытка соотнести ситуацию в Британской Индии и в Русском Туркестане во второй половине XIX – начале XX в. с имперскими практиками французов в Северной Африке в отношении общины. Это позволяет высказать мнение касательно отдельных черт русской специфики управления национальными окраинами и о причинах отличия России от современных ей колониальных империй в лице Великобритании и Франции.

Ключевые слова: Русский Туркестан, Британская Индия, Французский Алжир, сельская община, колония, национальная окраина, проекты колониального управления, либерализм.

Для цитирования: Овсянников Д.В., Алимджанов Б.А., Кармов Т.М. Сельская община в проектах колониального управления в России, Великобритании и Франции. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 158–169. DOI: 10.31857/S086919080014230-0

RURAL COMMUNITY IN COLONIAL GOVERNANCE PROJECTS
IN RUSSIA, GREAT BRITAIN AND FRANCE

© 2021 Dmitry V. OVSJANNIKOV ^a, Bakhtiyor A. ALIMDJANOV ^b, Timur M. KARMOV ^c

^a – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID:0000-0003-1626-0678, d.ovsiannikov@spbu.ru

^b – Abu RaykhanBeruni Institute of Oriental Studies, Tashkent, Uzbekistan
ORCID: 0000-0002-8251-0201_felix_1985@mail.ru

^c – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9534-5797, t.karmov@spbu.ru

Abstract: *The article examines the management of imperial territories inhabited by natives/aliens, whose loyalty was in question due to the relatively recent reconciliation. We consider Modern empires in Europe (Russia, Great Britain, France) as complex management structures that shape social systems proportionate in complexity, acting as subjects in the historical arena. The authors go beyond the dualistic comparison, include the French experience in the research field and make an attempt to assess the degree of its influence on the Russians and the British. An attempt is made to answer the question of the essential characteristics of the Russian imperial method of government. We will try to outline the controversy in the ruling circles of Great Britain and Russia regarding the management indirectly through the hierarchy of social relations in the conquered regions in the context of the problem of land use and the development of commodity-money relations in the countryside. For the success of this task, we will try to correlate the situation in British India and Russian Turkestan in the second half of the 19th – early 20th centuries with the imperial practices of the French in North Africa in relation to the community. This will make it possible to express an opinion regarding certain features of the Russian specifics of the management of national borderlands and the reasons for the difference between Russia and its contemporary colonial empires, represented by Great Britain and France.*

Keywords: Russian Turkestan, British India, French Algeria, rural community, colony, national outskirts, projects of colonial rule, liberalism.

For citation: Ovsjannikov D.V., AlimdjanoV B.A., Karmov T.M. Rural Community in Colonial Governance Projects in Russia, Great Britain and France. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 158–169. DOI: 10.31857/S086919080014230-0

ВВЕДЕНИЕ

Проблема управления и последующей интеграции завоеванных регионов с мусульманским (и не только) населением в состав европейских империй в эпоху Модерна представляет интерес для изучения. Имперские проекты и имперские практики, которые успешно зарекомендовали себя во владениях одной империи, обуславливали заимствования оных («трансферы») администрацией империй-конкурентов. Сравнение методов и практик имперских чиновников в Туркестане, с аналогичными действиями британцев в Индии, а также с французским опытом в Северной Африке и версии о заимствованиях нашли отражение в таком направлении зарубежной историографии, как «сравнительная империология» (comparative empire studies). Учитывая это, мы постараемся представить свой взгляд на данную проблему исторической компаративистики.

В колониях и на национальных окраинах великие державы выстраивали сложную систему управления, включающую «прямые» и «косвенные» методы. При этом в Русском Туркестане наряду с генерал-губернаторством существовали протектораты (Бухарский эмират и Хивинское ханство). В Британской Индии помимо колониальных владений короны в вассальной зависимости от Великобритании – многочисленные туземные княжества-протектораты, а в завоеванной французами Северной Африке было 4 департамента Алжира (не отличающихся по формальным признакам от собственно Франции) и протектораты Тунис и Марокко. Следует учитывать, что структуры управления в протекторатах и национальных окраинах/колониях не совпадали между собой. По-разному реализовывалась система управления и по отношению к сельским общинам в разных частях империй. Так, были отличия в методах России в вопросе общины на Кавказе и в Туркестане, а политика Франции в Алжире и в том же Индокитае также не была унифицирована. В данной работе мы, не претендуя на всеохватность, лишь затронем эволюцию взглядов внутри правящих кругов империй на проблему общины в конкретных регионах.

Русский Туркестан и Кавказ нередко сравнивали с Британской Индией [Morrison, 2006], а также делали попытки соотнести национальные окраины России с французскими колониями в Северной Африке [Бобровников, 2010; Бобровников, 2011]. Нужно отметить, что не все исторические сравнения отображают историческую действительность. Например, британский историк А. Моррисон, сравнивая Самарканд с Пенджабом, не учитывает, что в геополитическом и экономическом плане – это две разные величины: Пенджаб считался житницей Индии, а Самарканд (самая маленькая область в Туркестане) играл более скромную экономическую роль в Русском Туркестане. Скорее всего автор исходил из статистических данных, которые трудно поддаются правильной интерпретации [Morrison, 2006, p. 291]. Конечно, все сравнения носят во многом спекулятивный характер и хороши до известной степени. У современных исследователей не пропадает интерес к эпохе колониальных завоеваний и первых колониальных реформ.

Империи Модерна в Европе (Россия, Великобритания, Франция) мы рассматриваем как сложные управленческие структуры, оформляющие собой пропорциональные по сложности социальные системы, выступающие в роли субъектов на исторической арене. Данные типы субъектов находились во взаимодействии с системами менее сложного порядка – объектами. Это покоренные и интегрируемые территории, население которых исповедует ислам и другие религии Востока. При этом мы постараемся выйти за рамки обозначенной выше «сравнительной империологии». Через призму методов управления в колониях/национальных окраинах мы попытаемся отделить субстанцию от функции (содержание от формы) и сравнить некоторые существенные аспекты империй. Для успешного разрешения этой проблемы мы используем сравнительно-исторический и историко-типологический методы.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ И ИСТОЧНИКИ

Русские этнографы изучали феномен сельской общины народов Туркестана и Кавказа, будучи современниками исследуемых нами событий. Видение науки базировалось на унификационной доктрине эволюционизма, в рамках которой все социумы последовательно должны проходить определенные стадии развития. Венцом считалось выделение социального индивида как личности (его персонификация), и, следовательно, института частной собственности как основы землепользования. Общинная стадия рассматривалась как непременно предшествующая подобным отношениям. Классическим представителем этой школы был М.М. Ковалевский [Ковалевский, 1879]. Это стало теоретической основой выводов графа К.К. Палена о повсеместном существовании в Туркестане в прошлом

общины [Пален, 1911, с. 104]. В советской науке до Великой Отечественной войны господствующим был тезис об общине как пережитке социальных отношений, бытовании общины в глухих и труднодоступных районах Средней Азии [Кондауров, 1940]. В 1950 – 1980-х гг. на страницах журнала «Советская этнография» вышел ряд статей, посвященных общине Туркестана на рубеже XIX–XX вв. [Абдулхамидов, 1987; Абдураимов, 1959; Громыко 1984]. Стоит отметить, что среди отечественных ученых довольно узок круг специалистов, уделявших внимание данной проблеме относительно Туркестана в имперский период [Абашин, 2001; Абашин, 2002]. Косвенно С.Н. Абашин затрагивает сельскую общину в Средней Азии и в своем недавнем крупном историко-антропологическом исследовании [Абашин, 2015]. Автором во введении к монографии дается содержательный материал по историографии общины в регионе, несмотря на то, что в фокусе исследователя находится советский период. Важное значение для нашего исследования имеют относительно свежие работы выдающегося индолога Б.А. Алаева [Алаев, 2014; Алаев, 2016]. В них убедительно демонстрируется, как интерес к общине, поднятый представителями немецкого романтизма и продолженный классиками марксизма, был реализован на индийской почве британскими администраторами. Крестьянский вопрос в Азии (включая и проблему сельской общины в Британской Индии) нашел отражение в серьезных и фундаментальных работах А.И. Фурсова, которые не утратили научной значимости и актуальны по сей день [Фурсов, 1993]. Колониальное управление и сельская община в Индии, а также полемика в правящих кругах Лондона по этой проблеме были проанализированы корифеями британской исторической науки в 1960–1990-е гг. [Metcalf, 1994; Edwardes, 1967; Rudolf, 1967]. В свою очередь, труд французского историка Клода Колло, который нельзя обойти вниманием, говоря о колониальном Алжире, содержит ценные сведения об арабских и берберских племенах, которые подвергли созданию, упразднению, а затем и дезинтеграции колониальные чиновники Франции [Collot, 1987]. Концептуально и фактологически важными для данного исследования оказались статьи о мусульманской сельской общине (джемаа), дуарах и арабских бюро в Северной Африке из франкоязычной *Encyclopédie berbère* [Bureaux arabes, 1992; Djemāa, 1995; Douar, 1995]. Однако сравнения этих трех примеров выстраивания косвенного управления с опорой на общинные институты в колониях/национальных окраинах как отдельного исторического сюжета нами не выявлено. Это обуславливает актуальность представляемого исследования.

В качестве источников при подготовке данного исследования мы использовали материалы ревизий Туркестанского края, произведенных Ф.К. Гирсом и графом К.К. Паленом, проект отчета К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. Нами были также проанализированы статьи Положения об управлении Туркестанского края. Помимо этого, были задействованы неопубликованные документы, извлеченные из фонда Ф. 1268 («Кавказский комитет») Российского государственного исторического архива (РГИА).

БРИТАНСКИЕ МЕТОДЫ, ФРАНЦУЗСКИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И РУССКИЙ ВГЛЯД НА ОБЩИНУ В ТУРКЕСТАНЕ

В апреле 1859 г. в Индии было подавлено восстание сипаев. Это была победа Британской короны, т. к. в августе 1858 г., согласно «Акту о лучшем управлении Индией», Британская Ост-Индская компания передала административные полномочия в Индии в ее руки. Насущной проблемой для правящих кругов не только Великобритании, но и других великих европейских держав становится вопрос укрепления своей власти на завоеванных территориях, ее упрочения и извлечения прибыли. Очевидной задачей стал поиск социальной

опоры власти. Внимание чиновников и исследователей оказалось сосредоточено на определенных специфических типах социальной организации, к которым пришли различные народы в своем развитии. Эта внутренняя социальная организация, с одной стороны, имела особенности, характерные только для того или иного народа, а, с другой стороны, представляла собой исторически устойчивое явление. Речь идет о сельской общине, интерес к которой прослеживается в политике Великобритании, Франции и России.

В 1860–1880-е гг. англичане стремились установить «власть закона» («The rule of law») в колониях, которую должно было обеспечить сильное правительство [Edwardes, 1967, p. 180]. Экономические проблемы в Индии также предполагалось решать посредством реформ, направленных на разрушение сельской общины. Так сэр Дж.Ф. Стивен (член Индийского Совета в 1869–1872 гг.) был уверен, что демонтаж индийской сельской общины и установление английского права с опорой на институт частной собственности послужат «развитию прогресса» в Индии, откроют дорогу для социальной мобильности и станут толчком для развития рыночных отношений в деревне [Edwardes, 1967, p. 180–181]. «Индийская деревня многие века была в состоянии стагнации, которая мешала накоплению богатства, развитию политических институтов, разума», – утверждал Стивен [Edwardes, 1967, p. 180–181]. Сыграв свою позитивную роль в прошлом, община превратилась «в грубый социализм, который сковывал индивидуальную инициативу» [Edwardes, 1967, p. 180–181]. По мнению Стивена, переход земель из рук сельской общины к ростовщикам должен стать той «болью», которую необходимо было преодолеть индийцам на пути к прогрессу. В конечном итоге надежда возлагалась на получившие английское образование слои индийского общества. Им отводилась роль опоры «новых» идей. Вместе с этим он охарактеризовал британское правление как «воинственное цивилизаторство» [Metcalf, 1994, p. 57], а значит, как «господство британцев над побежденной расой» [Metcalf, 1994, p. 57]. Вместе с тем он сравнивал власть Великобритании в Индии с «большим мостом» через который проходят миллионы людей, оставив за собой «жестокие войны, суеверия, голод и беды» в страну «мира, порядка и индустрии» [Metcalf, 1994, p. 57].

Если сравнить идеи представителя школы английской политэкономии и парламентского либерала Дж.С. Милля и упомянутого выше Стивена, то перед нами предстают две разные ипостаси либерализма. Очень верное замечание в связи с этим сделал Р. Беллами, который писал, что понятие либерализма «неуловимо» в своей сути. Либерализм может включать в себя разные взгляды и понятия [Bellamy, 1990, p. 1–3]. Так, если Милль приветствовал «реформы» англичан для трансформации Индии и считал индийцев «похожими» на англичан, то Стивен был убежден в культурном превосходстве британцев над индийцами [Metcalf, 1994, p. 58–59]. Милль был сторонником «независимого» и «автономного» развития личности (это нашло отражение в его знаменитом тезисе «защиты от правительства» [Милль, 1980, p. 222]), а Стивен же, напротив, предлагал развитие личности в рамках жесткой иерархии. «Авторитарный» либерализм Стивена наиболее соответствовал захватническим устремлениям британского капитала и поэтому сыграл роль идейной опоры британской монархии.

Начиная с лорда Литтона (вице-король Индии в 1876–1880 гг.), британское правительство пришло к пониманию необходимости поддержки своей политики в регионе со стороны широких слоев индийского общества. При этом консерватор Э.Р. Бульвер-Литтон (ставленник Б. Дизраэли) делал ставку на индийских аристократов. Консерваторы расценивали крестьянскую массу как инертную, а поиск опоры в лице *бабу* (выходцев из варны брахманов Бенгалии, получивших европейское образование) и вовсе считался опасным [Edwardes, 1967, p. 182]. А лидер либералов У.Ю. Гладстон в 1877 г. заявил: «...мы не должны идти против растущего индийского сознания, мы же сами начали этот процесс через образование» [Edwardes, 1967, p. 183]. Таким образом, в метрополии соперничав-

щие партии имели разные взгляды на индийскую проблему. Либералы стремились сделать опорой для проведения реформ «средний» класс Индии, а консерваторы – аристократию.

Еще Р. Бурк, лорд Мейо (вице-король Индии в 1869–1872 гг.), который создал институт муниципальных работ, утверждал: «Мы должны привлекать для управления местный элемент, который мы бы обучили управлению в дистриктах» [Edwardes, 1967, p. 184]. Либеральный курс продолжил Дж.Ф. Робинсон, лорд Рипон (вице-король Индии в 1880–1884 гг.). Он попытался дать реальную власть муниципальным советам и ограничить британское вмешательство в дела индийского общества. Вскоре после его отставки уже при новом вице-короле лорде Дафферине (Ф.Т. Гамильтон-Темпл-Блэквуд, вице-король Индии в 1884–1888 гг.) в 1885 г. был создан Индийский Национальный Конгресс (ИНК), который стал первой общеиндийской парламентской структурой. Таким образом, несмотря на кадровые перестановки в британской администрации в Индии, неизменным оставался «либеральный» курс управления с опорой на туземные элиты.

Исходя из логики этого курса, в 1892 г. был принят акт, согласно которому провинциальные Советы получили право обсуждать бюджет и административные вопросы. Специалист по истории Индии Майкл Эдвардс считал, что акт был своеобразным компромиссом между консерваторами и либералами. Последние признали необходимость империи, а «вестернизация» Индии стала целью для колониальной администрации. Однако подобные обобщения Эдвардса нельзя не подвергнуть критике, если не иметь в виду, что в английских правящих кругах не имела места полемика о сельской общине в Индии. Проблема для британцев была в том, как удобнее исчислять и собирать налог – с хозяйства или с деревни. Поэтому наиболее подходящей теоретической платформой для понимания сути британского владычества и подоплеку событий в колониальной Индии являются исследования, выполненные в рамках такого направления, как *Subaltern Studies*. Однако применение методов данного подхода не имеет перспективы для осмысления истории Русского Туркестана и как историкографический сюжет выходит за рамки нашей работы.

М. Эдвардс отмечал, что авторитарный стиль управления британцев стал господствующим, в особенности при вице-короле Дж.Н. Керзоне (1898–1905), который рассматривал Индию как краеугольный камень Британской империи и, по сути, сам был воплощением «интеллектуального» консервативного империализма. Его целью было починить индийскую «машину» и поскорее продвинуть ее к цивилизованному миру. Администрация вице-короля должна была «везде идти вперед и созидать не для настоящего, а для будущего» [Edwardes, 1967, p. 187–188]. Керзон искренне верил, что «Провидение вверило индийцев британцам», а его понимание истории опиралось на идею о происходящем «как деле рук Божьих» [Edwardes, 1967, p. 188]. В английских правящих кругах укоренилась идея объяснять весь ход истории с позиций теологии, несмотря на провозглашаемую идею научного прогресса и сопутствующего ему атеизма. Само существование Британской империи требовало некоего божественного освящения.

По сути, в Российской империи синодальное православие выполняло ту же функцию, что и англиканство. Однако русская монархия была в этом последовательна и не драпировалась в новомодную тогу секулярного прогресса. Безусловно, христианство сыграло значительную роль в формировании идеологической политики империй Европы. Оно давало империалистическим державам чувствовать себя более культурными, гуманными и просвещенными среди народов Востока. Религиозное сознание и самоидентификация придавали европейцам уверенность и превосходство морального плана. Тем самым происходила легитимация диктата другим народам основ европейской цивилизации.

Ярким проявлением отмеченного выше авторитаризма в управлении стал представленный Керзоном в январе 1902 г. парламенту Великобританииopus «Документы, относящиеся

к системе земельных доходов Британской Индии», где он изложил свое видение экономических проблем страны. Основной причиной бедности крестьян назывались религия и традиции индийцев, в том числе непомерные траты на праздники, и в первую очередь свадебные мероприятия [Edwardes, 1967, p. 193]. Однако это была неотъемлемая составляющая жизни индийской касты как единого общественного организма. Игнорирование подобных традиционных институтов британцами стало визитной карточкой британской специфики управления.

Инициативам англичан и русских в колониях/национальных окраинах предшествовал опыт другого великого европейского народа – французов. В.О. Бобровников отмечал, что французские колониальные власти не были чужды идеям Сен-Симона и Фурье, и этим обуславливает их стремление опереться на общину как на социальную опору своего колониального господства в Алжире [Бобровников, 2016, с. 194]. В Северной Африке французами еще в 1845 г. были выделены три территории с различным по составу населением и пропорциональным этому различию вмешательством военных в управление [РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 765, л. 101–102; Овсянников, 2019]. А с середины 1850-х гг. французы предпринимают меры по моделированию арабских и берберских племен в русле их дробления на фракции (дуары¹) и построение через это «арабской коммуны». Это происходило через прикрепление дуаров к определенной территории и фиксацию их количественного состава (от 2 тыс. до 3 тыс. человек). К концу 1870 г. так было сформировано из 1161 племени 1856 дуаров [Collot, 1987, p. 89].

По аналогии с Северо-Западным Кавказом в Туркестане предусматривались меры по переселению русского населения в регион и дальнейшего хозяйственного его освоения. Это сближает французский Алжир и национальные окраины Российской империи. Однако если французы, исходя из теоретических установок, конструировали общину, методы русской администрации не попадают под такое определение.

Сможет ли община способствовать экономическому развитию региона и включиться в капиталистические отношения или станет тормозом? Имеет ли смысл говорить о сельской общине в принципе как о социальном явлении, с которым нужно считаться? Все это занимало умы российских чиновников. Дискуссия по этим вопросам развернулась среди русского чиновничества и исследователей, причастных к Туркестану в 1860–1880-е гг. Одни исследователи и чиновники считали общину тормозом развития, либо вовсе отрицали наличие общинного элемента в сельской жизни Туркестана. Так академик А.Ф. Миддендорф, в частности, исходил из априорного положения о неэффективности и отсталости общинного землевладения. Он ратовал за укрепление частного начала в хозяйственной жизни «туземцев» [Миддендорф, 1882, с. 414, 464]. В свою очередь, старый туркестанец, занимавший должности уездного начальника, а затем и военного губернатора Ферганской области, Г.А. Арандаренко, был более категоричным и считал, что «во всех больших и малых предприятиях туземцев ясно обозначается всегда полная разобщенность, неспособность к труду на общинных артельных началах», а в жизни доминирует личное начало, а не общинное [Арандаренко, 1889, с. 353]. Его мнение во многом было повторением слов председателя Степной комиссии Ф.К. Гирса. Последний утверждал, что «общественное владение землею, которое лежит в основании нашей сельской общины, в здешней местности не существует», а собственность *de facto* является частной («полной») [Гирс, 1884, с. 346]. Однако Гирс не мог отрицать факта коллективизма оседлого населения Туркестана в отношении водного вопроса: «Община существует только в отношениях поводных, а не поземельных» [Гирс, 1884, с. 346]. Скепсис вышеупомянутых лиц в отношении общины можно объяснить не-

¹ Исходно это понятие означало круг палаток или лагерь группы бедуинов, внутрь которого на ночь загоняли принадлежащие им стада.

похожестью русской крестьянской общины и сельских общин неевропейских народов. Так А.К. Абрамов отмечал в своем споре с Ф.К. Гирсом: «Во всем этом какое-то общинное начало и чувствуется, но только чувствуется и то, крайне неосознательно и вовсе неопределенно. Не видно, где же эта водная община начинается и где она кончается? Не очерчен вовсе круг ее» [Абрамов, Щербинский, 1885, с. 27–28]. С другой стороны, боязнь сельской общины как «ячейки социализма» имела место в правящих кругах Российской империи. Высказывалось мнение из стана «охранителей», которые опасались развития революций по европейскому сценарию (1848), о необходимости развития частного начала и изживании общины не только русской, но в первую очередь «туземной», как потенциально опасного структурного элемента организации населения, «совершенно чуждого русским интересам и по своему племенному происхождению и по своей религии», который «легко может сплотить чуждые и враждебные для нас их общественные интересы» [*Русский биографический*, 1914, с. 46, 68].

Таким образом, у европейски образованного (и зачастую по-европейски мыслящего) правящего слоя в России доминировала идея опоры в регионе на институт частной собственности, формальные признаки которого они усматривали у мусульман Туркестана. «Русским» вариантом европеизации через управление было, в свою очередь, фактическое допущение существования частного наследственного владения при господстве государственной собственности на землю. Своего рода «соломоново решение» было принято генерал-губернатором Туркестана К.П. фон Кауфманом (1867–1882 гг.). Он частично импортировал в Туркестан управленческие практики из русской деревни [Гирс, 1884, с. 454]. Так, в частности, было введено налогообложение по селениям, а не по дворам. С.Н. Абашин обратил внимание на тот интересный факт, что «Кауфман в вопросе земельного устройства Туркестана придерживался очень умеренных, почти консервативных взглядов, за что его резко критиковали уже либералы во власти» [Абашин, 2001, с. 44]. Несмотря на консервативность, в Туркестане русская администрация существенно ослабила позиции крупного землевладения в лице местной аристократии: были отменены податные льготы на мульковые владения, а также проведен учет вакуфных земель, в результате чего этот фонд сократился в четыре раза [Фурсов, 2010, с. 29].

Кауфман отмечал такие особенности «политической узбекской системы», как зависимость «владельцев земельных имуществ» от государственной власти, что исключало «во всех этих отношениях признание начала «частной собственности», характеризующего наше Европейское понятие о землевладении» [*Проект*, 1885, с. 228]. При этом Кауфман прагматично отмечал: «...пока у нас еще нет хорошо изученной истории местной поземельной общины» [*Проект*, 1885, с. 265–266]. В связи с этим он считал неверным игнорировать роль коллектива в тех же ирригационных работах, которые «дают стойкий общинный характер поземельным отношениям туземцев» [*Проект*, 1885, с. 266–267]. В итоге проблема землепользования была решена следующим образом. На основании принципа невмешательства во внутренний уклад были сохранены как общинная, так и подворно-участковая (мульк²) формы использования земли. Также были утверждены права на мульковые земли тех, в чьем «постоянном, потомственном ... владении, пользовании и распоряжении» они находились на момент преобразований [Положение, 1997, с. 338]. Таким образом, тезис советской исследовательницы Е.Л. Зелькиной о ставке Кауфмана в конечном итоге на частную собственность [Зелькина, 1930, с. 30, 35–36] провисает и не находит должного подтверждения. В свою очередь, С.Н. Абашин, анализируя полемику русских «либералов» и «консерваторов» того времени о среднеазиатской поземельной общине [Абашин, 2001; 2002], делал

² Дифференцированная форма землевладения на мусульманском Востоке, которую было бы ошибкой сводить к частной собственности по европейской кальке.

оговорку, что не стремится дать однозначный ответ о наличии/отсутствии сельской общины в Туркестане. Однако он все-таки подводит к выводу о доминирующем среди «экспертов» того времени выводе об отсутствии среднеазиатской поземельной общины как массового явления [Абашин, 2001, с. 55]. Это несколько расходится с высказанной попыткой Абашина «встать над схваткой» [Абашин, 2001, с. 35].

Стоит отметить, что частная собственность для России была (и во многом остается) неорганичной формой владения. Для «имманентно некапиталистической» [Фурсов, 2013, с. 135] России было логичным усиление государственного контроля в противовес частному.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Французы несколько раньше других «великих держав» стали действовать в отношении организации населения покоренных территорий. Эта политика по праву может быть названа конструкторской. Формирование дуаров из кочевых племен стало своего рода социальной инженерией, исходящей из модернистских установок домарксистских идеологов социализма.

Взгляды британского истеблишмента на проблему индийской сельской общины были более примитивными и утилитарными, чем во Франции и России. Соответственно их отличала и большая практичность, исходящая из целеполагания колониального господства и извлечения прибыли. Это было несколько завуалировано в гуманистическую риторику, в которой, тем не менее, сквозили установки расового превосходства британцев над индийцами. В Великобритании оппозиционные политические силы сходились по вопросу колониальной эксплуатации и не ломали зря голову над тем, есть ли община в Индии или ее нет.

В Русском Туркестане мы можем увидеть альтернативный вариант европеизации мусульманского Востока. Русский чиновничий корпус, был относительно малочисленным. Компенсация этого обстоятельства происходила через наделение чиновников фактической властью в национальных окраинах, намного большей, чем у французов и британцев. За счет расплывчатых формулировок положений об управлении русские чиновники имели возможность принимать решения, исходя из текущей обстановки на месте, нередко вопреки основной линии Петербурга, а также обслуживающего эту линию «экспертного мнения». Его озвучивали представители либеральной интеллигенции, во многом чуждой как большинству русского народа в силу культурного разрыва, так и русской традиции управления. Отличительной чертой этой традиции является усиление власти и контроля за обширными территориями, а не юридических и финансовых институтов, упор на которые делался у французов и британцев. Другая характерная черта российского метода управления заключалась в фиксации существующих социальных институтов при попытках унификации коллективных общественных институтов на русский манер (по образу русской крестьянской общины).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абашин С.Н. Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации в 1860–1880 годах. *Вестник Евразии*. 2001. № 4. С. 35–62 [Abashin S.N. To Be or Not to Be a Community in Turkestan: Disputes in the Russian Administration in 1860–1880. *Vestnik Evrazii*. 2001. No. 4. Pp. 35–62 (in Russian)].

Абашин С.Н. Община в Туркестане в оценках и спорах администраторов начала 80-х годов XIX века (по материалам Центрального государственного архива республики Узбекистан). *Сборник русского исторического общества*. 2002. Т. 5 (153). С. 71–88 [Abashin S.N. The Community in Turkestan in the Assessments and Disputes of the Administrators of the Early 80s of the 19th century (based on the Materials

of the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan). *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva*. 2002. Vol. 5 (153). Pp. 71–88 (in Russian)].

Абашин С.Н. *Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией*. М.: НЛЮ, 2015 [Abashin S.N. *Soviet kishlak: Between Colonialism and Modernization*. Moscow: NLO, 2015 (in Russian)].

Абдулхамидов А. Общинные традиции в орошаемом земледелии дореволюционного Узбекистана (XIX – начало XX в.). *Советская этнография*. 1987. № 2. С. 100–107 [Abdulkhamidov A. Community Traditions in Irrigated Agriculture in Pre-revolutionary Uzbekistan (19– early 20 centuries). *Sovetskaya etnografiya*. 1987. No. 2. Pp. 100–107 (in Russian)].

Абдураимов М. Пережитки сельской общины в узбекском селении Хумсан (XIX – начало XX в.). *Советская этнография*. 1959. № 4. С. 43–54 [Abduraimov M. Remnants of the Rural Community in the Uzbek Village of Khumsan (19 – early 20 centuries). *Sovetskaya etnografiya*. 1959. No. 4. Pp. 43–54 (in Russian)].

Абрамов А.К., Щербинский Н.С. *Записка по вопросу о правах владения землею в Туркестанском крае*. СПб.: Б. и., 1885 [Abramov A.K., Shcherbinsky N.S. *Note on the Issue of Land Tenure Rights in the Turkestan Region*. Saint-Petersburg: w. d., 1885 (in Russian)].

Алаев Л.Б. *Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции*. М.: Ленанд, 2014 [Alaev L.B. *Rural Community in North India: Major Stages of Evolution*. Moscow: Lenand, 2014 (in Russian)].

Алаев Л.Б. *Сельская община: «роман, вставленный в историю»*. Критический анализ теории общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: Ленанд, 2016 [Alaev L.B. *The Rural Community: A Novel Inserted into History*. Critical Analysis of Community Theory, Historical Evidence of Its Development and Role in a Stratified Society. Moscow: Lenand, 2016 (in Russian)].

Арандаренко Г.А. *Досуги в Туркестане (1874–1889)*. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1889 [Arandarenko G.A. *Leisure in Turkestan (1874–1889)*. Saint-Petersburg: Тип. М.М. Stasyulevich, 1889 (in Russian)].

Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182–209 [Bobrovnikov V.O. Russian Caucasus and French Algeria: Accidental Similarity or Exchange of Experience of Colonial Building? *Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700-1917)*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. Pp. 182–209 (in Russian)].

Бобровников В.О. Как русские на Кавказе и французы в Алжире XIX в. управляли туземцами-мусульманами. *Кавказский сборник*. Т. 7(39). М.: Русская панорама, 2011. С. 239–263 [Bobrovnikov V.O. As the Russians in the Caucasus and the French in Algeria in the 19th century Ruled by the Muslim Natives. *Kavkazskiy sbornik*. V. 7(39). Moscow: Russkaya panorama, 2011. Pp. 239–263 (in Russian)].

Бобровников В.О. Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской империи. *Ориентализм vs. ориенталистика*. М.: ООО «Садра», 2016. С. 167–206 [Bobrovnikov V.O. Our “Strangers”: Foreigners and Natives in the Russian Empire. *Orientalism vs. Orientalistika*. Moscow: ООО “Sadra”, 2016. Pp. 167–206 (in Russian)].

Гирс Ф. *Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса*. СПб.: Б.и., 1884 [Girs F. *Report of the Auditor, by the Highest Command, Turkestan Region, Secret Adviser Girs*. Saint-Petersburg: W. P., 1884 (in Russian)].

Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций. *Советская этнография*. 1984. № 5. С. 70–80. [Gromyko M.M. The Place of the Rural (Territorial, Neighboring) Community in the Social Mechanism of the Formation, Storage and Change of Traditions. *Sovetskaya etnografiya*. 1984. No. 5. Pp. 70–80 (in Russian)].

Зелькина Е.Л. *Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии*. М., 1930 [Zelkina E.L. *Essays on the Agrarian Question in Central Asia*. Moscow, 1930 (in Russian)].

Ковалевский М.М. *Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения*. Часть первая. Москва: Типография Ф.Б. Миллера, 1879 [Kovalevsky M.M. *Communal Land Tenure, Causes, Course and Consequences of Its Decomposition*. Part one. Moscow: Printing house F.B. Miller, 1879 (in Russian)].

Кондауров А.Н. *Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев*. М.–Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1940 [Kondaurov A.N. *The Patriarchal Home Community and Communal Homes of the Yagnobis*. Moscow – Leningrad: Izd. AN SSSR, 1940 (in Russian)].

Милль Дж.С. *Основы политической экономии*. Ред. А.Г. Милейковский. Т. I. М.: Прогресс, 1980 [Mill J.S. *Foundations of Political Economy*. Ed. A.G. Mileikovskiy. T. I. Moscow: Progress, 1980 (in Russian)].

Миддендорф А.Ф. *Очерки Ферганской долины*. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1882 [Middendorf A.F. *Essays on the Fergana Valley*. Saint-Petersburg: Izd. Akademii nauk, 1882 (in Russian)].

Овсянников Д.В. Французская колония и русская национальная окраина в 1845 году: к вопросу о различии принципов имперского управления. *Вульге Годы*. 2019. Vol. 54. Issue 4. С. 1594–1602 [Ovsyannikov D.V. The French Colony and the Russian National Periphery in 1845: on the Issue of the Difference in the Principles of Imperial Government. *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Issue 4. Pp. 1594–1602 (in Russian)].

Пален К.К. *Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане*. Ч. 1. Отд. 1. СПб.: Сенат. тип., 1911 [Pahlen K.K. *Materials for the Characterization of the National Economy in Turkestan*. Part 1. Dept. 1. Saint-Petersburg: Senate typ., 1911 (in Russian)].

Положение об управлении Туркестанского края. *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание 3. Т. VI. 1886. СПб.: Государственная типография, 1888. С. 318–346 [Regulations on the Management of the Turkestan Region. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection 3. Vol. VI. 1886. Saint-Petersburg: State Printing House, 1888. Pp. 318–346 (in Russian)].

Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб.: Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, 1885 [Draft of the Most Submissive Report of Adjutant General K.P. von Kaufman on Civil Administration and Organization in the Regions of the Turkestan General Government. November 7, 1867– March 25, 1881. Saint-Petersburg: Edition of the Military Scientific Committee of the General Staff, 1885 (in Russian)].

Русский биографический словарь. Том XI. Нааке-Накенский Николай Николаевич Старший. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1914 [Russian Biographical Dictionary. Vol. XI. Naake-Nakensky Nikolai Nikolaevich the Elder. Saint-Petersburg: Typ. Main Department of Districts, 1914 (in Russian)].

Фурсов А.И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности. *Крестьянство и индустриальная цивилизация*. М.: Восточная литература, 1993. С. 56–112 [Fursov A.I. Peasantry in Social Systems: the Experience of Developing the Theory of the Peasantry as a Social Type – the Personifier of the Interaction of Universal and Systemic Sociality. *Peasantry and Industrial Civilization*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1993. Pp. 56–112 (in Russian)].

Фурсов А.И. Советский Союз в русской истории и мировой системе. *История и современность*. 2013. № 3. С. 125–135 [Fursov A.I. The Soviet Union in Russian History and the World System. *Istoriya i sovremennost'*. 2013. No. 3. Pp. 125–135 (in Russian)].

Фурсов К.А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: общее и различия. *Восток (Oriens)*. 2010. № 6. С. 28–44 [Fursov K.A. Imperial Economic Policy in Russian Turkestan and British India: Common and Differences. *Vostok (Oriens)*. 2010. No. 6. Pp. 28–44 (in Russian)].

- Bellamy R. *Victorian Liberalism: Nineteenth-Century Political Thought and Practice*. New York: Routledge, Chapman & Hall, 1990.
- Bureaux arabes. *Encyclopédie berbère*. Vol. XI. Edisud, 1992. Pp. 1657–1668.
- Collot C. *Les institutions de l'Algérie Durant la period colonial (1830 – 1962)*. Paris: Ed. du CNRS; Alger: Office des publ. univ., 1987.
- Djemāa. *Encyclopédie berbère*. Vol. XVI. Edisud, 1995. Pp. 2434–2441.
- Douar. *Encyclopédie berbère*. Vol. XVI. Edisud, 1995. Pp. 2519–2522.
- Edwardes M. *British India, 1772–1947: A Survey of the Nature and Effects of Alien Rule*. New York: Taplinger Publishing Company, 1967.
- Metcalf Th.R. Ideologies of the Raj. *The New Cambridge History of India*. Vol. III. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Morrison A. Russian Rule in Turkestan and the Example of British India, c. 1860–1917. *The Slavonic and East European Review*. 2006. Vol. 84. № 4. Pp. 666–707.
- Rudolf L. *The Modernity of Tradition. Political Development in India*. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дмитрий В. ОВСЯННИКОВ –
кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета, Санкт-Петербург, Россия.

Dmitry V. OVSJANNIKOV, PhD (History),
Associate Professor, St. Petersburg State
University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

Бахтиёр А. АЛИМДЖАНОВ –
кандидат исторических наук, докторант,
Институт востоковедения им. Абу Райхана
Беруни, Ташкент, Узбекистан.

Bakhtiyor A. ALIMDJANOV, PhD (History),
Postdoctoral student at Abu Raykhan Beruni
Institute of Oriental Studies, Tashkent,
Uzbekistan.

Тимур М. КАРМОВ – кандидат исторических
наук, доцент Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия.

Timur M. KARMOV, PhD (History), associate
professor, St. Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation.

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080014277-1

НЕ ТЩЕТНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ:
РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ И ВОПРОС ОБ ИМУЩЕСТВЕ
ПОРТУГАЛЬСКОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ В XIX В.

© 2021

Т.Ю. ФЕКЛОВА ^а

^а – Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-8446-4192; tat-feklova@yandex.ru

Резюме: Проповедь христианства в его западноевропейском варианте началась в Китае в XVI в., когда в страну начинают проникать многочисленные миссионеры. Изоляционистская политика Китая, особенно усиливавшаяся в начале XIX в., привела к закрытию всех христианских миссий в Китае. Единственным исключением стала Российская Духовная миссия (РДМ). Данная ситуация привела к тому, что на территории Китая и, в частности, в Пекине, осталось многочисленное имущество европейских миссий. Впервые на основе анализа ранее неиспользованных архивных источников из Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук в статье подробно рассматривается история имущества португальской миссии, переданной РДМ. Новизной аналитического подхода, примененного в статье, является то, что показан не просто факт передачи имущества, но отношение государственных учреждений Российской империи к этой ситуации в условиях обострившегося кризиса между Китаем и Англией, впоследствии перешедшего в войну, и опасений, что неоправданные риски Духовной миссии приведут к ее закрытию. Автором статьи была поставлена задача показать, как в условиях войны и подозрений со стороны официальных китайских властей миссия, совместно с государственными институтами России, находила пути выхода из сложных ситуаций для обеспечения необходимого присутствия России (в виде РДМ) в Дальневосточном регионе. В отсутствие официальных учреждений России в Китае, дипломатических организаций, торговых и военных представительств миссия с успехом их заменяла. В качестве методологии автором были применены методы архивной эвристики, а также проблемно-хронологический метод, согласно которому описание событий осуществлялось во временной последовательности.

Ключевые слова: Российская Духовная миссия, Азиатский департамент, португальская миссия, Пекин.

Для цитирования: Феклова Т.Ю. Не тщетная предосторожность: Российская духовная миссия и вопрос об имуществе португальской миссии в Пекине в XIX в. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 170–179. DOI: 10.31857/S086919080014277-1

NOT A VAIN PRECAUTION: THE RUSSIAN ORTHODOX MISSION
AND THE QUESTION OF THE PROPERTY OF THE PORTUGUESE MISSION
IN BEIJING IN THE 19TH CENTURY

© 2021

Tatiana Yu. FEKLOVA^a

^a – Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Science
and Technology of the RAS, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-8446-4192; tat-feklova@yandex.ru

Abstract: *The Catholic Christianity began its history in China in the 16th century, when the numerous missionaries infiltrated to the country. China's isolationist policy was especially intensified in the early 19th century. This policy led to the shutdown of all the Christian missions in China. There was the only one exception – the Russian Orthodox mission (ROM). After the closing of almost all foreign missions in China and in Beijing, numerous properties of European missions still remained in China. The author introduces the results of analysis of the numerous archival sources from the Russian State Historical Archive, the National Library of Russia, the Saint Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The article attempts to contribute to the debates upon the history of the cooperation between the ROM and Catholic missions. The article bases on the analysis of the history of the Portuguese mission property's transfer to the Orthodox mission. The work moves beyond the examination the only history of transferring but shows the interaction between the ROM and the Russian state officialities. The situation was shown in the context of the aggravated crisis between China and Britain, which later turned into a war. The main aim of the article was to show how in this situation the ROM and the Asian department of the Ministry of Foreign Affairs tried to find the solution. The author used both the methods of archival heuristics and problem-chronological method, according to which the description of events was carried out in a time sequence.*

Keywords: Russian Orthodox mission, Asian department of the Ministry of Foreign Affairs, Portuguese mission, Beijing.

For citation: Feklova T.Yu. Not a Vain Precaution: the Russian Orthodox Mission and the Question of the Property of the Portuguese Mission in Beijing in the 19th Century. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 170–179. DOI: 10.31857/S086919080014277-1

В XV и XVI в. для Европы расширились горизонты познанного мира. Одновременно с завоевателями и торговцами в дальние страны отправлялись миссионеры для проповеди христианской веры. Миссионерство особенно активизировалось в XVI–XVII в., когда в другие земли, в том числе и в Китай, стали прибывать священники для обращения местного населения в христианство. XV и XVI вв. – время расцвета испанской и португальской колониальной системы, и проповедь христианства была важным этапом в системе подчинения зависимых государств. Первые португальские корабли появились около китайского города Гуанчжоу уже в 1515 г., и с середины XVI в. португальские миссионеры начали активную проповедь христианства в Китае.

Российская духовная миссия, согласно инструкциям Азиатского департамента Министерства иностранных дел, не проводила активную линию христианизации населения и старалась не вмешиваться во внешнюю и внутреннюю политику Китая. Китайское пра-

вительство неоднократно предлагало представителям Российской Духовной миссии занять те ученые должности, которые обыкновенно занимали иезуиты, в частности, должность астрономов, физиков, математиков, механиков, музыкантов, докторов и т.п. Однако, несмотря на возможные дальнейшие выгоды, сотрудники РДМ соглашались работать только наставниками по преподаванию русского языка в русско-маньчжурской школе, основанной в 1758 г., а также исполнять обязанности переводчиков дипломатических бумаг в пекинском Трибунале внешних сношений (Лифаньюань) [*РНБ ОР*, ф. 1457, оп. 1, д. 228, л. 23]. Чаще всего на эту службу отправлялись студенты миссии, хорошо владевшие китайским и маньчжурским языками. Работа в такой дипломатической организации помогала миссии заводить знакомства с представителями региональной знати, так как Лифаньюань ведал в основном отношениями с подконтрольными монгольскими территориями и Тибетом [*РНБ ОР*, ф. 1457, оп. 1, д. 31, л. 15об.].

В 1811 г. указом императора Цзяцина в Китае все католические миссии были объявлены вне закона [Дацышен, 2007, с. 43; *РНБ ОР*, ф. 1457, д. 52, л. 1]. Китайское правительство, обеспокоенное возросшим влиянием иезуитов на внутреннюю и внешнюю политику государства [Elman, 2005; Мароши, 2015, с. 53], издало декрет о высылке всех миссионеров, не состоящих на официальной службе. Таким образом, согласно записям Е.Ф. Тимковского, пристава 10-й миссии (1820–1830), в Китае оставались только иезуиты, занимавшиеся астрономией для нужд китайского двора [Тимковский, 1824, с. 57]. Санкт-Петербургская Императорская Академия наук, стремясь воспользоваться случаем (возможным изгнанием иезуитов-астрономов из Китая), ещё в 1819 г. обратилась к императору Александру I с просьбой организовать на территории РДМ астрономическую обсерваторию с тем, чтобы русские ученые впоследствии заняли место иезуитов [*РГИА*, ф. 733, оп. 12, 1839–1840 гг., д. 517]. Однако проект был отклонен в связи с территориальной удаленностью Китая и большими финансовыми затратами.

Политическая ситуация в Китае вынуждала католических миссионеров либо уезжать из Китая, либо проживать на территории страны тайно. Для сотрудников Российской Духовной миссии в инструкциях, письмах и приказах как личного характера, так и от директоров и начальников государственных учреждений Российской империи, отправляемых в Российскую Духовную миссию, постоянно подчеркивалась необходимость быть осторожными и не навлекать на себя подозрение китайских властей. Данная рекомендация прослеживается в письмах и инструкциях, дававшихся отъезжающим в Китай: от начальников миссии до прикомандированных к ней студентов и ученых.

Так, в инструкции, данной начальнику 10-й миссии (1821–1830), архимандриту Петру, Азиатским департаментом Министерства Иностранных дел в 1818 г. в Китай, неоднократно подчеркивалось, что китайское правительство должно видеть в сотрудниках миссии не дипломатических агентов, а только «даламу» (данное написание приводится в тексте архивного источника), то есть священников: «Вам надлежит как в переписке с иркутским губернатором, даже и во всех сношениях с китайцами, наблюдать величайшую осторожность, удостоверяя при всяком случае, что Вы ограничиваетесь исполнением обязанностей священства, сверх того самые законы и обычаи китайцев воспрещает им связи с иностранцами, и Вам будет без сомнения весьма трудно даже завести знакомство с людьми, достойными уважения. Но может, однако ж, надеяться, что сохранением в Миссии отмененного порядка, столь уважаемого в Китае, благодарующим и кротостью, знаками терпеливости и снисхождения, оказанием возможных услуг и ласки, Вы сумеете обратить на себя выгодное внимание почтенных и знатных китайцев. Через сии связи и весьма осторожное знакомство с поселенными в Китае иезуитами, Вы можете собрать многие любопытные известия, как о государстве китайском вообще, так и о нынешнем его состоянии, в отношении политиче-

ском, торговом и нравственном, доводя всё сказанное выше, по возможности до сведения Иркутского губернатора» [*РНБ ОР*, ф. 1457, д. 31, л. 13об.–14].

Неоценимую помощь в составлении инструкций для миссии давали и люди, бывавшие в Китае или работающие там и, соответственно, знающие страну и ее обычаи изнутри. В частности, начальник Кяхтинской таможни, надворный советник П.Ф. Голяховский в своем письме в Министерство финансов от 22 мая 1819 г. указывал на то, как должна была вести себя миссия, чтобы завоевать доверие китайцев и тем самым обеспечить больше влияния в китайском правительстве: «В Китае надлежит вести себя чинно, не позоря звание русского. Некоторые из начальников миссии вели себя безобразно. Сим пользовались католические миссионеры и старались отклонять китайцев от приближения к нам.

Надо распространять слово Божие. Но осторожно, не насильственными мерами и не слишком распространять его среди китайцев.

Нам не надобно ставить в пример гонение, последовавшее на католических миссионеров; в сем случае не виною распространение слова Божия, а винить надобно некоторые не благоразумные их поступки и излишности, которые они себе позволили и которыми навели на себя большое подозрение в глазах китайского правительства. Они же сами, когда следовали правилам внушаемым благоприятиям никогда не встречали препятствия в сем деле со стороны китайского правительства. И так ежели наша миссия будет проповедовать слово Божие в прямом духе истинного христианства, сопровождаемое примерным поведением и по возможности помощью ближнему, тогда несомненно будут успехи ее, и она не встретит ни малейшего препятствия в сем подвиге» [*РНБ ОР*, ф. 1457, д. 34, л. 29–32].

Начальники и сотрудники миссии поддерживали обратную связь с официальными учреждениями российской империи, описывая реальные события, происходившие в столь удаленной и закрытой стране. Так, в письме начальника 10-й миссии архимандрита Петра от 28 февраля 1827 г., отправленного им в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, напрямую говорилось: «Римское миссионерство совсем уничтожено. Коллегии их и церкви разрушаются. К возобновлению нет надежды. Обширные их имения продаются, из коих, с дозволения здешнего правительства куплено и нами в казну ценою около 10 пудов серебра. Значительная библиотека с типографскими досками и другими вещами, по-доброму их (католиков) к нам расположению и дружбе подарены безденежно. Два их кладбища по связи христианства остаются под надзором Российской миссии» [*РНБ ОР*, ф. 1457, д. 52, л. 1].

Соблюдение осторожности касалось не только непосредственных сотрудников миссии, но и прикомандированных к ней ученых и студентов. В состав 12-й миссии РДМ (1840–1849 гг.) вошли официальный «агент» и корреспондент Императорской Академии наук В.П. Васильев [*РГИА*, ф. 733, оп. 95, д. 7–9, л. 4], студенты В.В. Горский (1819–1847), И.А. Гошкевич (1814–1875) и врач А.А. Татаринов (1817–1886). Примечательно, что в проекте рекомендательного листа от Правительствующего Сената России в Пекинский трибунал внешних сношений от 13 апреля 1841 г. Иосиф Гошкевич и Владимир Горский обозначены как церковнослужители, а Александр Татаринов, Василий Васильев, студенты миссии Иван Захаров и Кондратий Корсалин представлены как ученики маньчжурского и китайского языков [*РНБ ОР*, ф. 1457, д. 99, л. 1об.], что оберегало бы их от «разоблачения» китайцами и выдворения из страны.

5 марта 1840 г. министр народного просвещения С.С. Уваров сделал распоряжение в Главный цензурный комитет, согласно которому название «агент» или «корреспондент» Академии наук в целях предостережения не разглашалось и не печаталось ни в отчетах и актах Академии, ни в каких-либо иных документах, чтобы информация о присутствии «агента» в составе миссии не вызывала подозрений у китайцев [*РГИА*, ф. 777, оп. 1, д. 1531, л. 3].

Необходимо уточнить, что подобная осторожность РДМ была отнюдь не «тщетной», так как политика, проводимая Китаем, привела к тому, что оставшиеся немногочисленные европейские католические миссионеры были вынуждены скрываться, а любые контакты с ними были запрещены китайским правительством [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 6].

Российская Духовная миссия не только осталась фактически единственной официально действовавшей и не закрытой миссией иностранного государства в Китае, но и именно тогда, в обстановке всеобщей подозрительности, а также перед угрозой наметившейся войны между Китаем и Англией (Первая Опиумная война, 1840–1842 гг.) помогала другим христианским миссиям.

В 30-х гг. XIX в. Российская Духовная миссия столкнулась с неожиданной проблемой: на нее была возложена обязанность распоряжаться имуществом португальской миссии, оставшимся после смерти последнего португальского епископа Каэтана Пиреса Перейры в 1838 г. Во всех изученных нами источниках основное внимание исследователи обычно уделяли истории библиотеки португальской миссии [Лю, 2019, с. 140–151], однако, помимо библиотеки, от миссии оставалось и другое имущество, с которым что-то надо было делать. После запрещения католических миссий в Пекине к 1830 г. остался только португальский епископ Каэтан Перейра, который очень сблизился с руководителем 11-й миссии (1830–1840) отцом (о.) Вениамином (Морачевым) [Лапин, 2018, с. 866–874], которому и завещал распоряжаться имуществом миссии после своей смерти, справедливо полагая, что после этого оно может пропасть.

В это же время в самой Российской духовной миссии произошли изменения в составе руководства. О. Вениамин, по собственному заявлению, был уволен с поста руководителя миссии и вместо него ещё в 1835 г. был назначен о. Аввакум (Честной) [Архимандрит Аввакум, 2002, 2003], а о. Вениамин был оставлен в миссии в должности старшего священника. 12 мая 1839 г. о. Вениамин направил вице-директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Л.Г. Сенявину письмо, в котором подробно известил департамент о деле по имуществу, оставшемся после смерти португальского епископа. Азиатский департамент Российской империи, в ведении которого находилась Российская духовная миссия в Пекине, 7 ноября 1839 г. отправил в Пекин ответ руководителю миссии о. Аввакуму. В письме департамент написал, что дальность расстояний и отсутствие всех необходимых сведений, не позволяет полностью оценить ситуацию и дать соответствующие рекомендации. В письме была дан приказ о. Вениамину действовать только с одобрения о. Аввакума и Совета миссии.

Азиатский департамент настаивал на соблюдении двух необходимых пунктов:

«1. Не допускать никаких действий по сему делу, которые могли бы повлечь хотя малейшую неприятность со стороны Китайского правительства, или проронить наше достоинство. Это есть главное и непреложное правило, которые должно руководствовать Вас и Совет миссии при всех дальнейших Ваших суждений и мерах.

2. Поступить так, чтобы не подать ни малейшего повода впоследствии к жалобам или претензиям со стороны тех, коим означенное имущество по закону следовать будет» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 3 об.–4].

26 февраля 1840 г. Азиатский департамент направил о. Аввакуму письмо, в котором выразил крайнее недовольство сложившейся ситуацией: «Нам до крайности неприятны все эти дрязги и сожалеем, что миссия со своей стороны не предотвратила их заблаговременно какими-либо мерами. Но дело уже сделано и теперь желательно, чтобы по крайней мере сие столь неприятное дело не имело никаких неприятных для нас последствий». Письмо департамента изобиловало подробностями жизни Российской Духовной миссии в Китае того времени. В частности, в ответ на просьбу о. Аввакума прислать печники, Азиатский департамент указал, что печники будут включены в состав казачьего конвоя.

11 марта 1840 г. о. Вениамин, для понимания истинной картины в отношении имущества, оставшегося после смерти португальского епископа, подал в Совет РДМ записку, в которой подробно изложил всю ситуацию. В частности, он писал о том, что практически все недвижимое имущество португальской миссии было продано еще в 1826 и 1827 гг. португальским миссионером Патером Корейро [*РГИА*, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 22], вскоре после этого вместе с деньгами уехавшим в Европу. Оставшееся было продано самим епископом Перейрой в 1832 г. в княжеский дом Вэй-Бэйлы. Несмотря на то, что с разрешения китайского правительства епископ Перейра назначил о. Вениамина своим душеприказчиком, сделано это было с целью передать все деньги фактическому преемнику епископа миссионеру Иоаннесу де Франца, который прибыл в Китай в 1826 г. и тайно проживал в китайской провинции Шаньдун.

Болезнь не позволила епископу Перейре заниматься вопросами имущества. Поэтому для помощи в управлении имуществом португальской миссии епископом был приглашен эконоом из крещенных китайцев Шень-хен (в других вариантах написания – Шень-хян, имя после крещения – Бонавентуро Шень). По поручению епископа эконоом продавал вещи миссии, а также прятал их в надежные места [*РГИА*, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 23].

Таким образом, в своем обращении к Совету миссии о. Вениамин написал, что общее имущество, оставшееся после смерти португальского епископа и всех продаж, осуществленных как до смерти епископа, так и после нее, составляло:

1. Пустые строения возле бывшего португальского храма (сам храм был передан китайскому правительству).
2. Китайская карета, принадлежавшая ранее епископу.
3. 12 пустых комодов из ризницы.
4. Пять старинных паникадил.
5. Несколько книжных шкафов.
6. Два деревянных дивана.
7. Две кредитные книги на хранящиеся в двух китайских лавках деньги, чохи (чох – русское название китайской мелкой монеты цянь, бронзовой, с отверстием посередине. – *Т.Ф.*), общей суммой на 5 миллионов 500 тысяч.
8. 500 лан (лан составляет примерно 31,25 г. – *Т.Ф.*) наличного серебра и около 20 лан золота.

Также в ведении РДМ осталось португальское кладбище, где и нашел упокоение среди своих соотечественников и единоверцев епископ Казтана Перейра. Азиатский департамент МИД полагал, что «правительство португальской королевы во всяком случае должно было оценить услугу, оказанную португальской церкви русской миссией, так как именно ее стараниями, оставшаяся без всякого призора португальская собственность спасена от расхищения, а кладбище, на коем покоились останки (в оригинальном архивном документе написано и зачеркнуто слово “подвижников”. – *Т.Ф.*) усопших миссионеров, от поругания язычников» [*РГИА*, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 21].

26 июля 1840 г. португальские миссионеры Иахим Иосиф Леито, Николай Родригес-Перейра де Боржа, Иахим-Альфонс Гонзальвес, Иосиф-Иакам Перейра Миранда и Доминик Иосиф Генрик из коллегии Святого Иосифа в Макао, где находилась главная резиденция португальских миссионеров-иезуитов, направили в Пекин письмо с благодарностями о. Аввакуму. Миссионеры выражали признательность за сохранение имущества португальской церкви. В письме подтверждалось получение денег через викария покойного епископа Б. Шеня в размере 2.686.000 малых чохов, миссионеры выражали надежду, что и остальные деньги также будут переданы в Макао, в коллегию Святого Иосифа [*Морачев*, 1911, с. 21].

Полуостров Макао и острова Тайпа и Колоане находились под управлением португальского губернатора и были подчинены Португалии, хотя правительство материкового Китая

оспаривало это. Губернатор Макао, опасаясь разрушить и без того напряженные отношения с Китаем, отказывался вмешиваться в дела, касающиеся имущества, оставшегося после смерти португальского епископа, поэтому все решения по этому делу принимались на более низком уровне, через священников-миссионеров.

В качестве выражения своей благодарности вышеперечисленные миссионеры, после окончательной передачи им всех денег, вырученных за продажу имущества, собирались через министерство заморских дел донести до сведения португальской королевы информацию о благородном поступке православных священников, сохранивших собственность португальской миссии. По их мнению, португальская королева «не упустит случая принести должную благодарность Российскому императору за столь важные услуги португальской короне, оказанные одному из его поданных» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 35об.].

Необходимо отметить, что ситуация с имуществом, оставшимся после смерти португальского епископа, проходила на фоне обострившегося конфликта между Англией и Китаем, вступившем в апреле 1840 г. в фазу войны, позднее получившей название Первой Опиумной войны (1840–1842 гг.). В августе 1840 г. англичане перекрыли уже подходы к Тяньцзиню, находившемуся в 67 км от столицы империи – Пекина, вынудив Китай пойти на переговоры.

26 августа 1840 г. Азиатский департамент отправил о. Аввакуму очередное письмо, в котором вновь было высказано сожаление о том, что РДМ взяла на себя труд распоряжаться имуществом португальской миссии: «Крайне прискорбно нам было видеть, что Вы приняли на себя действия по такому предмету, который до миссии и до лиц, оную составляющих, вовсе не должен бы касаться и который кроме хлопот и неприятностей ничего другого для нас не представляет. Какие бы не были Ваши побуждения, но Вам не следовало брать на себя подобных обязанностей, не имея на то разрешение от высшего начальства» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 5]. В письме был четко указан необходимый перечень мер, который мог бы хоть как-нибудь обезопасить миссию от подозрений со стороны китайского правительства.

Прежде всего, должна была быть составлена подробнейшая опись всего движимого и недвижимого имущества, оставшегося в португальской миссии. Все средства, как уже имеющиеся по счетам португальской миссии, так и в дальнейшем полученные от продажи должны быть вынесены в особый счет и храниться отдельно в кассе миссии [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 6об.–7].

В этот же день о. Аввакум переслал в Азиатский департамент полный расчет суммы проданного имущества:

«1. Передано серебром 2640 лян

Частично передано, частично израсходовано 3042520 малых чохов.

2. Наличные серебром 2045 лян 4 чоха

Золотом 51 лян 1 чох

(куплено по 16 лян серебра за лян золота)

Чохами 3687272 м.ч.

3. Состоит в недоимках за проданное имущество чохами 4787420 м.ч.

4. Состоит в недоимках на лавках, в которые еще при жизни епископа, были посланы чохи для хранения.

На одной лавке 2700000 м.ч.

На другой 120000 м.ч.» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 28].

О. Аввакум и совет миссии были поставлены перед выбором: продать оставшиеся здания и отправить деньги в Португалию, чтобы уже там они были переданы в миссию или же отправить все деньги в Макао, где находилась главная резиденция португальских миссионеров в Китае.

В это время в Китае набирала обороты компания, направленная против католических миссионеров. Так, например, в августе 1840 г. бывший викарий португальского храма в Пекине и личный помощник епископа Перейры, Шень-хен, живший в городе Бао-дин-фу¹, был арестован и, как христианин, был отправлен в ссылку.

После того как Шень-хен был отправлен в ссылку, о. Вениамин более подробно осмотрел все здания, расположенные на кладбище португальской миссии, и обнаружил запертую комнату, в которой при жизни португальского епископа прятались тайно проживающие в Китае католические священники. Там же бы найден ящик с церковной утварью и несколько шкафов [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 29об.].

В конце 1840 г. из Азиатского департамента пришло письмо, в котором предлагалось окончательное решение данного вопроса. Все оставшееся имущество португальской миссии было решено продать, а деньги хранить в РДМ до последующих распоряжений [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 29об.]. Деревянную ризницу португальского храма следовало сжечь, как поступали со всеми старыми церковными вещами [Liu, 2016, p. 74].

Огород, ранее принадлежавший португальской миссии, должен быть отдан в наем, а доходы с него следовало пустить на поддержание порядка на португальском кладбище. При этом была сделана приписка: «Заведывание кладбищем не может подвергнуть миссию ни малейшей неприятности со стороны китайского правительства; неприятность и даже опасность могла бы быть только в одном случае – если бы на кладбище давалось убежище тайно проживающим в Китае христианам, как это водилось при покойном епископе; но со стороны начальника новой миссии приняты все меры к тому, чтобы впредь всего не было» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 34об.].

Найденные серебряные церковные сосуды было решено не переплавлять в слитки (это никогда не поздно сделать), а хранить при миссии и при необходимости отправить в Португалию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало XIX в. – время серьезных испытаний для Российской Духовной миссии в Китае. Настороженное отношение китайского правительства к христианским и, прежде всего католическим, миссиям достигло своего пика в начале XIX в., когда все миссии были упразднены, а присутствие миссионеров в Китае запрещено. Этой участи избежала только Российская Духовная миссия, которой было разрешено остаться в Китае. Частично это объяснялось тем, что миссия не вела активной проповеди христианства среди китайцев и не вмешивалась в дела Китайского государства, а также тем, что она духовно окормляла проживающих в Китае албазинцев (потомков русских казаков), ставших китайскими подданными. Помимо этого, в 30-е гг. XIX в. нарастает напряжение между Китаем и Англией. Англия хотела получить возможность торговать в Китае, а Китай тщательно оберегал свою территорию от проникновения иностранцев. Напряжение между Китаем и Англией прорвалось в 1840 г. в виде так называемой Первой Опиумной войны (1840–1842 гг.). Именно в этот непростой период РДМ пришлось решать вопрос с наследством португальской миссии, оставшемся после смерти последнего португальского епископа, следовавшей в 1838 г. Между РДМ и Азиатским департаментом МИД разгорелась жаркая переписка. Необходимо подчеркнуть, что Азиатский департамент постоянно напоминал РДМ о необходимости соблюдения осторожности, не из-за трусости и перестраховки, а из-за понимания, насколько это важно – сохранить для России возможность присутствия в Дальневосточном регионе. Любое неосторожное действие или слово могло бы привести к

¹ Современный город Баодин, расположен в 140 км от Пекина.

закрытию Российской Духовной миссии. Потеря миссии в Китае означала бы для России потерю торгового, дипломатического и военного представительства на данной территории, а также стало бы сильным ударом по престижу страны. Данная политика показала свою эффективность, позволив РДМ существовать в Китае, в отличие от католических миссионеров. Но даже в такой ситуации войны, недоверия со стороны китайского правительства, вынужденной необходимости соблюдать осторожность, РДМ стремилась найти решение сложного вопроса и помочь другим европейским миссиям.

Такая взвешенная политика, которой придерживались большинство руководителей миссии, а также официальные учреждения Российской империи, стремление «держаться подальше» от необдуманного вмешательства во внутреннюю и внешнюю политику суверенной страны способствовала сохранению и упрочнению позиций Российской Духовной миссии в Китае и ее дальнейшей работе на благо России.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

РГИА – Российский государственный исторический архив [RGIA – Russian State Historical Archive].
РНБ ОР – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. [RNB OR – the National Library of Russia. The Manuscripts Department]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Архимандрит Аввакум (Честной) – миссионер, дипломат, востоковед. *Альфа и Омега*. № 34, 35. 2002, 2003 [Archimandrite Avvakum (Chestnoj) – a Missionary, Diplomat and Orientalist. *Alfa and Omega*. No. 34, 35. 2002, 2003 (in Russian)] <https://www.pravmir.ru/archimandrit-avvakum-chestnoy-missioner-diplomat-vostokoved/> (accessed: 14.11.2020).

Дацышен В.Г. *Христианство в Китае: история и современность*. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007 [Datsyshen V. *Christianity in China: History and Modernity*. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniiam, 2007 (in Russian)].

Лاپин П.А. Начальник Одиннадцатой Российской духовной миссии в Пекине о. Вениамин (Морачевич) как преподаватель школы русского языка при Дворцовой канцелярии (1825–1840). *Общество и государство в Китае*. 2018. Т. 48. № 2. С. 866–874 [Lapin P.A. The Head of the Eleventh Russian Orthodox mission in Beijing, father Veniamin (Morachevich) as a Teacher of the Russian Language School at the Palace Chancery (1825–1840). *Society and State in China*. 2018. Vol. 48. No. 2. Pp. 866–874 (in Russian)].

Лю Ж. Изыскания о каталоге книг библиотеки Северного собора (Бэйтан) из собрания архива Министерства иностранных дел РФ. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2019. Т. 11. Вып. 2. С. 140–151 [Lju Zh. Research about the Library of the Northern Cathedral (Beitan)'s Catalog of Books from the Collection of the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2019. Vol. 11. Issue 2. Pp. 140–151 (in Russian)].

Мароши В.В. Записки ... «О. Иакинфа Бичурина и Е.Ф. Тимковского как первые травелогии русских путешественников Монголии». *Русский травелог XVIII–XX вв.* Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. С. 48–70 [Maroshi V.V. Notes of... “F. Iakinf Bichurin and E.F. Timkovsky as the First Travelogues of Russian Travellers in Mongolia”. *Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2015. Pp. 48–70 (in Russian)].

Морачев В. Записка о европейских миссиях в Китае. *Китайский благовестник*. № 8. 1911. С. 18–24 [Morachev V. Note about the European Missions in China. *Chinese Evangelist*. 1911. No. 8. Pp. 18–24 (in Russian)].

РГИА. Ф. 733. Оп. 12. 1839–1840 гг. Д. 517 [RGIA. Fund 733. Inv. 12. 1839–1840. Case 517 (in Russian)].

РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 7–9 [RGIA. Fund 733. Inv. 95. Case 7–9 (in Russian)].

РГИА. Ф. 777. Оп. 1 Д. 1531 [RGIA. Fund 777. Inv. 1. Case 1531 (in Russian)].

РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 448 [RGIA. Fund 796. Inv. 448. Case 448 (in Russian)].

РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 31 [RNB OR. Fund 1457. Case 31 (in Russian)].

РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 34 [RNB OR. Fund 1457. Case 34 (in Russian)].

РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 52 [RNB OR. Fund 1457. Case 52 (in Russian)].

РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 99 [RNB OR. Fund 1457. Case 99 (in Russian)].

РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 228 [RNB OR. Fund 1457. Case 228 (in Russian)].

Тимковский Е.Ф. *Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг.* СПб.: Тип. Медицинского департамента МВД, 1824 [Timkovsky E.F. *Journey to China through Mongolia in 1820–1821.* Saint Petersburg: Tipografiia Medicinskogo departamenta MVD, 1824 (in Russian)].

Elman Benjamin A. *On Their Own Terms: Science in China, 1550–1900.* Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, and London, England, 2005.

Liu Ruomei. Legacy of Catholic Mission in China and Russian Orthodox Missions in Beijing in 19th Century. *Revista Oriente.* 2016. No. 24. Pp. 62–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФЕКЛОВА Татьяна Юрьевна –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник сектора истории Академии
наук, Санкт-Петербургский филиал Института
истории естествознания и техники РАН,
Санкт-Петербург, Россия.

Tatiana Yu. FEKLOVA, PhD (History),
Senior Research Fellow of the Department
of the History of the Russian Academy
of Sciences, Saint Petersburg Branch
of the Institute for the History of Science
and Technology of the RAS, Saint Petersburg,
Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014448-9

КРИЗИС ОСМАНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В ЙЕМЕНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО ДАННЫМ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ И ДИПЛОМАТИИ)

© 2021

В.В. НАУМКИН ^{a, b}^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^b – НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9644-9862; vinaumkin@yandex.ru

Резюме: В статье рассматриваются турбулентные события в йеменском вилайете Османской империи в первом десятилетии XX века, когда йеменские племена во главе с зейдитскими имамами и родоплеменными вождями поднимали восстания против Порты. Исследование, посвященное в основном крупному восстанию, начавшемуся в 1904 г., основано на документах из Российского государственного военно-исторического архива и Архива внешней политики Российской империи, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Показано, что параллельно с йеменцами восставало и население Хиджаза. Анализ восстаний и войсковых операций по их подавлению показывает, что взаимоотношения между турецкими властями и населением Йемена, включая как представителей местных элит, так и рядовых членов племен и горожан, находились в серьезном кризисе. В статье вскрываются причины этих разногласий и их последствия для обстановки в регионе. Петербург в тот период значительно повысил интерес к Йемену (как и в целом к аравийским вилайетам Турции), что было связано в первую очередь с обострением мусульманского вопроса в стране на фоне революции 1905–1907 гг., ростом самосознания мусульманского населения Российской империи, а также с необходимостью отслеживать реакцию турецкого правительства на восстания арабов. Подробно анализируются донесения ряда российских дипломатов и военных агентов, работавших в арабских вилайетах, а также доклады сотрудников российского Главного штаба и Штаба Кавказского военного округа. Как убеждает статья, информация, которую передавали дипломаты и военные разведчики, в целом позволяла Петербургу адекватно оценивать обстановку. Особое внимание российских военных, естественно, привлекали те трудности, с которыми сталкивались турецкие воинские формирования, направленные в Аравию. Анализ документов показывает, что Россия не была заинтересована в дестабилизации внутренней ситуации в Османской империи.

Ключевые слова: зейдитские имамы, Йемен, российская военная разведка, Фейзи-паша, Османская империя.

Для цитирования: Наумкин В.В. Кризис османского правления в Йемене в начале XX века (по данным российской военной разведки и дипломатии). *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 180–196. DOI: 10.31857/S086919080014448-9

CRISIS OF THE OTTOMAN RULE IN YEMEN IN EARLY 20TH CENTURY
(ACCORDING TO RUSSIAN MILITARY INTELLIGENCE
AND DIPLOMATIC SOURCES)

© 2021

Vitaly V. NAUMKIN ^{a, b}^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^b – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9644-9862; vinaumkin@yandex.ru

Abstract: *This article contemplates the turbulent developments that occurred in the Yemen vilayet of the Ottoman Empire in the first decade of the 20th century, when Yemeni tribes headed by Zaydi Imams and tribal leaders rebelled against the Sublime Porte. The research is based on the documents made available by the Russian State Military and Historical Archive and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, some of which are introduced into the academic discourse for the first time. A review of the rebellion reveals that the anti-Ottoman sentiments were becoming increasingly popular across the vilayets. The article dwells on the causes behind the existing crisis and its repercussions for the regional environment. Over that period, St. Petersburg grew extremely interested in the situation in the Arabian vilayets of the Ottoman Empire. The reason for that was basically the aggravation of the Muslim issue in the Russian Empire, against the background of the Russian Revolution of 1905–1907, the rising political awareness of the Muslim residents of the Russian Empire and also the necessity to monitor the response of the Turkish rulers to the rebellions staged by the Arabs. The reports filed by some of the Russian diplomats and military agents, who worked in the Arabian vilayets, likewise memoranda by the Russian Main Headquarters and the Caucasus Military District Headquarters employees are analyzed in great detail. However, as the article proves, Russia was not interested in destabilizing the internal situation in the Ottoman Empire.*

Keywords: Zaydi imams, Yemen, Russian military intelligence, Feyzi Pasha, Ottoman Empire.

For citation: Naumkin V.V. Crisis of the Ottoman Rule in Yemen in Early 20th Century (according to Russian Military Intelligence and Diplomatic Sources). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 180–196. DOI: 10.31857/S086919080014448-9

В XVI веке большая часть арабского мира была завоевана Османской империей. При Сулеймане I Великолепном¹ в 1538 г. турки захватили Йемен, находившийся до того под властью мамлюков, но территория в горах к северу от столицы – города Саны – оставалась в руках зейдитских имамов² [Yassob, 2012, p. 411], которые вели за собой свободолюбивых горцев. В XVII в. контроль над отдельными областями этой страны переходил из рук в руки. Воинственные зейдитские племена, не смирившиеся с властью турок-суннитов, неоднократно восставали против их господства, от которого им к 1635 г., при султানে Мураде IV³ удалось освободиться, после чего власть здесь вновь вернулась к имамам. Областью Асир⁴,

¹ Правил в 1520–1566 гг.

² Зейдизм – один из толков шиитского ислама.

³ Правил в 1623–1640 гг., заслужив прозвище Кровавого.

⁴ Асир в рассматриваемый период был санджаком вилайета Йемен со столицей в г. Абха, хотя во внутренних районах области власть фактически принадлежала вождям местных племен. К 1910 г. там образовался эмират во главе с Мухаммадом бин Али аль-Идриси. С 1934 г. по Таифскому договору между Саудовской Аравией и Йеменом Асир входит в состав Саудовской Аравии.

простиравшейся к северу от горного Йемена вплоть до границ расположенного в западной части Аравии вилайета Хиджаз и до Тихамы – йеменской равниной на побережье Красного моря с портом Ходейда, к 1730 г. уже управлял подчинявшийся имаму шариф⁵ Ахмад [Baldry, 1976, p. 46].

Только в 1872 г. Османская империя, опасаясь расширения в Йемене присутствия Великобритании, постепенно устанавливавшая контроль над всё большим числом шейхств, эмиратов и султанатов в южной части этой страны, в ходе нового военного похода вновь подчинила себе ее горную часть на севере. Йемен стал вилайетом империи, который был разделен на четыре санджака (в том числе Асир). В последующие годы враждебность в отношениях между турками и местным населением во всех арабских вилайетах, включая Йемен и Хиджаз, возрастала. Едва ли не повсюду вновь вспыхивали антитурецкие восстания местных жителей, все острее испытывавших недовольство своим неравноправным положением в империи и возлагавших на османов вину за то, что арабский мир с его славным историческим прошлым, являвшимся предметом гордости арабов, теперь отставал в развитии от других регионов мира. Одно из крупных вооруженных восстаний во главе с имамом началось в Йемене в 1891 г. и было подавлено османскими войсками лишь к 1899 г. Зейдиты осуждали турок за то, как они правили страной, и за то, что они, как считали йеменцы, вели себя греховным, неподобающим для мусульман образом, погрязли в коррупции. К тому же зейдитские имамы были еще и недовольны утратой своего положения непререкаемых духовных лидеров соплеменников. Как отмечал известный исследователь йеменской истории того периода Джон Балдри, «в Йемене, возможно, как нигде более в Аравии, племена яростно отстаивали свою независимость» [Baldry, 1976, p. 164]. Осенью 1892 г. началась осада Саны, в которой участвовали более 70 тысяч йеменцев из всех племен [Harris, 1893, p. 102–103]. Бои между повстанцами и турками с различной интенсивностью продолжались повсеместно.

В данной статье на основе материалов из Российского государственного военно-исторического архива и Архива внешней политики Российской империи рассматривается период конца XIX – начала XX вв. и в особенности 1904–1907 гг., когда и в Йемене, и в меньшей степени в Хиджазе шли новые массовые восстания местного населения против турецкого господства. Эта тема в целом достаточно полно освещена в турецкой, арабской и западной историографии, однако она, к сожалению, не вызывала интереса у отечественных востоковедов, а довольно большой массив имеющихся архивных материалов не введен в научный оборот.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ В 1904 г.

В Йемене очередное крупное восстание вспыхнуло в конце 1904 г. Непокорного имама Мансура Ли-ллаха тогда сменил амбициозный 35-летний Яхья Хамид ад-Дин. Российского дипломатического представительства там не было, но в Хиджазе к этому времени уже действовало расквартированное в г. Джидда российское императорское консульство, основанное в 1890 г. Оно было источником ценной информации об обстановке не только в этом вилайете, но и в Йемене, который теперь стал объектом повышенного интереса Петербурга. Ведь в середине первого десятилетия XX в. Российская империя уделяла большее, чем прежде, внимание мусульманскому вопросу как внутри страны, так и за ее рубежами, в связи с ростом самосознания российских мусульман, событиями русско-японской войны 1904–1905 гг. и русской революции 1905–1907 гг. Эти годы были также периодом продвижения России к союзническим отношениям с Францией и Великобританией, увенчавшимся

⁵ Шарифы – прямые потомки пророка Мухаммеда по мужской линии.

созданием Антанты⁶. Внутриполитическая ситуация в арабских провинциях Османской империи интересовала Петербург также и в свете подготовки к возможной войне с турками. Как свидетельствуют использованные в статье документы, в столице Российской империи внимательно следили за действиями Константинополя, как тогда продолжали называть столицу Османской империи⁷.

Турецкие власти для подавления восстаний применяли военную силу, но справляться с воинственными инсургентами было трудно. Объявив войну Порте, Яхья собрал 20-тысячное войско как из зейдитских, так и шафиитских⁸ племен, для того чтобы вновь подвергнуть осаде Сану. Российский консул в Джидде (вилайет Хиджаз) В.В. фон Циммерман⁹ сообщал в донесении № 171 от 9 декабря 1904 г. российско-императорскому послу в Константинополе: «В йеменском вилайете положение турецких войск самое печальное. Инсургенты их выгнали из Асира и, по последним сведениям, осаждают Сану, главный город вилайета. Положение осажденных в высшей степени критическое и вряд ли они будут в состоянии долго еще продержаться» [АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 778, л. 22об.].

А Константинополь не торопился с помощью осажденным. По данным, которыми располагало консульство, подкрепления, состоявшие из 28 батальонов, были посланы в Йемен из османской столицы лишь за несколько дней до обострения обстановки, «покамест же ограничились отправкой 1 200 человек войск из Медины через Ямбу и 1 200 арабов-добровольцев из Ходейды» [там же].

Российские дипломаты из Джидды информировали российского посла в Константинополе об обилии винтовок, продававшихся по бросовым ценам на рынках Хиджаза и Йемена (фактически едва ли не бесплатно раздававшихся населению), куда они в те годы контрабандным путем ввозились британской торговой фирмой. Фон Циммерман обращал внимание посла на то, что контрабанда оружия использовалась Лондоном как средство достижения его политических целей в обоих вилайетах. С учетом йеменского примера делался вывод о том, что англичане готовили население к восстанию против турецкой власти, «дабы облегчить себе возможность и в Хиджазе утвердить свое господство» [АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 778, л. 5], которое означало перспективу контроля над величайшими мусульманскими святынями. Кроме того, подчеркивали русские дипломаты, поскольку англичане уже владели западным побережьем Красного моря, то овладев и восточным, они получили бы громадное преимущество перед другими державами, безраздельно господствуя в его акватории.

И еще одно интересное соображение консульства по поводу британской стратегии в регионе: владея Хиджазом и расположенной в центральной, пустынной части Аравии об-

⁶ Известный российский специалист по мировой политике и военной стратегии России А.А. Кокошин считает, что лучшим вариантом для России тогда было бы не присоединение к Антанте, а сохранение ее прежнего положения, «т.е. нейтралитета, но при этом нейтралитета, обеспеченного достаточно мощными сухопутными и военно-морскими силами» [Кокошин, 2003, с. 155].

⁷ Это название употреблялось вплоть до 28 марта 1930 г., когда город был официально переименован в Стамбул.

⁸ Шафиизм – один из четырех мазхабов суннизма, распространенный в Йемене преимущественно в его южной части.

⁹ Фон Циммерман Владимир Владимирович (1854–?) – русский дипломат, ветеран службы в вилайетах Османской империи. После окончания Николаевского инженерного училища и трехлетнего курса Учебного отделения восточных языков Лазаревского института поступил на работу в МИД, пятнадцать лет служил секретарем-драгоманом в консульствах в Трабзоне и Эрзеруме, затем вице-консулом в Самсуне и лишь в 1898 г., в возрасте 44 лет дослужился до назначения консулом в Джидде, где оставался вплоть до 1907 г., когда был переведен на такую же должность в Алеппо, которую он исполнял до 1916 г., совмещая основную службу с работой в качестве агента Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ) и Добровольческого флота [Смилянская и др., 2015, с. 77]. В Джидду он приехал в чине коллежского советника (гражданский чин VI класса Табели о рангах), а в 1901 г. стал статским советником (гражданский чин V класса).

ластью Неджд, которую они будто бы уже пытались захватить с помощью кувейтского шейха Мубарака ас-Сабаха, англичане рассчитывали «осуществить свою заветную мечту о соединении Средиземного моря с Персидским заливом железной дорогой из Суэца в Кувейт, конечные пункты которой находятся в их власти» [там же, л. 5об.–6]. Интересно, что в российских архивных документах того периода, т.е. середины первого десятилетия XX века, четко просматривалась поставленная министерством перед дипломатами задача сдерживания поползновений англичан в Аравии, что несколько диссонировало с начавшимся процессом сближения Петербурга с Лондоном в рамках Антанты: ведь Лондон еще до образования Тройственного союза¹⁰ вроде бы должен был рассматриваться, во всяком случае в этой части Ближнего Востока, как полезный для России сильный противовес Османской империи, возможность войны с которой виделась Петербургу вполне реальной! В то же время о Германии, входящей в состав вышеназванного противостоящего Антанте союза, ни в инструкциях и запросах Центра, ни в донесениях и докладах дипломатов и военных почти ничего не говорилось. Впрочем, в значительной мере это могло быть связано с тем, что присутствие и активность немцев именно в рассматриваемой в статье зоне Аравии не были значительными. Зато здесь довольно активно действовал партнер Германии по Тройственному союзу – Австро-Венгрия. При этом Вена в полной мере использовала инструменты «мягкой силы» в работе с Йеменом (см. о поддерживаемых властями Австро-Венгерской империи научных экспедиций в Южную Аравию в: [Наумкин, 2020(1); 2020(2)].

ОЦЕНКИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ

В середине октября 1904 г. назначенному на должность командира VI Багдадского корпуса турецкой армии муширу¹¹ Ахмеду Фейзи-паше для восстановления порядка в Аравии было предписано двинуться к Эль-Касыму (в северной части Неджда, между Хаилем и Кувейтом) с поступившим в его распоряжение двадцатитысячным контингентом низама (регулярной армии). В корпусном округе были созданы редифы (резервисты, набираемые из числа тех, кто отслужил в армии, и регулярно проходившие переподготовку на сборах). Из константинопольских складов муширу отправили винтовки Маузера и несколько пушек. К его контингенту должны были присоединиться еще 4–5 батальонов из Медины.

Здесь надо коснуться неординарной личности этого известного и одного из самых популярных в турецкой среде (и одновременно столь же ненавистного арабам) военного деятеля и администратора: в Османской империи тогда они часто совмещались в одном лице.

Ахмед Фейзи-паша, которому предстояло отслужить три срока на высоких административных должностях в Йемене, был крымским татаринном из семьи российских подданных (его биография была подробно изложена в основанной на турецких первоисточниках лекции Томаса Куна из департамента истории Университета Саймона Фрезера в Канаде, прочитанной там 3 апреля 2013 г. [Kuehne, 2014]). Он родился в 1839 г. в Крыму, окончил там же школу, продолжил учебу в Стамбуле, куда эмигрировала его семья, в 1864 г. после окончания военной академии в звании второго лейтенанта получил назначение в гвардию. В 1872–1873 гг. талантливый сын татарского иммигранта, в то время капитан, принимал участие в боях по отвоеванию Асира и горного Йемена, когда эти области сотрясали восстания местного населения. Здесь в 1872 г. Фейзи-паша впервые занял высокий административный пост, управляя одним из округов вилайета. Как справедливо отмечает Томас Кун, хотя в османском фронтире (Йемене, Курдистане, Хиджазе, Триполитании) назначение на долж-

¹⁰ 20 мая 1882 г. Германия, Австро-Венгрия и Италия подписали секретный договор о создании этого союза.

¹¹ Высший воинский чин в турецкой армии.

ности администраторов военных чинов было привычным делом, прослужить целых 17 лет (вплоть до 1887 г., когда Фейзи-паша был уже вали, губернатором) в одном вилайете было все же делом весьма необычным. В 1887 г., уже в звании ферики (генерал-майора), он был переведен в вилайет Хиджаз, но через несколько лет, в 1891 г. ему поручили отвоевывать захваченную ополчением зейдитских племен в ходе нового восстания столицу Йемена – Сану. Он опять стал править в этом вилайете, прослужив там еще целых семь лет – с 1891 по 1898 г. После этого Ахмед Фейзи был назначен губернатором Багдадского вилайета. А в январе 1905 г., когда он служил уже в Неджде, Фейзи-паше, которому было тогда за 75 лет [Farah, 2002, p. 218], предстояло вновь вернуться в Йемен в качестве командующего воинским контингентом, направленным для подавления теперь еще более мощного восстания. По-прежнему темпераментный и хорошо говоривший по-арабски (при этом он предпочитал разговаривать с арабами по-турецки, побуждая их учить язык османов), военачальник умел общаться с местным населением, частенько присоединялся к курившим кальян шейхам, амнистировал славшиеся ему племена и сохранял право носить оружие даже за теми, кто ранее участвовал в восстаниях [Farah, 2002, p. 225].

Однако все это не могло обеспечить лояльности непокорных йеменцев. После выступления турецких сил под командованием даже столь опытного военачальника и администратора ситуация внутри находившегося под его командованием контингента все равно быстро обострилась. «Начались массовые побег и грабежи; два батальона целиком дезертировали, один из них перешел на сторону Ибн Сауда [предводителя мятежных неждийских племен и будущего основателя саудовского королевства. – В.Н.], а другой отправился в Кувейт предложить свои услуги англичанам» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 67об.]. Понятно, что эти дезертиры были арабами. Хотя Фейзи-паша заявлял, что в его войске служили албанцы, курды, турки и лазы, большинство составляли сирийцы – они знали арабский, были привычны к знойному климату, помогали друг другу, так как в своей массе были односельчанами, и выдерживали огромные тяготы и голод в ходе кампаний, уносивших жизни от двух третей до трех четвертей контингента [Farah, 2002, p. 225].

В целом обстановка для экспедиции была для турок критической. Основываясь на данных российской военной разведки, Главный штаб Русской императорской армии (см. о нем ниже) в сводном обзоре от 26 марта 1905 г. под названием «Волнения в Аравии», подписанном генерал-майором А.А. Поливановым¹², отмечал низкий моральный дух солдат и даже офицеров: «солдаты, убежденные в дурном исходе ее, стали дезертировать еще до выступления в поход, и даже офицеры подавали прошения об отставке; вьючных животных было недостаточно, так как арабы, у которых их можно бы найти, удалились» («Волнения в Аравии», по донесениям нашего военного агента¹³ в Константинополе [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 67]).

По донесению российского военного агента, Фейзи-паше все же удалось занять города Бурейду и Анейзу, после чего он отправился в Медину, а оттуда через Джидду переправился в соответствии с новым назначением в Йемен [там же, л. 79].

¹² Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) – известный российский, затем советский военный деятель. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в январе-июне 1905 г. – второй генерал-квартирмейстер, руководивший военной разведкой, в июне 1905 – феврале 1906 гг. – исправляющий должность начальника, в феврале – апреле 1906 г. – начальник Главного штаба, с 1906 г. – генерал-лейтенант, с 1911 г. – генерал от инфантерии, в 1912–1917 гг. – член Государственного совета, в 1915–1916 гг. – военный министр. Принял Октябрьскую революцию, с февраля 1920 г. служил в РККА, член Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете, член Особого совещания при Главкоме. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры вместе с единственным сыном Александром, офицером Русской императорской армии, погибшим на фронте в 1914 г.

¹³ Военный агент – военный атташе при российском дипломатическом представительстве, который возглавлял резидентуру военной разведки.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Здесь следует кратко пояснить, как в то время была организована работа российской разведки за рубежом. Ее вели несколько ведомств. Одним из них было министерство иностранных дел. Оно даже содержало за рубежом своих платных агентов, поставлявших дипломатам, поддерживавшим с ними связь, секретную информацию преимущественно политического характера. Эту деятельность, как пишет К.К. Звонарев¹⁴, курировал департамент политических дел министерства [Звонарев, 1929, с. 10–11]. Кроме того, МИД получал ценную информацию от находившегося в ведении министерства внутренних дел так называемого черного кабинета, который тайно перлюстрировал переписку иностранных послов со своими правительствами [Измозик, 2015, прил. 2; Звонарев, 1929, с. 12]¹⁵. Свою агентуру за границей имел и департамент полиции министерства внутренних дел, занимавшийся в основном деятельностью российских революционеров.

А военную агентурную разведку за рубежом вел главным образом созданный в 1815 г. и подчинявшийся военному министру Главный штаб, а также некоторые управления военного министерства. Главный штаб в рассматриваемый в статье период являлся высшим органом управления вооруженными силами Российской империи, ему были подчинены также, в частности, Николаевская академия Генерального штаба, Военно-топографическое училище и Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД России. Генеральный же штаб стал самостоятельным органом только после реформирования стратегического управления в 1905 году.

Сначала в Главном штабе разведкой занимались Военно-учетный комитет и, в меньшей степени, Азиатская часть. В 1900 г., согласно утвержденному императором проекту военного министра генерала А.Н. Куропаткина¹⁶, началась реорганизация Главного штаба [Шаваев, 2019, с. 197] – в его составе была учреждена Генерал-квартирмейстерская часть, в которую была сначала передана канцелярия Военно-учетного комитета, а в 1903 г. комитет был вовсе упразднен и разведкой стало заниматься специально для этого созданное VII отделение (статистика иностранных государств) I-го военно-стратегического отдела управления второго генерал-квартирмейстера Главного штаба, руководившего всей разведывательной работой. На 1903 г. в нем постоянно служили 17 офицеров, писари, чиновники и прикомандированные офицеры, по региональному принципу действовали восемь «столов» (секторов), в том числе 5-й, работавший по Турции, балканским государствам, Персии, Афганистану и Малой Азии [Звонарев, 1929, с. 24; Шаваев, 2019, с. 198]. Ведение разведки в азиатской части Османской империи входило еще и в задачи Штаба Кавказского военного округа (ШКВО), направлявшего в Петербург регулярные отчеты.

¹⁴ Звонарев Константин Кириллович (1892–1938), настоящее имя Карл Кристьянович Звайгане, из латышских крестьян, полковник, разведчик, служил в РККА с 1918 г., участвовал в Гражданской войне, был помощником военного атташе при полпредстве РСФСР в Литве в 1921 г., военным атташе при полпредстве РСФСР, затем СССР в Турции в 1921–1923 гг., занимал ответственные штабные должности в РККА.

¹⁵ Согласно воспоминаниям бывшего цензора, царские служащие черного кабинета владели разными европейскими и азиатскими языками, многие из них знали по 15–20 языков. Царь лично знакомился с перлюстрированной перепиской.

¹⁶ Куропаткин Александр Николаевич (1848–1925) – российский государственный и военный деятель, генерал-адъютант с 1902 г., военный министр Российской империи (1898–1904), главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами, воевавшим против Японии в 1904–1905 гг., член Государственного совета с 1906 г. Внес большой вклад в основание военной разведки. Создатель российской контрразведки. С 1916 г. – командующий 5-й армией Северного фронта, главнокомандующий армиями этого фронта, затем Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. После Октябрьской революции до конца жизни оставался в России, жил и учил детей в школе в селе Шешурино Псковской губернии (ныне Тверской области), похоронен возле церкви в соседней деревне Наговье. Его единственный сын Алексей был расстрелян в 1920 г. Генерал-патриота до сих пор с благодарностью вспоминают земляки. Ему установлен памятник в Торопце.

Рис. 1. Генерал А.А. Поливанов (1855–1920).

Рис. 2. Генерал А.Н. Куропаткин (1848–1925) с детьми в сельской школе (из музея в Торопце).

При посольствах и в некоторых консульствах в ряде стран, в том числе в Турции, были аккредитованы официальные военные агенты (военные атташе), чье положение было узаконено с 1864 г. Среди них были как опытные офицеры Генерального штаба, в том числе весьма выдающиеся фигуры, так и просто имевшие хорошие личные связи в высших военных кругах вельможи, которые не волновало ничего, кроме развлечений, светских раутов и приемов, что не могло не сказываться на направляемой в Центр информации¹⁷. Военные агенты были обязаны докладывать добываемую ими информацию послам и кон-

¹⁷ При этом, например, военному агенту в Берлине приходилось львиную долю времени тратить на прием и устройство «весенних ласточек» – бесконечного числа военных чиновников, приезжавших туда «сбавлять жир». Не отставали от военных, как утверждал Звонарев, полицейские чины. П.Н. Дурново (директор департамента полиции 1884–1893 гг., товарищ министра внутренних дел в 1900–1905 гг., министр в 1905–1906 гг.) будто бы посылал в Париж в качестве агентов своих любовниц, наблюдать за которыми на всякий случай приходилось посылать настоящих полицейских [Звонарев, 1929, с. 137].

сулам. Отношения между военными разведчиками и «чистыми» дипломатами, как правило, были конфликтными. С конца XIX века параллельно с официальными военными агентами действовали также негласные, или тайные агенты, для сети которых велось особое дело-производство. Кроме того, с отдельными разведывательными миссиями за рубеж на время периодически командировались офицеры.

В начале 1906 г. разведывательные функции перешли к вновь созданному в результате реформирования управления армией Генеральному штабу, в который вошел Главный штаб в качестве Главного управления. Оперативные задачи теперь выполняло 5-е делопроизводство части 1-го квартирмейстера, а обработка собранных сведений была возложена на часть 2-го обер-квартирмейстера в составе шести делопроизводств (1-е из них ведало Азиатской Турцией) [Звонарев, 1929, с. 83–84]¹⁸.

РОСТ АКТИВНОСТИ ИНСУРГЕНТОВ

Российские военные, как и дипломаты, сообщали, что вспыхнувшее в Йемене антитурецкое восстание быстро набирало силу. В самом начале декабря 1904 г. в Константинополь стала поступать первая информация о захвате повстанцами нескольких укрепленных турецких постов, а к 12 декабря того же года они подошли к Сана, гарнизон которой состоял всего из трех батальонов. Русская военная разведка информировала Петербург о том, что сначала турецкие власти, недооценив потенциал мятежников, решили направить к столице Йемена ополчение из лояльных туркам арабских племен, собрав его в Ходейде, вместе с двумя батальонами регулярной армии. Вскоре, однако, это решение было отменено, поскольку султан побоялся вооружить местных арабов. Гарнизон же надо было срочно выручать, так как Сана оказалась в осаде, и из-за отсутствия необходимых запасов продовольствия туркам вот-вот пришлось бы сдать [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 66]. Англичане заключали, что к концу 1904 г. уже весь Йемен восстал против турок [FO195/2174 and L/PS/10/58, цит. по: Baldry, 1976, p. 175]. Назначенный в начале января 1905 г. новым вали Йемена Махмуд Надим-бей оказался в тяжелой ситуации.

В том же месяце на подмогу испытывавшим большие трудности турецким войскам в Йемен были отправлен большой контингент из Сирии. В донесении российского генерального консула в Алеппо А.Ф. Круглова¹⁹ на имя российско-императорского посла в Константинополе от 1 февраля за № 20 сообщалось об отправке 31 января последней партии солдат – всего четыре батальона по 800 человек каждый. Показателен был и в этом случае их низкий моральный дух: «настроение войск далеко не радостное, так как, по общему убеждению, из Йемена никто не возвращается» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 56].

Докладывая в Главный штаб по VII отделению в рапорте № 24 от 9 февраля 1905 г. о положении дел в Аравии и турецкой военной экспедиции в Йемен, российский военный агент Алексеев помимо перечисления частей, которые, по собранным им и проанализированным сведениям, должны были войти в состав экспедиции, информировал и о ее командовании.

¹⁸ Более подробно о реформировании системы стратегического управления в Российской империи в тот период см.: [Кокошин, 2003, гл. 6].

¹⁹ Круглов Алексей Федорович (1864–1948) – видный российский дипломат и востоковед, статский советник (гражданский чин V класса Табели о рангах Российской империи, соответствовавший сначала чину бригадира в армии, а после его упразднения находился между чинами полковника и генерал-майора), до революции служил в российском генеральном консульстве в Багдаде, был генеральным консулом в Алеппо (1904–1908), Иерусалиме (1908–1914), где много сделал для укрепления позиций Российской империи в Палестине, затем жил в Петербурге, в 1920 г. с семьей через Новороссийск перебрался в Египет, до 1948 г. жил в Палестине, в ходе арабо-израильской войны 1948 г. переехал в Ливан, где скончался в доме своей дочери Веры. Российские дипломаты и сегодня чтят его память.

«Начальствование экспедицией, – писал он, – вверено бывшему вали в Монастире (Тунис) генерал-лейтенанту Риза-паше, в распоряжение которого, кроме двух бригадных командиров – Али-паши и Джевад-паши, был назначен еще полковник Ахмед Иззат-бей» [там же, л. 15]. Отмечалось, что последний получил военное образование и в течение некоторого времени командовал войсками на Хиджазской железной дороге.

Агент опять указывал на значительные трудности, с которыми сталкивались турецкие войска, в том числе на обеспечение их верховыми животными, продовольствием и т. п., порождавшие волнения и неповиновение среди солдат. Ходейский мутасарриф²⁰ доносил о бунте среди войск, готовящихся в Кунфиде к отправлению в Йемен [там же, л. 15об.–16].

А в рапорте № 87 от 13 апреля 1905 г. Алексеев информировал из Константинополя Главный штаб по VII отделению, что отряд турок под командованием Али Риза-паши при встрече с йеменскими мятежниками близ Саны потерпел крупную неудачу. Из девяти находившихся в его распоряжении батальонов три дезертировали, три были разбиты, и только три оставшихся вступили в город, при этом мятежники захватили несколько пушек со снарядами и часть обоза [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 30–30об.]. О серьезности боев свидетельствовало то, что сообщение между Саной и Ходейдой не могли восстановить вплоть до 9 апреля. Турецкие подкрепления шли медленно, до 5 апреля на помощь Риза-паше было отправлено всего 2 батальона 11-й бригады, зафрахтовано четыре парохода для перевозки дополнительных сил, но все они оказались не готовы к плаванию. Для отправки в Йемен начали призывать редифов.

В середине апреля Сана пала под ударами повстанцев, вали и командующий турецкими войсками покинули город, заплатив имаму Яхйе Хамид ад-Дину 5 тысяч фунтов стерлингов за обеспечение их безопасного проезда к побережью. Войска имама за первые три месяца боев захватили 35–40 пушек, 8 000 винтовок системы Маузер и несколько тысяч винтовок других систем [FO98/5418, цит. по: Baldry, 1976, p. 175]. А в Асире племена под командованием Ахмада бин Аида штурмовали столицу – Абху, вынудив покинуть ее местного мутасаррифа.

Плохо показавшие себя в Йемене части V корпуса под командованием неудачливого Али Реза-паши, захваченного в плен повстанцами, в наказание были «назначены на Хиджазскую железную дорогу» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 41].

Российская военная разведка регулярно и вполне закономерно обращала внимание на этнический состав турецких контингентов: «Весьма характерным является обстоятельство, что посланные в Йемен вместе с Али Риза-пашой части войск V корпуса, как низама, так и редифа, комплектуемые местным арабским населением, сплошь и рядом, в составе целых рот и батальонов, во время последних столкновений с арабскими инсургентами дезертировали и с оружием в руках переходили на сторону противника: говорят, именно подобным фактам Турция обязана поражением и пленением Али Риза-паши и падением Саны».

Это вынудило турецкое правительство принять трудное, но единственно возможное решение – отказаться от отправки в Йемен войсковых частей из состава V и VI корпусов, пополняемых главным образом из арабского населения. Авторы вышеупомянутого рапорта предположили, что оно будет отправлять в распоряжение вновь назначенного командиром VII корпуса и одновременно вали Йеменского вилайета Фейзи-паши (напомним: переведенного с должности командира VI Багдадского корпуса) следующие части войск: «1) из состава европейских корпусов, 2) из редифных округов Анатолии и 3) из редифных округов с курдским населением» [там же, л. 87об.–88].

Во время осады в сообщениях из Йемена вновь фигурировал Хиджаз. Так, на помощь осажденным пришли подкрепления именно из этого вилайета в составе четырех батальонов, которые «сначала отказались идти в Йемен и стали бесчинствовать, но, в конце концов, были

²⁰ Административный начальник в санджеке.

отправлены к месту назначения в начале января, под начальством Арифа-паши вступили в Сану, не встретив сопротивления со стороны мятежников» [там же, л. 66–66об.]. Рассчитывая закрепить успех, турки продолжили отправку в Йемен новых подкреплений из других округов. Однако до полной победы оказалось еще весьма далеко. Повстанцы, пропустив подкрепления Арифа-паши в Сану, вновь обложили город; гарнизон, совершая безуспешные вылазки, страдал от нехватки продовольствия и терял от дезертирства до 60 человек в сутки. Турок вынудили уйти из города Каатабы (на юге от Саны, у границы с британскими протекторатами юга страны). Кроме того, повстанцы заняли казу (округ) Ярим и дошли до казы Таизз, причем сам город Таизз оказался отрезанным от остального Йемена. 7 мая 1905 г. Алексеев сообщал, что «некоторые племена Таизского санджака, до сих пор мирившиеся с необходимостью подчинения Турции, теперь открыто собираются начать борьбу за свою независимость» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 38–38об.]. Российская военная разведка привычно отмечала, что опасной для Турции ситуацией могла воспользоваться Англия, по слухам, уже увеличивавшая свои силы в Аденском протекторате [там же, л. 67]. Впрочем, было бы странно, если бы она этого не делала.

В Петербурге собирали и анализировали информацию о мобилизации Турцией сил для отправки в Йемен, поступающую от всех военных агентов, работавших в столице и вилайетах Османской империи, а также от офицеров Штаба Кавказского военного округа в Тифлисе. К примеру, 10 мая 1905 г. на имя А.А. Поливанова из ШКВО за подписями начальника штаба генерал-майора Ф.Ф. Грязнова²¹ и старшего адъютанта подполковника Н.Р. Добошинского поступил так называемый дешифрант телеграммы секретаря Эрзерумского генерального консульства, надворного советника и военного агента П.И. Аверьянова²² от 8 мая [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 52–54]. В ней сообщалось, что для отправки в Йемен и частью в Македонию распоряжением сераскера (главнокомандующего) от 20 апреля предназначены к призыву под знамена Малатийская бригада Диярбекирской редифной дивизии, Трапезундская и

²¹ Грязнов Федор Федорович (1855–1906) – русский военный деятель и глубокий исследователь Южного Кавказа. Служил в кавалерийских частях, в военной разведке, в 1889 г., получив гражданский чин надворного советника (гражданский чин VII класса по Табели о рангах, соответствовавший чину подполковника в армии), был назначен вице-консулом в турецком городе Ван (тогда область Западной Армении) в качестве «дипломатической крышки» для негласного выполнения функции военного агента в звании подполковника, прослужил там шесть лет, занимаясь также изучением военной географии Северного Курдистана у границ Закавказья. С 1895 г. – полковник ГШ, с 1897 г. командир 45-го драгунского Северского полка, с 1899 г. командир лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, генерал-майор, с 1903 г. начальник Николаевского кавалерийского училища. В 1905 г. назначен начальником Штаба Кавказского военного округа. 16 января 1906 г. железнодорожный рабочий-революционер Арсен Джорджиавили смертельно ранил его в Тифлисе брошенной бомбой, мстя за подавление революционных выступлений. После Октябрьской революции, в 1921 г. известный в то время режиссер Иван Перестиани снял исторический (немой) фильм об убийстве генерала, в котором роль главного героя – погибшего «за идеалы пролетариата» Джорджиавили (он был казнен по приговору суда) – играл ставший потом знаменитым Михаил Чиаурели – грузинский актер, режиссер, певец, скульптор и художник (во времена моего детства в г. Свердловске, в 1955–1957 гг. я знал Чиаурели как режиссера местной киностудии), народный артист СССР, орденноносец, лауреат шести Сталинских премий, муж известной советской актрисы Верико Анджапаридзе и отец известной актрисы театра и кино Софики Чиаурели. Так в истории переплелись судьбы многих наших известных соотечественников.

²² Аверьянов Петр Иванович (1867–1937) – русский военный деятель и известный военный востоковед. Служил секретарем российского генерального консульства в Эрзеруме с 10 июля 1901 г. по 31 мая 1905 г., будучи негласным военным агентом в чине подполковника (см. также о нем: [Копоть, 2019, с. 284]). Ему был присвоен чин надворного советника. Был крупнейшим знатоком азиатской Турции и турецкой армии в Генеральном штабе, видным исследователем курдского вопроса. Делопроизводитель ГУГШ в 1906–1908 гг. по разведывательному отделению, генерал-майор с 1910 г., генерал-лейтенант с 1915 г., с 10 августа 1916 г. на время исправляющий должность начальника Главного штаба, в 1918–1920 гг. находился в распоряжении главнокомандующего Добровольческой армией, затем Вооруженными силами Юга России, после эвакуации из Крыма в 1920 г. находился в Турции, затем в Югославии (Королевстве сербов, хорватов и словенцев). Скончался и был похоронен на Новом кладбище в Белграде.

Сивасская редифные дивизии полностью и три полка Ерзинджанской редифной дивизии, за исключением Эрзерумского редифного полка. А в конце марта была уже мобилизована Ризская бригада Трапезундской редифной дивизии. 27 апреля повелением султана призвана под знамена Харпутская бригада Эрзинджанской редифной дивизии, при этом были основания полагать, что «часть мобилизуемых таборов [батальонов. – В.Н.] останется в своих меркезах на случай армянского восстания» [там же]. Эти данные показывали серьезность, с которой Порта относилась к развитию ситуации в Аравии.

ШКВО продолжал регулярно посылать доклады в Главный штаб о ситуации во всей Османской империи, в том числе в ее аравийских вилайетах. В обстоятельном документе за № 1785 от 28 июля 1905 г. за подписями начальника штаба Грязнова и старшего адъютанта, адресованном второму генерал-квартирмейстеру Главного штаба (Поливанов к этому времени уже покинул этот пост), отмечалось замедление мобилизации «редифных таборов», вызванное двумя причинами. Во-первых, неподготовленностью уездных властей и всего механизма призыва к быстрому оповещению и сбору в призывные пункты (ротные меркезы) редифных чинов. Во-вторых, их массовым уклонением от явки под знамена. Уклонение, в свою очередь, объяснялось следующими обстоятельствами. Призванные «под знамена» прослышали, что «мобилизуемые таборы будут отправлены для борьбы с мусульманами-арабами, во главе которых стоит якобы истинный халиф – потомок Магомета. Все уклонившиеся от призыва редифные чины заявляли приблизительно одно и то же: что они не могут сражаться против своих братьев-мусульман, которые нашли теперь истинного халифа; что, убивая арабов, они сделаются простыми убийцами; убитые же из них не заслужат рая, так как падут в борьбе с мусульманами, сражающимися за потомка Пророка» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 81–82].

Аверьянов высказывал мнение, что распространению среди турецких мусульман столь негативного отношения к борьбе с арабами «в значительной мере содействовали прокламации английского издания на турецком языке, в которых мусульманам разъяснялось, что царствующий султан – узурпатор священной власти халифов и что истинный халиф – потомок Магомета находится среди арабов» [там же, л. 82]. В документе назывались и другие причины уклонения от явки на службу. Это были, в частности, циркулировавшие среди населения крайне преувеличенные слухи: о жестокостях, якобы совершаемых арабами над турецкими аскерами, о полном поражении турецких войск и о крайне неблагоприятных климатических условиях, быстро убивающих сражающихся в Аравии турецких солдат. Опять со ссылкой на Аверьянова отмечалось, что «редифные офицеры также относятся с большим неудовольствием к походу в Аравию».

Представляет интерес то, как военная разведка объясняла замедление к отправке в Аравию даже закончивших укомплектование до тысячи штыков «редифных таборов». Назывались две причины. Это, во-первых, нехватка денег в вилайетах, на которых ложилась обязанность выплачивать мобилизованным редифным частям значительные суммы. Во-вторых, трудности со сбором вьючных и вообще перевозочных средств для мобилизованных и заготовкой «пшеничных галет и других предметов продовольствия» [там же, л. 82об.]. Сообщалось, что местные жители, владевшие хорошими лошадьми и мулами, поспешили выехать за пределами каз (районов), в которых была объявлена мобилизация, и укрыться в соседних казах. А для заготовления галет не было необходимых приспособлений и печей, а в некоторых пунктах даже не хватало муки на складах.

ПЕРИПЕТИИ БОРЬБЫ ТУРЕЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С ВОССТАНИЕМ

Активизация действий повстанцев в Йемене, особенно в Асире осложняла и положение турок в Центральной Аравии, что подробно описывалось в донесениях российских воен-

ных агентов. Войска, которые Порте приходилось отправлять в Йемен, испытывали там не меньше трудностей, чем в Неджде, где тоже требовались свежие дополнительные воинские контингенты. В то же время из-за логистических проблем с отправкой грузов и нехваткой лошадей турки вместо двух полков конницы сумели послать в Неджд лишь два эскадрона.

Однако сила в Йемене была все же на стороне турок. В операциях по подавлению восстания важную роль играл уже упоминавшийся выше Фейзи-паша. Его личной роли российские военные закономерно придавали немалое значение. В составленном Главным штабом на основе донесений военного агента в Константинополе и ШКВО обобщающем докладе «О положении дел в Турции» от 27 мая 1905 г. за подписью генерал-майора Н.С. Ермолова²³ сообщалось о назначении Фейзи-паши начальником йеменской экспедиции [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 79] (понятно, что обо всех назначениях и перестановках в высших эшелонах турецкого военного командования надлежало информировать Петербург). В рапорте № 159 из Константинополя от 16 июля 1905 г. Алексеев информировал, что местная печать писала «о новых успехах турецких войск в Йемене, ведущих за собой восстановление порядка и спокойствия в этой провинции» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 50–51]. По данным печати, они разбили инсургентов, занимавших дефиле близ Асира, овладели его столицей г. Абха, где мятежники потеряли около тысячи человек убитыми и ранеными, а также «50 предводителей банд пленными». Но при этом военный агент оговаривался, что даже этот частичный и еще нуждавшийся в проверке успех мушира едва ли мог «иметь решающее значение в смысле умиротворения восстания, охватившего большую часть Аравии». По его оценке, на малую правдоподобность этих сведений указывало «хотя бы простое соотношение потерь, понесенных противниками при столкновении у г. Абха» [там же]. Трудно было поверить, что в то время, как арабы потеряли тысячу человек, среди турок, как сообщали газеты, потери составили всего четыре человека убитыми и шестнадцать ранеными. Правда, непонятно, имел ли в виду агент то, что потери йеменской стороны преувеличивались, или же то, что потери турецкие преуменьшались (может быть, и то, и другое, но ясно, что данные искажались).

На этом этапе российские военные начинают более настойчиво, чем прежде, хотя и все еще с некоторой осторожностью, проводить мысль о роли англичан в антитурецком восстании в Аравии, прежде всего в Йемене. В одном из документов Главного штаба говорилось, хотя и со ссылкой на прессу, а не на свои агентурные данные, о намеках на то, что «восстание в Йемене, принявшее столь серьезные размеры, является делом рук англичан», и что цель их подстрекательства – «обеспечить своим прибрежным владениям в Аравии более выгодное соседство самостоятельных, но слабых арабских племен» [там же, л. 75–75об.]. В документе, направленном ШКВО второму генерал-квартирмейстеру Главного штаба 28 июля того же года привычно подчеркивалось, что движение зейдитского имама Хамид ад-Дина в Йемене непосредственно «поддерживается англичанами из Адена» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 20].

Но этой поддержки было явно недостаточно. После взятия Саны имам послал мекканскому Шарифу²⁴ ультиматум, требуя от того присоединиться к нему и, в противном случае, угрожая будто бы ни более, ни менее как «смертью и разграблением Мекки» [там

²³ Ермолов Николай Сергеевич (1853–1924) – видный российский военный деятель, разведчик, генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1882 г. был членом-учредителем Императорского Православного Палестинского Общества. В 1891–1905 гг. военный агент в Великобритании, после возвращения возглавил военно-статистическое управление VII отделения управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба (разведка), затем военно-статистическое отделение ГУГШ. В 1907–1917 гг. вновь служил военным агентом в Лондоне, где он и оставался до конца жизни.

²⁴ Шариф – глава шарифов, являвшийся основным духовным авторитетом местных мусульман и занимавший одновременно пост эмира (управителя) Мекки.

же)! По циркулировавшим в военных кругах Порты слухам, Шариф будто бы обратился за помощью к Египту, т.е. фактически к англичанам.

Сану получившим подкрепление турецким войскам удалось взять только 30 августа, причем не прибегая к обстрелу пушками крепостной стены. Турки вошли в город, не встречая сопротивления [Farah, 2002, p. 225]. Большие подкрепления были отправлены в Асир под командованием генерала Эмин-паши. Фейзи-паша, гордый успехами, также сумел вернуть турецкий контроль над целым рядом важных населенных пунктов. Однако победа была пирровой – личный состав контингента под командованием мушира по-прежнему страдал от голода, болезней и периодически подвергался нападениям ополченцев йеменских племен, денег уставшему контингенту не платили, и сирийские офицеры ушли в Сану, требуя выплаты компенсации и возвращения домой. К взбунтовавшимся сирийцам стали присоединяться и другие [Farah, 2002, p. 227–228]. Жестокое подавление восстания 1905 г. дорого обошлось Турции: из 55-тысячного контингента, высадившегося в Ходейде, погибло 30 тысяч человек, в том числе 6 тысяч во время осады Саны. Только от тифа умерло 9 тысяч человек [FO195/2224, цит. по: Baldry, 1976, p. 176].

Для Порты обострение одной угрозы, идущей с юга, рассматривалось в комплексе с другой, идущей с севера. В вышеупомянутом докладе от 27 мая 1905 г., направленном военному министру генерал-адъютанту В.В. Сахарову²⁵ (доклад был им прочитан, что министр собственноручной подписью засвидетельствовал), говорилось, что турецкое правительство в то время еще было озабочено «ожиданием вторжения в пределы Турции армянских банд из Закавказья» (естественно, здесь использован турецкий лексикон), которые будто бы имели своей целью «возбуждение пограничных недоразумений» между русскими и турецкими войсками. Эти «недоразумения» были явно нежелательны. По данным военной разведки, Турция полагала, что русские войска, «занятые подавлением местных беспорядков, не будут в состоянии воспрепятствовать переходу армян через границу, а потому принимает со своей стороны усиленные меры для энергичного противодействия их попыткам». С этой целью, как докладывалось в документе разведки, в пограничном с Кавказом IV корпусном округе был усилен численный состав низама, кроме того, под знамена были призваны «10 сотен курдской конницы Гамидий»²⁶ и подготавливался сбор еще 4-х пограничных «гамидийских бригад». Наряду с этим шла мобилизация редифа, большую часть из которых предполагалось направить в Йемен.

Эти и многие другие детали, перечисленные в документе, позволяют судить о том, что российская военная разведка было хорошо информирована о военных приготовлениях Турции и передвижениях ее войск. Командованию сообщали и о развитии ситуации в Йемене, хотя сведения оттуда были весьма скудны. Ходили слухи «о заключенном будто бы перемирии между враждующими сторонами», но условия и срок его были неизвестны. В то же время, судя по телеграфным сообщениям, которые изучали военные разведчики, «успехи мятежных арабов все более распространяются, а вместе с тем турецкое правительство не прекращает мобилизации и посылки новых подкреплений». Общая численность постоянно дислоцированных в Йемене сил, включая также солдат, направленных туда из разных

²⁵ Сахаров Виктор Викторович (1848–1905) – видный русский военачальник, генерал-адъютант, военный министр Российской империи. Участник русско-турецкой войны 1878–1878 гг., в дальнейшем занимал ряд штабных должностей, в том числе начальника штаба Одесского военного округа, произведен в генерал-майоры в 1890 г., начальник Главного штаба с 1898 г., назначен военным министром в феврале 1904 г., сменив Куропаткина, произведен в генерал-лейтенанты, затем в генерал-адъютанты, после увольнения в июне 1905 г. отправлен на борьбу с аграрными беспорядками в Саратовской и Пензенской губернией. Автор книги «История конницы» (СПб, 1889). 22 ноября 1905 г. застрелен в доме саратовского губернатора П.А. Столыпина эсеркой А.А. Бищенко (1875–1938), будущим членом ВЦИК и членом советской делегации на Брест-Литовских мирных переговорах, впоследствии репрессированной.

²⁶ Она была названа именем султана Абдул-Хамида II (1842–1918), правившего в 1876–1909 гг.

областей империи для подавления восстания, составляла 114 батальонов и 14 батарей, т.е. почти шестую часть всей турецкой пехоты, считая только низам и редиф первого разряда.

Сопряжение событий в далекой от России Западной Аравии с обстановкой на Кавказе было одним из факторов, способствующих повышению и без того заметного интереса Петербурга к аравийским делам. Об этом свидетельствовало то, что некоторые документы докладывались самому царю, причем весьма оперативно. Это, к примеру, рапорт Главного штаба (по данным военного агента в Константинополе) под названием «Положение дел в Йемене», направленный Сахарову 7 мая 1905 г. за подписями генерал-майора Г.Г. Христиани²⁷ и все того же Алексеева. Министр доложил его лично Николаю Второму 10 мая 1905 г., что засвидетельствовал пометкой со своей личной подписью [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 74–74об.].

А рапорт «Положение дел в Аравии» за подписью Ермолова от 17 июня 1905 г. Сахаров представил Николаю II уже на следующий день после получения, что также сам и удостоверял [там же, л. 80–80об.]. В документе делался акцент на неудачах Порты в Йемене, где восстание продолжало распространяться, в результате чего в руках турок осталась лишь Ходейда. При всех несомненных полководческих талантах Фейзи-паши, мушир не мог ничего сделать как всегда «вследствие неприбытия обещанных подкреплений и недостатка выючных животных». Восстание же тем временем опять охватывало области севернее горного Йемена, а именно санджак Асир, а также и Хиджазский вилайет с Меккой и Мединой, расположенные там войска терпели во всем нужду и роптали. Турецкое правительство осознавало необходимость принятия срочных мер, но было «лишено возможности принять таковые по недостатку денежных средств».

ШКВО продолжал развивать неоднозначную тему «узурпации священной власти халифов» царствующим турецким султаном, в то время как «истинный халиф – потомок Магомета находится среди арабов» (секретный доклад второму генерал-квартирмейстеру Главного штаба по VII отделению от 28 июля 1905 г. за подписями начальника штаба и старшего адъютанта [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 81–93]).

Для осторожности штабисты сообщали это заключение опять со ссылкой на мнение надворного советника Аверьянова, который, в свою очередь, опирался на все те же распространяемые среди турецких мусульман слухи, явно производившие большее впечатление на российских разведчиков, чем на турок, английские прокламации на турецком языке.

К концу лета 1905 г. обстановка в Йемене все-таки изменилась в пользу Порты. Успешные действия турок в августе – сентябре повлекли за собой, по оценке военного агента, «если не умиротворение страны, то, во всяком случае, приостановку действий мятежных арабов». Часть турецких войск, прибывших туда из Сирии, была возвращена обратно, правда, по причине «полного отсутствия военной доблести». Однако Порты все еще была озабочена как ситуацией в Йемене, так и давлением Ибн Сауда на враждовавших с ним верных туркам Рашидидов. Несмотря на успехи, достигнутые турецкими войсками в борьбе с йеменскими повстанцами, турецкое правительство, как сообщал еще 14 ноября 1905 г. Алексеев (рапорт от 14 ноября 1905 г. [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 105]), не считало аравийское восстание прекращенным, о чем свидетельствовало, в частности, распоряжение об отправлении «2 000 чел. из состава VI корпуса на укомплектование находящихся в Неджде частей, дошедших... вследствие потерь, болезней и побегов до пятой части своего первоначального состава» [там же]. При этом у турок не было

²⁷ Христиани Григорий Григорьевич (1863–?) – генерал-лейтенант, военный теоретик, разведчик и писатель. Служил в РИА с 1879 г., в 1896 г. произведен в полковники, профессор Николаевской академии Генерального штаба, в Главном штабе в 1897–1905 гг., генерал-майор с 1904 г., начальник Отделения с 23 ноября 1904 по 10 мая 1905 г., затем снова в академии, генерал-лейтенант с 1913 г., в 1915–1916 гг. исправлял должность начальника Николаевской академии, в марте 1918 г. эвакуирован с академией в Екатеринбург, затем в Казань, продолжал служить при Колчаке, преподавал также в Челябинской кавалерийской школе, взят в плен отрядами Красной Армии, умер в Красноярской тюрьме. Автор ряда военных обзоров, в том числе Австро-Венгрии, Германии, северо-западной Индии и других.

средств для отправки в Неджд солдат, а сами они отказывались идти туда, «зная ту участь, которая постигла находящиеся там войска». Российские представители в Багдаде сообщали об аресте майора и 4 младших офицеров, дезертировавших из Эль-Касыма. По их словам, много офицеров бежало в Кувейт и другие места побережья Залива, и в батальоне осталось не более 80–100 человек [там же, л. 105об.].

Причиной массового дезертирства и на этот раз были несносные условия жизни турецких военнослужащих, которые, в том числе и офицеры, «со дня выступления в поход не получали жалованья, остались без белья и платья, по месяцам не ели мяса» [там же, л. 106]. Офицер российской военной разведки видел письмо турецкого офицера отцу, где тот писал, что армия вряд ли переживет следующую зиму.

Российская военная разведка верно прогнозировала возможность новых обострений обстановки в Западной Аравии. Но иногда в своих прогнозах военные аналитики шли еще дальше, во многом выдавая желаемое за действительное: «Вообще арабские волнения по-видимому грозят принять характер всеобщего движения арабов с целью освобождения от турецкого владычества; только что опубликованная телеграмма из Бейрута передает слух, будто бы шейх аль-ислам (высшее духовное лицо в Турции) принял сторону арабов и лишил султана звания халифа» [там же].

Что же касается ситуации в Йемене, в том числе в Асире, то в начале 1906 г. она оставалась спокойной. Однако это спокойствие было достигнуто в результате безжалостного подавления восстания: в сентябре 1905 г. английский вице-консул Ричардсон, посетив Сану, обнаружил, что весьма значительная часть города была разрушена и более половины населения умерло в результате голода и осады, что еще больше озлобило арабов [Baldry, 1976, p. 177–178]. Война с йеменскими мятежниками дорого обошлась туркам: ссылаясь на данные британского посольства в Турции, Балдри сообщает, что они ежегодно теряли по десять тысяч человек и тратили по 500 тысяч фунтов стерлингов. Имам Яхья в 1906 г. планировал поднять новое восстание, но, не получив оружия от англичан, в ноябре договорился о перемирии с турками, которое нарушил уже через шесть месяцев. В июне 1907 г. в Константинополь прибыла делегация шейхов йеменских племен, но договориться об урегулировании конфликта не удалось. А в сентябре в Йемен прибыли четыре муфтия и семь мусульманских богословов (улама) из Мекки для того, чтобы уговорить имама Яхью прекратить воевать против османского султана-халифа, однако тот не встретился с гостями, а передал им свои требования, в частности, отменить турецкие светские законы и заменить их шариатскими. [Baldry, 1976, p. 179–180].

В 1908 г. дряхлеющий Фейзи-паша был заменен Хасаном Тахсин-пашой. В результате младотурецкой революции Абдул-Хамид II восстановил конституцию 1876 г. и созвал парламент. В декабре турецкий совет министров, решив удовлетворить часть требований йеменцев, обсудил пакет реформ для Йемена. В 1909 г. вечно мятежный Асир был отделен от вилайета, в 1911 г. реформы начали претворяться в жизнь, но не успокоили йеменцев. Впереди были еще годы борьбы.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи [*AVPRI* – Archive of Russian Empire's Foreign Policy].

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив [*RGVIA* – Russian State Military History Archive].

FO – National Archives. Foreign Office.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Звонарев К.К. *Агентурная разведка*. Том I. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. М.: Управления штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии, 1929 [Zvonarjov K.K. *Human Intelligence*. Vol. 1. All kinds of Russian Human Intelligence before and during the War of 1911–1918. Moscow: Upravlenie Shtaba Raboche-Krest' yanskoj Krasnoj Armii, 1929 (in Russian)].
- Измолик В.С. «Черные кабинеты». *История российской перлюстрации XIII–XX вв.* М.: НЛЮ, 2015 [Izmozik V.S. “Cabinets Noirs”. *A History of Russian Postal Censorship of 13th – 20th Centuries*. Moscow: NLO, 2015 (in Russian)].
- Кокошин А.А. *Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России*. М.: МГИМО(У), 2003 [Kokoshin A.A. *Strategic Management. Theory, historic experience, comparative analysis, goals for Russia*. Moscow: MGIMO(U), 2003 (in Russian)].
- Копоть Е.М. Российская военная разведка в Азиатской Турции и Сирии во второй половине XIX в. *Исторический вестник: Османская империя и Россия*. 2019. № 4. С. 266–293 [Kopot' E.M. Russian Military Intelligence in Asian Turkey and Syria in the Second Half of the 19th Century. *Istoricheskiy Vestnik: Ottoman Empire and Russia*. 2019. No. 4. Pp. 266–293 (in Russian)].
- Наумкин В.В. Австрийские пионеры южноаравийских исследований. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 207–226 [Naumkin V.V. Austrian Pioneers of South Arabian Studies. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 207–226 (in Russian)].
- Наумкин В.В. Австрийские пионеры южноаравийских исследований: наука, политика, разведка. *Восток (Oriens)*. 2020. № 5. С. 225–242 [Naumkin V.V. Austrian Pioneers of South Arabian Studies: Science, Politics, Intelligence. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 5. Pp. 225–242 (in Russian)].
- Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. *Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений*. М.: Индрик, 2015 [Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M. *Syria on the Eve of the Young Turks Revolution. On the Materials of Consular Reports*. Moscow: Indrik, 2015 (in Russian)].
- Шаваев А.Г. *Куропаткин. Судьба обогнанного генерала*. М.: У Никитских ворот, 2019 [Shavaev A.G. *The Fate of the Defeated General*. Moscow: U Nikitskikh Vorot, 2019 (in Russian)].
- Baldry, John. Al-Yaman and the Turkish Occupation 1849–1914. *Arabica*. 1976. T. 23. Fasc. 2. Pp. 156–196.
- Farah, Caesar E. *The Sultan's Yemen. Nineteenth-Century Challenges to Ottoman Rule*. London – New York: I.B. Tauris, 2002.
- Harris, Walter B. *A Journey through the Yemen and Some General Remarks upon that Country*. Edinburgh and London: W. Blackwood and Sons, 1893.
- Kuehne T. *Ottoman Hero or Frontier Villain? Ahmed Feyzi Pasha (1839–1915)* (recording of the lecture, given on 3 April 2014, Simon Fraser University). <https://www.youtube.com/watch?v=ohYo5zJFcdE> (accessed 06.03.2021).
- Yacob, Abdol Rauh. Yemeni Opposition to Ottoman rule: an overview. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2012. Vol. 42. Pp. 411–420.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАУМКИН Виталий Вячеславович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН; руководитель базовой кафедры ИВ РАН в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Vitaly V. NAUMKIN, Full member of the Russian Academy of Sciences, DSc. (History), Professor, President, Institute of Oriental Studies, RAS; Head and Chair of the IOS at the National Research University “High School of Economics”, Moscow, Russia.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080014425-4

ВОСТОКОВЕДЫ ИЗ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКОГО КРАЯ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)

© 2021

А. А. ХИСАМУТДИНОВ ^а

^а – Дальневосточный федеральный университет,
Дальневосточное отделение РАН, Владивосток, Россия,
ORCID: 0000-0002-8228-7513; khisamut@yahoo.com

Резюме: Основанная на редких зарубежных источниках (в основном материалах Музея русской культуры в Сан-Франциско и печатных изданиях из Северо-восточной азиатской коллекции Гавайского университета), публикация посвящена востоковедческим исследованиям членов одного из первых русских научно-общественных учреждений в Китае – Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК, 1922–1929 гг.) и отражению результатов этой работы в музее ОИМК (ныне музей Хэйлуцзянской провинции, КНР). В статье приводятся факты из биографий наиболее известных исследователей, анализ их трудов. Особое внимание обращено на издательскую деятельность ОИМК, сбор библиографической информации о Китае, роль деятелей Общества в формировании молодого поколения русских исследователей и вовлечении в науку китайцев. Делается вывод о позитивном влиянии востоковедческих исследований членов ОИМК на развитие китаеведения в России и большом вкладе в комплексное изучение Китая и сопредельных стран (Японии, Кореи и Монголии). Деятели ОИМК снабжали советских востоковедов ценной информацией о регионе. Молодое поколение репатриантов с успехом продолжило научную деятельность в СССР.

Ключевые слова: Общество изучения Маньчжурского края, русские в Маньчжурии, география в Китае, музей в Харбине, русские географы, русская этнография в Китае, отдел печати.

Для цитирования: Хисамутдинов А.А. Востоковеды из Общества изучения Маньчжурского края (первая половина XX в.). *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 197–205. DOI: 10.31857/S086919080014425-4

ORIENTALISTS FROM THE SOCIETY FOR THE STUDIES
OF THE MANCHURIAN REGION
(THE 1ST HALF OF THE 20TH CENTURY)

© 2021

Amir A. KHISAMUTDINOV ^а

^а – Far Eastern Federal University,
Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia,
ORCID: 0000-0002-8228-7513; khisamut@yahoo.com

Abstract: Based on rare foreign sources (mainly the Museum of Russian Culture in San Francisco and prints from the Northeast Asian collection of the University of Hawaii), the publication is dedicated to one of the first Russian scientific and public institutions in China

– the Society for Studies of the Manchurian Region (OIMK, 1923–1929) and its local history museum (now the Museum of Heilongjiang Province, China), founded by the Russians and the Chinese in Harbin, in connection with the anniversary of the Chinese Eastern Railway (CER). The article represents a brief analysis of its collections, which were divided into the following main departments: ethnographic with archaeological, paleontological and geological collections; natural history with ornithological, biological and botanical collections, commercial and industrial with agricultural and forestry subdivisions, also the Experimental Agricultural Field, Botanical Garden and the Sungaria River Biological Station. The OIMK included the Society of Russian Orientalists and the Manchurian Agricultural Society. The OIMK workers paid great attention to studies of the cultural development of Northeast China, made numerous expeditions and trips for scientific purposes to little-known regions of China, carried out an extensive publishing program in four series A. – E. and a large international exchange program of literature and exhibits. Particular attention was paid to the collection of bibliographic information about China. The article also provides biographies and characteristics of researchers, analysis of their. The article summarizes the activities of OIMK and the reasons for its closure, traces the fate of the most famous figures.

Keywords: Society for Studies of the Manchurian Region, Russians in Manchuria, Geography in China, OIMK Museum in Harbin, Russian geographers, Russian ethnography in China, Press department of OIMK.

For citation: Khisamutdinov A.A. Orientalists from the Society for Studies of the Manchurian Region (the 1st Half of the 20th Century). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 197–205. DOI: 10.31857/S086919080014425-4

Музейное дело в дореволюционной России было связано с общественной деятельностью. Почти все музеи содержало не государство, а отдельные личности, среди которых было немало богатых и инициативных людей. Эти традиции были продолжены и в Китае (1-я половина XX в.), где русские люди – работники Китайско-восточной железной дороги (КВЖД) и беженцы, прибывшие в Харбин в ходе Гражданской войны в России и после нее, заложили основы российского изучения данного региона Востока, создали Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК), в котором они находили отдушину от житейских проблем. Большинство из них до приезда в Китай никогда не видели китайцев и мало интересовались тем, что происходит в этой далекой стране. Но оказавшись там и наблюдая за повседневной жизнью китайцев, многие начали проявлять интерес к незнакомой стране и ее людям и с увлечением занялись исследованиями в свободное время от основной работы – на совместных предприятиях (например, на КВЖД), на дипломатическом поприще, в китайских и русских учебных заведениях и т. д.

Несмотря на то, что уже вышло немало публикаций о российской эмиграции в Китае, (в том числе и работы автора настоящей статьи, статьи Л.Ф. Говердовской и др.), в исследовании этой темы до сих пор имеются «белые пятна». В частности, особенную трудность вызывает анализ изучения северо-востока Китая российскими исследователями в рамках различных отраслей науки, таких как археология, этнография, экономика, геология, биология и т. д. В библиографии уроженки Харбина, канадского профессора, Ольги Михайловны Бакич [Bakich, 2002] мы находим краткие сведения о научных публикациях на эти темы, по которым можем судить о наиболее популярных областях исследований и достигнутых результатах. Вместе с тем далеко не все члены ОИМК смогли опубликовать свои работы, большая часть написанного ими осталась в рукописях, что значительно затрудняет наш

поиск фактического материала. Несмотря на это, эмигранты оказали влияние отечественное и мировое востоковедение (С.М. Широкогоров, И.Г. Баранов, Н.А. Невский и др.).

В настоящее время материалы российских востоковедов-членов ОИМК имеются в архиве Музея русской культуры (МРК) в Сан-Франциско. В частности, там хранится основная часть коллекции В.Я. Толмачева, относящаяся к китайской и маньчжурской культуре, археологии, сельскому хозяйству. Попытку собрать в одном месте русские востоковедческие издания предпринимает библиотека им. Гамильтона Гавайского университета (Hamilton Library, University of Hawaii). Некоторые материалы имеются в архиве Гуверовского института (Hoover Institution on War, Revolution and Peace) и ряде университетских собраний в США. По понятным причинам работа с названными коллекциями затруднительна для российских исследователей. До сего времени невозможна работа и в китайских архивах, которые закрыты не только для россиян, но и для китайцев.

В России материалов по данной теме совсем мало. Небольшие коллекции русских изданий, увидевших свет за рубежом (преимущественно в Европе), имеются в Российской государственной библиотеке, в отделе эмигрантской печати Государственного архива Российской Федерации (часть Русского заграничного исторического архива в Праге, полученного в 1945 г.) и в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва).

Приношу искреннюю благодарность заместителю председателя Музея русской культуры Иву Франкьену (Yves Franquien) и русскому библиографу Гавайского университета Патриции Полански (Patricia Polansky), которые неоднократно помогали в выявлении материала по данной теме.

Подлинным русским востоковедческим центром на северо-востоке Китая стало ОИМК, основанное совместно русскими и китайскими (Юй Жэньфын, Ли Шаоген, Ли Тьяо и др.) исследователями 22 сентября 1922 г. в Харбине в связи с юбилеем Китайско-восточной железной дороги (КВЖД). Согласно уставу действительными членами ОИМК могли стать «лица обоего пола без различия национальности и подданства, учреждения и организации, сочувствующие его целям и вносящие установленный взнос» [*Устав*, 1922, с. 2]. Тем самым дорога в науку была открыта для всех, кто ею интересовался, и это привлекло к исследованиям Китая людей, имевших различное образование и профессии. Позднее в ОИМК влились Общество русских ориенталистов (ОРО, основано в 1908 г.) и Маньчжурское сельскохозяйственное общество (основано в 1913 г.). Помимо известных ученых, таких как китаеведы Алексей Павлович Хионин (1879–1971, Сидней, Австралия) и Виктор Владимирович Ггельстром (1883–?), экономисты Владимир Владимирович Ламанский (1879–1943, Китай) и Павел Николаевич Меньшиков (?– до 1934, Китай), деятелями ОИМК были исследователи-любители и краеведы русской Маньчжурии: педагог Николай Викторович Борзов (1871–1955, Беркли, Калифорния), бывший генерал-губернатор Приамурского края Николай Львович Гондатти (1860–1946, Харбин), биолог Павел Александрович Павлов (? – после 1946), краевед-натуралист Иннокентий Валерианович Козлов (1898–1984, Сан-Франциско), переводчик Алексей Иванович Галич (Галичев) (1879 – после 1950), востоковед Григорий Александрович Софоклов (1881–1946, СССР), врач Петр Александрович Лощилов (1869–1925, Харбин) и многие другие. Всего в разные годы членами ОИМК были более 800 человек.

Принципы организации ОИМК, как и название, напоминают Общество изучения Амурского края (ОИАК) во Владивостоке: через этот город прошли многие эмигранты. Как и ОИАК, ОИМК выросло в полноценную научно-просветительскую организацию, имевшую собственные библиотеку и музей, в экспонатах которого отразились результаты работы исследователей.

«С первых же шагов своей жизни общество проявило кипучую деятельность в создании собственного музея, – вспоминал А.С. Лукашкин. – По ходатайству общества, Правление

КВЖД отвело большое помещение под музей. Общество приняло большое участие в организации юбилейной выставки КВЖД по случаю 25-летия со дня начала постройки дороги. Эта выставка была открыта 12 июня 1923 г. в помещении, предназначавшемся впоследствии под музей. Выставка должна была отразить огромное влияние КВЖД на экономическое развитие и культурный прогресс Маньчжурии за истекшую четверть века. На выставке участвовало свыше 200 экспонентов, выставивших до 10 000 экспонатов, из коих более половины были торгово-промышленного характера. По окончании выставки многие экспонаты были пожертвованы обществу или же переданы ему во временное пользование с сохранением права собственности за владельцами. Поэтому будущий музей был обеспечен большим количеством демонстрационного материала» [Лукашкин, 1934, с 183–184].

Китайские власти отнеслись с большим интересом к созданию ОИМК и музея при нем. Главнначальствующий Особым районом Восточных провинций генерал Чжу Цинлан, ставший почетным председателем ОИМК, говорил: «Я тоже внес свою лепту в этот Музей, главным образом предметы, имеющие тесное отношение к китайской национальной культуре, для того чтобы моим соотечественникам напомнить необходимость изучения своего национального, а для европейцев дать возможность познакомиться с предметами восточной культуры. Что касается произведенного расположения экспонатов в Музее, то в этом виден строгий порядок и большая продуманность; это показывает, что создатели этого дела потратили немало энергии, что вызывает у меня по отношению к ним чувство глубокого уважения» [Торжественное, 1923, с. 4].

В музее были созданы отделы, отражающие направления исследований: историко-этнографический с археологической, палеонтологической и геологической коллекциями; естественно-исторический с орнитологической, биологической и ботанической коллекциями, торгово-промышленный с сельскохозяйственным и лесным подотделами, также имелись Опытное сельскохозяйственное поле, Ботанический сад и Сунгарийская речная биологическая станция.

Особой гордостью членов ОИМК был этнографический отдел музея. Его руководитель Алексей Михайлович Баранов (1865–1927, Харбин) поставил задачу собрать как можно больше этнографического материала о северо-востоке Китая и описать древние памятники Маньчжурии, чтобы способствовать их сохранению. Написав ряд работ о Монголии и Маньчжурии, Баранов отмечал: «Частое изменение политической карты Маньчжурии сделало то, что происхождение многих из имеющихся развалин совершенно забылось. О многих из них нет никаких указаний ни в китайских летописях, ни в местных народных преданиях. Во многих случаях местное население – совершенно новые пришельцы. Древние обитатели частью истреблены завоевателями, появившимися в Маньчжурии один вслед за другим, частью уведены были ими в плен, частью переселены были на новые места. Народная память потому о многих древних городищах не сохранила никаких воспоминаний. Для установления их прошлого необходимо научное обследование, необходимы правильные раскопки. Постоянные изменения в составе местного населения Маньчжурии сделали еще и то, что новые обитатели страны совершенно не дорожат местной стариной. Памятники древности безжалостно уничтожаются. Внутри древних валов, окружавших старые городища, отведенные колонизационные участки для новоселов-китайцев. Местность распахивается. Находимые при земельных работах различные древние предметы теряются, расхищаются, ломаются, продаются, употребляются на различные домашние поделки» [Баранов, 1923, с. 37]. Проведя детальное обследование многих выявленных памятников, Баранов с единомышленниками зарегистрировали их и передали сведения китайским властям. После смерти Баранова эту работу продолжил китаевед Павел Васильевич Шкуркин (1868–1943, Сизтл, США), написавший немало научных, научно-популярных и литератур-

ных произведений о Китае. Другим энтузиастом этнографии был Владимир Васильевич Поносов (1899–1975, Брисбен, Австралия).

Масштабные исследования проводил археологический отдел ОИМК. Его заведующий Владимир Яковлевич Толмачев, имевший богатый опыт полевых исследований, выявил в Северной Маньчжурии интересные археологические памятники палеолита и неолита.

Хранителем сельскохозяйственного подотдела был экономист Григорий Яковлевич Маляровский (1866–1932, Харбин), преподаватель Харбинского Института ориентальных и коммерческих наук. До эмиграции он изучал маслодельные районы Западной Сибири, а в Китае заинтересовался производством продуктов питания из сои, результатом чего стали работы «Молоко и сыр из соевых бобов» (1928), «Приготовление китайской сои в Северной Маньчжурии» (1928), «Соевые бобы как пища для человека» (1929). Статьи о сельском хозяйстве Маньчжурии, в частности, о рынке сбыта соевых бобов, публиковал и Толмачев. Проблемами сельского хозяйства занимался краевед и агроном Тарас Петрович Гордеев (1875–1967, Джолимон, Бельгия), выпускник Ново-Александрийского института сельского хозяйства и садоводства.

Опытным сельскохозяйственным полем и Сунгарийской речной биологической станцией, на которых отрабатывались практические исследования, руководил гидролог Александр Андреевич Болотов (1867–1945, Харбин).

Большую исследовательскую работу прикладного характера проводил отдел естествознания с подотделами зоологии и ботаники, которым руководил ученый секретарь ОИМК Борис Васильевич Скворцов (1896–1980, Сан-Пауло, Бразилия), выпускник естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1917).

По инициативе геолога Эдуарда Эдуардовича Анерта (1865–1946, Харбин) и под его руководством с июля 1924 г. при ОИМК стала работать секция геологии и физической географии, а в музее появился соответствующий подотдел. «Придавая большое значение народению нашего Музея, как исследовательской ячейки для интересов даже недалекого будущего, – отмечал Анерт, – для интересов даже узкопрактических дороги и страны, я ... приношу искреннее же пожелание процветания в будущем обоим учреждениям на пользу не только общекультурного и материального преуспевания Китая и России, но и как средства обеспечения прочности и дружелюбного сотрудничества двух великих народов Старого континента» [Торжественное, 1923, с. 5]. Через ОИМК Анерт издал несколько своих трудов, в том числе и одну из важнейших работ – «Полезные ископаемые Северной Маньчжурии» (Харбин, 1928).

Анализ публикаций членов ОИМК показывает, что их научные интересы, как правило, не ограничивались одним направлением, а работа в ОИМК часто находила продолжение в самых разнообразных направлениях: от природы и экономики до политологии и международных отношений.

Так, Толмачев организовал в здании, примыкавшем к музею ОИМК, Тарифно-показательный музей КВЖД, с которым тесно взаимодействовало Экономическое бюро КВЖД.

Одной из важнейших задач ОИМК являлась публикационная деятельность, которой руководил экономист и краевед Александр Андреевич Рачковский. С 1922 г. выходили «Известия Общества изучения Маньчжурского края», в которых публиковались работы членов Общества.

Печать Общества изучения Маньчжурского края распределялась по пяти сериям. В серии А выходили научно-популярные краеведческие работы. Они печатались на русском языке с аннотациями и пояснениями к иллюстрациям на английском. Первой стала книга известного натуралиста и литератора Николая Аполлоновича Байкова (1872–1958, Брисбен, Австралия) «Маньчжурский тигр» (1925).

В этой серии имелись отделы: естественно-исторический, историко-этнографический и другие. Многие работы вначале проходили апробацию в харбинском журнале «Вестник Маньчжурии», затем появлялись в виде оттисков с новыми обложками и серийными номерами и оформлялись как отдельные издания. С 1925 по 1928 г. их вышло 28. Интересными востоковедческими публикациями этой серии стали работы Ивана Алексеевича Лопатина (1888–1970, Лос-Анджелес) «Орочи – сородичи маньчжур» (1925, № 6), Владимира Яковлевича Толмачева (1889–1942, Шанхай) «Древности Маньчжурии и развалины Байчэна» (1925, № 9), Ипполита Григорьевича Баранова (1886–1972, Алма-Ата) «Китайский Новый год» (1927, № 16), Ивана Ивановича Гапановича (1891–1963, Канберра, Австралия) «Амгунские тунгусы и негидальцы, их будущность» (1927, № 23) и др.

Серия В состояла из научных трудов членов ОИМК по исследованиям в Северной Маньчжурии, которые распределились по следующим отделам: ботаника, зоология, этнография, история и археология. Они печатались на русском языке с параллельным английским или немецким текстом и аннотацией на китайском языке. В этой серии выделялись материалы Сунгарийской речной биологической станции, Ботанического сада и Опытного поля, а также сведения по библиографии Маньчжурии.

В серии С печатались «Известия Общества изучения Маньчжурского края» со следующей программой: сведения о деятельности Комитета ОИМК, его секций, комиссий, научных учреждений Общества, отчеты, резюме по докладом в секциях, хроника научной краевой жизни. Известия выпускались раз в год на русском языке и отдельно на китайском и английском языках. С 1922 по 1926 г. вышло десять выпусков.

Серия D была в основном посвящена экономике Северной Маньчжурии и сопредельных стран. В ней печатались труды сотрудников Торгово-промышленной секции (Э.Э. Анерта, А.А. Хорвата, А.И. Погребецкого, А.В. Маракуева, В.А. Кормазова и др.) С 1923 г. по 1928 г. вышло 14 выпусков на русском языке, но некоторые публикации были переведены на китайский и английский языки. Востоковедению была посвящена работа Георгия Георгиевича Авенариуса (1876–1948, Далянь, Китай) «Китайские цехи» (1928).

В серию E вошли 16 бюллетеней, выпускавшихся в связи с устройством выставок (каталоги и путеводители), а также учебные пособия, справочники и др. Некоторые издания выходили на китайском языке, в большинстве работ имелись аннотации на английском языке.

Выпускались и отдельные книги. Первым таким изданием была монография начальника коммерческого отдела КВЖД Александра Ильича Погребецкого (1891–1952, Тель-Авив) «Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции». Хионин через издательство ОИМК напечатал «Новейший Китайско-Русский словарь: (Более 10 тыс. отдельных иероглифов и около 60 000 сочетаний. По графической системе)»: В 2 т. (Харбин, 1928).

Вхождение в состав ОИМК других общественных объединений расширило фонды его научной библиотеки почти до 13 тыс. томов, что заставило задуматься о ее реорганизации. Отмечалось, что «книжный фонд библиотеки был пересмотрен, в ней оставлены следующие издания: а) книги и брошюры о Маньчжурии и соседних областях; б) справочные, классические и фундаментальные научные сочинения по тем отраслям знания, в направлении которых по преимуществу развивается деятельность ОИМК; в) словари, энциклопедические и языков; г) обменные издания ученых учреждений и обществ, краеведческих организаций и д) научные периодические издания» [Рачковский, 1927, с. 5]. В библиотеке имелся уютный читальный зал, где на столах находились китайские и русские газеты и научные книги, получаемые музеем. Доступ в читальный зал не ограничивался. Пользование же научной библиотекой было доступно всем членам ОИМК с разрешения администрации музея в каждом отдельном случае.

Особое внимание деятели ОИМК уделили изданиям, увидевшим свет в Северной Маньчжурии. Для этого в 1924 г. при музее был создан отдел местной печати, который возглавил библиограф Михаил Семенович Тюнин (1865 – после 1945, репрессирован), собравший около 19 тыс. образцов печатной продукции (книги, брошюры, журналы, газеты, листовки и т. д.). Благодаря ему был составлен первый библиографический справочник местных изданий – «Библиография Маньчжурии».

В центре внимания многих деятелей ОИМК было изучение культурного развития северо-востока Китая, для чего они совершали экспедиции и краткосрочные поездки в малоизвестные районы. Хотя ОИМК имело сеть корреспондентов по всей Северной Маньчжурии, оно поддерживало инициативу исследователей посетить тот или другой район. Всего за шесть лет было совершено 190 научных поездок. Особенно удачными были экспедиции по Трёхречью и Барге экономиста Владимира Алексеевича Кормазова (1886–1960, Сизтл), выпускника Санкт-Петербургского университета. Штатный сотрудник Экономического бюро КВЖД в 1924–1935 гг., в свободное время он занимался археологическими раскопками, собирал этнографические сведения и уникальные экспонаты для музея ОИМК.

В помещении музея ОИМК регулярно проводились разнообразные выставки, носившие в основном прикладной характер: «Премированная промышленность и торговля Северной Маньчжурии» (1924), «Выставка товаров взаимного экспорта Китая и СССР» (1925) и другие. Деятели ОИМК обращали внимание и на художественную жизнь русского Харбина. Так, в его стенах прошли «Объединенные выставки живописи и прикладного искусства» (1923, 1924, 1925) и выставка, посвященная языку эсперанто.

ОИМК имело широкие международные связи, обмениваясь литературой и экспонатами с Советским Союзом, США, Великобританией, Японией, Германией, Польшей, Чехословакией и другими странами. Особенно тесными были отношения с советскими учеными. 21 октября 1926 г. музей ОИМК посетили академик В.Л. Комаров и профессора Л.С. Берг и П.Ю. Шмидт, направлявшиеся на Тихоокеанский научный конгресс в Токио.

Членами ОИМК были люди разного возраста, но с самого основания Общества в него старались привлекать молодежь. С этой целью в программы школ и других образовательных учреждений включали востоковедческий компонент, организовывали востоковедческие кружки в Харбине (Клуб естествознания и географии, Национальная организация исследователей-пржевальцев, Харбинское общество естествоиспытателей и этнографов и др.).

Живя среди китайцев, молодые русские востоковеды быстро становились двуязычными специалистами. Для всех них погружение в изучаемую культуру и язык оказалось постоянным.

В феврале 1928 г. генерал Чжан Хуансян издал приказ № 661 о национализации ОИМК. Как отметили русские, в основе этого решения было желание получить дополнительный источник доходов. Харбинская газета «Гун-Бао» писала: «Посадили, как везде, с десяток или полтора служащих, всех довольно малообразованных или вовсе безграмотных, без знания иностранных языков. Оклады высшим и ближайшим родственникам дали близкие к тем, которые получали русские служащие ОИМК. Коллекции, ценность которых по каталогу была очень велика, привлекли вначале большое внимание. Их переписали поштучно и запечатали, не допуская даже необходимой дезинфекции от вредных насекомых у одних и смены спирта или формалина у других. Старых бесплатных работников выкурили – нельзя же давать посторонним столь ценные вещи. Описание собранных коллекций поэтому со дня захвата ОИМК замерло. К этому периоду относится один из самых печальных инцидентов – продажа как ненужной бумаги всех дуплетов и части основных книг библиотеки и всего запаса ценнейших изданий Общества ориенталистов. Сюда же попала часть книг и комплектов старых газет и журналов...» [Положение, 1932].

Музей ОИМК, имевший к моменту закрытия ОИМК более 62 тыс. экспонатов [Скворцов, 1945, с. 54–55], стал подчиняться Департаменту народного образования Особого района восточных провинций (ОРВП). В январе 1931 г. при нем открыли Научно-исследовательский институт ОРВП, где продолжили работу русские исследователи. Так, в 1932 г. штатным сотрудником музея стал краевед В.В. Поносов, занимавшийся исследованиями по нескольким направлениям. Как этнограф он изучал шаманизм, буддизм, ламаизм и даосизм и совершил шесть экспедиций, знакомясь с жизнью дауров и солонов. Осенью 1931 г. он руководил палеонтологическим отрядом Первой экспедиции Института в Дунцинчэн, а в 1934 г. – на станцию Сунгари. Увлекаясь археологией, он был начальником ряда археологических экспедиций: на Баргу в 1934 г., Сяомяо в 1935 г. и др. Поносов также вел археологические раскопки в Маоэршане в 1942–1943 гг., участвовал в Будунэ-Горлосской экспедиции весной 1944 г.

В 1945–1967 гг. научным сотрудником Харбинского музея был Т.П. Гордеев, участник экспедиции Н.К. Рериха в район Барги в 1934 г., автор малотиражных научных работ о Маньчжурии.

Последним русским директором Харбинского краеведческого музея (бывший музей ОИМК) был зоолог и краевед Борис Павлович Яковлев (1881–1947, Тяньцзинь).

Многие члены ОИМК покинули Харбин, кто вскоре после закрытия Общества, другие – несколько позже. В.Я. Толмачев переехал преподавать в Шанхай. Бывший куратор музея ОИМК биолог Анатолий Стефанович (Степанович) Лукашкин (1902–1988, Сан-Франциско) продолжил научную деятельность в Калифорнийской Академии наук. Он сотрудничал с Музеем Русской культуры в Сан-Франциско, и благодаря ему там собрана богатая коллекция материалов по истории русской эмигрантской науки в Китае. Поносов эмигрировал в 1961 г. в Австралию, он участвовал в полевых археологических исследованиях Квинслендского университета (1963), а затем был куратором антропологического отдела университета (1966–1970).

Ботаник Б.В. Скворцов после работы в Институте леса при Академии наук КНР (1950–1957) эмигрировал в Бразилию (с 1962) и работал в Ботаническом институте в Сан-Пауло. Гордеев, выйдя на пенсию, уехал в Бельгию.

За недолгую историю своего существования (1922–1929), ОИМК сумело объединить русских и китайских исследователей и внести немалый вклад в изучение северо-востока Китая. Общество осуществило широкую издательскую программу и большую международную программу обмена литературой и экспонатами. Особое внимание было обращено на сбор библиографической информации о Китае. Имея обширные международные связи, ОИМК стало своеобразным научным мостом между Китаем и Европой. Деятели Общества сыграли большую роль в вовлечении в науку китайцев и формировании молодого поколения русских исследователей (доктора исторических наук Владимир Алексеевич Стариков, Анатолий Гаврилович Малявкин, Николай Алексеевич Спешнев и др.).

Надо отметить вклад российских востоковедов в Германии (В.Г. Зейберлих), в США (А.С. Лукашкин, Н.А. Слободчиков, А.И. Гражданцев и др.), в Австралии (В.В. Поносов, В.Н. Жернаков и др.) и других странах.

Исследователи предполагают, что архив и библиотека бывшего ОИМК сейчас находятся в Музее Хэйлунцзянской провинции, но для российских ученых доступ к ним ограничен. Впрочем, таково же положение и для китайских исследователей, за исключением китайской научной номенклатуры.

К сожалению, труды российских востоковедов не нашли должной оценки в современном Китае, и ссылки на их работы встречаются крайне редко. Пять лет тому назад Академия общественных наук Хэйлунцзянской провинции попросила автора данной статьи написать для многотомной истории региона материал о русских на северо-востоке Китая и их научных достижениях. Даже был выдан гонорар, но через некоторое время редактор сообщил,

что партийное руководство сочло неправильным участие иностранца в этом солидном издании, и статьи не будут опубликованы. Тем не менее сам факт широкого участия русских специалистов, как ученых, так и исследователей-любителей, в изучении северо-востока Китая говорит о многом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Баранов А. Регистрация памятников в Маньчжурии. *Известия Общества изучения Маньчжурского края*. 1923. № 3 (Июнь). С. 37–40 [Baranov A. Registration of Monuments in Manchuria. *Izvestiia Obshchestva izucheniiia Man'chzhurskogo kraia* (=Proceedings of the Society the Society for Studies of the Manchurian Region). 1923. No. 3. Pp. 37–40 (in Russian)].

Лукашкин А.С. Музей Северной Маньчжурии в Харбине. *Вестник Маньчжурии*. Харбин, 1934. № 1. С. 183–184 [Lukashkin A.S. Museum of Northern Manchuria in Harbin. *Vestnik Man'chzhurii* (=Bulletin of Manchuria). Kharbin, 1934. No. 1. Pp. 183–184 (in Russian)].

Положение О-ва изучения Маньчжурского края. Общественное и научное достояние гибнет. *Гун-бао*. Харбин, 1932. 29 мая [The Position of the Society of Study of the Manchurian REGION. Public and Scientific Property is Dying. *Gun-bao*. Kharbin, 1932 (in Russian)].

Рачковский А.А. Шесть лет. *Известия Общества изучения Маньчжурского края*. 1927. № 7 (Дек.). С. 4–5 [Rachkovsky A.A. Six Years. *Izvestiia Obshchestva izucheniiia Man'chzhurskogo kraia* (=Proceedings of the Society for Studies of the Manchurian Region). 1927. No. 7. Pp. 4–5 (in Russian)].

Скворцов Б. К истории Общества изучения Маньчжурского края и созданного им музея. *Известия Харбинского краеведческого музея*. Харбин, 1945. № 1. С. 53–54 [Skvortsov B. On the History of the Society for the Study of the Manchurian Territory and the Museum Created by it. *Izvestiia Kharbinskogo kraevedcheskogo muzeia* (=News of the Harbin Museum of Local Lore). Kharbin, 1945. No. 1. Pp 53–54 (in Russian)].

Торжественное заседание Общества изучения Маньчжурского края 12 июня 1923 г. (В день открытия музея и выставки). *Бюллетень Музея Общества изучения Маньчжурского края и юбилейной выставки КВЖД*. Харбин, 1923. № 1 (июнь). С. 5 [Inaugural Meeting of the Society for the Study of the Manchurian Region on June 12, 1923 (On the Opening Day of the Museum and Exhibition). *Biulleten' Muzeia Obshchestva izucheniiia Man'chzhurskogo kraia i iubileinoi vystavki KVZhD* (=Bulletin of the Museum of the Society for Studies of the Manchurian Region and the Anniversary Exhibition of the Chinese Eastern Railway). Kharbin, 1923. No. 1. P. 5 (in Russian)].

Устав Общества изучения Маньчжурского края (Утвержден китайскими властями 2 сентября 1922 г.). Харбин: Изд. ОИМК, 1922 [Charter of the Society for the Studies of the Manchurian Territory (Approved by the Chinese authorities on September 2, 1922) (in Russian)].

Bakich O.M. *Harbin Russian imprints: Bibliography as History, 1898–1961: Materials for a Definitive Bibliography*. New York; Paris: Norman Ross Publishing Inc. 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ХИСАМУТДИНОВ Амир Александрович – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета, заведующий отделом НИР в Центральной научной библиотеке Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия.

Amir A. KHISAMUTDINOV, DSc (History), Professor of the Far Eastern Federal University, Head of the Research Department at the Central Scientific Library of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.31857/S086919080012119-7

ГОЛОВА СТАТУИ ПТОЛЕМЕЯ V ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА И ПРОБЛЕМА «ЕГИПТИЗАЦИЙ»
ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ ПТОЛЕМЕЕВ В КОНЦЕ III – НАЧАЛЕ II ВВ. ДО Н.Э.¹

© 2021

И.А. ЛАДЫНИН^{a, b}^a – Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия^b – Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
WoS ID: J-3968-2016; Scopus ID: 39764478000
ORCID: 0000-0002-8779-993X; ladynin@mail.ru

Резюме: В статье рассматривается памятник из египетской коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина (I, 1а 5429), атрибутированный Птолемею V, и ряд его аналогов, представляющих собой, очевидно, фрагменты царских статуй, которым представители египетской элиты воздавали почести в частном порядке согласно норме Розеттского декрета 196 г. до н.э. Эта группа памятников обнаруживает элементы эллинизации в иконографии (трактовке волос, асимметрии лица) и явно передает индивидуальные черты царя. Эти особенности отличают их от крайне условных царских портретов III в. до н.э., выполненных сугубо в рамках египетской традиции IV в. до н.э. По мнению ряда исследователей, именно на рубеже III и II вв. до н.э. в идеологии Птолемеев проявились черты «египтизации». В статье рассмотрена полемика вокруг этой проблемы и сделан вывод о том, что ее слабость в неконкретности термина «египтизация». Принципиален для египтян этого времени был не столько «местный» антураж власти царя, сколько его качества сакрального правителя, способного совершать ритуал. Тенденция, принимавшаяся за «египтизацию», по сути дела, представляет собой выявление в пропаганде Птолемеев IV и V таких их качеств, которые придавали их власти сакральный характер. Сама же эта тенденция была вызвана необходимостью противостоять оппозиционности египетской элиты. «Локон юности» на статуях Птолемея V указывает на воплощение в нем бога Хора, а эллинизация и индивидуальность его изображений подчеркивают, что принадлежность царя к чужеземной династии не препятствует этому. Обсуждаемую тенденцию следует определить не как «египтизацию» идеологии Птолемеев, а, напротив, как персонализацию применительно к македонским правителям базовых в то время мотивов царского культа.

Ключевые слова: скульптура, Птолемей V, царский культ, «египтизация», иконография.

Для цитирования: Ладынин И.А. Голова статуи Птолемея V из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина и проблема «египтизации» царской власти Птолемеев в конце III – начале II вв. до н.э. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 206–220. DOI: 10.31857/S086919080012119-7

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)».

A SCULPTURE HEAD OF PTOLEMY V FROM THE A.S. PUSHKIN MUSEUM
OF FINE ARTS AND THE PROBLEM OF “EGYPTIANIZATION”
OF THE PTOLEMAIC KINGSHIP
IN THE LATE 3RD AND THE EARLY 2ND CENTURIES B.C.

© 2021

Ivan A. LADYNIN ^{a, b}^a – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia^b – National Research University “Higher School of Economics”

Moscow, Russian Federation, Moscow, Russia

WoS ID: J-3968-2016; Scopus ID: 39764478000

ORCID: 0000-0002-8779-993X; ladynin@mail.ru

Abstract: *The article discusses a sculpture head in the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts (no. I, 1a 5429) and its analogies, which all seem to belong to the cult statues of Ptolemy V worshipped privately by members of the Egyptian elite according to the Rosetta Decree of 196 B.C. These artifacts show a degree of hellenization in iconography (rendering of hair, facial asymmetry) and obviously represent the portrait features of the young king, unlike strictly Egyptian and conventional objects of the earlier Ptolemaic royal sculpture. However, a number of scholars believed that the period, to which these cult images belonged, was marked with the “Egyptianization” of the Ptolemaic kingship. The term is questionable, as the Egyptians of that time paid attention not so much to the native or alien origin or entourage of a ruler as to his ability to perform ritual and, respectively, his sacrality. The alleged “Egyptianization” was highlighting these qualities (namely, the embodiment of Horus, son of Osiris and Isis, providing the sacrality) in Ptolemy IV and V. This accent in propaganda was backed by the need to deal with the native opposition since the mid-3rd century B.C. The “lock of youth” on the statues of Ptolemy V indicated the presence of Horus in him, and their hellenization and individuality stressed that his alien origin and young age were not an obstacle to that. Thus, the trend discussed was not an “Egyptianization” but rather a strong personalization of the basic notions of royal cult in the Ptolemaic kings.*

Keywords: sculpture, Ptolemy V, royal cult, “Egyptianization”, iconography.

For citation: Ladynin I.A. A Sculpture Head of Ptolemy V from the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts and the Problem of “Egyptianization” of the Ptolemaic Kingship in the Late 3rd and the Early 2nd Centuries B.C. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 206–220. DOI: 10.31857/S086919080012119-7

В египетской коллекции Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина хранится голова скульптуры египетского царя, изготовленная из алебаstra (инвентарный номер I, 1a 5429; рис. 1, 2)². Размер памятника невелик (4 см в длину, 5,3 см в ширину, 5 см в высоту); он изображает, очевидно, юного правителя с такими характерными и явно индивидуальными чертами, как большие треугольной формы глаза, большие уши, слегка изогнутый рот, большой нос, заостренный подбородок, вьющиеся волосы, обозначенные маленькими кольцами. Помимо трактовки лица, на возраст правителя и, видимо, на некоторые его качества указывает «локон юности» (большая прядь волос, которую в Египте было принято носить вплоть до позднего подросткового возраста [Feucht,

² Иллюстрации к статье см. на цветной вклейке

1995, р. 497–498]), ниспадающий за ухом справа от головы. Голову охватывает неширокая диадема эллинистического царя (см. теперь: [Das Diadem, 2012]), изначально перекрывавшаяся на лбу уреем (на памятнике сохранились его следы). На макушке головы есть отверстие шириной 1,8 см, несомненно, для крепления какого-то атрибута. На некоторых частях памятника есть остатки светло-коричневой краски. На статуе нет следов крепления к опорному столбу, типичному для египетской скульптуры, что говорит о его изначальном отсутствии (иначе крепление было бы заметно на затылке).

Долгое время этот памятник не исследовался специально. Ранее он считался изображением бога (Харпократа, согласно инвентарям египетской коллекции ГМИИ; Хонсу, согласно каталогу выставки 2002 г. [Путь к бессмертию, 2002, с. 197 (№ 765)]), из-за чего не был учтен в фундаментальном каталоге древнеегипетской скульптуры в собрании ГМИИ имени А.С. Пушкина [Берлев, Ходжаш, 2004], в который вошли только изображения людей. Однако эллинистическая диадема позволяет уверенно трактовать его как изображение царя дома Птолемеев. Также можно сказать, какой атрибут был закреплен на нем сверху: головы египетских статуй Птолемеев могли быть покрыты царским платком-*немесом*, увенчаны двойной короной-*пшентом* или реже «синей короной» (иные атрибуты, такие, как корона-*хем-хем* или бараньи рога, закреплялись поверх *пшента*) [Stanwick, 2002, р. 34–35]. Однако присутствие на этом памятнике *немеса* или «синей короны» исключено, поскольку тогда волосы царя (может быть, кроме прядей на лбу) были бы полностью закрыты. Единственный остающийся вариант – это двойная корона, и он подтверждается аналогиями к данному памятнику (см. далее).

О.А. Васильева, сопоставив памятник из ГМИИ с тремя головами скульптурных изображений из алебаstra в Египетском собрании Государственных музеев Берлина (Berlin ÄS 14568, 13457, 23140) [Kyrieleis, 1975, р. 172, pl. 41.1–4 (E1), 42.1–2 (E2), 42.3–4 (E3)] атрибуировала его, как и эти головы³, Птолемею V Эпифану (204–180 гг. до н.э.) [Васильева, 2015]. Дальнейшее исследование, проведенное совместно с ней автором этой статьи [Ladynin, Vassilieva, 2020], позволило прибавить к вышеперечисленным аналогиям голову мраморного изображения того же царя из частной коллекции в США (хотя оно и отличается по иконографии от памятника из ГМИИ и от берлинских голов, в частности, в трактовке волос и в более округлой форме подбородка) [Bianchi, 2014]. С меньшей уверенностью в этом ряду можно упомянуть терракотовую голову царя в Археологическом музее Кракова. По мнению Х. Шиманской, опущенные углы рта и печальное покорное судьбе выражение лица обнаруживают его сходство с берлинскими головами [Szymańska, 2003, р. 504, 507, fig. 11]. Кроме того, схожей с ними и с памятником из ГМИИ можно считать треугольную форму больших ушей. Однако лицо краковской терракоты все же кажется слишком округлым при сопоставлении с треугольными лицами московской и берлинских голов: на голове из американской коллекции эта округлость выражена меньше, однако качество фотографии памятника из Кракова не позволяет вынести окончательное суждение о его атрибуции Птолемею V. Эти памятники варьируются по размерам, но в общем все они невелики: видимо, самый миниатюрный из них – Berlin ÄS 14568 (высота лица 3,2 см, общая высота с короной 10,4 см), а самый большой – Berlin ÄS 23140 (высота без короны 9,1 см). Набор их специфических черт суммирован в таблице:

³ Эта атрибуция «берлинских» голов обоснована Х. Кириелейсом в его исследовании портретов Птолемеев, в котором основой для их идентификации признано соотнесение с изображениями на монетах [Kyrieleis, 1975, р. 54; ср., например: *Cleopatra's Egypt*, 1988, р. 152–153; Ashton, 2001, р. 26–27, 88–89]. Мнения о возможной атрибуции Berlin ÄS 23140 Птолемею XIII и Berlin ÄS 13457 – Цезариону [Parlasca, 1978, р. 29–30] и о том, что берлинские памятники могут изображать как Птолемея V, так и Птолемея VI [Stanwick, 2002, р. 56–57, 106–107], отводятся нами в [Ladynin, Vassilieva, 2020, р. 255–257].

Таблица 1

	ГМИИ	Berlin ÄS 14568	Berlin ÄS 13457	Berlin ÄS 23140	США	Краков
Диадема	+	+	–	+	+	+
Двойная корона либо крепление для нее	+	+	–	+ ⁴	+	+
Урей	+	–	+	+	–	–
«Локон юности»	+	+	+	+	+	+
Задний опорный столб	–	–	+	+	–	–

Как видно, атрибуты этих памятников характеризуют изображаемого правителя (в случае первых пяти, несомненно, Птолемея V) и как сакрального царя Верхнего и Нижнего Египта, и как эллинистического монарха. Задний опорный столб у двух из них указывает на их функционирование в египетской среде, и, думается, этот вывод можно распространить на данную группу в целом. В то же время греческое влияние на иконографию этих памятников не ограничивается появлением диадемы на большей их части: оно проявляется в таких стилистических чертах, как трактовка волос и несвойственная египетской традиции асимметрия лица (так, на памятнике из ГМИИ правый глаз несколько больше левого и расположен ниже, и такое смещение вообще заметно на правой стороне лица; см. об этих чертах, в том числе в контексте понятия “Greekness” как особого концепта птолемеевской скульптуры: [Stanwick, 2002, p. 37–38, 43, 47, 49, 51, 69]). Место происхождения всех этих памятников неизвестно, однако считается, что птолемеевская царская скульптура с чертами эллинизации концентрируется в районах Александрии, Канопы и Фаюмского оазиса [Stanwick, 2002, p. 48; Brophy, 2015, p. 40, 53–55], т.е. там, где взаимодействие между египетской и греко-македонской элитами было особенно интенсивным. По мнению ряда исследователей, распространение царской скульптуры небольшого размера было прямо связано с установлением, согласно Мемфисскому (Розеттскому) декрету синода египетских жрецов 196 г. до н.э., частного почитания царя, в рамках которого культовые почести воздавались его изображениям в специальных домашних алтарях (OGIS 90, l. 52–53; Urk. II. 196.9–197.6) [Lembke, 2000, p. 140; Thomas, 2002, p. 61; см. также Hölbl, 2001, p. 166]⁵. Тогда можно думать, что наши скульптурные фрагменты были частями царских статуй, установленных в домах египтян, которые были лояльны к династии Птолемеев и воздавали им культ.

Вопрос о точной атрибуции одному из Птолемеев как памятника из ГМИИ, так и его аналогов, подробно разобран нами совместно с О.А. Васильевой в указанной публикации; сейчас мы лишь отметим, что атрибуция памятника из ГМИИ Птолемею V может быть установлена по чисто иконографическим признакам на основе подхода, предложенного в свое время Х. Кириелейсом. Обратимся к другой проблеме, связанной с эволюцией идеологии государства Птолемеев, которую, на наш взгляд, позволяет поставить эта группа памятни-

⁴ Корона утрачена, но ее изначальное присутствие можно предполагать по тем же признакам, что у памятника из ГМИИ, – креплению и не перекрытым волосам на макушке.

⁵ Наше несогласие с допущением, что в данном случае речь идет о воздании частными лицами почестей царю в особых алтарях на процессионных путях [Stanwick, 2002, p. 9], мы оговорили в [Ladyinin, Vassilieva, 2020, p. 257, n. 51].

ков. Согласно типологии египетских скульптурных изображений Птолемеев, намеченной П.Э. Стэнвиком, в III в. до н.э., в них очень слабо выражены индивидуальные черты и преобладает чисто условное воспроизведение иконографического стандарта, восходящего ко времени последних египетских династий IV в. до н.э. («группа А») [Stanwick, 2002, p. 66–68]⁶. Памятники с чертами индивидуальности⁷ и греческого стилистического влияния появляются как раз с царствования Птолемея V Эпифана («группа Б») [Stanwick, 2002, p. 69–70]: они, очевидно, изготавливались в египетских мастерских, но по стандарту, определяемому царским двором [Smith, 1996, p. 210; Ashton, 2001, p. 22–23; Brophy, 2015, p. 21], и могли находить применение в сфере царского культа в египетской среде. При этом «эллинизация» образа царя, пропагандируемого среди египтян, поразительно совпадает по времени с прямо противоположной, казалось бы, тенденцией, которую ряд исследователей определили как «египтизацию» монархии Птолемеев. Такое совпадение требует определенных объяснений.

Вопрос об этой тенденции в конце III и в начале II вв. до н.э. впервые поставил в своем исследовании так называемого декрета Рафии 217 г. до н.э. демотист Х.-Й. Тиссен, однако важной опорой для него была позиция ведущих эллинистов первой половины XX в. Так, М.И. Ростовцев говорил о том, что со времени Птолемея IV Филопатора «руководящим принципом» политики македонских царей в Египте становится не «господство» над местным населением, а «сосуществование» (association) с ним. Шагом к этому стало «создание регулярной фаланги, обученной по македонскому образцу из местной милиции (μάχιτοι)», причем именно контраст между ее ролью в военном успехе Филопатора и приниженным положением египтян внутри страны стало причиной восстаний в Египте, начиная с 210-х гг. до н.э. [Rostovtzeff, 1941, p. 706–710]. В данном вопросе Ростовцев буквально следует рассуждению Полибия о значении участия египтян в IV Сирийской войне и конкретно в битве при Рафии для последующих мятежей (Polyb. V. 107.1–3; о 20 тыс. египтян-фалангитов под командованием Сосибия и их роли в битве см.: idem. V. 65.9, 85.9; [Huß, 1976, S. 58–61]). Чуть раньше П. Жуге оценивал кризис в отношениях Филопатора с египтянами как часть «яростной реакции против эллинизма» (une violente réaction contre l'hellénisme) по всему Востоку [Jouguet, 1935, p. 101; ср. с нашим замечанием о «постэллинистической реакции»: Ладынин, 2004, с. 171–172]. По мнению Тиссена, в прямой связи с этими тенденциями находится содержание «декрета Рафии» – постановления жреческого синода, установившего почести Птолемею IV после победы над Антиохом III. Ученый отметил такие черты этого акта, как появление в нем пятисоставной египетской титулатуры царя, в том числе в греческом переводе, проведение синода не в Александрии или рядом с ней, а в древней египетской столице Мемфисе, значимость в обосновании почестей царю его благодеяний храмам Египта и в целом благочестия (пребывания «на пути бога»; см. [Ладынин, 2011(2), особ. с. 147–148]), сравнения царя с египетскими богами и его взаимодействие с ними, введение впервые за время правления Птолемеев прижизненного почитания статуй самого Птолемея IV и его супруги Арсинои III в храмах Египта наряду с местными богами. Эти черты являются новациями по сравнению с более ранним Канопским декретом жреческого синода 238 г. до н.э. в честь Птолемея III Эвергета, и ученый квалифицирует их как серию шагов навстречу традиционной идеологии египетской элиты [Thissen, 1966, S. 80–83]. Особое внимание Тиссен обращает на изображения Птолемея IV в наверхших

⁶ Можно предположить принадлежность к этому же типу нескольких гипсовых моделей лиц царских статуй в собрании ГМИИ [Берлев, Ходжащ, 2004, с. 400–402, 404–405 (№ 129–131, 133–134)], однако этот вопрос требует специального исследования.

⁷ Мы имеем в виду не столько действительный реализм таких изображений, сколько их следование иконографическому стандарту, санкционированному свыше [Bianchi, 2018, p. 141], но, очевидно, с определенного момента включающего портретные черты правителей.

стел с «декретом Рафии» (СМ 31088: [Kamal, 1905, t. 1, p. 218; t. 2, pl. LXXIV]; СМ 50048: [Thissen, 1966, S. 83–84, Abb. 1–2]): здесь он представлен не пешим, разящим врага булавой, как обычно в египетской традиции, а восседающим на коне и поражающим противника копьем, что, конечно, соответствует его образу эллинистического правителя.

В дальнейшем тезис о «египтизации» монархии Птолемеев был подкреплен наблюдениями Хр. Онаша над Канопским и Розеттским декретами. По его мнению, эти акты отражают стремление создать «приемлемую для обеих частей населения, объединяющую царскую идеологию», причем в них обоих можно найти отсылки к египетским идеологемам, которые «были бы знакомы только египетским жрецам, но не греческой правительственной канцелярии». Однако Розеттский декрет был принят уже после битвы при Рафии, когда политикой Птолемеев стало «сосуществование» с египтянами (примечательно, что, цитируя в этом контексте Тиссена, Онаш не замечает его отсылки к позиции Ростовцева). Среди мотивов Розеттского декрета, показывающих нарастание «египтизации», помимо отмеченных Тиссеном для «декрета Рафии», выделяется описание подавления восстания в Ликополе в категориях торжества благих богов (Ра и Хора) над врагами, определение дат праздников в честь дней рождения и воцарения Птолемея V только по египетскому календарю, упоминание его коронации по египетскому обряду в Мемфисе. Говоря о «сотрудничестве жрецов» (*die Mitwirkung der Kleriker*) в формулировании текста декретов, Онаш подчеркивает, что инициатива их принятия была, несомненно, за государством. При этом, поскольку в египетской среде сакральность царской власти с течением времени неуклонно падала, а эллинистический царский культ был «искусственен и вторичен», особое значение имело стремление Птолемеев ассоциировать себя с образами старых богов Египта [Onasch, 1976, besonders S. 153–155].

Стоит обратить внимание на позицию по данному вопросу М. Минас: не употребляя понятия «египтизация», она констатировала возрастание готовности Птолемеев к уступкам египетскому жречеству по мере роста потребности в сотрудничестве с ним. При этом на рубеже III и II вв. до н.э., во время принятия Розеттского декрета, во главе Египта находился не «победоносный царь», а «совсем юный правитель», который должен был искать способ «покончить с внутренним хаосом»: в подобных условиях опора Птолемея V на египетское жречество и легитимация власти согласно местной традиции приобретала исключительное значение [Minas, 2000, S. 124].

Идея «египтизации» власти Птолемеев IV и V скоро нашла оппонентов среди исследователей, занимающихся эллинистическим Египтом преимущественно с позиций антиковедения. Например, Х. Хайнен заметил, что «такая интерпретация заходит слишком далеко», игнорируя презентацию Птолемеев в качестве фараонов и поиск компромисса с египтянами уже в начале их правления: по его мнению, нет оснований переоценивать участие египтян в войске Филопатора в битве при Рафии [Heinen, 1984, p. 439]. К.Г. Джонсон построил свою критику идеи «египтизации» прежде всего на анализе именовании Птолемеев в греческих документах, показывая, что в них не проник египетский протокол, греческим переводам которого в «декрете Рафии» и Розеттском декрете придавалось большое значение; кроме того, он подчеркнул, что данные декреты были все же актами именно египетских жрецов [Johnson, 1995]. Довольно важен в контексте обсуждаемой проблемы вопрос о том, насколько регулярной была коронация Птолемеев согласно египетскому обряду в Мемфисе: если Л. Кёнен допускал, что все они проходили ее, начиная с Александра [Koepen, 1993, p. 71–81], то другие исследователи подчеркивали отсутствие данных об этом, помимо свидетельства Розеттского декрета о коронации Птолемея V (OGIS 90, ll. 44–45; Urk. II. 192.5–6) и Диодора – о коронации Птолемея VIII (Diod. XXXIII.13.1); кроме того, едва ли этот ритуал превосходил по значимости принятие царем македонской диадемы в Александрии [Burstein, 1991, p. 140–141; Johnson, 1995, p. 153–154]. В. Кларисс повторил мысль о специфически жреческом характере декретов синодов и указал, что конкретные меры царей в пользу храмов и жречества

согласно этим декретам, а также ситуация в храмовом строительстве не позволяют говорить о нарастании между временем Канопского и Розеттского декретов «уступок» египетским жрецам: так, при Птолемеях V, когда их объем должен был бы быть максимальным, новые храмы практически не строятся [Clarysse, 1999]. Наконец, относительно недавно Кр. Фишер-Бове выступила в обобщающей статье против укоренившегося мнения об упадке государства Птолемеях начиная с царствования Филопатора: на самом деле, оно основано на известном пристрастном отношении Полибия к этому царю (Polyb. V. 34) и на свойственном историкам античности и нового времени (например, Гиббону) представлении об ослаблении и гибели государств из-за «порчи нравов». Между тем государство Птолемеях сохраняло дееспособность и при Филопаторе и, во всяком случае, смогло возобновить экспансию в середине II в. до н.э., в конце правления Птолемея VI [Fischer-Bovet, 2015]. В контексте этой общей мысли тезис о «египтизации» монархии Птолемеях подвергся критике как по тем же конкретным основаниям, по которым он отвергался ранее (см. учтенные нами работы), так и с точки зрения его предпосылок: по мнению Фишер-Бове, этот тезис имплицитно подразумевает, будто «египтизация» содействовала кризису власти Птолемеях на рубеже III–II вв. до н.э., в то время как на самом деле «аккультурация вовсе не приводит автоматически к падению государства, а наоборот, может также стимулировать и возрождение» [Fischer-Bovet, 2015, p. 221–221]. Кроме того, исследования Фишер-Бове показывают, что египтяне присутствовали в армии Птолемеях (хотя и не входили в фалангу) еще до битвы при Рафии [Fischer-Bovet, 2015, p. 213, п. 20 (с отсылкой к другим публикациям)]. В целом в текущей историографической ситуации тезис о «египтизации» принимается со скепсисом, и, надо думать, этот скепсис будет только нарастать по мере дальнейшего укрепления в науке тенденций «политкорректности» (их симптом можно усмотреть уже в «самоочищении» от стереотипов в работе Фишер-Бове).

С противниками данного тезиса можно согласиться по ряду конкретных пунктов; однако, на наш взгляд, изъян этой полемики в целом состоит в не вполне верном определении ее предмета. Для современного исследователя (и здесь стоит вспомнить о европейском колониальном опыте) естественно оценивать ситуацию в птолемеяхском Египте в контексте взаимоотношений между двумя этнокультурными группами. Вместе с тем для самих египтян иноэтничность правителя, строго говоря, не была препятствием для его позитивной оценки (в этом смысле яркий пример дает зафиксированное Диодором, очевидно, вслед за Гекатеєм Абдерским их отношение к Дарию I: Diod. I.95.4–5); кроме того, мы уже отмечали, что негативное восприятие чужеземных царей (как персидских, так и македонских) не порождало по отношению к ним этнокультурных стереотипов, которые были бы нам известны. Возможно, негативные образы «перса» или «македонянина» имелись в массовом сознании египтян, однако на уровне «серьезных» текстов неприятие ими чужеземной власти всегда принимало форму непризнания конкретного правителя сакральным царем Верхнего и Нижнего Египта или, в крайнем случае, перенесения на него черт олицетворявшего зло бога Сета [Ладынин, 2018, с. 305–307 (с отсылками к другим публикациям)]. Оценивая декреты синодов, противники тезиса о «египтизации» правы в том, что они принимались собраниями египетских жрецов и вводимые ими формы культа входили в религиозную жизнь именно египтян. Однако, судя по частным памятникам египетской элиты, ее позицией в конце IV в. до н.э. [Ладынин, 2016(1), с. 267–273; Ладынин, 2018, с. 301–302 (с отсылками к другим публикациям)], в целом не изменившейся и далее [Rössler-Köhler, 1991, S. 280–336; Ладынин, 2016(1), с. 268–269], было неприятие македонских правителей как сакральных царей, притом что декреты синодов утверждали прямо противоположное. Соответственно, инициатива в проведении этих жреческих собраний, скорее, была за Птолемеями, заинтересованными в повышении лояльности к ним египетской элиты в лице ее естественных представителей – жрецов местных культов. Довольно очевидно, что активную деятельность синодов в конце 240-х – начале 230-х гг. до н.э. следует объяснять инициативой Птолемея III и поисками ответа на восстание

египтян в 245 г., в разгар похода на Месопотамию, поднятое под лозунгом отказа его дому в сакральной легитимности [Ладынин, 2016(1), с. 284–298]. Учитывая этот эпизод, действительно, нельзя свести предпосылки восстаний египтян при Эпифане (и, видимо, их активизации уже при Филопаторе [Hölbl, 2001, p. 153–154]) только к росту их самосознания после битвы при Рафии. Независимо от того, насколько ситуация в Египте при Эвергете, Филопаторе и Эпифане ощущалась ее свидетелями как взаимодействие и с определенного момента противостояние двух этнокультурных общин, правомерно сказать, что ее репликой на уровне «проговоренности» как в официальных идеологемах, так и в оппозиционных лозунгах было признание или непризнание за Птолемеями статуса сакральных правителей, способных совершать ритуал. Соответственно, в той мере, в какой тенденции, наблюдаемые, в частности, в «декрете Рафии» и Розеттском декрете, следует считать реакцией идеологов Филопатора и совсем юного Эпифана на настроения египтян (при Эпифане – в том числе на широкие восстания в Фиваиде и Дельте). Эту реакцию следует оценивать не как абстрактную «египтизацию» (по смыслу этого термина, придание антуражу их власти определенного египетского колорита), а как целенаправленное утверждение за ними качеств сакральных царей.

Между тем в период Первого персидского владычества (525–404 гг. до н.э.) и XXVIII–XXX династий (404–343 гг. до н.э.) в Египте утверждается представление о «деривативной сакральности» царя, согласно которой его сакральные качества и, очевидно, способность совершать ритуал не присущи ему имманентно, а зависят от готовности божества к воплощению в нем. Этим божеством в целом ряде случаев оказывается Хор, сын Осириса и Исиды: по-видимому, его воплощение в Дарии I обеспечивает тому сакральность, согласно стеле Па-ди-Усирпа-Ра из Фаюма (Berlin ÄS 7493), и именно тождество с ним Нектанеба II утверждают скульптурные группы «соколов-Нектанебов», судя по эпитету *bik ntr(y) pr m St* «Сокол божественный, вышедший из Исиды» в титулатуре царя на таком памятнике, происходящем из Таниса (см., с отсылками к публикациям: [Ладынин, 2016(2), с. 161–166]). Согласно «Стеле сатрапа» 311 г. до н.э., Хор, сын Осириса и Исиды, – предвечный царь Египта и мира, выступающий в этом качестве напрямую при отсутствии по какой-то причине сакрального правителя в земном мире [Ладынин, 2011(2), с. 152–154; Ладынин, 2016(1), с. 274–275]. В египетской царской титулатуре с древнейших времен присутствовало так называемое Хорово имя, указывавшее на воплощение в царе на срок его земной жизни Хора – божества неба и находящегося на нем солнца [Beckerath, 1999, S. 6–10; Большаков, 2000, с. 74–77]; эта ипостась божества отличалась от ипостаси Хора, сына Осириса и Исиды, и была древнее ее. Популярность Осириса и связанных с ним божеств нарастала, став в I-м тыс. до н.э. максимальной, и сопоставление царя с Хором как царским божеством – наследником Осириса – видно в текстах уже 2-го тыс. до н.э. (см., например: [Grimal, 1986, p. 61–78]. Однако царская титулатура более консервативна, и еще Хорово имя Нектанеба I (379/8–361/0 гг. до н.э.) «Мощный дланью» (*Im3-ʿ*) [Beckerath, 1999, S. 226–227; Blöbaum, 2006, S. 405] ассоциируется прежде всего с древним образом солнечного Хора (ср. [Демидчик, 2005, с. 17])⁸. Замещение в Хоровом имени этого образа образом Хора, сына Осириса и Исиды, происходит в титулатуре Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны [Beckerath, 1999, S. 232–233; Blöbaum, 2006, S. 426]: его Хорово имя *ḥwnw wsr-ḥty* «Юноша, могучий мощью» или в более кратком варианте просто *ḥwnw* «Юноша», в сочетании с именем Обейх Владычиц *mry-ntrw rdī-n.f i3wt-n-it.f* «Возлюбленный богами, которому передан сан отца его», четко ассоциируется с юностью Хора, его возмездием за Осириса и восприятием

⁸ Упоминания Хора, сына Осириса и Исиды, в именах Обейх Владычиц царей XXII династии Шешонка I (*ḥʿy-m-shmty-mi-ḥr-z3-3st shp-ntrw-m-mʿt* «Воссиявший в двойном венце подобно Хору, сыну Исиды, Удовлетворивший богов в маат») и Осоркона II (*zmʿ-p(s)ḥty-mi-z3-3st* «Соединивший части (страны) подобно сыну Исиды») [Beckerath, 1999, S. 184–187] показательны в плане тенденции, о которой мы говорим, но в общем были эпизодом, не давшим последствий.

его власти. На прочность такой ассоциации указывает то, что эпитет *ḥwnw* «Юноша» впервые появляется в Хоровом имени у сына Роксаны, но далее встречается в этом титуле достаточно регулярно вплоть до римского времени (см. индекс: [Beckerath, 1999, S. 305]). Вполне закономерно, что такая ассоциация сложилась именно на переломном этапе начала македонского времени, вообще порождающем множество новаций в политике и идеологии⁹. При этом «Стела сатрапа» косвенно отказывает сыну Роксаны в признании его способности совершать ритуал (картуши царя в соответствующей сцене наверху не содержат его имен, а оставлены пустыми), так что и составленная для него титулатура может быть отнесена не только и не столько к воплощению в нем бога, сколько к самому богу как реальному сакральному правителю Египта и мира в данный момент [Ладынин, 2016(1), с. 273–275].

Сторонники тезиса о «египтизации» монархии Птолемеев вполне справедливо обращали внимание на особенное значение при Птолемах IV и V их сопоставлений с Хором, сыном Осириса и Исида. Так, их Хоровы имена (соответственно, *ḥwnw qni šḥʿi.n-sw-it.f* «Юноша храбрый, которого возвел отец на престол свой» и *ḥwnw ḥʿy-m-ns-w-ḥr-st-it.f* «Юноша, воссиявший на престоле отца своего» [Beckerath, 1999, S. 236–237]) отражают фактически те же мотивы, что и титулатура сына Роксаны. Птолемей IV сопоставляется с Хором в «декрете Рафии» при описании сражения с Антиохом III [Thissen, 1966, S. 55], и затем Сарапис и Исида, т.е. чета божеств, аналогичная родителям Хора Исиде и Осирису, выступают в качестве своего рода покровителей царя на одной из его монетных серий [Bricault, 1999, p. 335–336]. Розеттский декрет сопоставляет Птолема V с Хором, сыном Исида и Осириса, в контексте его рождения в качестве бога от четырёх богов (OGIS 90, l. 10; Urk. II. 173.9–174.1), а также с Ра (в греческом тексте с Гермесом) и опять же с Хором – в связи с одолением им мятежников в районе Ликополя и расправы с ними в Мемфисе в день царской коронации (при этом говорится, что царь воздаёт за преступления мятежников против его отца, т.е. уподобляется Хору в его качестве мстителя Осириса, а мятежники, как и Антиох III в «декрете Рафии», имплицитно уподобляются мифологическим врагам Осириса: OGIS 90, l. 22–28; Urk. II. 180.4–183.6)¹⁰. Наконец, коннотации образа Хора заметны в культовых статуях, почитание которых в местных храмах устанавливалось для Птолема IV «декретом Рафии» [Thissen, 1966, S. 23], а для Птолема V, помимо Розеттского (OGIS 90, ll. 38–39; Urk. II. 189–190), ещё и так называемым вторым декретом Филэ 186 г. до н.э. (id. 226–227; см. в целом: [Hölbl, 2001, p. 164–165; Stanwick, 2002, p. 7–9; Brophy, 2015, p. 12–16]). Во всех случаях перед царем должен был изображаться местный бог святилища, протягивающий ему меч (*ḥps*), а «декрет Рафии» и второй декрет Филэ указывают, что подле него должно было находиться и изображение супруги. Статуи Птолема IV именовались «Птолемей-Хор, защищающий своего отца, чья победа прекрасна» (CM 50048, демотический текст, стк. 32: *Ptḥwmys Ḥr nḏ it.f n3-ʿn n3j-f knkn* [Thissen, 1966, S. 23, 67]), и, таким образом, их ассоциация с Хором, сыном Осириса и Исида, очевидна. Статуи Птолема V именовались, согласно Розеттскому декрету, «Птолемей, защитник Египта» (OGIS 90, l. 39: ἡ πρὸς νομομασθῆσεται Πτολεμαίου τοῦ ἐλαύναντος τῆι Αἰγύπτῳ; иероглифический текст, стк. 6: *k3.tw rn.f Ptḥwmys nḏ B3qt whʿ.f pw Ptḥwmys nḥt Kmt*; демотический текст, стк. 23: *dd n=f Ptlwmys nḏ Bky nty iw p3y=f whm Ptlwmys i.ir nḥt Kmt*, см. Urk. II. 189.8–9) и, со-

⁹ Важной предпосылкой к этому могло стать выявление роли Хора, сына Осириса и Исида, как не только мстителя и наследника своего отца, но и защитника Египта от Сета и связанных с ним чужеземных врагов в специальных магических текстах, получивших распространение в культовой практике египетских храмов в IV в. до н.э., одновременно с почитанием скульптурных групп «соколов-Нектанебов»: [Васильева, Ладынин, 2012, с. 16–21].

¹⁰ Аналогичный мотив виден и в переводе на греческий язык в «декрете Рафии» одного из египетских титулов Птолема IV (так называемого золотого имени) как ἀντιπάλων ὑπερτέρου («торжествующий над врагами») [Thissen, 1966, S. 10–11], что меняло его первоначальное значение утверждения личной божественности царя [Берлев, 1979]. Однако вряд ли можно доказать, что это изменение произошло при Птолемеях IV.

гласно второму декрету Филэ, «Птолемей, владыка мощи» (иероглифический текст, стк. 13: *k3.tw n.f Ptmw nb qn(t)*; демотический текст, стк. 11: *dd n.f Ptlwms nb qny*, см. id. 226.6). Эпитет *nd B3qt* («защитник Египта») для божеств не фиксируется, хотя хорошо согласуется с тем делом изгнания из Египта его чужеземных врагов во главе с Сетом, которое утверждается за Хором, сыном Исиды и Осириса в магических текстах IV в. до н.э. (см. наше прим. 9); однако эпитет *nb qnt* («владыка мощи») сопровождает на храмовых рельефах греко-римского времени изображения царя, представленного также в качестве «сына Исиды» (*z3 3st*) [*Lexikon*, 2002, Bd. III, S. 760], т.е. является прямой аллюзией на Хора. Кроме того, сама композиция скульптурных групп, в которых царь получал оружие от местного божества, может сопоставлять его с чтимым в этом же храме младшим богом-сыном; а почитание таких божеств, аналогичных в местных пантеонах именно Хору, сыну Осириса и Исиды, составляет характерную черту греко-римского времени [Daumas, 1958].

Таким образом, можно констатировать, что настойчивость в отождествлении Птолемея IV и V с Хором, сыном Осириса и Исиды, действительно качественно возрастает, причем при Эпифане оно проявляется в памятниках мелкой пластики. Х. Кириелейс обратил внимание на терракотовое изображение Харпократа (*Hr-p3-hrd* – «Хор-ребенок») с «локоном юности», имеющее, как он считает, портретные черты Птолемея V [Kyrieleis, 1975, S. 54, 172, Taf. 42.5], а В. Хусс – на статуэтку, изображающую обнаженного царя в стилистике греческой скульптуры и с солнечными лучами вокруг головы, но в короне *ameφ* [Huss, 2006]. При этом Хусс отметил присутствие в диадеме на портретных монетах Птолемея V хлебных колосьев – атрибута греческого бога плодородия Триптолема, сопоставлявшегося с Харпократом [Huss, 2006, S. 48, Anm. 18–20]. Тем самым отождествление царя с Хором обнаруживает еще один аспект – надделение его качеством подателя плодородия и проникает в греко-македонскую среду, которой в первую очередь адресовались мотивы монетной чеканки. Кажется, еще одним «каналом» такого проникновения были официальные греческие культовые эпитеты Птолемея V (см., например, в Розеттском декрете: OGIS 90, l. 5; Urk. II. 171.4) – Ἐπιφανής («Явленный») и Εὐχάριστος («Благодетельный»). Последний уникален среди эпитетов эллинистических царей и возводится к египетскому влиянию [Muccioli, 2013, p. 183–184]: в иероглифике ему соответствует *nb nfrw* («владыка благ, добра»), т.е. еще один эпитет Хора в разных его ипостасях [*Lexikon*, 2002, Bd. III, S. 661–662], и его легко соотнести как раз с аспектом плодородия в образе Харпократа. Что касается первого из этих эпитетов, то его соответствие в иероглифике *nt pr i* («бог выходящий») не имеет аналогов среди эпитетов богов, однако эпитет Ἐπιφανής исследователи уверенно трактуют как указание на проявление в земном царе находящейся в трансценденции божественной сущности [Koenen, 1993, p. 65; Muccioli, 2013, p. 282–283]. Птолемей V принимает этот эпитет первым среди эллинистических царей и уже при жизни соединяет его с именованьем «Бог» (Θεός) [Muccioli, 2013, p. 284–285], причем его соответствие идее «деривативной сакральности» египетского царя вполне очевидно.

Вернемся, наконец, к интерпретации скульптурных голов Птолемея V, с описания которых мы начали наши построения. Один из самых заметных их атрибутов – это, безусловно, имеющийся на всех них без исключения «локон юности». В свете сказанного проблематична версия Р.С. Бианки, согласно которой он заимствован из атрибутики жрецов Мемфиса, где Птолемей V короновался [*Cleopatra's Egypt*, 1988, p. 153]¹¹; более вероятно, что это характерный атрибут Хора, сына Осириса и Исиды, как юного бога [Sandri, 2006, S. 100], причем последний мотив усиливается обликом самого царя, юность которого скульпторы не пытались скрыть. Существенно, что «локон юности» на изображениях Птолемея V невозможно свести просто к передаче его возраста: ясно, что македонский правитель его не носил, и тогда это в первую очередь атрибут бога. К символике

¹¹ Эта версия неправдоподобна и потому, что в таком случае македонский царь, вопреки всякой реальности, был бы представлен в целой серии изображений в качестве египетского жреца.

Хора можно привязать и другие атрибуты данных изображений – двойную корону [Sandri, 2006, S. 106–109] и теоретически даже диадему (в связи с так называемой короной оправдания в храмовых сценах греко-римского времени [Derricks, 1998, p. 99–100]); однако при индивидуальности черт лица царя на первый план выходит базовое значение этих атрибутов как символов его власти, и нет сомнений, что речь идет не о боге с портретными чертами царя, а именно о царе, заимствующем у бога «локон юности». В чем-то схожее привлечение атрибутики божества можно найти в статуях, изображающих царей (в частности, Тутмоса III) в особых оперённых плащах или в головных уборах, представляющих сокола: такие атрибуты, хотя цари и в самом деле могли их надевать для ритуала *хеб-седа*, на статуях, конечно, в первую очередь ассоциировались с обликом Хора [Большаков, 2000, с. 82–83]. Помимо «локона юности», несводимыми к символике власти атрибутами Хора, сына Осириса и Исиды (Харпократа), были поднесенный ко рту палец и нагота [Sandri, 2006, S. 97–99]. Скульптурные головы Птолемея V не обнаруживают на лицах следов первого из них, и его отображение действительно было бы чрезмерным; однако обнаженным царя изображает статуэтка, опубликованная В. Хуссом. Кроме того, в Археологическом музее Кракова хранится торс обнаженного молодого царя, голова которого не сохранилась, но видны конец ниспадающего «локона юности» на правом плече завязки диадемы сзади. Примечательным образом, несмотря на статичную позу, в трактовке тела царя можно увидеть черты греческого влияния, однако опорный столб сзади говорит о функционировании статуи в египетской среде. Конечно, атрибуция этого памятника может быть только предположительной, однако его признаки (в особенности, вероятное акцентирование образа Хора «локоном юности») побудили Х. Шиманску отождествить изображенного царя именно с Птолемеем V [Szymańska, 2003, p. 501–504, figs. 1–2]. Размеры этого торса (15 см высоты) соотносятся, в частности, с размерами скульптурной головы Berlin ÄS 14568, и он вполне может также быть фрагментом царской статуи, использовавшейся в частном культе.

Итак, скульптурная голова из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина и ее аналоги, ближайшими из которых являются «берлинские головы», видимо, изначально были частями культовых изображений Птолемея V с атрибутами Хора, сына Осириса и Исиды, которые указывали на воплощение в нем этого божества и, соответственно, на предопределяемую этим сакральность царя («деривативную», согласно отмеченному нами представлению I-го тыс. до н.э.). Думается, что объяснить эллинизацию и индивидуальность этих изображений, в отличие от более ранней скульптуры «группы А» Стэнвика, можно следующим образом: культовые статуи Птолемея V были призваны подчеркнуть, что его принадлежность к чужеземной династии, а также, видимо, юность не препятствуют воплощению в нем божества и не противоречат его сакральной легитимности¹². По сути дела, такую цель преследовало уже изображение Птолемея IV в наверхних стел с записью «декрета Рафии» в обличье македонского конного воина¹³: текст декрета, как мы помним, отождествлял его в контексте победы над Антиохом III с Хором, сыном Осириса и Исиды, и при этом точно определял, как именно его надо изображать в данных сценах [Thissen, 1966, S. 23, 71–73]. Предпосылки к таким манипуляциям понятны: это нарастание сопротивления египетской элиты власти Птолемеев и сомнений в их легитимности, проявившееся, как мы уже сказали, существенно раньше битвы при Рафии, еще при Птолемеи III. Вместе с тем Птолемей IV в обоснование своей легитимности все же имел возможность сослаться на военный успех, а открытые восстания против его власти только начинались в скромных масштабах. Царствование Птолемея V началось, когда он был еще ребенком, не имевшим личных

¹² Подобную идею можно было бы усмотреть и в египетской статуе Дария I, изображающей его в персидском одеянии, однако она едва ли служила для воздания ему почестей в рамках официального царского культа [Ладынин, 2011(1)].

¹³ Качество фотографий в публикациях «декрета Рафии» не позволяет судить, был ли царь изображен, помимо двойной короны (СМ 31088; на СМ 50048 профиль головы не сохранился), также и в диадеме, но, на наш взгляд, это нельзя исключить.

свершений, и уже с этого времени проходило под знаком поражения от Селевкидов и потери Восточного Средиземноморья, а также борьбы с восстаниями внутри Египта, приведшими к отпадению на два десятилетия юга страны, на затронутыми и другие области. В этих условиях ссылка на воплощение в царе божества была единственным мыслимым приемом легитимации его власти, и интенсивность его использования в пропаганде вполне понятна. При этом индивидуальное качество царя, которое, казалось бы, должно было оттенять его бессилие на престоле – его детский возраст в начале царствования – оказывалось «ко двору»: оно могло успешно использоваться именно для выявления его сходства с юным Хором, и в свете этого отсутствие каких-либо попыток его завуалировать в культовых изображениях вполне понятно.

Таким образом, тенденцию идеологии времени Птолемеев IV и V на рубеже III–II вв до н.э. уместно определить не столько как «египтизацию» (мы видим, что она, напротив, включает в себя эллинизацию их культовых изображений), сколько как подчеркнутую персонализацию применительно к ним, именно в их качестве македонских правителей, базовых на это время мотивов египетского царского культа. Хотя, как мы видели, эта тенденция сказалась и в формах почитания Птолемея V в греко-македонской среде, нет сомнения, что ее импульс в первую очередь был обращен к египтянам. Наша интерпретация небольшой группы памятников может показаться слишком узкой основой для столь ответственного суждения. Однако, как кажется, оно вполне может отвечать реальности, учитывая, что речь идет о статуях, использовавшихся для почитания царя согласно одной из важнейших его форм, установленной официально.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

Berlin ÄS – инвентарный номер памятника Египетского собрания Государственных музеев в Берлине.

СМ – инвентарный номер памятника Каирского музея.

OGIS – *Dittenberger W. Orientis Graeci inscriptiones selectae: supplementum sylloges inscriptionum graecarum. Vol. I–II. Lipsiae: Hirzel, 1903–1905.*

Urk. II – *Sethe K. Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. (Urkunden des ägyptischen Altertums 2). Hft. 1–3. Leipzig: Hinrichs, 1904–1916.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Берлев О.Д. «Золотое имя» египетского царя. *Ж.Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов*. Отв. ред. И.С. Кацнельсон. М.: Наука, 1979. С. 41–59 [Berlev O.D. The Golden Name of Egyptian King. *Jean-François Champollion and the Decipherment of the Egyptian Hieroglyphs*. Ed. I.S. Kaznelson. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 41–59 (in Russian)].

Берлев О.Д., Ходжаш С.Я. *Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. М.: Восточная литература, 2004 [Berlev O.D., Hodjash S. I. *The Sculpture of Ancient Egypt in the Collection of the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2004 (in Russian)].

Большаков А.О. Древнеегипетская скульптура и «Хорово имя». *Вестник древней истории*. 2000. № 2. С. 73–87 [Bolshakov A.O. Ancient Egyptian Royal Sculpture and “Horus Name”. *Journal of Ancient History*. 2000. No. 2. Pp. 73–87 (in Russian)].

Васильева О.А. Алябастровый портрет царя из династии Птолемеев (ГМИИ I.1a.5429). *Петербургские египтологические чтения 2013–2014. Памяти Ю.Я. Перепелкина. К 110-летию со дня рождения. Доклады* (Труды Государственного Эрмитажа 76). Отв. ред. А.О. Большаков. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 67–78 [Vassilieva O.A. Alabaster Head of a Ptolemaic King in the Pushkin State Museum of Fine Arts. *St. Petersburg Egyptological Readings. In Memoriam Yu.Ya. Perepyolkin. On*

the Occasion of 110 Years from His Birth. Papers (Works of the State Hermitage 76). Ed. A.O. Bolshakov. St. Petersburg: The State Hermitage Publishing House, 2015. Pp. 67–78 (in Russian)].

Васильева О.А., Ладынин И.А. «Волшебник Нектанеб»: историко-художественный образ и его истоки. *Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Глав. ред. В.И. Кузищин. Вып. 8. М.: Академика, 2012. С. 3–36 [Vassilievа O.A., Ladynin I.A. ‘Nectanebo the Magician’: The Figure of Historical Fiction and its Background. *Ancient Orient and the Classical World: Studies by the Members of the Department of Ancient History, the School of History, Lomonosov Moscow State University*. Ed. V.I. Kuzishchin. Vol. 8. Moscow: Academica, 2012. Pp. 3–36 (in Russian)].

Демидчик А.Е. *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии* (Aegyptiaca I). СПб.: Алетея, 2005 [Demidchik A.E. *A Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy* (Aegyptiaca, I). Saint Petersburg: Aletheia, 2005 (in Russian)].

Ладынин И.А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма. *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 145–184 [Ladynin I.A. Phases of the Ptolemaic Royal Cult in the Framework of the General Evolution of the Egyptian Hellenism. *Mnemon: Studies and Publications in Ancient History*. Vol. 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publishing House, 2004. Pp. 145–184 (in Russian)].

Ладынин И.А. Статуя Дария I из Суз: к интерпретации памятника в свете религиозно-идеологических представлений Египта и Передней Азии. *Вестник древней истории*. 2011(1). № 1. С. 3–27 [Ladynin I.A. The Statue of Darius I from Susa: An Essay of Interpretation in the Light of Egyptian and Near Eastern Religious and Ideological Notions. *Journal of Ancient History*. 2011(1). No 1. Pp. 3–27 (in Russian)].

Ладынин И.А. «Царь на пути бога»: о принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV–III вв. до н.э. *Петербургские египтологические чтения 2009–2010: памяти С.И. Ходжаши. Памяти А.С. Четверухина. Доклады*. Отв. ред. А. О. Большаков. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011(2). С. 139–169 [Ladynin I. A. ‘King on the Way of God’: On the Criteria of Evaluating King’s Activities in the Egyptian Ideology of the 4th–3rd Centuries B.C. *St.Petersburg Egyptological Readings – 2009–2010. In Memoriam S.I. Hodjash. In Memoriam A.S. Chetrevuhin. Papers* (Works of the State Hermitage 55). Ed. A. O. Bolshakov. St. Petersburg: The State Hermitage Publishing House, 2011(2). Pp. 139–169 (in Russian)].

Ладынин И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 82; Серия II: Исторические исследования 39). Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб.: РХГА, 2016(1). С. 265–312 [Ladynin I.A. The Dynastic Cult and the Eponymous Priesthood of the Ptolemies. ‘*Gods among Men*’: *The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World*. (Works of the Faculty of History, M.V. Lomonosov Moscow State University 82. Series II. Historical Studies 39). Eds. S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin. Moscow; St. Petersburg: RKhGA, 2016(1). Pp. 265–312 (in Russian)].

Ладынин И.А. Древнеегипетские концепции сакральности царской власти в I тысячелетии до н.э. *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 82; Серия II: Исторические исследования 39). Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. М. – СПб.: РХГА, 2016(2). С. 136–173 [Ladynin I.A. The Ancient Egyptian concepts of the sacral kingship in the First Millennium B.C. ‘*Gods among Men*’: *The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World*. (Works of the Faculty of History, M.V. Lomonosov Moscow State University 82. Series II. Historical Studies 39). Eds. S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin. Moscow – St. Petersburg: RKhGA, 2016(2). Pp. 136–173 (in Russian)].

Ладынин И.А. Начало македонского времени в категориях древнеегипетского мировоззрения: некоторые замечания. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 18.1. 2018. С. 296–310 [Ladynin I.A. The Beginning of the Macedonian Period in Categories of the Ancient Egyptian Worldview: Some Notes. *Mnemon: Studies and Publications in Ancient History*. Vol. 18.1. St. Petersburg: Saint Petersburg University Publishing House, 2018. Pp. 296–310 (in Russian)].

Путь к бессмертию: Памятники древнеегипетского искусства в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина: Каталог выставки. Сост. О.Д. Берлев и др. М.: Восточная литература, 2002 [*Way to Immortality. Monuments of the Ancient Egyptian Art in the Collection of the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts. Catalogue of an Exhibition.* Ed. O.D. Berlev et al. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian)].

Ashton S.-A. *Ptolemaic Royal Sculpture from Egypt: The Interaction between Greek and Egyptian Traditions* (BAR International Series 923). Oxford: Archaeopress, 2001.

Beckerath J. von. *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. 2. Aufl. (Münchner ägyptologische Studien 49). München: Zabern, 1999.

Bianchi R. S. 'Portrait' Sculpture in Ptolemaic Egypt. *Beyond the Nile. Egypt and the Classical World*. Ed. J. Spier et al. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 2018. Pp. 141–147.

Bianchi R.S. A Portrait of Ptolemy V Epiphanes. *Varia Cybeliana*. Vol. I. Paris: Cybèle, 2014. Pp. 85–88.

Blöbaum A.I. "Denn ich bin ein König, der Maat liebt": Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Aachen: Shaker Verlag, 2006.

Bricault L. Sarapis et Isis, sauveurs de Ptolémée IV à Raphia. *Chronique d'Égypte*. 1999. T. 74. Pp. 334–343.

Brophy E. *Royal Statues in Egypt 300 B.C. – A.D. 220. Context and Function* (Archaeopress Egyptology 10). Oxford: Archaeopress, 2015.

Burstein S.M. Pharaoh Alexander: A Scholarly Myth. *Ancient Society*. 1991. Vol. 22. Pp. 139–145.

Clarysse W. Ptolémées et temples. *Le Décret de Memphis. Colloque de la Fondation Singer-Polignac à l'occasion de la célébration du bicentenaire de la découverte de la Pierre de Rosette (Paris, 1er juin 1999)*. Ed. D. Valbelle, J. Leclant. Paris: Boccard, 1999. Pp. 41–65.

Cleopatra's Egypt – Age of the Ptolemies. Catalogue of an exhibition held at the Brooklyn Museum. Ed. R. S. Bianchi, R. A. Fazzini. Brooklyn, New York; The Brooklyn Museum, 1988.

Daumas F. *Les mammisis des temples égyptiens*. Paris: Les Belles Lettres, 1958.

Derriks C. Une tête d'enfant isiaque: Hypothèse ou certitude? *Egyptian Religion – The Last Thousand Years: Studies Dedicated to the Memory of Jan Quaegebeur*. Ed. W. Clarysse et al. (Orientalia Lovaniensia Analecta 84). Leuven: Peeters, 1998. Part 1. Pp. 91–103.

Feucht E. *Das Kind im Alten Ägypten: die Stellung des Kindes in Familie und Gesellschaft nach altägyptischen Texten und Darstellungen*. Frankfurt; New York: Campus, 1995.

Fischer-Bovet Chr. A challenge to the concept of decline for understanding Hellenistic Egypt. *Topoi*. 2015. Vol. 20/1. Pp. 209–237.

Grimal N.-Chr. *Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIX dynastie à la conquête d'Alexandre*. Paris: Imprimerie Nationale / De Boccard, 1986.

Heinen H. The Syrian-Egyptian wars and the new kingdoms of Asia Minor. *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. VII.1. *The Hellenistic World*. Ed. F. W. Walbank et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Pp. 412–445.

Hölbl G. *A History of the Ptolemaic Empire*. London; New York: Routledge, 2001.

Huß W. *Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' IV* (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte 69). München: Beck, 1976.

Huss W. Ptolemaios V als Harpokrates. *Ancient Society*. 2006. Vol. 36. S. 45–49.

Johnson C. G. Ptolemy V and the Rosetta Decree: The Egyptianization of the Ptolemaic Kingship. *Ancient Society*. 1995. Vol. 26. Pp. 145–155.

Jouguet P. Les destinées de l'hellénisme dans l'Égypte gréco-romaine. *Chronique d'Égypte*. 1935. T. 10. Pp. 89–108.

Kamal A. Bey. *Stèles ptolémaïques et romaines*. T. 1–2. Le Caire; Leipzig: Institut français d'archéologie orientale, 1904–1905. (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire; 23001–23246).

Koenen L. The Ptolemaic king as a religious figure. *Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World*. Ed. A. Bulloch (Hellenistic Culture and Society 12). Berkeley–L.A.–L.: University of California Press, 1993. Pp. 81–113.

Ladynin I. A., Vassilieva O. A. An Alabaster Sculpture Head of a Ptolemaic King in the Egyptian Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow (I, 1a 5429). *Chronique d'Égypte*. T. 95. 2020. P. 248–265.

Lembke K. Eine Ptolemäergalerie aus Thmuis/Tell Timai. *Jahrbuch des des Deutschen Archäologischen Instituts*. 2000. Bd. 115. S. 113–146.

Lexikon der ägyptischer Götter und Götterbezeichnungen. Bd. I–VII. (Orientalia lovanensia analecta 110–116). Hrsg. Chr. Leitz. Leuven – Paris – Dudley (Mass.): Peeters, 2002.

Das Diadem der hellenistischen Herrscher: Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschaftszeichens? (Reihe Euros 1). Ed. A. Lichtenberger et al. Bonn: Habelt, 2012.

Minas M. *Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige: Ein Vergleich mit den Titel der Eponymen* (Aegyptiaca treverensia 9). Mainz: Zabern, 2000.

Muccioli F. *Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici* (Historia Einzelschriften 224). Stuttgart: Steiner, 2013.

Onasch Chr. Zur Königsideologie der Ptolemäer in den Dekreten von Kanopus und Memphis (Rosettana). *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete*. 1976. Bd. 24/25. S. 137–155.

Rössler-Köhler U. *Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung* (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten 21). Wiesbaden: Harrassowitz, 1991.

Rostovtzeff M.I. *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. 2. Oxford: Clarendon, 1941.

Sandri S. *Har-pa-chered (Harpokrates). Die Genese eines ägyptischen Götterkindes* (Orientalia Lovaniensia Analecta 151). Leuven – Paris – Dudley (Ma): Peeters, 2006.

Smith R.R.R. Ptolemaic portraits: Alexandrian types, Egyptian versions. *Alexandria and Alexandrianism: Papers delivered at a symposium organized by the J. Paul Getty Museum and the Getty Center for the History of Art and the Humanities and held at the Museum, April 22–25, 1993*. Ed. Chr. Hudson. Malibu: The J. Paul Getty Museum, 1996. Pp. 203–214.

Szymańska H. Two Unknown Ptolemaic Portraits in the Archaeological Museum in Cracow (Poland). *Faraoni come dei, Tolemei come Faraoni. Atti del V Congresso Internazionale Italo-Egiziano Torino, Archivio di Stato 8–12 Dicembre 2001*. Ed. W. N. Bonacasa et al. Torino: Museo Egizio, 2003. Pp. 501–507.

Stanwick P.E. *Portraits of the Ptolemies. Greek Kings as Egyptian Pharaohs*. Austin: University of Texas Press, 2002.

Kyrieleis H. *Bildnisse der Ptolemäer* (Archäologische Forschungen 2). Berlin: Mann, 1975.

Parlasca K. Probleme der späten Ptolemäerbildnisse. *Das Ptolemäische Ägypten: Akten des internationalen Symposions 27.–29. September 1976 in Berlin*. Hrsg. H. Maehler, V.M. Strocka. Mainz: Zabern, 1978. S. 25–39.

Thissen H.-J. *Studien zum Raphiadekret* (Beiträge zur Klassischen Philologie 23). Meisenheim: Hain, 1966.

Thomas R. *Eine postume Statuette Ptolemaios' IV. und ihr historischer Kontext. Zur Götterangleichung hellenistischer Herrscher* (Trierer Winckelmannsprogramme 18). Mainz: Zabern, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛАДЫНИН Иван Андреевич –
доктор исторических наук, доцент
исторического факультета МГУ имени
М. В. Ломоносова, руководитель научного
коллектива по проекту РНФ № 19-18-00369;
профессор Школы исторических наук
Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ,
Москва, Россия.

Ivan A. LADYNIN, DSc. (History),
Associate Professor, Faculty of History,
Lomonosov Moscow State University;
head of the scientific group for the research
project of the Russian Science Foundation
19-18-00369; Professor, School of History,
Faculty of Humanities, National Research
University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014447-8

НОВЫЙ ШЛЕМ ТИПА МОНТЕФОРТИНО
С МОНОГРАММОЙ ЦАРЯ ДЕЙОТАРА

© 2021

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ ^а, А.В. ДЕДЮЛЬКИН ^б^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com

^б – Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ORCID: 0000-0003-0100-8007; donrumata@inbox.ru

Резюме: Статья посвящена публикации бронзового шлема, который был найден на территории современного Краснодарского края и находится в одной частной московской коллекции. Шлем является поздней разновидностью широко распространенного типа Монтефортино (подтип С, или Буггенум) и датируется около середины I в. до н.э. На назатыльнике шлема размещено клеймо с рельефной монограммой, которая состоит из греческих букв дельта, эта, тау, альфа, ро, ипсилон и полностью идентична монограмме, встречающейся на монетах царя Дейотара (64–40 гг. до н.э.). Присутствие монограммы Дейотара доказывает, что шлем был изготовлен в царских мастерских.

Попадание шлема на Северный Кавказ связано с событиями, происходившими в Малой Азии в 48–47 гг. до н.э., когда царь Боспора Киммерийского Фарнак II решил воспользоваться идущей в Риме гражданской войной и вернуть себе земли, некогда принадлежавшие его отцу Митридату VI Евпатору. Для участия в походе Фарнак привлек сарматские племена сираков и аорсов. Вторжение Фарнака во владения Дейотара вынудило последнего обратиться за помощью к Гнею Домицию Кальвину, которому Юлий Цезарь поручил управлять Азией и соседними провинциями. Однако в битве при Никополе римская армия, в состав которой входили два легиона Дейотара, была разбита. Очевидно, что шлем попал в руки одного из сарматских союзников Фарнака, судя по месту его находки – сирака. Присутствие на территории Краснодарского края кочевнических погребений с трофеями, несомненно захваченными во время похода Фарнака, свидетельствует о том, что сарматы покинули боспорского царя весной 47 г. до н.э. и не участвовали в ставшем для него роковым сражении при Зеле, после которого Юлий Цезарь отправил в Рим лаконичное сообщение: «Пришёл, увидел, победил».

Ключевые слова: шлем Монтефортино, Дейотар, Фарнак, Юлий Цезарь, сарматы.

Для цитирования: Балахванцев А.С., Дедюлькин А.В. Новый шлем типа Монтефортино с монограммой царя Дейотара. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 221–228. DOI: 10.31857/S086919080014447-8

NEW HELMET MONTEFORTINO TYPE WITH THE MONOGRAM OF KING DEIOTARUS

© 2021

Archil S. BALAKHVANTSEV ^a, Anton V. DEDYULKIN ^b^a – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com

^b – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: 0000-0003-0100-8007; donrumata@inbox.ru

Abstract: *The main task of this article is the publication of a bronze helmet, which was found on the territory of the modern Krasnodar region and now is kept in private Moscow collection. The helmet is a late variety of the widespread Montefortino type (subtype C, or Buggenum) and dates from around the middle 1st century BC. On the neck-guard of the helmet there is a stamp with a relief monogram, which consists of the Greek letters delta, eta, tau, alpha, ro, upsilon and is completely identical to the monogram found on the coins of King Deiotarus (64–40 BC). The presence of the Deiotarus monogram proves that the helmet was made in the royal workshops.*

The finding of the helmet in the North Caucasus is associated with the events that took place in Asia Minor in 48–47 BC, when the king of the Cimmerian Bosphorus Pharnaces II decided to take advantage of the civil war going on in Rome and regain the lands that once belonged to his father Mithridates VI Eupator. To participate in the campaign, Pharnaces attracted the Sarmatian tribes of the Siraces and the Aorsi. Pharnaces' invasion of Deiotarus' domain forced the latter to seek help from Julius Caesar's legate in Asia, Gnaeus Domitius Calvinus. However, in the battle of Nicopolis, the Roman army, which included two legions of Deiotarus, was defeated. Obviously, the helmet fell into the hands of one of Pharnaces' Sarmatian allies from tribe of the Siraces, with whom he later ended up in the North Caucasus.

Keywords: Montefortino helmet, Deiotarus, Pharnaces, Julius Caesar, Sarmatians.

For citation: Balakhvantsev A.S., Dedyulkin A.V. New Helmet Montefortino Type with the Monogram of King Deiotarus. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 221–228. DOI: 10.31857/S086919080014447-8

Бронзовый шлем, которому посвящена наша публикация, лишен археологического контекста и находится в частной московской коллекции¹. В отличие от многих депортированных артефактов, этот предмет можно достаточно узко датировать и с высокой долей вероятности реконструировать исторический контекст и обстоятельства, в результате которых он попал на территорию современного Краснодарского края. Тулья шлема полусферическая, нижний край отогнут наружу (рис. 1, 1, 2, 4, 5). Назатыльник отогнут почти горизонтально, образуя с нижней частью тульи угол, близкий к прямому (рис. 1, 2, 5)². Навершие – полое, усеченно-конической формы, с тонкими стенками. Купол шлема изготовлен выколоткой, на внутренней поверхности хорошо различимы следы молотка. Сохранившаяся петля для подвески нашечника, свернутая из прямоугольной пластины, изготовлена довольно небрежно (рис. 1, 3). Петля крепится к тулье одной грубой заклепкой с бесформенной шляпкой. Поверхность шлема покрыта патиной, местами металл насквозь разрушен коррозией, наиболее сильно повреждена задняя сторона тульи. Несмотря на утра-

¹ Авторы выражают владельцу коллекции искреннюю признательность за возможность работы с артефактом.

² Рисунки к статье находятся на цветной вклейке.

ты, шлем сохранился достаточно хорошо, чтобы судить о его форме и размерах: длина 27,3 см, ширина 22 см, высота 17,7 см.

Шлем является поздней разновидностью широко распространенного типа, названного П. Куиссенем по имени знаменитого некрополя Монтефортино [Couissin, 1926, p. 260–261]. Г.Р. Робинсон предложил свою классификацию шлемов Монтефортино с буквенными обозначениями подтипов А, В, С, D [Robinson, 1975, p. 13–25]. Германские исследователи³ выстроили иную типологию, именуя подтипы по местам находок наиболее выразительных образцов (Каноза, Кремона, Риети, Буггенум и т.д.). Эта схема использовалась в работах Г. Ваурика [Waurick, 1976; 1990], Г. Клумбаха [Klumbach, 1974], У. Шааффа [Schaaff, 1988] и М. Юнкельманна [Junkelmann, 2000, S. 52–62]. Публикуемый нами шлем относится к подтипу С, или Буггенум.

Появление шлемов этой разновидности стало результатом максимального упрощения и удешевления производства. В отличие от непосредственно предшествующих им наголовий Монтефортино подтипа Риети II – начала I вв. до н.э. они полностью лишены декора, петли их нащечников часто крепятся одной заклепкой вместо двух [Klumbach, 1974, S. 21; Paddock, 1985, p. 145]. Следует отметить, что у шлемов подтипа Буггенум могут отличаться пропорции (рис. 2, 1, 2, 3) и форма наверхий (рис. 2, 4), размеры и угол наклона назатыльника, оформление нижнего края – выпуклым валиком (рис. 2, 4) или отогнутой наружу узкой кромкой (рис. 2, 1, 3). Вариативность в форме, пропорциях и размерах отдельных элементов обусловлена как изготовлением в разных мастерских, так и самой технологией производства. Эти шлемы выколачивались вручную, поэтому трудно ожидать точного совпадения силуэтов даже двух изготовленных в одной мастерской наголовий. Исследователи достаточно единодушно датируют появление шлемов Монтефортино подтипа Буггенум временем около середины I в. до н.э. [Schaaff, 1988, S. 325–326; Waurick, 1990, S. 18–23; Junkelmann, 2000, S. 62–63; Radman-Livaja, 2010, p. 204].

На назатыльнике шлема размещено клеймо с рельефной монограммой (рис. 1, 6). Хотя нижние части левой и центральной гаст практически целиком изглажены, можно с уверенностью утверждать, что монограмма состоит из греческих букв *дельта*, *эта*, *тау*, *альфа*, *ро*, *исилон*. Она полностью идентична монограмме, встречающейся на монетах царя Дейотара [Newell, 1934, pl. 1; Miller, 2018, Abb. 667–669], выпущенных в 64–40 гг. до н.э. [Miller, 2018, S. 307–308].

Дейотар был видной политической фигурой в Малой Азии первой половины – середины I в. до н.э. Как указывает Страбон, сначала он унаследовал от отца тетрархию галатов-толистобогиев [Strab. XII. 3. 13], живших в районе Пессинунта (совр. Баллыхисар) в верхнем течении Сакарьи. Затем, благодаря активному участию в Митридатовых войнах и услугам, оказанным различным римским полководцам, Дейотар после окончательной победы над царем Понта получил в 63 г. до н.э. от Гнея Помпея многочисленные земельные пожалования и царский титул [Strab. XII. 3. 13], которые в 59 г. до н.э. были узаконены римским Сенатом [Cic. Nat. resp. 29; BAlex. 67. 1]. К началу гражданской войны в Римской республике в 49 г. до н.э. Дейотар владел почти всей Галатией, частью понтийских земель и Малой Арменией [BAlex. 67. 1; Strab. XII. 3. 13].

Следует отметить, что для греческого оружейного производства классической и эллинистической эпох клеймение доспехов не характерно. Нам известен единственный пример (рис. 2, 9) – клейма Агафанора (эргастериарха?) на кнемидах из фракийского погребения в Асеновграде [Иванов, 1948, с. 105–106]. Учитывая, что шлем с монограммой Дейотара был изготовлен по римскому образцу, представляется вероятным, что практика клеймения была воспринята в готовом виде из римской традиции оружейного производства. Именно на римских шлемах республиканского периода известны не только клейма с надписями (рис. 2, 6),

³ Принцип, заложенный в основу этой типологии, использовал еще П. Куиссен, поэтому эту схему иногда называют «континентальной» и «франко-германской» [Radman-Livaja, 2004, p. 63].

но и клейма-монограммы (рис. 2, 7, 8). Вероятно, это также были клейма фабрикантов [Paddock, 1985, p. 144].

О чём же может свидетельствовать присутствие монограммы Дейотара на публикуемом шлеме? В литературе к настоящему времени установилось мнение, что в эллинистическую эпоху воины не покупали вооружение на свои средства, а получали его с царских складов [Hatzopoulos, 2001, p. 42; Sekunda, 2013, p. 79; Juhel, 2017, p. 46–47 (с предшествующей литературой)]. Возникновение практики обеспечения воинов оружием за государственный счет относится, скорее всего, к Филиппу II [Juhel, 2017, p. 8, not. 2, fig. 1], а для времени правления Александра Македонского о ней можно говорить уже без всяких сомнений. Так, когда македонская армия находилась в Индии, царь, по данным Диодора Сицилийского, вместе с подкреплениями получил двадцать пять тысяч комплектов вооружений для пехотинцев [Diod. XVII. 95. 4]. Цари Македонии из династии Антигонидов экипировали солдат за счет казны до последних дней существования их государства. Об этом свидетельствуют как сообщения Тита Ливия [Liv. XLII.12.10, 52.11, 53.4], так и археологические материалы: находки предметов вооружения, надписанных царским именем в родительном падеже⁴ [Liampi, 1998, S. 52–55; Juhel, 2017, p. 40–41].

Аналогичная практика существовала и у Лагидов в Египте [Liampi, 1998, S. 59–60; Hatzopoulos, 2001, p. 42], а также в Малой Азии: среди понтийских Митридатидов [Liampi, 1998, S. 54] и пергамских Атталидов. Из письма правителя Пергама Филетера совету и народу полиса Кимы известно о существовании мастерской, изготавливавшей бронзовые щиты-пельты [Sekunda, 2013, p. 83] для пергамской армии [Manganaro, 2000, p. 404].

Что же касается самого Дейотара, то он, будучи верным сторонником Рима, обучил и вооружил свою армию по римскому образцу. В феврале 50 г. до н.э. она, по мнению Цицерона, состояла из двух тысяч всадников и тридцати когорт пехоты по 400 человек в каждой [Cic. Att. VI. 1. 14]. Анонимный автор «Александрийской войны» оценивал силы Дейотара в 48 г. до н.э. в два легиона пехоты [BAlex. 34. 4]. Очевидно, что наш шлем типа Монтефортино принадлежал к числу тех по меньшей мере двенадцати тысяч шлемов, которые были изготовлены в царских мастерских и в знак их принадлежности царю помечены монограммой Дейотара.

Каким же образом шлем смог оказаться так далеко от Галатии? Нам представляется наиболее обоснованным связать попадание шлема на Северный Кавказ с событиями, происходившими в Малой Азии в 48–47 гг. до н.э. Обратимся к фактам. В январе 49 г. до н.э. после перехода Юлия Цезаря через Рубикон в Рим вспыхнула гражданская война. Гней Помпей и его сторонники, застигнутые врасплох стремительным продвижением цезарианцев, были вынуждены оставить Италию и переправиться на Балканы. Дейотар, получивший – как и другие восточные цари и династы – приказ Помпея прислать вспомогательные войска, отправился в лагерь своего покровителя с отрядом из шестисот всадников [Caes. BC. III. 4. 3]. Именно тогда, во время пребывания Дейотара у помпеянцев, над его владениями нависла серьезная опасность. Царь Боспора Киммерийского Фарнак II решил воспользоваться идущей в Риме гражданской войной и вернуть себе земли, некогда принадлежавшие его отцу Митридату VI Евпатору.

В науке существуют различные мнения о дате выступления Фарнака в поход: от 53/2 до 47 г. до н.э. [Сапрыкин, 2002, с. 38–40 (с предшествующей литературой); Чореф, 2012, с. 48–49, 52]. Попробуем определить начало кампании более точно. При решении этого вопроса необходимо учесть следующие обстоятельства. Во-первых, личное присутствие

⁴ Разумеется, отнюдь не всегда такая надпись свидетельствует о практике обеспечения всех воинов вооружением с царских складов. Подписанный именем «царя Монуния» шлем из Охридского озера мог принадлежать как самому царю, так и его гвардейцу или простому солдату [Sekunda, 2013, p. 44 (с предшествующей литературой)].

Дейотара у Помпея говорит о том, что ситуация на восточных границах его царства в 49 – первой половине 48 г. до н.э. оставалась спокойной. Во-вторых, Помпей и его сторонники даже после сражения при Фарсале (9 августа 48 г. до н.э.) не имели никаких оснований оценивать позицию Фарнака как враждебную сенатской партии, тем более – Риму в целом. Именно поэтому один из флотоводцев Помпея Кассий после победы Цезаря попытался отправиться к царю Боспора [App. BC. II. 87, 88].

Но как согласовать это с тем, что Фарнак якобы неоднократно отказывал Помпею в присылке вспомогательных войск [BAlex. 69. 3; Dio Cass. XLI. 63. 4, XLII. 47. 4, XLIV. 45. 3]? При оценке этих свидетельств необходимо обязательно учесть следующее обстоятельство. Единственным источником дошедшей до нас информации являются переданные Цезарю в 47 г. до н.э. царскими послами слова самого Фарнака⁵, который таким образом пытался представить себя фактическим союзником победителя. Однако до решающей битвы между Цезарем и Помпеем для боспорского царя было бы полным безумием открыто заявить о своем разрыве с последним. Все это заставляет считать слова Фарнака не заслуживающими никакого доверия. Самым разумным для боспорского царя в ситуации, когда никто не мог с уверенностью предсказать имя будущего властелина Рима, было отделаться от посланцев Помпея ссылками на объективные трудности в сборе войск, отсутствие транспортных судов для перевозки лошадей⁶, бурное море, отделявшее его царство от театра боевых действий на Балканах, а также обещаниями прислать подкрепления в скором будущем.

Важное значение для уточнения хронологии похода имеет свидетельство Диона Кассия, согласно которому Фарнак захватил Малую Армению в отсутствие Дейотара [Dio Cass. XLII. 45. 3]. Поскольку после поражения при Фарсале Дейотар сразу же покинул Балканы на одном корабле с Помпеем [Plut. Pomp. 73. 6], а затем, по прибытии в Азию, расстался со своим поверженным покровителем и поспешил в Галатию, вторжение боспорской армии имело место не позднее середины августа 48 г. до н.э. Учитывая, что до Малой Армении Фарнак установил свою власть над Фанагорией и Колхидой, поход, скорее всего, начался ранней весной 48 г. до н.э.

Чем же объясняются такие значительные успехи, достигнутые боспорским царём буквально за четыре месяца? Не сбрасывая со счетов «любезность времени»⁷, основной причиной следует всё же признать сарматский фактор. По словам Страбона, накануне вторжения Фарнака в Закавказье Абеак, царь сираков, живущих по течению Ахардея (Кубани), выставил 20 тысяч всадников, а Спадин, царь аорсов, 200 тысяч [Strab. XI. 5. 8]. Хотя цифры выглядят явно преувеличенными, сами данные справедливо считаются доказательствами того, что сираки и аорсы приняли участие в походе Фарнака [Гайдукевич, 1949, с. 312; Виноградов, 1994, с. 151].

Не имея возможности отразить неприятеля своими силами, Дейотар и его товарищ по несчастью Ариобарзан Каппадокийский были вынуждены обратиться за помощью к Гнею Домицию Кальвину, которому Юлий Цезарь поручил управлять Азией и соседни-

⁵ Царю было произносить их тем проще, что, согласно широко распространенному слуху, Цезарь, захватив лагерь Помпея, сжег всю его переписку не читая [Dio Cass. XLI. 63. 5].

⁶ Судя по тому, что присланные восточными – от Фракии до Коммагены – царями и династами вспомогательные контингенты были представлены одной конницей [Caes. BC. III. 4. 3–5], Помпеем вряд ли мог потребовать от Фарнака чего-то большего.

⁷ Мы имеем в виду не только идущую в Риме гражданскую войну, но и ситуацию в Колхиде. Судя по тому, что последние монеты Аристарха, поставленного Помпеем во главе колхов, относятся к 52/1 г. до н.э. [Голенко, 1974, с. 109], а также по отсутствию его имени среди других царей и династов, приславших свои войска на помощь помпейцам [Caes. BC. III. 4. 3–5; App. BC. II. 71], Колхида лишилась законного правителя не позднее 50/49 г. до н.э. Именно этим объясняется отмеченная Дионом Кассием [Dio Cass. XLII. 45. 3] лёгкость её захвата Фарнаком.

ми римскими провинциями [BAlex. 34. 1]. Теперь войскам Дейотара, действовавшим в качестве римских союзников, предстояло дважды сойтись в бою с армией Фарнака: при Никополе и при Зеле. Попробуем ответить на вопрос: после какой из битв шлем сменил своего хозяина? Возможность того, что это могло произойти в результате сражения при Зеле, закончившегося для Фарнака сокрушительным поражением, представляется нам совершенно невероятной. Гораздо больше шансов на то, что шлем попал в руки сарматов после битвы при Никополе, в ходе которой два легиона Дейотара понесли тяжелые потери⁸ и отступили в полном беспорядке [BAlex. 40. 4–5].

С территории Краснодарского края происходит ещё один артефакт, который, несомненно, имеет прямое отношение к походу Фарнака. Речь идёт о серебряной фиале из храма Аполлона Гегемона в Фасисе (Колхида), обнаруженной в кургане середины – второй половины I в. до н.э. у Зубовского хутора в Закубань [Балахванцев, 2020, с. 185 (с предшествующей литературой)]. Эти находки неминуемо порождают вопрос, который в литературе пока не ставился: каким образом после практически полного уничтожения боспорской армии при Зеле некоторые сарматские воины смогли вернуться домой, да ещё с богатыми трофеями?

В самом деле: по свидетельству Аппиана [App. Mithr. 593–595], Фарнак бежал с поля сражения в Синопу в сопровождении всего тысячи всадников. Попытка удержать город не увенчалась успехом, и царь был вынужден сдать его Домицию Кальвину в обмен на разрешение вернуться на Боспор, где власть к тому времени захватил бывший наместник Фарнака Асандр. Из-за отсутствия транспортных судов Фарнаку пришлось перебить лошадей и отплыть в Крым с одними воинами. И хотя ему удалось на время вернуть себе Пантикапей и Феодосию, в решающей битве с Асандром его спешенные всадники потерпели поражение, а сам царь пал в бою [Magie, 1950, p. 412; Sullivan, 1990, p. 158; Сапрыкин, 2002, с. 50, 61].

Поэтому наиболее логичным будет предположить, что основная масса сираков и аорсов покинула⁹ Фарнака весной 47 г. до н.э. и таким образом избежала участия в ставшем для него роковым сражении при Зеле, после которого Юлий Цезарь отправил одному из своих друзей в Рим лаконичное сообщение: «Пришёл, увидел, победил» [Suet. Iul. 37. 2; App. BC. II. 91; Plut. Caes. 50. 2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Балахванцев А.С. Сарматские походы в Закавказье: мифы и реальность. *Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. Материалы международной научной конференции «XXXI Крупновские чтения»*. Под ред. М.С. Гаджиева. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 184–186 [Balakhvantsev A.S. Sarmatian Campaigns in Transcaucasia: Myths and Reality. *Archaeological Heritage of the Caucasus: Topical Issues of Study and Preservation. Materials of the International Scientific Conference “31th Krupnovskie Readings”*. Ed. M.S. Gadzhiev. Makhachkala: Mavraev, 2020. Pp. 184–186 (in Russian)].

Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. *Вестник древней истории*. 1994. № 2. С. 151–170 [Vinogradov Yu.G. Essay on the Military-Political History of the Sarmatians in the 1st Century AD. *Journal of Ancient History*. 1994. No. 2. Pp. 151–170 (in Russian)].

⁸ Ряд исследователей [Stähelin, 1907, S. 91; Hoben, 1969, p. 89], опираясь на то, что позднее в битве при Зеле участвовал только один легион Дейотара [BAlex. 68. 2], оценивают потери галатов в половину их войска.

⁹ Уход сарматов мог быть вызван как их желанием вернуться с захваченной добычей домой, так и стремлением царя избавиться от ставших слишком обременительными союзников, грабежи и бесчинства которых создавали ему серьезные проблемы в отношениях с населением отцовского царства.

Гайдукевич В.Ф. *Боспорское царство*. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949 [Gaidukevich V.F. *The Kingdom of Bosphorus*. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949 (in Russian)].

Голенко К.В. Аристарх Колхидский и его монеты. *Вестник древней истории*. 1974. № 4. С. 105–110 [Golenko K.V. Aristarchus of Colchis and His Coins. *Journal of Ancient History*. 1974. No. 4. Pp. 105–110 (in Russian)].

Иванов Т. *Предпазно въоръжение на тракиец от Асеновград. Разкопки и проучвания*. 1948. Т. 1. С. 99–107 [Ivanov T. Protective Armament of a Thracian from Asenovgrad. *Archaeological excavations and research*. 1948. Vol. 1. Pp. 99–107 (in Bulgarian)].

Сапрыкин С.Ю. *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.: Наука, 2002 [Saprykin S.Yu. *The Kingdom of Bosphorus on the Verge of Two Epochs*. Moscow: Nauka, 2002 (in Russian)].

Чореф М.М. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика*. 2012. № 7 (126). Вып. 22. С. 44–59 [Choref M.M. “Calamitas virtutis occasion”, or to the History of the Last Years of the Reign of Pharnaces II. *Scientific Statements of the Belgorod State University. Series History. Political Science. Economy. Computer Science*. 2012. No. 7 (126). Iss. 22. Pp. 44–59 (in Russian)].

Antike Helme. Monographien. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz. Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte 14. Hrsg. A. Bottini. Mainz: Verlag des RGZM, 1988.

Couissin P. *Les Armes romaines. Essai sur les origines et l'évolution des armes individuelles du légionnaire romain*. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1926.

Hatzopoulos M.B. *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux*. Athènes: Centre de recherche de l'antiquité grecque et romaine, 2001.

Hoben W. *Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden Republik*. Mainz, 1969.

Juhel P.O. *Armes, armement et contexte funéraire dans la Macédoine hellénistique*. Gdańsk: Foundation for the Development of University of Gdańsk, for the Department of Mediterranean Archaeology, University of Gdańsk, 2017.

Junkelmann M. *Römische Helme. Sammlung Axel Guttman*. Bd. 8. Mainz am Rhein: Verl. Sammlung Gutmann bei von Zabern, 2000.

Klumbach H. *Römische Helme aus Niedergermanien. Katalog einer Ausstellung in Rheinischen Landesmuseums Bonn*. Köln: Rheinland Verlag GmbH, 1974.

Liampi K. *Der makedonische Schild*. Bonn: Habelt, 1998.

Magie D. *Roman Rule in Asia Minor*. Princeton: Princeton University Press, 1950.

Manganaro G. Kyme e il dinasta Philetairos. *Chiron*. 2000. Bd. 30. Pp. 403–414.

Miller M. *Antike Münzen: Griechenland*. 2018. Bd. 1. https://www.academia.edu/43323082/Antike_Münzen_Griechenland_Band_I_Afrika_Naher_und_Mittlerer_Osten_Indien_und_Zentralasien (accessed: 21.01.2021).

Newell E.T. Un monnayage de bronze de Déjotarus. *Revue Belge de Numismatique*. 1934. T. 86. Pp. 5–10.

Paddock J.M. Some Changes in the Manufacture and Supply of Roman Bronze Helmets under the Late Republic and Early Empire. *The Production and Distribution of Roman Military Equipment: Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar*. Ed. M.C. Bishop. Oxford: BAR Publishing, 1985. Pp. 142–159.

Radman-Livaja I. *Militaria Sisciencia. Nalazi rimske vojne opreme iz Siska u fundusu Arheološkoga muzeja u Zagrebu. Militaria Sisciencia. Finds of the Roman military equipment in Sisak in the holding of the Archaeological Museum in Zagreb*. Musei Archaeologici Zagrabienensis Catalogi et Monographiae. Vol. I. Zagreb: Arheološki muzej u Zagrebu, 2004.

Radman-Livaja I. *Nalazi rimske vojne opreme u hrvatskoj. Finds of the Roman military equipment in Croatia*. Zagreb: Stega tisak, 2010.

Robinson H.R. *The Armour of Imperial Rome*. London: Arms and Armour Press, 1975.

Schaaff U. Etruskisch-Römische Helme. *Antike Helme*. Monographien. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz. Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte 14. Hrsg. A. Bottini. Mainz: Verlag des RGZM. 1988. S. 318–326.

Sekunda N.V. *The Antigonid Army*. Gdańsk: Foundation for the Development of University of Gdańsk, for the Department of Mediterranean Archaeology, University of Gdańsk, 2013.

Stähelin F. *Geschichte der kleinasiatischen Galater*. 2. Aufl. Leipzig: B.G. Teubner, 1907.

Sullivan R.D. *Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 BC*. Toronto: University of Toronto Press, 1990.

Waurick G. *Die Römischen Militärhelme von der Zeit der Republik bis ins 3. Jh. n. Chr.* Mainz, 1976.

Waurick G. *Helme in Caesars Heer*. Mainz: Verlag des RGZM, 1990.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич –
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института востоковедения РАН,
Москва, Россия.

Archil S. BALAKHVANTSEV, DSc (History),
Leading Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia.

ДЕДЮЛЬКИН Антон Владимирович –
кандидат исторических наук, старший
преподаватель ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия.

Anton V. DEDYULKIN, PhD (History),
senior lecturer, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080011544-5

ОСМАНСКИЙ АЗОВ 1475–1696 гг.:
ТОПОНИМИЯ, ПЛАНИРОВКА И ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ¹

© 2021

П.А. АВАКОВ ^a

^a – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия
ORCID: 0000-0001-9051-5611; e-mail: pavakov@mail.ru

Резюме: Статья посвящена слабо изученной истории фортификационного строительства в османской крепости Азов (Азак), располагавшейся в дельте реки Дон. На основе широкого круга русских и османских источников (документальных, нарративных и изобразительных) прослеживаются этапы создания комплекса оборонительных укреплений Азова, эволюция его планировочной структуры и связанные с этим изменения в местной топонимии. Предпринята попытка определить местоположение и параметры фортификационных сооружений города в XVI–XVII вв. (до 1696 г. включительно). Показано, что система каменных укреплений Азова начала формироваться со времени его захвата османами в 1475 г. и что в ее основе лежали два каменных замка, построенные венецианцами и генуэзцами еще в XIV в. К началу 1540-х годов Азов имел четырехчастную структуру и включал в себя Генуэзскую и две Венецианские (внешнюю и внутреннюю) крепости, а также Земляную крепость (предместье). В середине 1570-х гг. Земляная крепость была обнесена каменными стенами и, вероятно, объединена с остальными частями Азова. Ко времени захвата донскими казаками в 1637 г. Азов уже имел трехчастную структуру и состоял из смежных Каменной, Срединной и Земляной крепостей. Следствием османской осады Азова 1641 г. стало едва ли не тотальное разрушение укреплений, которые затем пришлось отстраивать заново. Источники не подтверждают распространенную в историографии точку зрения, согласно которой при восстановлении османами крепости в 1642 г. ее планировка осталась неизменной. Целенаправленное усовершенствование укреплений Азова продолжалось во второй половине XVII в., вплоть до потери его Османской империей в 1696 г. Высокая Порта уделяла большое внимание обороноспособности самого северного форпоста империи, реагируя на возрастающую внешнюю угрозу. Однако усиление в регионе позиций сначала донского казачества, а затем и Российского государства, сделало эти оборонительные мероприятия бесполезными.

Ключевые слова: Азов, Османская империя, военная история, фортификация, русско-турецкие отношения.

Для цитирования: Аваков П.А. Османский Азов 1475–1696 гг.: топонимия, планировка и фортификационные сооружения. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 229–243. DOI: 10.31857/S086919080011544-5

¹ * Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42049 ««Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.». Автор выражает признательность кандидату исторических наук И.А. Мустакимову, доктору У. Карадениз и доктору А. Тертечулу за помощь в работе с турецкой литературой и османскими источниками.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42049 “The ‘Azov Project’ of Peter the Great: North-Eastern Azov Sea Area in the Foreign and Domestic Politics of Russia in the Late 17th – Early 18th Century.” The author expresses gratitude to the Cand. Sci. (History) I.A. Mustakimov, Dr. Ü. Karadeniz and Dr. A. Tertecel for their help in working with Turkish literature and Ottoman sources.

OTTOMAN AZOV 1475–1696:
 TOPONYMY, PLANNING AND FORTIFICATIONS

© 2021

Pyotr A. AVAKOV ^a

^a – Federal Research Centre The Southern Scientific Center of the RAS,
 Rostov-on-Don, Russia
 ORCID: 0000-0001-9051-5611; e-mail: pavakov@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to the poorly studied history of fortification construction in the Ottoman fortress Azov located at the Don River delta. Based on a wide range of Russian and Ottoman sources, the stages of the creation of the complex of fortifications of Azov, the evolution of its planning structure and the changes that took place in local toponymy in connection with these processes are traced. An attempt was made to determine the location and parameters of the city's fortifications in the 16th–17th centuries. It is shown that the system of stone fortifications of Azov began to form in 1475, and it was based on two stone castles built by the Venetians and Genoese as early as the 14th century. By the early 1540s, Azov had a four-part structure. By the time of the capture by the Don Cossacks in 1637, Azov already had a three-part structure. The consequence of the Ottoman siege of Azov in 1641 was the almost total destruction of the fortifications. Sources do not confirm the point of view widespread in historiography, according to which, when the Ottomans restored fortress in 1642, its layout remained unchanged. Purposeful improvement of the fortifications of Azov continued in the second half of the 17th Century. The Sublime Porte paid great attention to the defense capability of the northernmost outpost of the empire. However, the strengthening in the region of the positions of the first Don Cossacks, and then of the Russian State, made these defensive measures useless.*

Keywords: Azov, Ottoman Empire, military history, fortification, Russian-Turkish relations.

For citation: Avakov P.A. Ottoman Azov 1475–1696: Toponymy, Planning and Fortifications. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 229–243. DOI: 10.31857/S086919080011544-5

Захват Османской империей итальянской фактории Таны в устьях реки Дон в 1475 г.² и последующее создание здесь Азакского санджака привело к образованию близ южных границ Российского государства нового очага внешней агрессии [Fisher, 1973, p. 163–164; Inalcik, 1986, p. 808; Öztürk, 2000, s. 28–29, 111–112, 150, 155; Хайбуллаева, 2001, с. 364–365]. В XVI–XVII вв. османский город-крепость Азак (Azak), известный в России как Азов, играл важную роль в организации набегов крымских татар и ногайцев на русские земли и являлся крупным центром работорговли [Донские дела, 1906, стб. 915–916; Смирнов, 1946, с. 33, 35, 89, 99, 133; Новосельский, 1948, с. 205, 380; Fisher, 1973, p. 168–169]. Прилежавшую к Азакскому санджаку территорию Нижнего Дона в конце XVI в. заселили донские казаки, которые уже с середины столетия регулярно вели боевые действия против Азова. Именно вокруг этой борьбы в низовьях Дона сформировалась и окрепла казачья войсковая организация [Мининков, 1998, с. 70–83, 161, 216–221, 342, 346–347, 349–350; Сухоруков, 2001, с. 71–73; Мустакимов, Сень, 2012, с. 178; Мустакимов, Сень, 2018, с. 148–154]. Перманентная казачья угроза, в свою очередь, вынуждала османские власти заботиться об обороноспособности Азова и периодически укреплять его.

² До сих пор в исторической и особенно краеведческой литературе встречается утверждение, будто бы османское завоевание Таны произошло в 1471 г., но эта датировка ошибочна.

Историография истории Азова XVI–XVII вв. насчитывает уже более трехсот лет. Автором первого очерка истории города, изданного около 1703 г., был вице-адмирал К.И. Крюйс, посетивший его впервые в 1699 г. [Cruys, 1703]. С тех пор прошлое Азова привлекает внимание главным образом исследователей русско-турецких отношений, международной торговли в Азово-Черноморском бассейне [Байер, 1782; Смирнов, 1946; Fisher, 1973; Berindei, Veinstein, 1976, p. 144–171; Бурлака, 1992] и ранней истории донского казачества [Мининков, 1998; Сухоруков, 2001; Куц, 2014]. Посвященные городу сюжеты неизменно присутствуют и в обобщающих трудах по российской истории. Как ни странно, история фортификационного строительства в Азове и его оборонительная система – т.е. то что являлось основой и смыслом существования этого самого северного форпоста Османской империи – до сих пор не стали предметом специального изучения. Обычно историки ограничиваются кратким описанием укреплений Азова накануне его взятия донскими казаками в 1637 г. или захвата войсками царя Петра I в 1696 г. Исключение составляет лишь новаторская статья И.В. Волкова, посвященная, впрочем, иному вопросу: локализации венецианской Таны на местности и реконструкции ее планировки в XV в. [Волков, 1992].

В настоящей статье на основе широкого круга документальных, нарративных и изобразительных источников российского и османского происхождения мы попытаемся проследить этапы создания комплекса оборонительных укреплений Азова, эволюцию его планировочной структуры, а также определить местоположение и параметры фортификационных сооружений города в XVI–XVII вв. (до 1696 г. включительно).

Первооснову крепостных сооружений османского Азова составили два расположенных по соседству каменных замка, построенные генуэзцами и венецианцами на левом берегу Дона еще в XIV–XV вв. По свидетельству кастильского идадьго Перо Тафура (ок. 1405–1484), посетившего Тану в 1438 г., это были именно замки (*dos castillos*) [Волков, 1990, с. 144; Григорьев А.П., Григорьев В.П., 2002, с. 18, 51; Тафур, 2006, с. 165]. В двух налоговых реестрах, отражающих итоги переписей населения, проведенных в Азове около 1520 г. и в 1538–1542 гг.³, они фигурируют как «*Kal'a-ı Venedik*» и «*Kal'a-ı Ceneviz*», что в переводе со староосманского языка означает «Венецианская крепость» и «Генуэзская крепость» [BOA, *Tapu ve Tahrir Defterleri*, № 370, s. 490; № 214, s. 213, 216; Öztürk, 2000, s. 274]. В историографии названия этих укреплений более известны в переводе на современный нам турецкий язык: Венедик-кале (*Venedik Kale*) и Дженеviz-кале (*Ceneviz Kale*) – возможно, благодаря их употреблению Х. Иналджыком в энциклопедической статье об Азове [Inalcik, 1986, p. 808]. Позже итальянские замки были перестроены и объединены, вследствие чего получили и общее название – Таш-кале (*Taş kal'a* – «Каменная крепость») [Губоглу, 1964, с. 151]. Такой вывод позволяют сделать сведения из записок османского путешественника Эвлии Челеби (ок. 1611–1682), посещавшего Азов в 1641 и 1667 гг. Он назвал восточную часть города Френк-хисар (*Frenk hisarı*⁴ – «Франкская крепость»), зафиксировал наличие в ней венецианской и генуэзской башен и пояснил, что во время завоевания Таны великим визирем Гедик Ахмедом-пашой «была только эта крепость» [Челеби, 1979, с. 40, 199–200, 203]. Тем не менее Х. Иналджык, И.В. Волков и Ю. Озтюрк пришли к выводу об идентичности Френк-хисар и Венедик-кале [Inalcik, 1986, p. 808; Волков, 1990, с. 147–148; Волков, 1992, с. 84, 86; Öztürk, 2000, s. 274].

³ Подробнее об этих источниках см.: [Öztürk, 2000, S. XIX–XXIV]. М. Бериндей, Ж. Вайнстайн и А. Фишер датируют реестры иначе, что, судя по всему, является ошибкой [Berindei, Veinstein, 1976, p. 114–145; Fisher, 1981, p. 138–142].

⁴ Здесь и далее мы приводим транслитерацию упомянутых Эвлией Челеби османских названий латиницей по новейшему критическому изданию его «Книги путешествий», выполненному на основе рукописи, считающейся автографом: [Çelebi, 2003].

К 1520 г. у Азова уже имелось укрепленное предместье. В вышеупомянутых двух налоговых реестрах оно фигурирует как «Kal'a-i Hâkî», но больше известно под названием Топрак-кале (Toprak kal'a). Оба ойконима переводятся со староосманского и турецкого языков как «Земляная крепость». Происхождение данного названия, как и в случае с Таш-кале, связано с характером фортификационных сооружений. По свидетельству Эвлия Челеби, в прошлом этот «благоустроенный пригород» был окружен рвом, но ко времени приезда путешественника в Азов укрепления Топрак-кале были значительно усилены по причине непрерывных разбойных набегов «московских казаков» [BOA, Tapu ve Tahrir Defterleri, № 370, s. 490; № 214, s. 218; Губоглу, 1964, с. 151; Эвлия Челеби, 1979, с. 200–202; Inalcik, 1986, p. 808; Öztürk, 2000, s. 274]. Согласно русским и османским источникам, угроза Азову со стороны донского казачества возросла с середины 1570-х гг. Зафиксированное в грамоте царя Ивана IV крымскому хану Девлет-Гирею I от ноября 1576 г. наиболее раннее нападение донцов «на Топраков» произошло, вероятно, в первой половине 1575 г. [Посольская книга, 2016, с. 205, 245]. Из четырех указов султана Мурада III азовскому санджакбею Мухаммеду-паше 1576 г. известно, что в этом году присланный из Константинополя чавуш (чиновник по особым поручениям) занимался ремонтом укреплений Азова, в результате чего Топрак-кале «была отстроена из камня» [Мустакимов, Трепавлов, 2009, с. 41; Мустакимов, Сень, 2012, с. 180; Мустакимов, 2017, с. 187–188]. Спустя сорок лет эти фортификационные сооружения были реконструированы. По свидетельству Э. Челеби, в 1616 г. некий «славный правитель Сенджван-паша» превратил Топрак-кале в «мощную четырехугольную твердыню, укрепив ее прочными и неприступными каменными стенами» и вырыв с двух ее сторон ров. С третьей стороны преградой неприятелю должен был служить Дон, а с четвертой к Топрак-кале примыкал смежный укрепленный сектор, отделявший его от Таш-кале и занимавший центральное место в системе укреплений Азова [Челеби, 1979, с. 201].

Центральная часть Азова явно была построена позже, чем Топрак-кале, – по крайней мере, в налоговых реестрах 1520 и 1542 гг. она не упоминается. Речь идет об укреплении, которое Э. Челеби называет Орта-хисар (Orta hisâr), а другие османские источники – Орта-кале (Orta kal'a), что в переводе означает «Срединная крепость» [Эвлия Челеби, 1979, с. 200–201; Губоглу, 1964, с. 151]. Х. Иналджык, И.В. Волков и Ю. Озтюрк единодушно ставят знак равенства между Орта-хисар и Дженеviz-кале [Inalcik, 1986, p. 808; Волков, 1990, с. 147–148; Волков, 1992, с. 84, 86; Öztürk, 2000, s. 274]. Судя по всему, они пришли к такому выводу методом исключения. По данным Э. Челеби, «внутренняя крепость» Орта-хисар располагалась между Френк-хисар и Топрак-кале, и внутри ее находилось еще одно внутреннее укрепление – «необычайно крепкая, мощная и неприступная» башня Шахин-паши (Şâhîn Paşa kulesi), окруженная глубоким рвом [Эвлия Челеби, 1979, с. 200, 201].

В реестре 1542 г. зафиксировано появление в составе Азова четвертого (на тот момент) сектора – «enderûn-ı Kal'a-ı Venedik», что переводится как «внутренняя Венецианская крепость» [BOA, Tapu ve Tahrir Defterleri, № 214, s. 215]. Ю. Озтюрк хотя и привел в своей монографии неточное название этого укрепления («Kal'a-ı Enderûn» – т.е. просто «Внутренняя крепость»), но при этом резонно считал его обособившейся между 1520 и 1542 гг. частью Венедик-кале. То, что в реестре 1520 г. Венедик-кале представлена без членения на внутреннюю и внешнюю крепости, по мнению историка, свидетельствует о росте численности ее населения к 1542 г. [Öztürk, 2000, s. 275]. Вместе с тем Ю. Озтюрк не объясняет, почему в последующее время в источниках отмечено членение Азова только на три, а не на четыре части. Очевидно, это связано не только с объединением венецианского и генуэзских замков в рамках одного сектора – Таш-кале, но и с постройкой Орта-кале, что произошло между 1542 и 1616 гг.

Донским казакам к концу первой трети XVII в. три части Азова были известны как Ташкалов, Топракалов (или Топрак) и Азов [*Акты*, 1894, с. 123; *Донские дела*, 1906, стб. 262–263, 288; Новосельский, 1948, с. 287; Куц, 2010, с. 392; Куц, 2014, с. 71]. Первые два названия созвучны с традиционными османскими топонимами, а Азов как часть города следует отождествлять с Орта-кале.

Итак, османские и русские источники XVI–XVIII вв. донесли до нас четыре группы топонимов, относящихся к разным частям Азова:

- 1) Kal'a-ı Venedik, Kal'a-ı Ceneviz, Kal'a-ı Hâkî.
- 2) Taş kal'a, Toprak kal'a, Orta kal'a⁵.
- 3) Freng hisârı, Toprak kal'a, Orta hisâr.
- 4) Ташкалов, Топракалов и Азов.

Из этих двенадцати топонимов лишь семь можно объединить в рамках трех синонимичных рядов:

- 1) Taş kal'a = Ташкалов.
- 2) Kal'a-ı Hâkî = Toprak kal'a = Топракалов.
- 3) Orta kal'a = Orta hisâr.

Определить, к какому из них принадлежат остальные пять названий, затруднительно – тем более что в разные эпохи количество фортификационных секторов Азова варьировалось от четырех до трех.

Решить эту задачу поможет сопоставление сведений из уже проанализированных источников с известием анонимного османского путешественника из Хотина, посетившего Азов около 1740 г. Согласно ему, построенная в правление султана Баязида II (1481–1512) азовская соборная мечеть находилась в Таш-кале, что совпадает со свидетельством Э. Челеби о ее местонахождении во Френк-хисар [Губоглу, 1964, с. 151; Челеби, 1979, с. 200]. Исходя из этого, вопреки мнению И.В. Волкова, Орта-хисар и Френк-хисар по номенклатуре Э. Челеби не могут быть идентичны Ташкалову и Азову как части города в русском топонимическом ряду [Волков, 1992, с. 84, 86, 88].

Точка зрения Х. Иналджыка о тождестве Френк-хисар и Венедик-кале, а также Орта-хисар и Дженеviz-кале, принятая И.В. Волковым и Ю. Озтюрком [Inalcik, 1986, p. 808; Волков, 1990, с. 147–148; 1992, с. 91–92; Öztürk, 2000, s. 274–276], противоречит утверждению Э. Челеби о том, что в 1475 г. существовала только Френк-хисар. Следовательно, Орта-хисар/Орта-кале не может быть генуэзским замком, построенным до османского завоевания Таны.

В июне 1637 г. донские и запорожские казаки, при участии русских торговых людей и астраханских «юрговских татар», после двухмесячной осады взяли Азов штурмом, проделав в крепостной стене Таш-кале пролом при помощи взрыва мины в подкопе [Смирнов, 1946, с. 47–52; Новосельский, 1948, с. 259–260; Мининков, 1998, с. 377–378; Куц, 2014, с. 55–61]. Последнее обстоятельство служит еще одним доказательством того, что Ташкале не могла занимать срединное место в трехчастной структуре Азова, как считали И.В. Волков, А.С. Козаченко и О.Ю. Куц [Волков, 1992, с. 84, 86; рис. 1–3; Козаченко, 2000, с. 55, 61, 120–121; Куц, 2010, с. 392–393; 2014, с. 204]. В противном случае, подвести этот подкоп было бы невозможно, ведь единственная наружная стена Орта-кале/Орта-хисар (по мнению И.В. Волкова, А.С. Козаченко и О.Г. Куца, – Таш-кале) располагалась на берегу р. Дон в непосредственной близости от русла, т.е. в зоне обстрела защитников крепости.

Отстояв Азов в ходе героического «осадного сидения» 1641 г. и понеся огромные потери в противостоянии османской армии, Войско Донское вынуждено было оставить

⁵ Следует отметить, что данные названия являются типичными (почти типологическими) для османских городов и крепостей. Так, Таш-кале была в Синопе, Топрак-кале – в Кафе, Орта-кале – в Трабзоне.

город в мае 1642 г. [*Донские дела*, 1906, стб. 364–366, 429, 451; Смирнов, 1946, с. 81–82; Мининков, 1998, с. 391; Куц, 2014, с. 281–300]. По свидетельству дворянина Афанасия Желябужского и подьячего Арефия Башмакова, осмотревших Азов в начале 1642 г., во время осады его каменные укрепления претерпели столь значительные разрушения, что даже невозможно было начертить их план. Город буквально лежал в руинах [*Донские дела*, 1906, стб. 262–264].

Самые ранние сведения об устройстве и параметрах фортификационных сооружений османского Азова содержатся в русских документах 1637–1642 гг. Они довольно лапидарны, но зато более конкретны, чем художественное описание Э. Челеби, преисполненное присущими восточной литературе гиперболами и гротеском.

По данным А. Желябужского и А. Башмакова, окружность наружной ограды Азова составляла 526 сажений – вероятно, казенных⁶ (1136 м). С трех сторон ее окружал ров глубиной полторы сажени (3,2 м) и шириной четыре сажени (8,6 м), внутренние стенки которого были обложены камнем. До начала в 1641 г. разрушительной осады в городе имелось одиннадцать каменных башен. Однако Азов вовсе не являлся первоклассной крепостью. По свидетельству дворянина Степана Чирикова, побывавшего в городе летом 1637 г., его тонкие и невысокие стены, выложенные из дикого камня, скрепленного глиною и известью («белую глиною»), не имели ни зубцов, ни бойниц для ведения ярусного огня [*Донские дела*, 1906, стб. 262–263; Куц, 2014, с. 71].

Э. Челеби оставил нам описание Азова в том виде, в котором он застал его во время второго посещения в 1667 г. Судя по всему, путешественник указал лишь приблизительные размеры городских укреплений, определив их визуально. Согласно ему, Азов – красивая четырехугольная крепость «в виде квадрата», чьи каменные стены, «если измерять их по окружности строительным аршином, составляют четыре тысячи аршин» (3032 м)⁷. Таковую же окружность, по утверждению Э. Челеби, имел старый султанский дворец в Константинополе (Эски-сарай). Толщина и высота азовской крепостной стены на разных участках отличались. Со стороны Мекки (киблы) она «настолько толста, что имеет в ширину двадцать аяков» (7,6 м), а вырытый снаружи ее ров достигал 7 кулачей в глубину и 50 аршин в ширину (13,6 и 37,9 м). Высота стен на восточной и западной сторонах Азова, наиболее подверженных опасности нападения, составляла 15 кулачей (29 м), там же находились «сорок мощных башен» (чего не могло быть в принципе, учитывая вышеуказанный периметр стен, поэтому названное число – не более чем гипербола). Орта-хисар – тоже четырехугольная крепость с окружностью «полных пятьсот шагов», т.е. аршин (379 м). Одна ее сторона являлась стеной Френк-хисар, другая – стеной со стороны Дона, тогда как две оставшиеся – стеной Топрак-кале. О размерах последнего укрепления автор умолчал, отметив лишь, что на его территории находится 1150 «довольно просторных домов» с дворовыми участками [Челеби, 1979, с. 198, 200, 202]. Все приведенные Э. Челеби параметры не коррелируют с основанными на измерениях точными данными А. Желябужского и А. Башмакова и, вероятно, в большей степени являются плодом фантазии путешественника. Если же принять его данные на веру, то выходит, что после восстановления Азова его периметр, а значит и площадь, увеличились почти втрое.

Заняв Азов в 1642 г., османские войска под командованием везира (трехбунчужного паши) Джувана-капуджибаши Мехмеда-паши не только восстановили, но и значительно усилили его фортификационные сооружения, а также вооружили мощной артиллерией и увеличили гарнизон. При этом прежняя трехчастная структура крепости была сохра-

⁶ Казенная сажень соответствовала трем аршинам или 216 см [Каменцева, Устюгов, 1975, с. 86].

⁷ Здесь и далее перевод османских мер длины на метрическую систему выполнен на основе параметров, указанных А.Д. Желтяковым в терминологическом комментарии [Челеби, 1979, с. 245, 246, 249].

нена, о чем свидетельствуют Э. Челеби и ногайский мирза Султан-Ахмед бин Аксак Кель-Мухаммед («Салтанаш мурза Аксак Келмамтев») – очевидец неудачного штурма Азова донскими казаками и их союзниками в июне 1646 г., упомянувший на допросе перед астраханскими воеводами глиняный и каменный «города» в его составе [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1646 г., д. 4, л. 219; Челеби, 1979, с. 40–41, 198–202]. Но это вовсе не означает, что в устройстве фортификационных сооружений и планировке реконструированного Азова не было сделано никаких изменений, как полагает И.В. Волков (который, впрочем, такого вопроса специально не ставил). На этот счет О.Ю. Куц справедливо отметил, что принадлежавшее Э. Челеби описание «позднейшего, заново отстроенного Азова едва ли могут свидетельствовать об оборонительных укреплениях этого города более раннего времени». Тем не менее историк пришел к выводу о строительстве османами крепостных стен «именно на месте прежних, разрушенных ими же оборонительных сооружений» [Куц, 2010, с. 391].

Однако описание Э. Челеби позволяет определенно говорить лишь об использовании старых каменных фундаментов и остатков башен итальянской работы при восстановлении Таш-кале (которую И.В. Волков, А.С. Козаченко и О.Ю. Куц спутали с Орта-кале [Волков, 1992, с. 83–84, 86, 88; Козаченко, 2000, с. 55, 61, 120–121; Куц, 2010, с. 391–393; 2014, с. 204]). В частности, речь идет о южной стене Таш-кале, основание которой покоилось на сваях «франкской работы», вбитых в подмываемый подпочвенными водами грунт [Челеби, 1979, с. 40, 198–202]. О Топрак-кале и Орта-кале подобные сведения отсутствуют. Кроме того, Э. Челеби прямо сообщает о сооружении османами в 1642 г. нового фундамента крепости, что косвенно указывает на изменение ее планировки [Челеби, 1979, с. 41]. Судя по описанию А. Желябужского и А. Башмакова, состояние укреплений Азова к концу осадного сидения донских казаков 1641 г. позволяло османским зодчим радикально перепланировать их. Из одиннадцати городских башен уцелели только три – «и те испорчены, порозбиты-ж», восточная наружная стена Таш-кале («что от Дону реки от наугольные башни к степи») сохранилась лишь на протяжении 10 саженей, а две стены, отделяющие Орта-кале от Таш-кале и Топрак-кале, были «збиты во многих местех, а инде не много осталось; а в ыных местех збито до земли» [Донские дела, 1906, стб. 263]. Аналогичные сведения привел Э. Челеби, участвовавший в осаде Азова 1641 г. Он пишет, что после ее окончания от крепостных сооружений города остались только три башни, а остальные «были разбиты и разрушены до основания» [Челеби, 1979, с. 31].

Реконструированные в 1642 г. в течение всего одного месяца укрепления Азова отнюдь не были такими неприступными, как повествует Э. Челеби. По его словам, теперь они якобы стали прочнее генуэзской башни, пережившей осаду [Челеби, 1979, с. 40]. В ноябре 1643 г. прибывшие с Дона трое «выезжих людей» (грек, турок и молдаванин), ранее служившие в османском гарнизоне Азова, сообщили на допросе в Посольском приказе, что «турские де люди, и которые ныне в Азове, казаков боятца, потому что Азов некрепок зделан, хуже прежнего смазывает глиною и щели на нем большие, а известью де смазано только с наружную сторону» [Опарина, 2019, с. 251]. По свидетельству сипаха Али («Алея Сковарого Спагина»), бежавшего из Азова в Черкасск в начале 1647 г. и в июне допрошенного в Посольском приказе, состояние крепостных стен позволяло установить на них лишь половину имеющихся артиллерийских орудий в количестве 15 единиц, а остальные 15 пушек лежали на земле потому, что их «на город взволочь нельзя и поставить негде, город мал и худ» [Беляков, 2014, с. 102].

Через двадцать шесть лет состояние азовских укреплений все еще оставляло желать лучшего – об этом рассказал в Посольском приказе в июне 1675 г. атаман прибывшей с Дона станицы Яков Данилов, двумя годами ранее побывавший в Азове в плену и бежавший оттуда. По словам казака, когда в 1673 г. воевода думный дворянин И.С. Большой Хитрово

осаждал Каланчинские башни, «в Азове было в то время великое страхование, потому что было безлюдно, и городская стена была худа – в одном месте в нижнем горо[де] вывалилась стена на 50 сажень и больше, и в иных местех по тому ж были пролазы». После снятия осады башен «азовцы городские стены починили – заклали камнем и умазали глиною». Я. Данилов оставил нам наиболее подробное описание фортификационных сооружений города того времени, которое до сих пор еще не введено в научный оборот: «А стены в Азове у верхнего городка, которой от Дону от казачьих городков, вышиною пяти сажен. А средней городок пониже того. А нижнего городка, которой к морю, стены трех сажен. Он де, Яков, из Азова уходил и чрез стены нижнего городка спускался. Башен всех в Азове 12. Да вновь в прошлом 182-м году [с сентября 1673 г. по август 1674 г. – П.А.] построили раскат в верхнем городе подле угольной башни, и крепостей больших кроме того нового раскату и ныне в Азове нет. А ров зделан подле стены верхнего первого городка, что от Дону, глубок и выкладен весь камнем. А подле стены ж среднего и нижнего городка рву нет. А стены всех трех городков в одну меру: не толсты, с пошвы [подошвы. – П.А.] немного больше сажени, а зубцы кирпича в полтора небольших» [РГАДА, ф. 111, оп. 1, кн. 8, л. 490–491об.]. Исходя из положения трех частей Азова относительно течения Дона, нижним городком здесь названа Топрак-кале, средним – Орта-кале, и верхним – Таш-кале.

Вероятно, при определении параметров фортификационных сооружений на глаз, Я. Данилов брал за основу не казенную трехсаженную сажень, а так называемую прямую (простую) сажень (=152 см) [Каменцева, Устюгов, 1975, с. 83–86]. Исходя из этого, крепостные стены во всех частях Азова имели одинаковую ширину – около двух метров в основании, но разную высоту. Высота стен Ташкале составляла около 7,5 м, Орта-кале – немного ниже, и Топрак-кале – около 4,5 м. При этом ров пролегал лишь вдоль ограды Ташкале – вероятно потому, что турки считали угрозу нападения казаков с востока наиболее актуальной. Примечательно, что Я. Данилов зафиксировал в Азове на одну башню больше, чем существовало до осады 1641 г.

Упомянутый казаком раскат (бастион) был построен в рамках реализации Высокой Портой грандиозного проекта по перестройке Азова. Для этого в мае 1673 г. к устьям Дона пришли тридцать три судна, нагруженные камнем и известью, с войсками под командованием везира Хусейна-паши на борту. Разработка проекта была вызвана угрозой, нависшей над Азакским санджаком летом 1672 г., когда на его территории началась война между Россией и Османской империей: донские казаки осадили Каланчинские башни и разрушили одну из них артиллерийским огнем «до подошвы». О строительных планах Порты в Посольском приказе узнали из перехваченных донскими казаками посланий азовского санджакбея Абдулгани-паши и везира Хусейна-паши крымскому хану Селим-Гирею I и его брату калге-султану Селямет-Гирею. Османцы намеревались разрушить фортификационные сооружения Азова и построить на их месте новые, причем работы должны были начаться после прибытия крымского войска во главе с калгой-султаном, посланного туда для охраны города. Но санджакбей и везир отступили от первоначального плана, не решившись на демонтаж городских укреплений до прихода калги-султана. Поскольку крымское войско так и не пришло, в 1673 г. турки ограничились восстановлением одной из Каланчинских башен, разобранной казаками в прошлом году [РГАДА, ф. 111, оп. 1, кн. 3, л. 41–41об., 71, 101об., 130, 137–137об., 140об.–141, 143об.–145об.; кн. 4, л. 557об.].

В Азове фортификационные работы были проведены уже летом 1674 г. Пришедшие в июне двумя партиями 130 османских галер, кораблей и мелких судов, доставили в крепость четыре тысячи «боевых и работных людей», около тридцати пушек, строительный лес и камень. Захваченные вскоре донскими казаками несколько «азовских жильцов и каторжных людей» рассказали, что прибывшие «подельвают в Азове городские худые стены, и башни,

и раскаты». Однако командированные войска и работники пробыли в Азове меньше трех месяцев – в августе они были переброшены в оккупированную османской армией Подолию. За это время, как сообщил в октябре в Посольском приказе донской станичный атаман Петр Билин, турки «худые крепости [т.е. фортификационные сооружения. – П.А.] починили, а инь де и поделали вновь, и укрепились накрепко». Более подробными данными о характере осуществленных в Азове строительных мероприятий располагали семеро азовских и двое крымских татар, захваченных в плен казаками слободского Харьковского полка под городом Змиевым в августе 1674 г. и допрошенные в Белгороде. По их сведениям, турки к тому времени в Азове «по городской стене зделали вновь башню», после чего в спешном порядке начали сооружение еще трех башен, стараясь завершить работы до наступления морозов. Поскольку командированный контингент покинул Азов раньше, последние три башни так и не были построены – мы знаем, что их количество к 1675 г. увеличилось только на одну. Под упомянутой татарами башней, воздвигнутой до их ухода в набег, вероятно, следует понимать тот самый раскат, о котором позже рассказал казак Я. Данилов. Тем не менее повышенная обороноспособность крепости отнюдь не внушала ее жителям оптимизма. Освобожденный донцами под Азовом «полоняник польской породы Ивашка Николаев» в октябре 1674 г. поведал в Москве, что «азовцы де, будучи в городе, тужат вельми», в том числе и потому, что «город де вельми худ, и те де азовцы все плачют». По словам поляка, на крепостной ограде Азова было установлено всего восемь или девять старых пушек небольшого калибра, а те тридцать пушек, которые в июле привезли на галерах, «и ныне лежат в нестроении на берегу под городом» [*РГАДА*, ф. 111, оп. 1, кн. 6, л. 628–628об., 648; кн. 7, л. 260об.–261; кн. 8, л. 10–10об., 260б.–27; ф. 210, оп. 12, д. 808, л. 16, 18; *Посольские книги*, 2003, с. 174–175, 176, 177, 178]. Кардинально усовершенствовать фортификационные сооружения Азова Османской империи удалось уже в последующие два десятилетия.

Накануне Азовских походов Петра I Азов представлял собой довольно мощную крепость, о чем можно судить по сохранившимся документам и планам, начерченным служившими в России иностранными специалистами. В апреле 1695 г. пленный азовский татарин Джумак сообщил на допросе в Полтаве, «что в Азове три города каменных, четвертой земляной, а у того земляного, которой все три города каменные обнял кругом, ров 7 сажень глубиною». К тому времени каменная ограда города стала внутренней, так как снаружи ее окружила земляная ограда, местами бастионного начертания. Со стороны суши ее опоясывал сухой ров. Каменная крепость по-прежнему была разделена стенами на три секции. Примечательно, что в «описных книгах» военных трофеев, составленных генерал-профосом князем М.Н. Львовым в июле 1696 г. после занятия Азова российскими войсками, наружная земляная ограда крепости фигурирует как «Земляной город», внутренняя каменная ограда – как «Каменный город», а находящаяся внутри нее цитадель (Орта-кале) – как «Белый город». В ведомости о старых и новых постройках Азова, составленных в 1697 г. при первом российском воеводе города князе П.Г. Львове, констатировалось: «В том земляном городе Азове три города каменных: Похвальской, Предотечевской, Сергиевской». Похвальский «город» получил свое название от находившейся на ее территории соборной церкви Похвалы Пресвятой Богородицы (перестроенной из мечети), Предтечевский «город» – от церкви Святого Иоанна Предтечи. Наименование «города» Сергиевского, вероятно, связано со святым Сергием Радонежским, в честь которого также было названо земляное укрепление, созданное на основе левобережной Каланчинской башни (kulle-i Şâhî – Шахской башни) в 1695 г. На российских планах Азова конца XVII в. количество башен колеблется от восьми до десяти [*Эварницкий*, 1903, с. 581; *РГАДА*, ф. 210, оп. 8, вязка 19, д. 4, л. 2, 3, 4, 4об., 5об.; *Поход боярина*, 1773, с. 126, 131, 133, 134, 135, 136; *РГАВМФ*, ф. 177, оп. 1, д. 2, л. 232об., 234, 276, 279об., 281, 285об.; *ОР БАН*, Собр. иностранных ру-

кописей, ф. 226, т. 2, л. 87; т. 3, л. 33; *GLA Karlsruhe*, Hfk, Planbände 20, Fol. 131; Корб, 1906, с. 288–289; изобр. 4; *ПГАДА*, ф. 192, оп. 1, Театры войны: между российскими и турецкими войсками, д. 2; *РГВИА*, ф. 846, оп. 16, д. 21602].

Последнюю реконструкцию фортификационных сооружений Азова османы успели провести всего за несколько месяцев до его падения. Бежавший отсюда из рабства 22 марта 1696 г. тульский казак Климент Рыжов сообщил на допросе в Сергиеве (соседнем российском укреплении), что под руководством санджакбея и янычарского аги город был подготовлен к «осадному сидению». Турки отремонтировали каменные стены, кроме башен, укрепили и возвысили земляной вал, реконструировали бастионы, сделав их «выше старых», установили пушки на крепостной ограде – как на земляной, так и на каменной, а также вырыли шанцы «от каменного города к земляному» [*ПГАДА*, ф. 210, оп. 12, д. 1418, л. 22]. Под каменным и земляным «городами» здесь явно подразумеваются внутренняя и наружная ограда крепости (см. рис. 1)⁸.

Примечательно, что некоторые итальянские постройки XIV–XV вв. в Азове пережили не только осады 1641, 1695 и 1696 гг., но и последнюю в истории города осаду 1736 г. Так, 8 августа 1696 г. генерал Патрик Гордон заметил над одними из «водяных ворот» руинированного Азова «вырезанного на камне грифона». Вероятно, за грифона шотландец принял крылатого льва святого евангелиста Марка – геральдический символ Венецианской республики. В 1737 г. датский пастор Педер фон Хавен наблюдал в почти полностью разрушенном российской артиллерией Азове старинный каменный дом, «над порталом которого был высечен венецианский герб с надписью на латыни» [Хавен, 2007, с. 122; Гордон, 2018, с. 51]. Вполне очевидно, что это два разных архитектурных объекта на территории бывшей Таш-кале. В первом случае, несомненно, речь идет о надвратной башне, построенной венецианцами около 1411–1413 гг., через которую осуществлялся выход к реке. По свидетельству Э. Челеби, турки называли ее Львиной башней (*Arslan kullesi*) потому, что в ее стену на 10-аршинной высоте была вставлена мраморная плита с изображением крылатого льва – герба Венеции [Волков, 1992, с. 85; Челеби, 1979, с. 198–199].

Вопреки встречающимся в литературе утверждениям [Лунин, 1941, с. 206, 208–209; 1949, с. 161–162], до наших дней в Азове не сохранилось ни османских, ни тем более итальянских построек. Музеефицированный в середине XX в. бывший пороховой погреб российской Азовской крепости, некогда известный как «турецкий», был сооружен в 1797–1799 гг. Постройка так называемых Генуэзских ворот Таны, а в действительности – Верхне-Таганрогских ворот Азовской крепости, относится к 1800–1805 гг. [Перепечаева, 1995, с. 96, 102–104, 108–110].

Итак, анализ источников позволил прийти к следующим выводам:

1) Система каменных укреплений Азова формировалась около столетия с последней четверти XV в. до последней четверти XVI в. К началу 1540-х гг. город имел четырехчастную структуру и включал в себя две Венецианских (внешнюю и внутреннюю) и Генуэзскую каменные крепости, а также Земляную крепость, представлявшую собой предместье. В середине 1570-х гг. Земляная крепость была обнесена каменными стенами и, вероятно, соединена ими с остальными укреплениями Азова. На протяжении последующих шестидесяти лет фортификационные сооружения города реконструировались и усовершенствовались, что повлияло и на его планировку. К 1637 г. Азов уже имел трехчастную структуру и состоял из смежных Каменной, Срединной и Земляной крепостей (предлагаемое определение соответствия вариантов их османских и русских названий см. в таблице 1).

⁸ Рисунки к статье находятся на цветной вклейке.

Таблица 1

Соответствие вариативных названий частей Азова XVI–XVII вв.

№	Османские названия в налоговых реестрах пер. пол. XVI в.	Традиционные османские названия XVII–XVIII вв.	Османские названия в соч. Э. Челеби	Русские названия
1	Kal'a-ı Venedik + enderûn-ı Kal'a-ı Venedik + Kal'a-ı Ceneviz	Taş kal'a	Freng hisârı	Ташкалов
2	Kal'a-ı Hâkî	Toprak kal'a	Toprak kal'a	Топракалов
3	–	Orta kal'a	Orta hisâr	Азов

2) На сегодняшний день историкам неизвестны какие-либо сведения о конфигурации и планировке укреплений османского Азова до 1642 г. Документальные и нарративные источники того времени позволяют определить лишь расположение Каменной, Срединной и Земляной крепостей Азова на местности относительно друг друга и направления течения Дона (см. рис. 2).

3) Отсутствуют веские аргументы в пользу мнения И.В. Волкова, согласно которому при восстановлении османами разрушенных укреплений Азова в 1642 г. их начертание осталось неизменным. Судя по скудным свидетельствам Э. Челеби, планировка города подверглась изменениям.

4) Реконструированный И.В. Волковым на основе описания Э. Челеби и изобразительных источников 1698 и 1740 гг. план каменных укреплений османского Азова отражает их состояние в 1642–1696 гг. Экстраполяция этих реалий на более раннее время представляется неисторичным и непродуктивным. Тем более использованные историком материалы не могут служить источниками для реконструкция планов венецианских и генуэзских укреплений Таны XV в., руинированных в 1641 г. Исходя из этого, локализация границ венецианского замка, отождествляемого И.В. Волковым с Френк-хисар [Волков, 1990, с. 145, 147–148; 1992, с. 86, 91–92] (Таш-кале в предлагаемой нами атрибуции), является ошибочной – в том числе и потому, что на территории последнего укрепления ранее располагался и генуэзский замок.

5) Следует признать неточным утверждение Т.З. Байера о том, что в 1672 г. Азов был приведен «в такое состояние, в каком нашла оной Россия в 1695 году» [Байер, 1782, с. 106]. Земляные фортификационные сооружения, которые пришлось осаждать войскам Петра I, в действительности были построены не ранее второй половины 70-х годов XVII в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

ОР БАН – Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук [*OR BAN* – Manuscript Department of the Library of Russian Academy of Sciences].

РГАДА – Российский государственный архив древних актов [*RGADA* – Russian State Archive of Ancient Acts].

РГВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота [*RGVMF* – Russian State Archive of Navy].

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив [*RGVIA* – Russian State Military History Archive].

BOA – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi [The Ottoman Archives of the President's Republic of Turkey General Directorate of State Archives].

GLA Karlsruhe – Generallandesarchiv Karlsruhe.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук. Под ред. Н.А. Попова. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1894 [*Acts of the Moscow State Issued by the Imperial Academy of Sciences.* Ed. N.A. Popov. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografii Imperatorskoi akademii nauk, 1894 (in Russian)].

Байер Т.З. *Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу.* Пер. И.К. Тауберта. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1782 [Bayer Th.S. *Begebenheiten von Azow wie selbiges lange vor Christi Geburt von den Griechen erbauet und bewohnt worden, welche Völcker es sonst zu verschiedenen Zeiten besessen, wie es samt den umliegenden Ländern vor alters unter Rußland gestanden, hernach in Polowzische, Genuesische und Türkische Hände gerathen, und wie es endlich von Rußland wieder erobert worden, in einem kurtzen Zusammenhange verfasst.* Transl. by J.C. Taubert. St. Petersburg: Tipografii Imperatorskoi akademii nauk, 1782 (Russian translation)].

Беляков А.В. Азовские выходцы 1647 г.: (Свои среди чужих?). *Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.).* Ред. кол.: В.Ю. Апрыщенко и др. Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. фед. ун-та, 2014. С. 96–104 [Belyakov A.V. *People who Left Azov in 1647: (at Home among Strangers?). Borders and Borderlands in South Russian History: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, September 26–27, 2014).* Editorial Board: V.Yu. Apryshenko et al. Rostov-on-Don: Publishing House of Southern Federal University, 2014. Pp. 96–104 (in Russian)].

Бурлака В.О. Азов в торговых и дипломатических связях России и Турции в XVI веке. *Очерки истории Азова.* Ред. кол.: А.А. Горбенко и др. Вып. 1. Азов: Азовский краеведческий музей, 1992. С. 3–17 [Burlaka V.O. *Azov in Trade and Diplomatic Relations between Russia and Turkey in the 16th Century. Essays on the History of Azov.* Editorial Board: A.A. Gorbenko et al. Iss. 1. Azov: Azovskii kraevedcheskii muzei, 1992. Pp. 3–17 (in Russian)].

Волков И.В. Гостевая церковь – мечеть Баезида Вели в Азове. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.* Ред. кол.: А.А. Горбенко и др. Вып. 9. Азов: Азовский краеведческий музей, 1990. С. 136–150 [Volkov I.V. *The Guest Church – the Bayezid Veli Mosque in Azov. Historical and Archaeological Studies in Azov and the Lower Don in 1989.* Editorial Board: A.A. Gorbenko et al. Iss. 9. Azov: Azovskii kraevedcheskii muzei, 1990. Pp. 136–150 (in Russian)].

Волков И.В. Азовская крепость глазами Эвлии Челеби русских военных топографов XVII–XVIII вв. *Историческая география Дона и Северного Кавказа.* Ред. кол.: В.Е. Максименко и др. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1992. С. 83–94 [Volkov I.V. *The Azov Fortress through the Eyes of Evliya Chelebi of Russian Military Topographers of the 17th–18th Centuries. Historical Geography of the Don and the North Caucasus.* Editorial Board: V.E. Maksimenko et al. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1992. Pp. 83–94 (in Russian)].

Гордон П. *Дневник: 1696–1698.* Пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2018 [Gordon P. *Diary: 1696–1698.* Transl., Ed. by D.G. Fedosov. Moscow: Nauka, 2018 (Russian translation)].

Григорьев А.П., Григорьев В.П. *Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование.* СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002 [Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Collection of Golden Horde Documents of the 14th Century from Venice: A Source Study Research.* Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publishing House, 2002 (in Russian)].

Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине. *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы.* Под ред. А.С. Тверитиновой. Вып. 1. М.: Наука, 1964. С. 131–161 [Guboglu M. *Turkish Source of 1740 about Wallachia, Moldavia and Ukraine. Oriental Sources on the History of the Peoples of South-Eastern and Central Europe.* Ed. A.S. Tveritina. Iss. 1. Moscow: Nauka, 1964. Pp. 131–161 (in Russian)].

Донские дела. Под ред. В.Г. Дружинина. Кн. 2. СПб.: Тип. Главн. управл. уделов, 1906 [Druzhinin V.G. (ed.). *The Don Cases.* Vol. 2. Saint Petersburg: Tipografia Glavnogo upravleniia udelov, 1906 (in Russian)].

Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. *Русская метрология: Учебное пособие.* М.: Высш. школа, 1975 [Kamentseva E.I., Ustyugov N.V. *Russian Metrology: Textbook.* Moscow: Vysshiaia shkola, 1975 (in Russian)].

Козаченко А.С. *Пространственная культура казаков Нижнего Дона конца XVI–XVII вв.* Ростов-на-Дону: Донск. изд. дом, 2000 [Kozachenko A.S. *Spatial Culture of the Lower Don Cossacks at the End of the 16th–17th Centuries.* Rostov-on-Don: Donskoi izdatel'skii dom, 2000 (in Russian)].

Корб И.Г. *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.).* Пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906 [Korb J.G. *Diarum itineris in Moscoviam.* Saint Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 1906 (Russian translation)].

Куц О.Ю. *Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: Политическая и военная история.* М.: Старая Басманная, 2014 [Kuts O.Yu. *Don Cossacks of the Times of Azov Epopoe and 1740s: Political and Military History.* Moscow: Staraiia Basmannaia, 2014 (in Russian)].

Куц О.Ю. К вопросу о местонахождении турецкого земляного вала в ходе борьбы за Азов летом – осенью 1641 г. *Очерки феодальной России.* Под ред. С.Н. Кистерева. Вып. 14. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 390–401 [Kuts O.Yu. On the Question of the Location of the Turkish Earthen Rampart during the Struggle for Azov in the Summer – Autumn of 1641. *Essays on Feudal Russia.* Ed. Kisterev S.N. Iss. 14. Moscow; Saint Petersburg: Al'ians-Arheo, 2010. Pp. 390–401 (in Russian)].

Лунин Б.В. Гор[од] Азов, 1934–1935 гг. *Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.* М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. С. 206–209 [Lunin B.V. The Town of Azov, 1934–1935. *Archaeological Research in the RSFSR 1934–1936.* Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. Pp. 206–209 (in Russian)].

Лунин Б.В. *Очерки истории Подонья-Приазовья.* Кн. 1. Ростов-на-Дону: Ростовск. обл. книгоизд-во, 1949 [Lunin B.V. *Essays on the History of the Don River and Azov Sea Area.* Vol. 1. Rostov-on-Don: Rostovskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo, 1949 (in Russian)].

Мининков Н.А. *Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.).* Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1998 [Mininkov N.A. *Don Cossacks During an Epoch of the Late Middle Ages (before 1671).* Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1998 (in Russian)].

Мустакимов И.А. Из истории азовских (татарских) казаков второй половины XVI в. *Средневековые тюрко-татарские государства: Научный журнал.* Вып. 9. Казань, 2017. С. 184–189 [Mustakimov I.A. From the History of the Azov (Tatar) Cossacks of the Second Half of the 16th Century. *Medieval Turkic-Tatar States.* Vol. 9. 2017. Pp. 184–189 (in Russian)].

Мустакимов И.А., Сень Д.В. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. *Вестник Танаиса.* Отв. ред. В.И. Перевозчиков. Вып. 3. Х. Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской обл.: АМЗ «Танаис», 2012. С. 172–189 [Mustakimov I.A., Sen' D.V. Azov and Don Cossacks According to Ottoman Documents 1560–1570. *Herald of Tanais.* Iss. 3. Nedvigovka, Myasnikovskii District of Rostov Region: Arheologicheskii muzei-zapovednik “Tanais”, 2012. Pp. 172–189 (in Russian)].

Мустакимов И.А., Сень Д.В. Восточные источники по истории взаимоотношений османского Азова и донского казачества. *Труды Института востоковедения РАН.* Ред. кол.: В.В. Беляков и др. Вып. 17. М.: ИВ РАН, 2018. С. 144–162 [Mustakimov I.A., Sen' D.V. Oriental Sources on the History of Relations between the Ottoman Azov and the Don Cossacks. *Papers of the Institute of Oriental Studies of the RAS.* Editorial Board: V.V. Belyakov et al. Iss. 17. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2018. Pp. 144–162 (in Russian)].

Мустакимов И.А., Трепавлов В.В. Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды. *Гасырлар авазы = Эхо веков.* 2009. № 2. С. 35–42 [Mustakimov I.A., Trepavlov V.V. New Ottoman Documents on the History of the Great Nogai Horde. *Gasyrlar avazy = Echo of Centuries.* 2009. No. 2. Pp. 35–42 (in Russian)].

Новосельский А.А. *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948 [Novoselsky A.A. *The Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the 17th Century*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948 (in Russian)].

Опарина Т.А. Документы Посольского приказа о выходящих из Азова (1643 г.). *Новое прошлое / The New Past*. 2019. № 2. С. 242–258 [Oparina T.A. Documents of the Ambassadorial Order on Azov Natives (1643). *Novoe Proshloe / The New Past*. 2019. No. 2. Pp. 242–258 (in Russian)].

Перепечаева Л.Б. *Крепость и посад Азов (конец XVII – начало XX вв.)*. Азов: Азовский краеведческий музей, 1995 [Perepechaeva L.B. *Fortress and Posad Azov (Late 17th – Early 20th Centuries)*. *Essays on the History of Azov*. Editorial Board: A.A. Gorbenko et al. Iss. 3. Azov: Azovskii kraevedcheskii muzei, 1995 (in Russian)].

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. Изд. подг. А.В. Виноградовым, И.В. Зайцевым, А.В. Маловым, О.С. Смирновой, Г.А. Тарасовой; отв. ред. И.В. Зайцев. М.: Изд. дом Марджани, 2016 (Крымское ханство в источниках. Вып. 1) [The Ambassadorial Book on the Relations of the Moscow State with the Crimea 1571–1577. Ed. Vinogradov F.V. et al. Moscow: Izdatel'skii dom Mardzhani, 2016 (in Russian)].

Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Сост. Н.М. Рогожин, М.М. Батмаев; отв. ред. Н.М. Рогожин. Элиста: АПП «Джангар», 2003 [The Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Kalmyk Khanate 1672–1675. Ed. N.M. Rogozhin, M.M. Batmaev. Elista: APP “Dzhangar”, 2003 (in Russian)].

Поход боярина и Большаго полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное отпуды с победоносным воинством возвращение в Москву, с подробным описанием всех военных и торжественных произшествий и с имянным списком бывших при том: сухопутных и морских, великороссийских и малороссийских, вышних и нижних военачальников числе всех войск и учиненным оным награде. Изд. В.Г. Рубан. СПб.: Тип. Мор. кадет. корпуса, 1773 [The Campaign of the Boyar and the Great Regiment of Voivode Alexei Semenovich Shein to Azov, the Capture of This and Lutik Fortress and the Solemn Return from There with the Victorious Host to Moscow, with a Detailed Description of All Military and Solemn Incidents and with a List of Ground and Naval, Great Russian and Little Russian, Upper and Lower Commanders, Participating in This, the Strength of All Troops and the Rewards Given to Them. Ed. V.G. Ruban. Saint Petersburg: Tipografiia Morskogo kadetskogo korpusa, 1773 (in Russian)].

Смирнов Н.А. *Россия и Турция в XVI–XVII вв.* Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1946 [Smirnov N.A. *Russia and Turkey in 16–17th Century*. Vol. 2. Moscow: Moscow University Press, 1946 (in Russian)].

Сухоруков В.Д. *Историческое описание земли Войска Донского*. Комментар., дополн., вступ. ст. Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов-на-Дону: ГинГо, 2001 [Suhorukov V.D. *Historical Description of the Land of the Don Host*. Ed. N.S. Korshikov, V.N. Korolev. Rostov-on-Don: GinGo, 2001 (in Russian)].

Тафур П. *Странствия и путешествия*. Пер., предисл. и коммент. Л.К. Масиеля Санчеса. М.: Индрик, 2006 [Tafur P. *Andanzas y viajes*. Transl., ed. by L.C. Maciel Sanchez. Moscow: Indrik, 2006 (Russian translation)].

Хавен П., фон. *Путешествие в Россию*. Пер., вступ., биография П. Хавена, прим., коммент. и именной указ. В.Е. Возгрин. СПб.: Изд-во журн. «Всемирное Слово», 2007 [Haven P., von. *Rejs udi Rusland*. Transl., ed. by V.E. Vozgrin. Saint Petersburg: izdatel'stvo zhurnala “Vsemirnoe Slovo”, 2007 (Russian translation)].

Хайбуллаева Ф.Х. Новый турецкий источник по истории Крыма. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. 8. Симферополь: Крымск. отд. Ин-та востоковед. им. А.Е. Крымского НАН Украины, 2001. С. 363–365 [Khaibullaeva F.Kh. New Turkish Source on the History of Crimea. *Materials in Archeology, History and Ethnography of Tavria*. Vol. 8. Simferopol: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniia imeni A.E. Krymskogo NAN Ukrainy, 2001. Pp. 363–365 (in Russian)].

Челеби Эвлия. *Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века): Перевод и комментарии.* Сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков; предисл. А.П. Григорьева; примеч. и коммент. А.П. Григорьева, А.Д. Желтякова; пер. А.П. Векилова и др. Вып. 2. М.: Наука, 1979 [Chelebi Evliya. *Seyahatnâme.* Ed. A.P. Zheltyakov; transl. by A.P. Vekilov et al. Iss. 2. Moscow: Nauka, 1979 (Russian translation)].

Эварницкий Д.И. *Источники для истории запорожских казаков.* Т. 1. Владимир: Типо-лит. Губ. правл., 1903 [Evarnitsky D.I. *Sources for the History of the Zaporozhye Cossacks.* Vol. 1. Vladimir: Tipolitografiya Gubernskogo pravleniia, 1903 (in Russian)].

Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'Empire ottoman (fin XIIIe – milieu XVIe siècle). *Turcica: Revue d'études turques.* Т. 8. 1976. No. 2. Pp. 110–201.

Cruys C. De Stad Asof. *Nieuw pas-kaart boek, behelsende de groote rivier Don of Tanais, na de selfs waaragtige gelegenheydt strekking, en cours, vande Stadt Woronetz, tot daar hy in zee valdt met zyn invloeiende stroomen, eylanden, steden, dorpen, kloosters etc: daer benevens een zeer curieuse paskaart vande Azofsche zee, of Palus Moetis en Pontus Euxinus of swarte zee met alle haar diepten, droogtens, aangelegen rivieren, havens steden etc. zynde daar, by gevoegdt een afbeelding der doorgraving, omden Don door de Ilafla te Leyden inde Wolga of Astracansche rivier, alles zeer nauw-keurig, en door eygene ondervinding opgenomen gepeylt, afgemeeten, en opgedragen aan Zyn Doorlugtige Hoogheyd Alixius Petreides, Erf-Prince der Keyser-Ryken, Koning-Ryken, vorstendommen en Heerschappycn Heer vaders, zunc Grootmagtigste Czaarsche Maiesteyt, door Cornelis Cruys, vice Admiral van Hooghemelte Seijne Majesteijts zeemaght.* Amsterdam: H. Doncher, 1703. Pp. 9–16.

Evliyâ Çelebi b. Derviş Mehemed Zillî. *Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi.* Hazırlayanlar: R. Dankoff, S.A. Kahraman, Y. Dağlı. 7. Kitap. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2003 (in Turkish and Ottoman).

Fisher A. Azov in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: Neue Folge.* Bd. 21. 1973. H. 2. Pp. 161–174.

Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century. *Harvard Ukrainian studies.* Vol. 5. 1981. No. 2. Pp. 135–170.

Inalcik H. Azaq. *The Encyclopedia of Islam: New edition.* Ed. H.A.R. Gibb et al. Vol. 1. Leiden: E.J. Brill, 1986. P. 808.

Öztürk Y. *Osmanli Hakimiyetinde Kefe (1475–1600).* Ankara: TC Kültür Bakanlığı Milli Kütüphane Basımevi, 2000 (in Turkish).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АВАКОВ Пётр Ашотович –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник отдела гуманитарных
исследований, Федеральный
исследовательский центр Южный научный
центр Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Россия.

Pyotr A. AVAKOV, Cand. Sci. (History),
Senior Research Associate of the Department
of Humanities Studies, Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre of the Russian
Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014216-4

ПРОЕКТ ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ РУКОВОДСТВА
XIII РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ

© 2021

А.М. КУЛИКОВ^{a, b}^a – Финансовый университет, Москва, Россия;^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-9317-7432; bilis@inbox.ru

Резюме: В статье анализируется проект инструкции для XIII (1849–1859) Российской духовной миссии в Пекине, подготовленный чиновниками Министерства иностранных дел Российской империи и хранящейся ныне в Архиве внешней политики Российской империи (Москва). Документ датирован 1849 г. Проект инструкции включает девять основных пунктов: 1. Состав миссии. 2. Смена прежней миссии. 3. Главные обязанности начальника миссии. 4. Занятия духовные и воспитание албазинцев. 5. Занятия учебные. 6. Сношения с отечеством. Связи с китайцами и образ жизни. 7. Внутренний порядок и Совет миссии. 8. Порядок хозяйственный. 9. Награждения. В документе описывается штатная численность миссионеров, очерчивается круг их научно-исследовательских интересов в Китае, а также порядок связей с Российской империей. Значительная часть инструкции посвящена миссионерской работе в среде албазинцев, в т.ч. воспитанию помощников для миссии из их среды. Особо оговаривается дипломатическая деятельность, возложенная на руководителя миссии и направленная на установление благоприятных связей с цинскими сановниками и различными инстанциями, задействованными в русско-китайских отношениях середины XIX в. В соответствующем пункте инструкции приведены важные сведения об экономическом положении русских миссионеров в Китае, включая их денежное довольствие, наличие недвижимого имущества и рекомендации для руководителя по рациональному управлению расходами и доходами миссии. На протяжении всей инструкции упоминаются строгие предписания к моральному облику русских миссионеров в Китае. Инструкция полностью публикуется и комментируется впервые.

Ключевые слова: Российская духовная миссия в Пекине, российско-китайские отношения, архив, православие в Китае.

Для цитирования: Куликов А.М. Проект инструкции для руководства XIII Российской духовной миссии в Пекине. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 244–258. DOI: 10.31857/S086919080014216-4

DRAFT INSTRUCTIONS FOR THE HEAD
OF THE 13th RUSSIAN ECCLESIASTICAL MISSION IN BEIJING

© 2021

Andrey M. KULIKOV^{a, b}^a – Financial University, Moscow, Russia;^b – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9317-7432; bilis@inbox.ru

Abstract: *The article analyzes the draft instructions for the 13th (1849–1859) Russian Ecclesiastical Mission in Beijing, prepared by officials of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire and now stored in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (Moscow). The document is dated 1849. The draft instruction includes nine main points: 1. The composition of the mission. 2. Procedure for changing the previous Mission. 3. The main responsibilities of the Chief of Mission. 4. Spiritual lessons and education of the Albazinians. 5. Educational lessons. 6. Relations with the Fatherland. Connections with Chinese people and way of life. 7. Internal order and mission advice. 8. The economic order. 9. Awards. The document describes the staffing of missionaries, outlines the range of their research interests in China, as well as the order of relations with the Russian Empire. A significant part of the instruction is devoted to missionary work among the Albazinians. The diplomatic activity entrusted to the head of the mission and aimed at establishing favorable relations with the Qing dignitaries and various authorities involved in Russian-Chinese relations of the 19th century is especially stipulated. The relevant paragraph of the instruction provides important information about the economic situation of Russian missionaries in China, including their monetary allowance, the availability of real estate and recommendations for the Head. Throughout the instruction, strict requirements for the moral character of Russian missionaries in China are mentioned. The instruction is fully published and commented on for the first time.*

Keywords: Russian Ecclesiastical mission in Beijing, Russian-Chinese relations, archive, Orthodox church in China.

For citation: Kulikov A.M. Draft Instructions for the Head of the 13th Russian Ecclesiastical Mission in Beijing. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 244–258. DOI: 10.31857/S086919080014216-4

Большинство исследователей сходятся во мнении, что до появления в Китае официальной светской дипломатической миссии Российской империи, Российская духовная миссия в Пекине (РДМ) сочетала в своей работе научно-исследовательскую, миссионерскую и дипломатическую деятельность [Скачков, 1977, с. 188; Ломанов, 2007, с. 349–351]. При этом научное и дипломатическое направления являлись для миссии приоритетными, а роль миссионерской работы была незначительной.

Важнейшими документами, проясняющими сочетание различных видов деятельности РДМ, являются инструкции, приготовленные для миссии представителями МИД Российской империи. В литературе встречаются упоминания об инструкциях РДМ¹ и даже приводятся цитаты из них², но попыток полной публикации и анализа инструкции ранее не предпринималось.

На наш взгляд, интересно рассмотреть проект инструкции XIII РДМ (1849–1859), возглавляемой крупнейшим отечественным и европейским синологом XIX в., Петром Ивановичем (в монашестве – Палладием) Кафаровым³. К моменту формирования тринадцатого состава РДМ процесс написания инструкций, по-видимому, уже был отлажен, а сама она воплощала в себе значительный опыт предшествующих миссий.

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) сохранился рукописный документ, озаглавленный «Инструкция для руководства Пекинской духовной миссии». В архивной описи приводится более развёрнутое наименование документа – «Инструкция МИД началь-

¹ См.: [Архимандрит Авраамий, 2006, с. 69].

² См.: [Барановский, 1930, с. 10–35].

³ Пётр Иванович Кафаров (в монашестве – Палладий) (16(28).09.1817–6(18).12.1878) – востоковед, дипломат, путешественник и миссионер. Участник XII (1840–1849 гг.) и начальник XIII и XV (1865–1878 гг.) РДМ. С 1860 по 1864 гг. служил в церкви при Русском посольстве в Риме. Умер в Марселе. Похоронен в Ницце (могила сохранилась).

нику 13-ой Российской Православной духовной миссии архимандриту Палладию (Кафарову). 1849» (*АВПРИ*, ф. СПб, главный архив, I-5, оп. 4, г. 1823, д. 1 (п. 54), л. 3–27об. Копия).

В этом документе 1849 г. содержится девять пунктов, регулирующих функционирование РДМ. Инструкция являлась важнейшим, но, вероятно, не единственным документом, которым руководствовалась РДМ в своей деятельности в Китае – различные инстанции (Синод, Министерство государственных имуществ и др.) могли направлять РДМ отдельные инструкции. Начальнику миссии в течении года также направлялись дополнительные отношения, в которых МИД ставил перед руководством РДМ новые задачи. Существовали также и секретные предписания для начальника РДМ, регулирующие тайную переписку с Азиатским департаментом МИД и наиболее чувствительные вопросы взаимоотношений с маньчжурским правительством.

Представленный ниже документ, по всей видимости, не является финальным вариантом инструкции для XIII РДМ, так как несёт на себе следы редакторской правки – на полях периодически встречаются пометки «переписать». В конце документа проставлена виза «верно», заверенная коллежским советником Заблоцким⁴, но редакторские метки, скорее всего, сделаны высшим руководством Азиатского департамента МИД – Я.А. Дашковым⁵ или Н.И. Любимовым⁶. Редакторские правки в основном касаются формулировок и некоторых деталей, связанных с финансами. Финальный вариант инструкции утверждался непосредственно Императором Всероссийским.

В первом пункте («Состав миссии») приводится штатная численность РДМ. Второй пункт («Смена прежней миссии») описывает функции пристава XIII РДМ, который сопровождал новую миссию в Пекин, а затем должен был вернуться в Россию с членами предыдущей XII миссии. Третий пункт («Главные обязанности начальника миссии») описывает круг обязанностей руководителя РДМ. Четвёртый пункт («Занятия духовные и воспитание албазинцев») посвящён ведению миссионерской работы в Китае. Пятый пункт («Занятия учебные») посвящён научной и учебной деятельности РДМ. Отдельный подпункт посвящён учёным трудам членов РДМ. В шестом пункте инструкции («Сношения с отечеством. Связи с китайцами и образ жизни») оговаривалось, что РДМ не менее четырёх раз в год отправляет в Азиатский департамент донесения, при этом пересылка всех документов должна происходить только официальным способом через Лифаньюань. Седьмой пункт инструкции («Внутренний порядок и Совет миссии») подробно описывал распределение полномочий в РДМ. Восьмой пункт инструкции («Порядок хозяйственный») посвящён экономическим вопросам управления РДМ. В нём же содержатся сведения о денежном довольствии миссионеров. Заключительный, девятый пункт («Награждения») подробно описывает награды и условия их получения членами РДМ.

На момент 1849 г. инструкция для руководства XIII РДМ заключала в себе значительный опыт предшествующих пекинских миссий. К сожалению, никакая инструкция не могла предусмотреть тех эпохальных событий, которые пришлось на момент пребывания XIII РДМ в Пекине. Функционирование миссии в непростых условиях Тайпинского восстания и Второй опиумной войны⁷ пришлось корректировать дополнительными документами, присылаемыми из России, а вместо предполагавшихся шести лет, XIII РДМ провела в Пекине десять лет.

⁴ Информацию об этой персоне отыскать не удалось. По Табелю о рангах чин коллежского советника относится к VI классу.

⁵ Яков Андреевич Дашков (1803–28.02(11.03).1872) – русский дипломат. В 1824 г. определён на службу в Коллегию иностранных дел. С 1848 по 1852 гг. – директор Азиатского департамента МИД. Умер в Стокгольме.

⁶ Николай Иванович Любимов (4(16).12.1811–20.08(1.09).1875) – русский дипломат. С 21 декабря 1828 г. работал в Азиатском департаменте МИД. 8 апреля 1840 г. назначен приставом для сопровождения XII РДМ. 18 февраля 1842 г. вернулся в Россию. 10 апреля 1843 г. назначен вице-директором Азиатского департамента.

⁷ Тайпинское восстание длилось с 1850 по 1864 гг. Вторая опиумная война длилась с 1856 по 1860 гг.

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ РУКОВОДСТВА ПЕКИНСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ⁸

I. Состав миссии⁹. Пекинскую духовную миссию составляют: Начальник ея, в сане архимандрита, два иеромонаха, один иеродиакон, и затем – шесть светских членов, или так называемых студентов миссии, в числе коих: один лекарь¹⁰, один студент для астрономических и магнитных наблюдений¹¹, и художник (посылаемый и ныне по примеру двух предшествовавших миссий)¹²; в числе же светских членов находится один, поступивший по избранию Иркутского Начальства и предназначенный, по возвращении из Пекина, на службу в Восточной Сибири¹³. Из светских членов двое, поступившие из [Петербургской] Духовной Академии, будут исправлять должность псаломщиков, при помощи иеродиакона и албазинских воспитанников¹⁴, считаясь впрочем в Государственной службе и сохраняя звание студентов и все права оному присвоенные.

Отдалённость местопребывания миссии от отечества поставляет первым и необходимейшим для членов ея долгом, – кроме повиновения Начальнику, – стараться поддерживать между собою согласие, доверие и любовь, как главные основания благоустройства и успехов во всех добрых начинаниях и трудах. Миссия должна представлять семейство, которого члены обязаны Начальнику всем возможным почтением и уважением, а Начальник, как глава сего семейства, во всем должен быть их попечителем и руководителем.

II. Смена прежней миссии. Для препровождения новой миссии в Пекин, а прежней в отечество назначен, по **Высочайшему** повелению, Пристав¹⁵, на коего возложены: распоряжения в пути (с оными все члены в точности должны согласоваться); доставление сумм на содержание новой миссии и всех нужных для нея вещей; прием от прежнего Начальника казенного имущества в Пекине; проверка и сдача оною в главное ведение нового Начальника, который в свое время должен донести Азиатскому департаменту как о подробностях своего водворения в Пекине, так и об исправном получении от Пристава миссии сумм и вещей и всего казенного там нашего имущества.

III. Главные обязанности Начальника Миссии. Одне из сих обязанностей относятся до дел духовных, состоящих главнейше в поддержании проживающих в Пекине албазинцев в православной вере, другия до учебной части и до прочих предметов внутреннего и хозяйственного управления. Всем сим занятиям и различным делам Начальник миссии должен давать ход и направление, согласные с правилами, здесь начертанными. – Наблюдая за успешным течением всех дел, за нравственностью лиц вверенной ему миссии и за учебной частию, которая составляет одну из важных его обязанностей, – он должен также иметь ввиду, что миссия и в других отношениях может соделаться полезным для Правительства орудием, а именно: она может способствовать, чрез ближайши

⁸ Лексика и пунктуация оригинала за исключением незначительных моментов сохранены.

⁹ Выделено для удобства.

¹⁰ Лекарем XIII РДМ был Стефан Иванович Базилевский (1822–3(15).09.1868). В Китае он занимался лечением сановников, собирал местные растения, переводил трактаты и оставил значительное рукописное наследие.

¹¹ Подразумевается Константин Андрианович Скачков (1821–14(26).03.1883).

¹² Художником XIII РДМ был Иван Иванович Чмутов (17(29).10.1817–31.03(12.04).1865). В Пекине он делал карандашные и акварельные рисунки из бытовой жизни, писал портреты, пейзажи и занимался иконописью.

¹³ Этим студентом стал Николай Иванович Нечаев (ум. 20.01(1.02).1853). Окончив Иркутскую гимназию, он служил в Иркутском губернском правлении. Присоединился к XIII РДМ в Кяхте в марте 1849 г. В миссии заведовал хозяйственной частью, изучал маньчжурский язык и законодательство эпохи Цин. Неожиданно скончался в Пекине.

¹⁴ Потомки казаков, пленённые китайцами в районе острога Албазин и увезенные в 1684 и 1685 гг. в Пекин.

¹⁵ Егор Петрович Ковалевский (06(18).02.1809–20.09(2.10).1868) – русский дипломат и путешественник. В 1851 г. подписал русско-китайский Кульджинский договор. В 1856 г. назначен директором Азиатского департамента МИД. Участвовал в разработке Айгунского договора 1858 г. С 1861 г. – сенатор и член совета МИД.

сношения с пекинским Трибуналом иностранных дел¹⁶ и чрез полезные в Пекине связи, к поддержанию и упрочению существующих с Китаем мирных и торговых сношений и утверждению взаимного доверия.

IV. Занятия духовные и воспитание албазинцев. Духовная наша паства в Пекине состоит не из одних только лиц, к миссии принадлежащих, но еще из общества, хотя немногочисленного, но исповедающего также православную веру, – а именно: из потомков тех албазинцев, которые за полтора с лишним века пред сим взяты были китайцами в плен, – что в последствии послужило поводом и к учреждению самой Пекинской миссии нашей. А потому обязанность Начальника ее по духовной части: пешись¹⁷ и о сих албазинцах, как о братьях наших по вере, требующих, по нахождению среди язычников, постоянного и бдительного внимания для поддержания их в христианском благочестии. Но при всех сих действиях, относительно веры, поставляется Начальнику миссии и духовным его сотрудникам за неперемнное правило воздержаться от всяких излишеств нескромной ревности, которая может возбудить подозрение и негодование китайцев и навлечь самые неприятные последствия для миссии. По сим же уважениям предписывается всем и каждому отнюдь не входить ни в какие сношения с европейскими миссионерами, тайно проживающими в Китае¹⁸.

Ограничиваясь по духовным делам утверждением албазинцев в православной вере, которая дозволена им самим китайским Правительством, миссия должна и в сем отношении более действовать путями кротости, увещаниями, примерами строгой жизни всех членов ее и вкоренением в албазинцев, простым и понятным языком, спасительных истин христианского учения. Для сего могут быть важным для нея пособием проповеди и поучительные слова в церквах, произносимые Начальником и духовными членами миссии, когда последние достаточно усовершенствуются в китайском языке, а также переводы некоторых молитвенных и назидательных книг, чем могут заняться вместе с Начальником духовные члены Миссии, по приобретении достаточных сведений в китайском языке, и воспользовавшись всем тем, что по сей части сделано предшествовавшими миссиями. Затем – важное обстоятельство, на которое миссия должна обратить свое внимание, есть самое воспитание детей помянутых албазинцев. Для сего устроена у нас школа в Пекине¹⁹, где обучаются они на нашем иждивении. На миссию возлагается обязанность поддерживать сие полезное учреждение, удел коего состоит во-первых: в утверждении албазинцев в истинных началах православной веры, которая легче может быть вкореняема в юные сердца, незараженные еще предрассудками язычества, и во-вторых: в извлечении из них возможной пользы для миссии и для дел ее в Пекине, дабы старания и попечения об них сугубо²⁰ для нас вознаградились. По сему последнему предмету главные желания Министерства иностранных дел состоят в том, чтобы некоторые из воспитанников, быв обучены церковному чтению и пению, могли не только прислуживать в церквах и петь на клиросах, но до некоторой степени отправлять и должность псаломщиков, хотя бы с каким-либо за таковые труды возмез-

¹⁶ Палата по управлению инородцами (кит. 理藩院). В соответствии с Кяхтинским трактатом, через *Лифаньюань* велась дипломатическая переписка с Россией. В источниках того периода инстанцию часто называли «Трибунал внешних сношений».

¹⁷ Заботиться.

¹⁸ Хотя запрет 1724 г. на исповедание католичества в империи Цин был частично ослаблен французско-китайским Хуанпуским трактатом от 24 октября 1844 г., но положение католических миссий в Китае по-прежнему оставалось весьма стесненным. В Петербурге опасались, что общение с представителями католиков и протестантов могло бы бросить тень на деятельность РДМ.

¹⁹ Школа (или училище) с пансионом для албазинских детей на северном подворье РДМ была открыта по инициативе руководителя X миссии (1821–1830 гг.), архимандрита Петра (в миру – Павел Иванович Каменский) (июнь 1765–17(29).05.1845).

²⁰ Полностью.

дием, для большего их к тому поощрения. Цель сия уже отчасти и достигнута стараниями двух последних миссий²¹ и нужно не ослабевать в подобных попечениях об албазинцах. А затем еще желательнее, чтобы из албазинских же воспитанников образовать, буде²² можно, род канцелярии для переписки некоторых текущих бумаг миссии, а также ученых трудов членом ее, – что могло бы быть для них некоторым облегчением. Начальник миссии должен вообще стараться об утверждении воспитания албазинских мальчиков на сих желаемых основаниях, не отягощая впрочем казны лишними и напрасными издержками и отнюдь не расстраивая подданных отношений албазинцев к китайскому Правительству. – Для обучения их закону Божию, русскому языку и чистописанию, а также для отправления службы в Успенской нашей церкви, при коей находится означенное училище, предоставляется Начальнику миссии отрядить туда на жительство одного из иеромонахов²³, по его выбору, снабдив его надлежащими наставлениями, а также одного или двух студентов, что будет зависеть от его усмотрения. – Из албазинских же воспитанников один состоял при лекаре прежней миссии в качестве гезеля²⁴, или ученика в помощь, для приготовления разных лекарств. Лекарю новой миссии предоставляется оставить его на предписанных основаниях, или же приготовить другого воспитанника для сей цели, с разрешения Начальника миссии. Равномерно предоставляется усмотрению Начальника назначить кого-либо из албазинских юношей в помощь тем членам миссии, которые будут заниматься составлением коллекций по части ботаники и зоологии, если найдет сие нужным, а также двух из албазинских же воспитанников в помощь для магнитных наблюдений, о чем будет подробно изъяснено ниже. – В Пекине находится училище русского языка²⁵, устроенное и содержимое китайским Правительством для детей маньчжуров. Полезно будет, если архимандрит по примеру предшествовавших членов Русской миссии, будет преподавателем в сем училище, или кто-либо из достойнейших членов, по его назначению, ибо сие могло бы послужить к большему сближению миссии с китайскими властями и с Трибуналом внешних сношений.

Богослужение в пекинских наших храмах Сретения Господня и Успения Пресвятой Богородицы, должно быть отправляемо, с подобающим торжеством, по крайней мере во все праздничные и воскресные дни, и в течении Великого поста. Начальник миссии обязан смотреть, чтобы члены миссии не уклонялись от исполнения обрядов, предписанных уставами нашей Церкви, каковое исполнение, разумеется, должно более или менее согласоваться с званием каждого (духовным или светским), и с местными обстоятельствами. В сем отношении, как и во всех других случаях, члены миссии должны служить примером для христианских своих собратий, албазинцев.

Министерство считает не лишним подтвердить при этом сколь необходимо также, чтобы в пекинских храмах наших было всегда поддерживаемо приличное благолепие и чистота, о чем Начальник миссии, без сомнения, приложит все должные старания и будет иметь неослабное попечение.

V. Занятия учебные. Часть учебная есть одна из важнейших, на которую Начальник миссии должен обращать постоянное и самое бдительное внимание, давая оной направле-

²¹ XI (1830–1840 гг.) и XII (1840–1849 гг.) РДМ.

²² Если.

²³ Изначально эту обязанность выполнял иеромонах Павел (в миру – Пётр Иванович Цветков (ок. 1820–27.11(9.12).1855), а после его смерти – иеромонах Евлампий (в миру – Елисей Михайлович Иванов (1822–1864).

²⁴ Гезель – от нем. *geselle* – подмастерье, товарищ. В Российской империи существовало одноимённое звание, подразумевающее помощника врача или аптекаря.

²⁵ Здесь и далее – подчёркивание сделано в рукописи. Училище русского языка при Дворцовой канцелярии (Нэй-гэ Элосы вэнь-гуань 內閣俄羅斯文館) было учреждено в 1708 г. для подготовки китайцев-переводчиков с русского языка и перевода посланий, приходивших из России и отправляемых туда. Архимандрит Палладий состоял в штате училища до завершения службы в составе XIII РДМ. См.: [Лапин, 2009, с. 74–75, 90, 110].

ние, согласно с инструкциями и принятой системой учения. Цель Правительства состоит в том: чтобы, во-первых, члены миссии возвратились из Китая с основательными познаниями в языках, нужных как в служебном, так и в ученом отношении; во-вторых: чтобы каждый из них, по той части, которую изберет для своих исследований, был в состоянии представить верные и точные сведения, из коих одни могут быть полезны для Правительства (в политическом, торговом, или промышленном отношении), другие – для наук и просвещения.

Таким образом учебные занятия членов миссии, по самому существу своему, разделяются на два рода: 1^е изучение языков; 2^е труды ученые и собрание всяких полезных сведений. По тому и другому предмету Министерство нужным считает преподавать здесь к руководству и исполнению следующие главные постановления:

По изучению языков: Первые годы пребывания в Пекине исключительно должны быть посвящены языкам: они составляют краеугольный камень, который должен служить основанием дальнейших успехов и трудов миссии по ученой части. К языкам китайскому, маньчжурскому и монгольскому прибавлен еще в последнее время тибетский, и на все даны нужные средства, как деньгами, так и вещественными пособиями.

По прибытии в Пекин первым старанием Начальника новой миссии будет: определить способных и благонадежных наставников в добавление к тем, которые назначены от китайского Правительства (в чем прежние члены могут дать полезные советы), – и затем распределить занятия между лицами новой миссии. Китайскому ученому языку должны учиться все члены, за исключением разве художника, которому нужен один разговорный язык. Изучение маньчжурского языка поставляется в неперемнную обязанность трем из светских членов, разумея тут и отправленного из Иркутска²⁶. Они должны знать сей язык так, чтобы могли свободно и со всею возможною точностью на оный переводить; ибо бумаги наши в пекинский Трибунал внешних сношений и к Ургинским²⁷ пограничным правителям²⁸ посылаются всегда с маньчжурскими переводами.

Лекарь Миссии и студент по астрономической части, как равно и все прочие лица, кроме помянутых трех членов, могут быть освобождены от изучения маньчжурского языка. Что же касается до языков монгольского и тибетского²⁹, то изучение оных будет зависеть от рода занятий, какие кто для себя изберет; весьма желательно однако же, чтобы и сим языкам некоторые из членов посвятили часть своих трудов во время пребывания их в Пекине.

Ученые труды: К ним Миссия, разумеется, приступит по приобретении уже достаточных познаний в языках. Но для правильного распределения сих трудов и вообще занятий по учебной части, должен быть прежде всего на месте составлен особый план учения, – что возлагается на обе миссии в совокупности, при участии Пристава. При составлении сего плана примутся во внимание и труды прежней миссии (Те же из сих трудов, которые могут послужить облегчением для новых членов в предлежащих им занятиях, должны быть им сообщены). Сей план учения представится, чрез Пристава, на утверждение Азиатского департамента и с оным уже следует в точности сообразовываться в дальнейшем ходе ученых занятий всех членов миссии.

В план учения должны входить исторические, географические, физические и статистические исследования о Китае и подвластных ему народов, труды по части филологии, исследования различных исповеданий; изучение образа правления и законодательства китайцев

²⁶ Маньчжурским языком в XIII РДМ занимались студенты Михаил Данилович Храповицкий (1816–4(16).11.1860), Николай Иванович Нечаев и Николай Иванович Успенский (1824–21.12(2.01).1850).

²⁷ Совр. Улан-Батор.

²⁸ Подразумеваются *амбани* (кит. *аньбань* 按班), которые формально являлись представителями Пекина при местных монгольских правителях, но фактически выполняли функцию генерал-губернаторов.

²⁹ Тибетский язык в XIII РДМ изучал иеродиакон Илларион (в миру – Михаил Григорьевич Оводов) (1827–11.04(08).1857).

и извлечение по сей части всего любопытнейшего и особенно объясняющего дух и систему их Правительства; также собрание всяких сведений по части сельского хозяйства, заводов и фабрик китайцев (по инструкции от Департамента сельского хозяйства³⁰); наблюдения и розыскания о их медицине, способах лечения, разных медицинских средствах и проч. (в чем главнейше должны состоять ученые занятия лекаря, независимо от практики). Ему же, и еще одному из светских членов, должно быть поручено составление коллекций по части естественной истории, сколько это будет возможно и совместно с другими их занятиями. Желательно еще, чтобы лекарь, который по роду своих занятий может иметь доступ даже в дома знатнейших китайцев, вел журнал всему, что заметит у них любопытного и заслуживающего внимания. Затем нужно также, чтобы он, по ознакомлении с китайским языком, и когда практика его несколько увеличится, доносил Начальнику миссии о сих практических своих занятиях, с объяснением кого из китайцев лечил, от каких болезней, с успехом или без успеха, и т.п. Сии донесения, или выписки из оных, должны быть представляемы Начальником миссии Азиатскому департаменту.

При прежней миссии в Пекине производились магнитные и другие наблюдения в особо устроенной небольшой обсерватории. Теперь предположено дать большее развитие сим наблюдениям, и для сего самую обсерваторию увеличить. Начальник миссии должен будет озаботиться скорейшим приведением сего в исполнение, по соглашению с Приставом миссии (которому в подробности известно сие дело), а также с Начальником прежней миссии. На устройство помянутой обсерватории предоставляется ему: из кассы миссии употребить до трех тысяч рублей серебром заимообразно. Когда же получится здесь донесение о том, сколько именно издержано на означенный предмет, – то делается распоряжение о возврате сей суммы из сметных сумм Министерства иностранных дел. Студент³¹ Скачков, на коего возложены все сии наблюдения, должен заниматься ими сколько возможно тщательно и с надлежащею точностью. В пособие ему можно назначить, как выше было упомянуто, двух албазинских воспитанников, с какою-либо за сие платою, отнеся сей расход на сумму, положенную на Албазинское училище, или же на сумму доходную, собираемую с имений наших в Пекине. Самые же наблюдения должны быть представляемы чрез Начальника миссии в Азиатский департамент, для сообщения здесь по принадлежности.

Занятия художника исключительно будут состоять в предметах, относящихся до его искусства. На него возлагается исправить в чем следует иконостас в Успенском нашем храме; а затем, независимо от трудов его на пользу миссии, коими можно делать одолжения нужным для нас лицам в Пекине, он должен стараться составить коллекцию всяких рисунков, для представления впоследствии Азиатскому департаменту.

При составлении выше изъясненного плана учения, в главное его основание должно быть поставлено: чтобы каждому из членов по возможности с точностью были определены его занятия, назначена часть, по которой исключительно должен он трудиться. Это – единственное условие для того, чтобы труды их и розыскания принесли пользу наукам и обогатили отечество полезными сведениями. До приступления же к сим ученым трудам необходимо, чтобы члены миссии заранее приготовили себя к оным посредством чтения разных полезных книг и сочинений о Китае, – филологических, исторических и т.п., – так же о Тибете, Монголии и проч., – дабы знать что уже сделано и на что обращено теперь главное внимание европейских ученых. Тогда самые их труды принесут сугубую пользу наукам и ученому миру. Таким образом, приобретаемые нужные предварительные сведения и

³⁰ Департамент в составе Министерства государственных имуществ Российской империи. Создан в 1845 г.

³¹ Начиная от этого слова до слов «с имений наших в Пекине» в рукописи на полях стоит вертикальная пометка с подписью «переписать». Здесь же стоит литера, напоминающая букву «N», которая встречается и далее. Не совсем ясно, что означает данная литера.

приступив к собственным исследованиям подлинных источников, – они будут в состоянии многое исправить, пояснить, дополнить, и вообще все представить в точнейшем и полнейшем виде. Для сего полезно также заняться переводом некоторых замечательных книг с китайского, маньчжурского и других языков, или сделать из них извлечения и присовокупить критические к оным замечания. – Обязанность Начальника миссии – наблюдать вообще за всем порядком и ходом учения, помогая каждому из членов советами своими и опытностью, одобряя их в нужных случаях и благоразумными внушениями, не допуская с их стороны нерадения.

Все лица, как духовные, так и светские, составляющие миссию, обязаны в конце каждой трети года представлять Начальнику отчеты в своих занятиях, о которых он в подробности будет доносить Азиатскому департаменту, с нужными объяснениями и с присовокуплением засвидетельствования об успехах каждого. Из сего порядка не исключается и студент, поступивший из Иркутска, коего и отчеты по учению должны быть представлены никому другому как Начальнику же миссии. Вообще никто из членов непосредственных сношений с учеными обществами, ни с иными местами, мимо своего начальства иметь не должен.

Министерство вообще надеется, что члены миссии, как духовные, так и светские, приложат все старания, дабы по сей учебной части, как важнейшей для них и почти исключительной, исполнить ожидания Правительства и тем самым соделаться достойными предобещанных наград.

VI. Сношения с отечеством. Связи с китайцами и образ жизни. Дабы Азиатскому департаменту быть в постоянной известности о ходе всех дел наших в Пекине и снабжать миссию нужными наставлениями, вменяется в обязанность Начальнику ее представлять сюда, поколику³² возможно, подробные донесения и отчеты по всем частям управления. Необходимо, чтобы он доносил не менее четырех раз в год в установленные Департаментом сроки, посылая свои донесения не иначе, как по заведенному порядку, чрез Трибунал внешних сношений, ибо всякий иной способ может подвергнуть миссию величайшим неприятностям, и потому строго воспрещается.

Миссия должна также поддерживать добрые связи с Трибуналом и с другими полезными для нас лицами, что во многом может облегчить ее действия и устранять всякие для нее неприятности. На поддержание таковых полезных связей и знакомств в Пекине, отпущены миссии в достаточном количестве разные вещи, а также имеется особая, по штату положенная, подарочная сумма. Посылка подарков вещами или деньгами вообще зависит от ближайшего усмотрения Начальника миссии. Расход же оным (как вещам, так и подарочной сумме) должен делаться на том самом основании, как вообще разным суммам миссии, и вносится таким же порядком в особую шнуровую книгу; а подробные³³ выписки из сей книги, за подписанием как Начальника, так и всех членов Совета миссии, должны представляться в Азиатский департамент. Если кто-либо из членов с своей стороны полагал бы иногда нужным и полезным для дел миссии (учебных или других) одарить кого-либо в Пекине, то он может представить о сем на благоусмотрение Начальника миссии, но отнюдь не имеет права требовать непременно исполнения его представления, что будет совершенно зависеть от усмотрения Начальника, который, или удовлетворяет подобную просьбу, или же вносит оную в Совет миссии, – и в таком случае поступается на общих правилах, положенных в статье VII, для дел, рассматриваемых в помянутом Совете.

К поддержанию же и упрочению нужных для нас в Пекине связей, могут быть полезными орудиями: лекарь миссии и художник. Чрез труды их миссия может оказывать разные услуги и одолжения китайским сановникам и другим лицам, расположение коих может

³² Поскольку.

³³ От этих слов до слов «в Азиатский департамент» на полях проставлена фигурная скобка с пометкой «N».

быть для нас важно и полезно. Лекарь особенно может принести пользу своим искусством и поддержанием того доверия, которое приобретено нашими врачами в Пекине. Но для сего он должен в лечении китайцев поступать с особенною осторожностью и осмотрительностью и, так сказать, с внутренним убеждением в успехе своего дела, во избежание каких-либо нареканий и даже неприятных последствий для самой миссии. В сем отношении прежний лекарь может дать ему полезные советы, – основанные на опыте.

Во всех подобных услугах, оказываемых с нашей стороны туземцам, первым и постоянным правилом должно быть, чтобы оные, равно как и подарки, делались не по каким-нибудь частным расчетам и личным видам, а единственно для пользы службы, для успешнейшего течения всех дел наших в Пекине. Сему правилу неотменно должны следовать как лекарь в практических занятиях, так и прочие лица, руководствуясь во всем советами и указаниями Начальника миссии и отнюдь оных не преступая.

Что касается до образа жизни в Пекине всех членов миссии, то нет, кажется, надобности повторять сколь необходимо чтобы все они, от первого до последнего, старались поведением своим и благородными поступками вселять в китайцах доброе о себе мнение и уважение к имени русскому. В сем отношении, как и во всех других, Начальник миссии необходимо должен наблюдать с неусыпным вниманием за поведением своих подчиненных, отвращая, и отеческими внушениями и силою данной ему власти, – всякие поводы и случаи к соблазнам, ссорам или иным поступкам, несогласным с правилами нравственности, а также к знакомствам, для них предосудительным и вредным. Малейшее отступление от сих правил подвергнет виновного строгому взысканию.

Всем членам миссии предписывается также величайшая осторожность в обращении и во всех сношениях с китайцами и вообще с иностранцами, – осторожность не только в действиях, но в самых разговорах. Они всегда должны помнить, что иногда один шаг, одно необдуманное слово, может поставить всю миссию в неприятное положение. Даже пред своими слугами всякий должен вести себя с возможною осторожностью.

Для вящего же избежания всяких неприятностей, Начальнику миссии вменяется в обязанность, чтобы не только он сам, но и никто из принадлежащих к миссии, не заводил с китайцами никаких тяжб и никаких торговых оборотов, или иных денежных дел; чтобы все довольствовались назначенным жалованием и содержанием; чтобы все нужное было покупаемо на чистое серебро и никто не дозволял бы себе ни мены, ни продажи какого бы то ни было рода.

Начальнику миссии поставляется также в непрременную обязанность, чтобы из казенного имущества ничто, без точного разрешения высшего Начальства, не было ни продаваемо, ни обмениваемо, ни закладываемо. В отношении же к покупкам каких-либо имений (пахотных земель, огородов, и т.п.) на что отпущена миссии особая сумма, – он должен поступать на точном основании преподанных о сем прежней миссии правил (изложенных в предписании Азиатского Департамента от 11го ноября 1842 года, № 3141)³⁴.

За тем, как сказано было в начале сей инструкции, все и каждый должны стараться поддерживать и сохранять взаимное согласие, доверие и любовь, как залог истинного для всех спокойствия и прочных успехов.

VII. Внутренний порядок и Совет миссии. По прибытии новой миссии в Пекин, Начальник ея имеет, по своему усмотрению, определить членов оной к разным должностям по внутреннему управлению миссии, – для успешнейшего течения дел ея и для общей пользы всего братства. Старший из иеромонахов назначается помощником Начальника миссии³⁵, в случае тяжкой болезни последнего, заступает его место. Другой иеромонах имеет

³⁴ В этом месте на полях рукописи карандашом проставлен знак вопроса.

³⁵ Помощником архимандрита Палладия, скорее всего, был иеромонах Павел.

исправлять должность казначея³⁶. Сверх того, оба они, а также лекарь миссии и студент по астрономической части назначаются членами Совета миссии, в коем Начальник будет председателем, иеродиакон докладчиком, а прочие студенты письмоводителями. В сем Совете подаются голоса только Начальником, иеромонахами и двумя светскими членами Совета; все же прочие не участвуют в рассуждениях оного.

В Совет поступают все дела миссии, выходящие более или менее из обыкновенного круга ее действий, и все те, которые Начальник миссии сочтет нужным туда внести; также дела о наградах и наказаниях и т.п. Дела в Совете решаются по большинству голосов. Начальник, как председатель, имеет два голоса, и даже в таком разе, когда оба иеромонаха и светские члены противного мнения, – исполнение может делаться согласно с его мнением; но о том, при первом случае, доносить Азиатскому департаменту, с представлением списка с журнала за общию подписью (В сем журнале, с мнением большинства членов Совета должно быть изложено и противное мнение в подробности). Голоса в Совете должны подаваться членами с приличною скромностью, со всем должным почтением и уважением к Начальнику. Если кто-то по какому-нибудь делу не согласен с мнением Начальника, то может подать свой голос письменно, для отвращения и малейшего даже повода к неуместным спорам, которые строго воспрещаются. Журналы Совета вносятся в особую шнуровую книгу, которою снабдит миссию Азиатский департамент. Из сих журналов Совета должны также представляться краткие выписки Департаменту за общим подписанием членов, дабы оный мог яснее видеть течение всех дел миссии³⁷; по делам же более важным могут быть представляемы и копии с журналов. Совету сохраняется **Высочайше** дарованное право: студентов миссии каждые три года или более, по его удостоению, – за ревностную и беспорочную службу, – награждать чинами до Титулярного советника³⁸ включительно; о производстве же их в высшие за тем чины, по уважению отличных трудов, Совет обязан представлять Министерству иностранных дел. Равным образом он имеет тем же путем входить с представлением о вознаграждении особенных заслуг, кои будут оказаны духовным членам миссии.

Если же кто из членов миссии замечен будет в предосудительном поведении, и увещательные средства, Начальником употребленные, как то: внушения, замечания, домашние выговоры и т.п. останутся без действия, то, по его предложению, Совет должен усмирять такового: сначала выговором, сделанным в общем оного присутствии, потом арестом, или уменьшением жалованья и подобными другими исправительными мерами, с донесением обо всем Начальству. Таковые налагаемые Советом меры взыскания вносятся в журналы или протоколы оного и отмечаются уже в формулярных списках. Наконец если и сии меры к исправлению окажутся тщетными, или же в случае какого-нибудь проступка особенной важности, предоставляется Совету выслать виновного в Россию для примерного наказания. Из вышесказанного порядка взыскательности не исключаются сами иеромонахи и светские члены Совета миссии (Правительство напротив требует в отношении к ним еще большей строгости, ибо они как старшие, должны служить для других примером и трудолюбия, и нравственности). Излагая все сие как необходимые правила в настоящей инструкции, в которой всякие случаи должны быть по возможности предусмотрены, – Министерство остается однако же уверенным, что члены миссии, проникнутые каждый своим долгом и одушевленные желанием оправдать надежды Правительства и заслужить его внимание,

³⁶ Казначеем XIII РДМ был иеромонах Евлампий.

³⁷ От слов «Из сих журналов» до этого места на полях рукописи стоит круглая скобка и сделана метка карандашом – «N».

³⁸ В этом месте на полях рукописи стоит метка карандашом: «N Объяснить». По Табелю о рангах – гражданский чин IX класса. Подробнее о присвоении чинов в РДМ см.: [Куликов, 2020, с. 139–152].

никогда не доведут себя до подобных мер строгости, помня всегда, что чрез оные могут лишиться себя всех наград и преимуществ, предоставленных токмо достойным членам Пекинской миссии.

VIII. Порядок хозяйственный. К непосредственной обязанности Начальника миссии относятся и попечения о хозяйственных делах оной; на каковый конец излагаются здесь также некоторые правила:

1. **Высочайше** утвержденное прилагаемое расписание о жалованье и других расходах миссии³⁹, должно быть основанием производства оных. У сего же следуют пять шнуровых книг для записки отпущенного на содержание и расходы миссии серебра, которое, по сдаче оного в Пекине Приставом, имеет быть поставлено и хранимо в церкви⁴⁰ за печатями: Начальника миссии, помощника его и казначея. Сей последний должен всякую выдачу серебра на жалованье и другие потребности, в расписании означенные, производить не иначе как по письменным приказаниям Начальника. Он хранит их при кассе, как нужнейшие документы, записывая всякую выдачу в установленную шнуровую книгу. В начале же каждого месяца Совет миссии приглашается свидетельствовать шнуровые книги, прочие документы и наличное серебро; количество сего наличного по каждой книге серебра тут же заверяется подписью всех членов Совета миссии. О таких свидетельствах кассы доносится чрез каждые три месяца в установленные для сношений сроки Азиатскому департаменту.

2. По расписанию положено на стол, отопление и освещение для всей миссии пять тысяч рублей серебром в год, – каковая сумма делится поровну между всеми членами миссии. Если от сей суммы будут остатки за выбытием кого-либо из членов в Россию, или за смертью, – то остатки сего рода, в отмену доселе⁴¹ существовавшего порядка, должны причисляться к прочим казенным остаткам сумм миссии. Но если будет оказываться кака-либо по сей статье экономия, то она обращается уже в пользу членов миссии.

3. По тому же расписанию положено тысячу рублей серебром в год Начальнику и членам миссии на наем служителей и содержание экипажей. Сумма сия должна распределяться таким образом: 325 рублей серебром Начальнику, а остальные 675 рублей всем прочим девяти членам миссии поровну; за сим прекращается уже отпуск⁴² особо положенных 250 рублей серебром на экипаж лекаря миссии.

4. Для членов прежней миссии с **Высочайшего** разрешения, положено было на летние выезды по четыре фунта серебра каждому на лето, а Начальнику по восьми фунтов. Сие положение и для новой миссии остается в своей силе, с отнесением сего расхода на остатки от штатных статей миссии, или же на доходную сумму, собираемую с имений наших⁴³ в Пекине⁴⁴.

5. Миссия обязана стараться о преумножении доходов с монастырских пашен и домов и со всех имений наших в Пекине⁴⁵, а также о содержании их в хорошем положении и исправности. Поступающие⁴⁶ же с оных имений суммы должны быть записываемы в шнуровую книгу приходом и употребляемы на починки и постройки в двух пекинских

³⁹ На полях сделана пометка карандашом – «N».

⁴⁰ Подразумевается Сретенская церковь на южном подворье РДМ.

⁴¹ На полях сделана пометка карандашом: «Не верно[,] возвратит к прежнему порядку».

⁴² От слов: «325 рублей» до этого места на полях рукописи проставлена фигурная скобка и сделана пометка «N».

⁴³ Вопрос о недвижимом имуществе РДМ требует более подробного изучения, но по некоторым архивным данным, в 1849 г. РДМ располагала семью участками земли за пределами Пекина и двенадцатью домами в столице и её окрестностях, часть которых сдавала в аренду.

⁴⁴ Рядом с этим пунктом на полях рукописи карандашом написано: «Переписать» и «А если остатков не будет?».

⁴⁵ На полях рукописи сделана пометка карандашом: «Нет списка».

⁴⁶ Начиная от этого слова и до конца пункта на полях рукописи проведена вертикальная пунктирная линия с надписью: «Переписать».

наших подворьях и в церквях, и на другие чрезвычайные надобности миссии. – Починки и постройки, не требующие больших издержек, могут быть делаемы без разрешения высшего начальства, но об оных должно быть предлагаемо Совету миссии и решаемо на основании правил, изложенных в ст. VII. Если же предстоящий расход по починкам и по стройкам превышает пятьсот рублей серебром, то мнение об оных Совет миссии представляет на дальнейшее рассмотрение и решение Министерства иностранных дел, исключая особых случаев, не требующих отлагательств.

6. Если от прежней миссии окажутся некоторые от штатных сумм ее остатки, то сии остатки, по примеру как сделано было для прежней миссии, оставить в Пекине на могущие быть чрезвычайные расходы по постройкам ли и починкам, или по каким-либо другим предметам, с разрешения Азиатского департамента. Сумма сия будет называться общее остаточную.

7. Недостаток⁴⁷ по каким-либо статьям расходов, относящихся собственно до надобностей миссии, определенных в расписании расходов ее, может быть пополняем остатками от других же статей (не выходя однако же из годовой по оным статьям). А затем вообще весь остаток, который окажется от штатных сумм миссии в течение каждого года, присовокупить к общей остаточной сумме, о коей изъяснено выше в п. 6^м.

8. Из всех расходных шнуровых книг Начальник миссии имеет представлять Азиатскому департаменту краткие выписки по истечении каждого года. Сии выписки должны быть за подписью всех членов Совета миссии.

IX. Награждения⁴⁸.

1. Начальник миссии или архимандрит, если он в точности исполнит возложенные на него обязанности и ожидания Правительства, – по возвращении в отечество, на основании **Высочайшего** повеления, состоявшегося в 7^м день февраля 1848 года, получает пенсию до тысячи двухсот рублей серебром в год по смерть. Сверх того, Министерство иностранных дел озабочивается, по сношению с Духовным начальством, об устройстве его положения в России.

2. Пенсия для прочих членов миссии, как духовных, так и светских на основании того же Высочайшего повеления, полагается трех разрядов: высший разряд оной составляет пятьсот рублей серебром в год; средний четыреста рублей, а низший триста рублей серебром в год. Для определения же ее постановлены следующие правила:

а) необходимым условием для получения пенсии должно быть, чтобы каждый член выжил в Пекине весь положенный шестилетний срок, при похвальном и беспорочном служении; а затем – представил бы также, по возвращении в отечество, опыты своих ученых трудов и розысканий, – опыты, могущие служить свидетельством успехов каждого в ученых занятиях и в изучении языков.

б) Что касается до художника, то принимая в уважение особую цель его посылки, состоящую в оказании услуг, нужным для нас в Пекине лицам и в поддержании там полезных для миссии связей, – от него, по этой причине, не будет требоваться никаких ученых занятий; но он (независимо от пользы для дел миссии, какую может оказать в Пекине своим искусством) – должен, по возвращении, представить свои труды по живописи, которые служили бы вящим доказательством его усердия и деятельности во время пребывания в Пекине.

в) Ученые труды членов миссии будут рассматриваться в особой комиссии при Азиатском департаменте, составленной по назначению Министерства. Помянутая комиссия, состоя

⁴⁷ Рядом с седьмым подпунктом на полях рукописи проставлена пунктирная вертикальная линия и сделана пометка: «Переписать».

⁴⁸ В рукописи слово «Награждения» перечёркнуто и вместо него карандашом написано «Выписка из Высочайше утвержденной инструкции Начальнику Пекинской духовной миссии».

преимущественно из людей специальных по китайской части, должна удостовериться и в степени знаний каждого в языках; коим обучались в Пекине.

г) Засвидетельствования Начальника миссии о поведении каждого из членов, о пользе, оказанной во время пребывания в Пекине и т.п., – будут приниматься при этом в особенное уважение.

д) Сообразно сим отзывам Начальника миссии и сообразно достоинству рассмотренных здесь трудов, будет назначаться членам миссии, духовным и светским, та или другая пенсия (высшая, средняя или низшая) по сем будет от Министерства иностранных дел представляемо на окончательное утверждение **Его Императорского Величества**.

3. Независимо от пенсии, иеромонахи, по возвращении, производятся в архимандриты, с определением к высшему месту, или же с оставлением в ведомстве Министерства иностранных дел, если Министерство найдет сие нужным. Иеродиакон, кроме также пенсии, может быть удостоен еще особой награды Духовным начальством и тоже, по усмотрению, быть оставлен в ведомстве Министерства иностранных дел.

4. Студенты, во время пребывания в Пекине, получают, по удостоению Совета миссии, через три года или более, как того заслуживать будут, награждения чинами, до Титулярного советника включительно, а в высшие за сим чины производятся сообразно постановлению, изъясненному выше в статье VII; по возвращении же в Россию, по окончании срока пребывания их в Пекине, они, кроме пенсий, каких будут заслуживать, производятся также в чин, следующий за тем, в коем каждый из них возвратится, и определяются, по распоряжению Министерства иностранных дел, к местам, соответственным сему чину и их способностям. Отличнейшие же по познаниям, оказанным трудам и поведению, могут быть еще награждаемы орденскими знаками.

Всякий из членов миссии, кто, по отзыву начальства, своими поступками в Китае, нанесет бесчестие и имени Русскому, или не пробудет при миссии положенных шести лет, или же по истечению оных, возвратится в отечество, не оказав желаемого успеха, – лишается права на получение вышеозначенных наград.

Сия инструкция, как содержащая правила к наблюдению для всей Пекинской миссии, должна быть объявлена всем лицам к оной принадлежащим.

Верно: коллежский советник Заблоцкий

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [AVPRI – Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Архимандрит Авраамий. Краткая история русской православной миссии в Китае. *Бэй-гуань: краткая история Российской духовной миссии в Китае*. Сост. Б.Г. Александров. М.–СПб.: Альянс-Архео, 2006 [Archimandrite Abraham. A Brief History of the Russian Orthodox Mission in China. *Bei-Guan: A Brief History of the Russian Spiritual Mission in China*. Comp. B.G. Alexandrov. Moscow, Saint Petersburg: Alliance Archeo, 2006 (in Russian)].

Барановский М. Пекинская духовная миссия (из деятельности царской России в Китае). *Атеист*. 1930. № 49. С. 10–35 [Baranovsky M. Beijing Ecclesiastical Mission (from the Activities of Tsarist Russia in China). *Atheist*. 1930. No. 49. Pp. 10–35 (in Russian)].

Инструкция МИД начальнику 13-ой Российской Православной духовной миссии архимандриту Палладию (Кафарову). 1849. *АВПРИ*. Ф. СПб., главный архив, I-5, оп. 4, г. 1823, д. 1 (п. 54), л. 3–27 об.

Копия [Instructions of the Ministry of Foreign Affairs to the Head of the 13th Russian Ecclesiastical Spiritual Mission, Archimandrite Palladius (Kafarov). 1849. *AVPRI*. Fund SPb., main archive, I-5. Inv. 4. 1843. Case 1(54). Pp. 34–35. The Copy. (in Russian)].

Куликов А.М. Клятва Пекинской миссии (о приведении к присяге участников XIII Российской духовной миссии в Пекине). *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2020. № 2. С. 139–152 [Kulikov A.M. Oath of the Beijing Mission (Put on Oath Participants of the 13th Russian Ecclesiastical Mission in Beijing). *Bulletin of the Moscow University. Series 13: Oriental Studies*. 2020. No. 2. Pp. 139–152 (in Russian)].

Лапин П.А. *Первая школа русского языка в Китае*. М.: Вост. лит., 2009 [Lapin P.A. *The First Russian Language School in China*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2009 (in Russian)].

Ломанов А.В. Российская духовная миссия в Китае. *Духовная культура Китая: энциклопедия*. Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 2. Мифология. Религия. М.: Восточная литература, 2007. С. 332–352 [Lomanov A.V. Russian Spiritual Mission in China. *The Spiritual Culture of China. Encyclopedia*. Vol. 2. Mythology. Religion. Ed. by M.L. Titarenko Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. Pp. 332–352 (in Russian)].

Скачков П. Е. *Очерки истории русского китаеведения*. М.: Наука, 1977 [Skachkov P. E. *Essays on the History of Russian Sinology*. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЛИКОВ Андрей Михайлович –
кандидат исторических наук,
доцент Департамента иностранных языков
и межкультурной коммуникации Финансового
университета; научный сотрудник Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Andrey M. KULIKOV, PhD (History),
Associate Professor at the Department of Foreign
Languages and Intercultural Communication,
Financial University, Moscow; Research Fellow,
Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow,
Russia.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080014407-4

Для цитирования: Серегин Н.Н. [Рец. на:] *Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики*. Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука – Вост. лит., 2019, 503 с. ISBN 978-5-02-039849-8. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 259–262. DOI: 10.31857/S086919080014407-4

For citation: Seregin N.N. [Review of:] *Nomadic Empires of Eurasia: Features of Historical Dynamics*. Eds.: B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Moscow: Nauka – Vostochnaia Literatura, 2019, 503 p. ISBN 978-5-02-039849-8. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 259–262. DOI: 10.31857/S086919080014407-4

КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ ЕВРАЗИИ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ. ОТВ. РЕД. Б.В. БАЗАРОВ, Н.Н. КРАДИН.
М.: Наука – Вост. Лит., 2019. 503 с. ISBN 978-5-02-039849-8

© 2021

Н.Н. СЕРЕГИН ^а

^а – Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
ORCID: 0000-0002-8051-7127; nikolay-seregin@mail.ru

История и археология кочевников Евразии уже достаточно давно и обоснованно считается отдельным направлением исследований со своей обширной историографией, особым инструментарием и устойчивой тенденцией к реализации комплексного подхода. Важной характеристикой данного направления является постоянно расширяющаяся источниковая база, что требует периодического обновления и корректировки сложившихся представлений, в том числе в формате обобщающих работ. Именно такой труд подготовлен коллективом авторов под руководством Б.В. Базарова и Н.Н. Крадина.

Как справедливо указано в аннотации монографии, в ней «излагаются особенности экономики, общественной структуры, институтов власти, административно-политического устройства 17 кочевых и полукочевых крупных держав от скифов до джунгар и маньчжуров». Подобные масштабные обзоры не являются оригинальным явлением в отечественной историографии. Однако своевременность обобщения несомненна – любая публикация такого рода будет даже «запаздывать», учитывая динамику развития представлений о различных аспектах истории кочевников в последние десятилетия.

Ставя основной целью работы «проследить историческую динамику кочевых империй начиная с классической древности вплоть до рубежа раннего Нового времени» (с. 5), авторы монографии даже несколько выходят за рамки традиционных представлений о существовании собственно кочевых империй, приступая к изложению специфики социально-политических объединений со Скифской державы. Вместе с тем, учитывая современный уровень понимания историко-культурных процессов в отдельных регионах (прежде всего, во Внутренней Азии и главным образом на основе археологических материалов), в круг рассматриваемых общностей следует включить отдельные культуры периода поздней

бронзы и «раннескифского» времени, хорошо известные, прежде всего, по результатам раскопок в Алтае-Саянском регионе, Монголии и Синьцзяне. Эти объединения (к примеру, «культура херексуров и оленных камней», алды-бельская культура и др.) также не являются кочевыми империями в классическом понимании данного термина, но учитывая целый ряд характеристик (обширная территория распространения, сложившиеся политические и сакральные центры, распространение масштабных погребальных и культовых сооружений, универсальность символических систем и др.), их следует признать политическими организмами высокого уровня.

Ограниченный объем рецензии не позволяет подробно рассмотреть все разделы монографии. Однако нет сомнений в том, что данная книга, включающая 20 глав, изложенных на более 500 страниц, еще станет предметом детального обсуждения с участием многих специалистов. Представим некоторые соображения по отдельным блокам книги, демонстрирующим различные аспекты современных историко-археологических исследований обществ кочевников Евразии.

Концептуальным разделом монографии является глава, посвященная характеристике природно-климатических условий Внутренней Азии в контексте историко-культурных и социально-экономических факторов, способствовавших формированию и трансформациям объединений кочевников (с. 22–47). Очевидно, данная часть книги, подготовленная Ю.И. Дробышевым, развивает ключевые положения вышедшей ранее монографии данного автора. Можно констатировать исчерпывающий характер приведенной информации, предполагающей сопоставление географических данных со сведениями письменных источников. Выход на следующий уровень подобных реконструкций, который следует ожидать в ближайшие десятилетия, связан с реализацией междисциплинарных исследований, основанных на применении методов естественных наук при анализе материалов раскопок археологических памятников. Значительные перспективы в этом отношении связаны с изучением поселенческих и городских комплексов, демонстрирующих одну из сторон системы жизнеобеспечения населения Внутренней Азии. Кроме того, именно при исследовании археологических объектов появляются возможности на качественно новом уровне рассматривать особенности реализации кочевого скотоводческого хозяйства в разных ландшафтных зонах обширного пояса степей Евразии, реконструировать влияние стихийных бедствий и других катаклизмов на исторические процессы.

Сложно представить любое серьезное обобщение по истории кочевников Евразии без рассмотрения первой «классической» кочевой империи Хунну. В рецензируемой монографии раздел, посвященный данному политическому объединению (с. 75–92), подготовлен Б. Миллером, который сделал акцент на анализе особенностей взаимодействия имперской аристократии и провинциальных элит, а также специфике иерархии и характере власти. Значительный интерес представляет приведенное автором главы (с. 81–82) объяснение феномена, который занимает многих археологов в последние десятилетия в контексте крупнейших археологических открытий, связанных с раскопками «элитных» погребальных комплексов Хунну. Речь идет о некотором несоответствии между исторической ситуацией, фиксируемой китайскими источниками (упадок хуннуского общества, начавшийся уже в I в. до н.э.), и грандиозностью сооружений этого периода, обнаруженных в ходе раскопок на территории Северной Монголии и Забайкалья. На наш взгляд, в этом плане большое значение имеет продолжение работы по детализации хронологии археологических памятников Хунну – как рядовых, так и «элитных» комплексов, основанной на радиоуглеродном датировании значительного объема материалов. Подобные изыскания актуальны как для центра империи, так и для периферийных территорий, материалы которых позволяют расширить представления о контексте взаимодействия с окраиной.

Другое парадоксальное несоответствие письменных и археологических источников вынужден был констатировать Ю.И. Дробышев, отметив, что «памятники культуры жуаньжуаней считаются пока не обнаруженными» (с. 139). Действительно, история кочевников Монголии второй четверти 1-го тыс. н.э. до сих пор основывается на сведениях китайских хронистов, свидетельствующих о существовании сложного политического объединения – Жужаньского каганата. Вместе с тем, активизация археологических исследований в обозначенном регионе не только позволяет рассчитывать на заполнение этой лакуны в обозримом будущем, но уже предоставляет некоторые возможности для заключений. В последние десятилетия силами монгольских археологов в разных частях страны раскопана небольшая, но довольно показательная серия объектов, главным образом погребальных памятников, датируемых в рамках IV–VI вв. (комплексы Урд Улаан Унээт, Худгийн Хазан, Талын гурван хэрэм, Баруун Хайрхан, Хох нуур и др.). Эти материалы демонстрируют высокую степень вариабельности показателей обрядовой практики, а также обширные контакты населения данного периода в различных направлениях. К примеру, широкие аналогии обнаруженным предметам имеются в памятниках кочевников Алтае-Саянского региона и Забайкалья, а также комплексах сяньби и когуре Восточной Азии. Кроме того, отчетливо выделяются западные связи, очевидно, отражающие сложные миграционные процессы эпохи Великого переселения народов. В целом немногочисленные памятники Монголии жужанского времени уже сейчас подтверждают исторический контекст данного периода, детально представленный Ю.И. Дробышевым в соответствующем разделе рецензируемой монографии (с. 133–142). Археологические материалы показывают, что объединение жужаней представляло собой неоднородный социум, включавший различные группы населения, характеризовавшиеся вариабельностью материальной и духовной культуры и на довольно непродолжительное время объединенные в составе каганата. Вероятно, в ходе последующего расширения имеющейся источниковой базы станет возможным выделение конкретных традиций обрядовой практики каждой из групп и рассмотрение особенностей их происхождения и исторических судеб в процессах становления и эволюции общностей кочевников раннего Средневековья.

Наследие жужаней при формировании политической системы тюрков закономерно было отмечено С.А. Васютиным – автором раздела монографии, в котором представлена развернутая характеристика процессов генезиса и трансформаций объединения номадов, создавших крупнейшие империи Евразии во второй половине 1-го тыс. н.э. (с. 166–199). В данной главе детально рассмотрены имеющиеся сведения письменных источников об особенностях военно-административной структуры держав кочевников в центре и на периферии в контексте конкретных событий истории региона. Традиционно для данного периода большое внимание уделено проблемам изучения титулатуры тюрков, а также демонстрации сложной политической иерархии и специфики взаимодействия уровней власти в различные периоды. Важным, хоть и отчасти дискуссионным, представляется заключение о том, что в рамках Первого каганата «только институты, связанные с управлением оседлым населением, можно рассматривать как потенциальные элементы государственности» (с. 176). Особое внимание автор раздела обратил на социальную систему, сложившуюся в империях, созданных тюрками. Подчеркнем, что сильной стороной данной главы является постоянное обращение к динамике всех элементов сложных империй кочевников, не находившихся в статическом состоянии, а трансформировавшихся под влиянием как внешних, так и внутренних факторов.

Именно концептуальной характеристике динамики кочевых империй Евразии в целом посвящен заключительный раздел книги (с. 421–441). Ее автор Н.Н. Крадин обратил внимание на то, что экономическая основа обществ номадов (собственно говоря, кочевое ско-

товодство, дополняемое зачатками земледелия) практически не менялась (с. 422 и далее). Обратим внимание на то, что и в данном случае возможности детализации и корректировки сложившихся представлений об особенностях системы жизнеобеспечения населения обширного региона связаны с междисциплинарными исследованиями, основанными на анализе археологических материалов. Важным представляется заключение о нелинейности разноплановых трансформаций кочевых империй.

Нет сомнений в том, что авторы монографии достигли желаемого – очевидно, книга будет «способствовать активизации изучения империй Великой степи и внесет свой вклад в обсуждение дискуссионных вопросов этой актуальной и важной темы» (с. 8). На субъективный взгляд рецензента, в значительной степени объясняемый его специализацией, следующее подобное обобщение должно иметь название «Археология кочевых империй Евразии». Огромный потенциал развития данной тематики, обусловленный как постоянно растущим объемом источниковой базы, так и масштабом междисциплинарных исследований, реализуемых в различных научных центрах в настоящее время, определяет актуальность сведения воедино хотя бы части накопленного обширного опыта. Выход на качественно новый уровень реконструкций истории кочевых империй связан именно с этим направлением исследований.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРЕГИН Николай Николаевич –
д.и.н., заместитель проректора по научному
и инновационному развитию ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет»,
Барнаул, Россия.

Nikolai N. SEREGIN, DSc (History),
Deputy Vice-Rector for Scientific and Innovative
Development, Altai State University, Barnaul,
Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014199-5

Для цитирования: Садовская Л.М., Фахрутдинова Н.З. [Рец. на:] Рыбалкина И.Г. *Семейно-брачные отношения в странах Северной Африки*. Москва: ИАФР РАН, 2019, 190 с. ISBN 978-5-91298-242-2. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 263–268. DOI: 10.31857/S086919080014199-5

For citation: Sadovskaya L.M., Fakhrutdinova N.Z. [Review of:] Rybalkina I.G. *Family and Marriage Relations in North African Countries*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019, 190 p. ISBN 978-5-91298-242-2. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 263–268. DOI: 10.31857/S086919080014199-5

РЫБАЛКИНА И.Г.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ.

Москва: ИАФР РАН, 2019, 190 с. ISBN 978-5-91298-242-2

© 2021

Л.М. САДОВСКАЯ^{a, b}, Н.З. ФАХРУТДИНОВА^{a, c}

^a – Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b – lubowsadowskaya@yandex.ru,

^c – fakhrutdinovan55@gmail.com

В эпоху глобальных изменений семья как основной традиционный институт любого общества естественным образом испытывает воздействие разнообразных перемен, происходящих как в политическом, так и в социально-экономическом развитии современного мира.

Главными факторами, влиянию которых подвергаются семейно-брачные отношения, являются цивилизационные, культурные, когнитивные и др. Африканский континент, ставший местом происхождения не только современного, антропологического типа человека разумного, но и главных форм его социальной организации, важнейшей из которых стала семья, представляет особый интерес для отечественных и зарубежных ученых. Достаточно вспомнить труды таких африканистов, как И.Е. Синицина, Н.А. Ксенофонтова, И.Б. Катагощина, Н.А. Кочакова, Д.М. Бондаренко, П. Бонт, М. Харрис, Лив Тоннесен и др.

Рецензируемая монография посвящена изучению особенностей семейно-брачных отношений, видов и форм «арабского брака» в семи странах североафриканского региона: Алжире, Тунисе, Марокко, Египте, Ливии, Республике Судан и Мавритании. В рамках социальной и культурной антропологии автор подвергает анализу эволюцию этих отношений.

Данное исследование охватывает все главные сферы жизни, включая количественные показатели уровня человеческого развития, переломные исторические моменты и внутреннюю политику этих мусульманских государств в Северной Африке. В фокусе внимания И.Г. Рыбалкиной – изменения, которые происходят в семейных отношениях не только среди высших и средних слоев общества, но и сельского населения. Символично то, что при этом сохраняются многовековые традиционные практики и обычаи, основанные на положениях шариата.

Работа представляет интерес прежде всего и потому, что до сих пор проблема обычного права в Африке рассматривалась лишь в русле традиционной этнографии. И.Г. Рыбалкина расширила проблематику, уделив внимание как внешнеполитическим факторам, так и внутренним социальным процессам в исследуемых странах.

Несомненным достоинством исследования является глубокий анализ отечественных и зарубежных трудов по данной и сходной тематике.

В первой главе, посвященной Алжиру, отмечаются быстрые темпы изменений традиционных стереотипов в семейно-брачных отношениях. Автор акцентирует внимание на так называемой эволюции чувств, которая внедряется в общественное сознание феминистскими движениями, ранее организованными молодыми алжирками с университетским образованием. В настоящее время она охватила все социальные слои.

Отныне многие девушки заявляют, что признают только брак по любви. Общение молодых людей разных полов также не является чем-то сверхъестественным. Но все же по-прежнему немаловажное значение имеют материальное положение, работа и жилищные условия молодого человека, которому родители невесты отдают предпочтение. По этой причине девушки нередко жертвуют поисками брака по любви в пользу «хорошей партии».

В своей книге автор акцентирует внимание на изменениях, происходящих как в городской, так и сельской среде. Безусловно, в городских условиях эта эволюция наиболее заметна: меняются традиционные стереотипы, резко ограничивается (а в Тунисе, например, официально запрещается) полигамия. В связи с повышением уровня образования неуклонно проявляется тенденция к переходу от расширенной к нуклеарной семье. К тому же повышается и средний брачный возраст, что приводит к уменьшению количества детей в семье. Все чаще можно наблюдать стремление молодоженов жить отдельно от родителей. Четко прослеживается феномен безбрачия как для женщин, так и для мужчин.

Во второй главе рассматривается эволюция семейно-брачных отношений в Тунисе. С момента обретения независимости в 1956 г. тунисское руководство последовательно и решительно взяло курс на пересмотр законодательства в отношении социально-политических прав женщин. Юридической базой для развития эмансипации стал новый Кодекс законов о семье и браке, принятый 13 августа 1956 г. Он заменил семейно-брачные нормы шариата. Этот день стал праздником наряду с Международным женским днем 8 Марта. А бывшего в то время премьер-министра (будущего президента) Туниса Хабиба Бургибу стали называть в стране «освободителем женщин».

Тунис отличается от других стран североафриканского региона бóльшим количеством женщин, чем мужчин, получивших высшее образование. Оно есть у одной трети тунисских женщин, родившихся в 1990-х гг., по сравнению с одной четвертью мужчин аналогичной возрастной группы. В результате происходит коррекция возраста в браке: он повышается, что приводит к сокращению числа женщин, которые будут иметь семью. В настоящее время коэффициент фертильности низкий – 2,1 [Assaad et al., 2017, p. 8].

Женщины Туниса добились заметного прогресса в ряде областей социально-экономической и общественной жизни, что позволило многим из них самим распоряжаться своей судьбой. Наряду с повышением общеобразовательного уровня увеличилась доля женщин в народном хозяйстве страны. Возросло их участие не только в социально-экономической, но и в общественно-политической жизни, что, несомненно, повлияло на их семейный статус.

Фундаментальной проблемой современного марокканского общества, которой автор уделяет значительное внимание в третьей главе, является «процесс мутации в семье». Суть его заключается в неспособности института семьи обеспечивать психологическую стабильность для ее членов. И.Г. Рыбалкина квалифицирует это явление как переход от традиционных к новым изменившимся внутрисемейным отношениям вследствие распространения в Марокко системы западного образования, тесных контактов с представителями других культур и изменений в социально-экономической жизни страны. Подтверждение своим выводам автор находит в многочисленных анкетированиях, опросах и социологических исследованиях, проведенных западными учеными в последние десятилетия. Они свиде-

тельствуют о признаках разрыва с устоями традиционной семьи, что стало совершенно новым явлением. Так, в настоящее время семьи с одним родителем составляют 7,7% от всех домохозяйств (соответственно в городах и сельской местности – 9,1 и 6,8%), а в 1982 г. в среднем их было только 6,2% [*Famille*, 1996, p. 31].

В конечном итоге ускорение социального прогресса приводит к изменению поведенческих норм и семейных устоев, которые утрачивают свою ценность у нынешней молодежи. Психологическая дистанция в виде разрыва между родителями и детьми становится более заметной.

К сожалению, анализируя эволюционные процессы в марокканской семье, автор опускает из виду тот факт, что подобные явления происходят и в других странах этого региона, например, в Тунисе.

Что касается одной из самых развитых арабских стран Северной Африки – Египта (глава 4), то в ней, как считает И.Г. Рыбалкина, в отличие от Марокко семейно-брачные отношения находятся в «непрерывном диалоге с прошлым». В частности, здесь брак регулируется обычаями, религией и современной юриспруденцией. Мусульманский брак наделяет значительными правами мужа в обмен на его предполагаемый доминирующий вклад в решении проблем семьи и семейный бюджет. Мужчины ответственны за полное обеспечение своих семей, которые включают не только их жен и малолетних детей, но и зачастую пожилых родителей, незамужних сестер, детей-сирот покойных братьев.

В последние годы в связи с ростом религиозных настроений в стране мужчины часто ставят в качестве условия своего брака ношение невестой вуали. Сейчас замужняя египтянка очень редко не носит вуаль. К тому же санкционированные обществом сексуальные отношения между полами, возможность иметь детей, жить независимо от родителей допускаются лишь для состоящих в законном браке.

Брак в Египте больше, чем в других странах региона, представляет из себя «взаимодействие двух семей, а не создание союза двух индивидуумов». Женщины в Египте воздерживаются от развода, так как дети юридически принадлежат отцу и его семье, поскольку мать не имеет достаточно средств для их содержания.

И.Г. Рыбалкина справедливо отмечает, что, несмотря на воздействие глобализационных процессов, семья в Египте по-прежнему остается основной общественной структурой и социальной опорой в стране.

В пятой главе, посвященной Ливии, автор исследует влияние не прекращающейся до сих пор кровопролитной гражданской войны на семейно-брачные отношения. Конфликтно-кризисные события в этой стране превратили в беженцев сотни тысяч ливийцев, лишив их крова и прочей собственности. А те, которые остались дома, испытывают постоянные психологические и эмоциональные перегрузки из-за разгула насилия, прежде всего в отношении женщин и детей.

Свержение М. Каддафи привело к росту преступности в стране и «открыло двери» для бандитских формирований, бесчинствующих в Ливии по сей день. Люди вынуждены сами себя защищать. Наличие оружия фактически в каждом доме привело и к увеличению случаев домашнего насилия. Эти и многие другие факторы способствуют разрушению семейных связей.

Поскольку до сих пор погибает много людей, преимущественно мужчин, появляется большое число домохозяйств, возглавляемых женщинами. Их можно отнести к разряду беднейших. Увеличивается количество сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, беспризорников. Стоит обратить внимание на то, что в зоне активных военных действий оказались 1,5 млн человек из 6,5 млн, проживавших в Ливии до гражданской войны [*Empowered Decentralization*, 2017].

Вместе с тем распад семейных связей сказался на молодежной среде, в которой чаще распространяется секс без брака, употребление наркотиков, что было немыслимо до войны при правлении М. Каддафи. Враждующие между собой племена и этнические группировки втягивают в вооруженный конфликт молодых ливийцев, отвлекая их от нормальной повседневной жизни. Данное явление И.Г. Рыбалкина справедливо связывает с разрушением школьной образовательной системы. До 2011 г. в стране было всеобщее обязательное бесплатное школьное образование до 9-го класса. В результате показатель грамотности в Ливии был одним из самых высоких в регионе – 88,9% (53-е место в индексе развития человеческого потенциала), в то время как в среднем в арабских странах, по некоторым данным, он составлял 72% [*Положение в Ливии*, 2020].

В настоящее время многие в Ливии считают, что законодательство при М. Каддафи было гораздо прогрессивнее, чем сейчас, особенно те его статьи, где речь шла о браке, разводе и правах наследования имущества. По мнению автора, «завоевания женского движения оказались под угрозой». Новые ливийские власти отменили статью закона, существовавшую при М. Каддафи, по которой мужчине на последующий брак требовалось официальное согласие первой жены, что ограничивало полигамию. Сейчас же Верховный суд утвердил ее как полностью соответствующую нормам шариата.

В работе автор приводит целый ряд примеров других юридических положений современного законодательства, касающихся изменений личного статуса женщины. В них, как правило, коренится глубоко заложенное гендерное неравенство.

Исследуя семейно-брачные отношения в Республике Судан (глава 6), И.Г. Рыбалкина особое внимание обращает на семейное законодательство, до настоящего времени имеющее репутацию самого консервативного в североафриканском регионе. Оно регламентирует все сферы жизни семьи, опирается на самые строгие нормы ислама, отводя женщинам незначительную роль, а мужчинам – доминирующее положение.

Брак для суданцев – устойчивый пожизненный союз, в котором мужчина обладает практически полной свободой и правом иметь до четырех жен. К тому же семейное законодательство в Судане обеспечивает безусловную покорность жены своему мужу и, более того, легализует детские браки. Однако после народной революции и свержения в 2018 г. режима О. аль-Башира, с чьим именем связывали самое реакционное в регионе семейное законодательство, появилась возможность разработки нового. Существующее, основанное на шариате, фактически не подвергалось изменениям. И это несмотря на то, что в течение последнего десятилетия выдвигалось много предложений и рекомендаций по реформированию семейного кодекса и преодолению гендерного неравенства.

После народной революции новое суданское правительство рассматривает возможность подписания Конвенции Организации Объединенных Наций об отмене всех форм дискриминации в отношении женщин. Пока же этого не происходит, так как в суданском обществе доминируют силы, которые считают, что этот «международный документ противоречит законам шариата, понятиям семьи и народным обычаям». Они считают, что чисто западная парадигма прав человека нереалистична в условиях Судана и абсолютно чужда их исконной культуре.

Автор работы убежден, что семейное законодательство со временем будет разрабатываться в пользу суданских женщин, поскольку именно они стали движущей силой революции. К сожалению, в исследовании почти отсутствует анализ семейно-брачных отношений в Республике Южный Судан, образовавшейся в 2011 г. в результате кровопролитной гражданской войны и раскола территории единого государства на Республику Судан и Республику Южный Судан.

Особый интерес вызывает исследование И.Г. Рыбалкиной проблем семьи и брака в таком непохожем на остальные страны региона государстве, как Исламская Республика Мавритания (глава 7). Эти проблемы автор рассматривает на фоне чрезвычайно специфической этно-расовой и сословно-кастовой структуры мавританского общества. В отличие от других стран североафриканского региона население Мавритании издавна делилось на категории в зависимости от расы, статуса, оседлого или кочевого (полукошевого) образа жизни, что, безусловно, отразилось на матримониальных отношениях в этом многослойном обществе. Подтверждением служит тот факт, что о браках договариваются родители, а союзы заключаются в основном в кругу своей социальной или сословной группы. В бедных же семьях нередко выбор спутника жизни предоставляется самим молодым людям.

Современные семейно-брачные отношения в Мавритании соответствуют традиционным канонам исламского брака, когда супруга довольно часто становится «неким приватизированным предметом» частной жизни, жестко контролируемым и всецело зависимым от воли мужа, который осуществляет посредничество в ее взаимодействии с внешним миром. Наряду с шариатом в семейных отношениях у мавританцев важную роль продолжает играть обычное право – адат. В связи с этим немаловажное значение приобретает вопрос о взаимодействии шариата и адата, сложившееся еще в условиях родоплеменных отношений и языческих верований. Но только будучи хорошо осведомленным в обычном праве, можно понять перспективу изменения положения мавританских женщин в семье и обществе.

Специфика семейно-брачных отношений в Мавритании заключается прежде всего в том, что, хотя Коран и позволяет мавританцам иметь до четырех жен, они тем не менее придерживаются единобрачия. Поскольку смена супруги не представляет для мужчин особой сложности, в стране часто случаются разводы. Сдерживающим фактором ухода супруга из семьи является наличие нескольких сыновей, что увеличивает шансы женщины не быть покинутой.

В работе И.Г. Рыбалкиной подробно анализируются изменения положения мавританок в обществе и семье, обусловленные постепенным эволюционным развитием страны, повышением уровня образования женщин, активизацией движений за гендерное равенство и равноправие. Они пока незначительны, но, по мнению автора, неизбежны, пусть даже в долгосрочной исторической перспективе.

К сожалению, вне поля зрения автора осталась незамеченной актуальная проблема анти-черного расизма в Магрибе, а также смешанных браков в регионе, специфика их зарождения и функционирования в рамках традиционных брачно-семейных отношений.

Несмотря на некоторые неточности, книга И.Г. Рыбалкиной чрезвычайно ценна тем, что содержит большой эмпирический материал, дает глубокий анализ состояния семейно-брачных отношений почти во всех странах североафриканского региона. Все это, несомненно, привлечет внимание историков, антропологов и всех, кто интересуется данной тематикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Assaad R., Ghazouani S., Krafft C. *Marriage, Fertility and Women's Agency in Tunisia*. Working Paper No. 1157. Giza: Economic Research Forum, 2017.

Famille au Maroc. Les réseaux de solidarité familiale. Rabat: Centre d'études et de recherches démographiques, 1996.

Empowered Decentralization: A City-Based Strategy for Rebuilding Libya. Washington D.C.: The Brookings Institution, 2019.

Положение в Ливии. Доклад эксперта MSUMUN 2020 [The Situation in Libya. MSUMUN Expert Report 2020 (in Russian)] <https://msumun.ru/ru/committees/sc/report.pdf> (accessed: 10.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

САДОВСКАЯ Любовь Михайловна –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Центра социологических
и политологических исследований, Москва,
Россия. Института Африки РАН, Москва,
Россия.

Liubov M. SADOVSKAYA, PhD (History),
Senior Research Fellow, Centre for Sociological
and Political Sciences Studies, Institute for
African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

ФАХРУТДИНОВА Наиля Зайниевна –
научный сотрудник Центра социологических
и политологических исследований Института
Африки РАН, Москва, Россия.

Naila Z. FAKHRUTDINOVA, Research Fellow,
Centre for Sociological and Political Sciences
Studies, Institute for African Studies, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 14.04.2021
Тираж 240 экз.

Формат 70×100 ¹/₁₆
Зак. 5/1а.

Уч.-изд. л. 23,1
Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук
Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).